

Игорь Шестков КРЫСОЛОВ

KRUE S C H A

International

Literary

magazine

ИГОРЬ
ШЕСТКОВ

КРЫСОЛОВ

Сборник
рассказов

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛГА ФЕДОРОВА**

Игорь
ШЕСТКОВ

КРЫСОЛОВ

Избранные рассказы

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2023

УДК. 821.161.8'37-4
Ш-37

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Шестков И.

Ш-37 Крысолов / Игорь Шестков — Друкарський двір
Олега Федорова 2023 — 448 с

ISBN 978-617-8082-48-2

Игорь Шестков (Igor Heinrich Schestkow)
Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ.
Работал в НИИ. В восьмидесятых годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Крысолов» вошли двадцать восемь его рассказов.

УДК 821.161.8'37-4

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК) © Шестков И., 2023
ISBN 978-617-8082-48-2 © Федоров О.М., видавець, Київ 2023

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА ИГОРЯ ШЕСТКОВА

«Холодной осенью 197... года моя добрая бабуля выпросила у моего скуповатого деда триста пятьдесят рублей мне на зимнее пальто». Так начинается это путешествие в (не)далекое прошлое русского эмигранта Игоря Шесткова, живущего в Берлине. У него вышло много книг, даже целый шеститомник в далеком Санкт-Петербурге, и теперь вот перед вами книга его избранных рассказов «Крысолов». Они тоже, наверное, для избранных, готовых снова и снова плясать под дудку автора — точнее, его волшебную флейту, на зов которой к нему сбегаются сюжеты. Словно бродячие собаки? Крысы? Преданные читатели? Возможно, избранные — даже не те, кто в свое время уехал из Советского Союза и постарался вписаться в чужую реальность, а те, кому до сих пор интересно, чем все это, не по Довлатову, закончилось. Особенно у того, кто сам, как Шестков, пишет эту самую реальность, въехав в нее то ли верхом на птице-тройке, то ли в кибитке Чичикова, и совмещая в своей прозе и советский сантимент, и западный сюр, и личное (нехорошее) отношение к лошадям прогресса. А все почему? Дело в том, что в той жизни, словно в музее, «люди и лошади застыли в искусственных противноклассических позах», а здесь другое. У Шесткова — путешествие в неизведанное (по крайней мере, для нас, извозчиков постсоветской кобылы), напоминающее порой то ли Кафку, то ли кашку во рту, как у актера Юрского. Почти такого же далекого, как и период, о котором речь в этой книге.

Что сказать читателю Шесткова, сидящему в кресле или лежащему на диване с книжкой в руках? Еще не уехавшему, но уже мечтающему о белом пароходе. Говорят, кто никуда не

ездил, тот побывал всюду. Но написал ли он что-нибудь, кроме хваленного русского постмодернизма, где негров в Америке, как известно, нет, поскольку герой одного их там не видел? Персонажи рассказов Игоря Шесткова, как и их автор, нигде не бывая, живя в Советском Союзе, оказались сразу в нескольких мирах, вырвавшись, словно их создатель, из тогдашней Империи зла, как называли их Родину в далекие и не очень времена. И в этом отличительная черта прозы Шесткова — в одном рассказе о советском студенте у него может быть вставлена и целая история западного искусства, и психология маленького человека того времени. «Какое мне дело, как выглядели камзолы, ботфорты и спесивые мины в париках такого-то испанского вельможи и его набожной супруги с перламутровым крестиком на дебелий груди?» — пожимает плечами герой, которого не всегда стоит идентифицировать с автором, который, как узнаём из его биографии, в ранний период своей эмиграции часто захаживал в галереи и музеи.

Помнится у Набокова, которого автор книги справедливо недолюбливает, в самом начале романа «Дар» была надпись на фургоне, точно так же заигрывающая с реальностью и пытающаяся «пролезть в следующее по классу измерение». У Шесткова игры другого плана. Здесь в далекую и безрадостную перспективу летят не буквы, а люди. Так, в рассказе «Спутник» офисный работник на отдыхе в Испании вдруг оказывается Санта Клаусом с рекламы «Кока-колы» на боку автобуса. Почти фургона, да. Упомянутый Кафка с его «Превращением» при этом отдыхает, поскольку во всех своих рассказах автор не бросает своих героев после того, как они превращаются в очередных тараканов, а проживает с ними всю оставшуюся жизнь. Любовно, с пониманием. Словно психиатр, которому пациент рассказывает, что, выпивая пиво, он съедает только кружку, а ручку оставляет. Странно, думает психиатр, ведь ручка — это же самое вкусное. Не этот ли доктор по имени Шнабель «заявил, что я галлюцинирую, и рекомендовал шалфейные ванны и чай Даржилинг», как в одноименном рассказе, навеянном предчувствием глобальной смертельной эпи-

демии? Абсурд, как водится, абсурдом, но картина знакомая, апокалиптическая. «Дождевую воду, воду из рек или водоемов пить нельзя. Мы пополняем свой запас воды на неразграбленных складах крупных торговых сетей, так мучивших нас прежде своей несносной рекламой. А на невзорвавшихся бензозаправках высасываем специальным насосом дизельное топливо». Или это реалии Безумного Макса? Что говорить, если в этих рассказах даже Кафка навыворот и наоборот. « — Господин Сомна! Господин Антон Сомна, я знаю, что вы тут, откройте! — Входите, не заперто. Ко мне ввалился человек-жук, старший полицеймайстер Мюллер... в новеньком зеленоватобежевом мундире». Как вам такое «превращение»?

Кроме всего прочего, рассказы Шесткова — это еще и целая энциклопедия (советской) жизни и (зарубежных) знаний. Ведь и дедушкино пальто, и даже мамини лыжные ботинки — все это из нашей общей биографии, а не только из рассказов «Крысолова». В те суровые времена женщина была друг, товарищ и брат, и большинство вещей из ее гардероба — противогаз, штаны, трехлинейка — вполне могли подойти молодому советскому джентльмену. Возьмем, например, совершенно реалистичный рассказ «Литовский коридор» о поездке на Родину. Его герой везет с собой дефицитные товары, нужные там всем без разбору — кофе, шоколад, колготки. Доехал ли он? Узнаете сами, хоть это, в принципе, не важно. Отличительная черта поэтики Шесткова состоит, кроме всего прочего, в том, что не только реальность в его прозе оборачивается фантазмагорией, но и наоборот — ночной кошмар становится обычной явью. Вот почему почти все так называемые путешествия героя в этой книге — на самом деле, бегство. И, как правило, не куда-то, а от чего-то. Даже когда герой, как говорится, ищет себя или упомянутую Родину — в собственных фантазиях или снах. Во-первых, как нам напоминают, «никакого “раньше” больше нет», ведь «лечить зубы у гарнизонного лекаря было также больно, как и в нашей районной поликлинике у метро Профсоюзная», а все попытки вырваться из заколдованного круга (памяти, ностальгии,

советских ужасов) почти никогда не увенчиваются успехом. «Вокзал был закрыт. Я сел на грязную лавку на перроне. Дул холодный сырой октябрьский ветер. Казалось, что он срывает с неба ошметки облаков и бьет ими меня как мокрыми тряпками по щекам».

Не знаю, стоит ли писать об этом в предисловии, и придаст ли сие шарму рассказам Игоря Шесткова, но все они, словно по Борхесу, который о четырех сюжетах мировой истории, укладываются в парадигму классической литературы. Про пальто — в гоголевскую «Шинель», и даже название рассказа «Портрет», чуть промахиваясь, все равно на это намекает. (Хотя, сам автор, возможно, настаивал бы на бурлеске о шубе Остапа Бендера, построенной, словно дворец, и раздербаненной в финале румынскими пограничниками.) Кстати, что купил герой рассказа вместо пальто, тоже интересно будет узнать — ведь это начало истории самого автора. Точнее, его стиля, в котором повествование начинается будто в обычной городской прозе, а продолжается... Например, в Ялте, как у Булгакова, где «морская вода воняла мочой», «вечерами отдыхающие танцевали и выпивали тысячи бутылок белого и розового Муската», а «из открытых окон пансионатов и санаториев доносились слова популярных песен: Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никогда никому не скажу...»

Хотя, во-первых, все-таки Гоголь, немислимые фамилии героев которого — Яичница, Держиморда и даже Хлестаков — могли раздражать только эстета Бунина. У Шесткова все взаправду с именами, слегка измененными, а вот эстетику не упрятать за ворот, как салфетку. Юный герой у него «положил себе в тарелку две больших ложки салата оливье с куриным мясом и увесистый кусок пирога с капустой, из которого вывалился оранжевый кусочек желтка». «Я хочу Подколесина!» — кокетничала актриса у одесских классиков, а на сцене ели яичницу. Словно героя пьесы, да. У Шесткова в прозе погоголевски тоже много едят, и это, опять-таки, многое символизирует. Как и Луна в рассказе «Прозрение Карла», которую по-прежнему делают из сыра. От некоторых рассказов этой

книги действительно хочется есть. Не как у Олеши, коричневую жижу из консервных коробок, а, скажем, омлет с тем же сыром, на котором у Шесткова будто бы помешался Герман Гессе, уехав в Индию «разводить там каких-то особых пчел для приготовления специального воска, которым покрывают головки Эмменталя».

Во-вторых, Герберт Уэллс. Ведь что в этой прозе? С вышеупомянутой «туристической», то есть, литературной точки зрения, а? «В СССР я, как и все мы, был невыездным, — напоминает герой одного из рассказов. — Тут же я изъездил всю Европу. Побывал на Святой Земле, в Турции, Египте и Марокко. Дважды посетил Америку. Видел там индейцев». (А вы говорите, негров там нет.) И речь, заметьте, все о том же описании, а не проживании действительности! У Шесткова она, конечно же, фантастическая, «на границе реальности и метафизики», как и было предсказано. Или страшная неумолимая реальность, описанная в рассказе «Крысолов», которая неумолимо приближается, или чистый восторг с сюрреализмом вкупе — попасть в прошлое, причем не обязательно советское, но какое-нибудь фламандское, и жить в нем, пока не зашвистит чайник на плите, и мы не очнемся. Было ли все это на самом деле? Стоит, поверьте, узнать, прочитав книгу этих рассказов, подаренную нам настоящим мастером.

Кирилл Андреевич

ПОРТРЕТ

Холодной осенью 197... года моя добрая бабуля выпросила у моего скуповатого деда триста пятьдесят рублей мне на зимнее пальто. Старое, английское, которое я донашивал после отца, прохудилось. Триста пятьдесят рублей для вчерашнего студента, а ныне младшего научного сотрудника — сумма астрономическая. Искушающая и наводящая на размышления.

Три месячных зарплаты истратить... на пальто? Фи.

Цепочка, приведшая бабушку к шикарному ратиновому пальто с каракулевым воротником, была длинной и сложной, если сравнить ее с горной тропой — петляющей и труднопроходимой. Но бабушка прошла ее до конца. В магазине «Синтетика», кажется в отделе тканей, работал товаровед А., близкий знакомый поварахи Б. из ресторана «Университетский», повариха эта приходилась двоюродной сестрой второму помощнику главного архитектора Центракадемстроя, старинному интимному приятелю красавицы художницы В., фаворитки всесильной московской старухи Г., вдовы замминистра здравоохранения и поклонницы известного экстрасенса Д., с которым моя бабушка познакомилась в Академической больнице. Экстрасенс подошел к сидящей в кресле и читающей «Лолиту» по-французски бабушке и тихо проговорил, не открывая рта: А вам не кажется, что эта книга высокомерна и написана неестественным вычурным языком, по крайней мере, в русском варианте?

Бабушка вздохнула, опустила глаза и парировала: По-французски читается легко и приятно. Хотя тут так много секса с детьми...

Так вот, с женой этого товароведа дружила ее одноклассница Е., работавшая в кассе консерватории, гигантша, эфед-

ринщица и черная мизантропка. Дочь гигантши, тоже гигантша, но оптимистка и страстная филокартистка зарабатывала себе на булочки закройщицей в загадочном магазине за ЦУМом. В магазине, не имеющем ни неоновой рекламы, ни даже вывески, но полном качественных товаров, о которых обычные москвичи могли только мечтать.

Моя бабушка активировала цепочку своим еврейским гальванизмом. Не без помощи шоколада, коньяка, цветов и других предметов и услуг, подаренных и оказанных вышеперечисленным лицам различными знакомыми. Оптимистка-филокартистка, например, получила в подарок набор открыток «Шляпки и Мода», выпущенный в Брюсселе в 1899 году, ее мать — маленькие позолоченные часики, помощник архитектора — абонемент на семейный номер в Сандуновских банях на год, а экстрасенс стал обладателем «Истинной жизни Себастьяна Найта» в оригинале.

На очередном домашнем празднике бабушка устроила что-то вроде церемонии присяги ратиновому пальто. Попросила меня при всех обещать, что я не потрачу деньги на что-либо другое, и вручила мне почтовый конверт «Аэрофлот». На конверте был изображен самолет Як-40. Я подумал невольно, уж не тот ли это самолет, который не так давно — столкнулся с горой.

Конверт я спрятал в карман брюк, потом сел, положил себе в тарелку две больших ложки салата оливье с куриным мясом и увесистый кусок пирога с капустой, из которого вывалился оранжевый кусочек желтка. Подцепил вилкой и отправил в рот два сочных анчоуса, пожевал, проглотил, отведал салата, убедился в том, что он очень удался, хотя и был жирноват, налил себе полрюмки белого вина, пригубил. И только затем встал и поблагодарил дедушку и бабушку за подарок и торжественно обещал купить пальто сегодня же.

А за спиной скрестил пальцы.

Через час я покинул наше семейное гнездо и направился... нет, не в переулок за Цумом, а совсем в другую сторону, на Октябрьскую площадь, в антикварный магазин.

Почему в антикварный, а не, скажем, в букинистический?

Потому что я давно присмотрел там небольшой портретик одного странного старика, стоимостью ровно в триста пятьдесят рублей. Честная работа, не шедевр, но меня очаровала. Да так крепко, что я готов был не на шутку разозлить деда и расстроить мою вечно хворающую бабушку. Готов был, даром что совок, топать еще неизвестное количество лет в рванине как Акакий Акакиевич.

Ладно, — уговаривал я себя, реагируя на электрические уколы совести — заработаю как-нибудь и сам на пальто. Займусь репетиторством. Дураков вокруг — несчитанные тысячи. И все хотят, задрать штаны, учиться в МГУ. Два часа синусов и косинусов — десять рэ с рыла. К следующей зиме подкоплю деньжат. Бабушку вот только жалко, будет бедненькая плакать из-за чертовой тряпки.

...

Вообще-то я живопись не люблю. Настроение... Композиция... Масляна головушка, шелкова бородушка.

Больше всего не люблю томных мадонн с голожопыми младенцами. Бее...

Не на много лучше мадонн — распятия, ландшафты и портреты.

Никогда не забуду выражение глаз молодых японок в Картинной Галерее в Карлсруэ. Фарфоровые девушки трепетали перед огромным распятием Грюневальда как волнистые попугайчики перед раскаленными воротами ада. Сбились в стайку, перестали ворковать, вцепились крохотными пальчиками с цветными флуоресцентными коготками в лакированные белые сумочки с золотыми цепочками и маленькими пластиковыми куколками. Футуристическая Азия с изумлением и страхом застыла перед страшной образиной средневековой Европы.

Ландшафты невыносимо скучны. Красота и живописность нарисованных деревьев — и стволов и веток и листьев — только подчеркивает их безжизненность. Ветерок не веет, бабочки не порхают, пчелы не жужжат, вода не струится, люди и лошади застыли в искусственных противноклассических позах. Все слишком красиво или чересчур безобразно, навязчиво символично или подчеркнуто естественно. Цветасто.

Авторы портретов, этих ландшафтов из бород, носов, губ, из драпировок, воротников, рукавов и панталон, этих закатанных в полотно, как жертвы мафии — в бетон, торсов, бюстов, голов, уверены, что у зрителя слюна набегает во рту и щеки чешутся из-за жгучего интереса к изображенным персонам. Но, господа, какое мне дело, как выглядели камзолы, ботфорты и спесивые мины в париках такого-то испанского вельможи и его набожной супруги с перламутровым крестиком на дебелий груди?

Почему меня должны волновать — белизна жабо голландского чиновника, невероятная крючковатость с безжалостным реализмом переданного носа (ноздри как бы подрезаны, на кончике — синие жилки) антверпенского ростовщика и лоснящиеся жиром плечи и наливные яблочные щеки какой-то застенчивой фламандской фемини?

Да, во время жизни человека, а иногда и несколько лет после его смерти, эти трудоемкие заменители фотографии еще имеют какой-то смысл. Сохраняют память о дядюшке, во время умершем и оставившем — вот уж никто не ожидал — кучу серебряных талеров, выжатых им из простого люда. Или о зловещем генерале, без колебаний пославшем пятьдесят тысяч солдат на верную гибель только для того, чтобы прослыть непоколебимым и жестоким среди таких же, как он, сверкающих позументами, чиновных убийц.

Сам не понимаю, чем меня приворожила эта неказистая картинка, висящая в темном углу антиквариата на Октябрьской. Ничего, кроме пугающего чувства дежавю она во мне не вызывала. Но почему-то тянула, гипнотизировала, заставляла себя рассматривать.

Когда я платил, продавец — курносый выжига с обезьяньими бакенбардами, заворачивая портрет в бумагу, хихикал, гримасничал и бормотал: Хм, портретик на фоне городского ландшафта. Хи-хи-хи... Неизвестный художник. Надписи на вывесках умопомрачительные! Обратите внимание. Антрацит Кокс. Хм... Брутально! Искусствоведу показывали, он только головой качал и твердил — восхитительно! Сюрреа-

лизм прямо. Станный какой-то дед, уставился вроде и сказать что-то хочет. Тут уборщица одна на него вечером загляделась. А потом — бряк, и в обморок грохнулась. Чуть мраморную вазу с княгиней Дашковой не разбила. Говорила, старик этот ожил и губы синие из картины вытянул. Уволилась даже. Принес нам этот портретик какой-то пожилой очкарик лет семь назад. И пропал, как в воду. На комиссию взяли работу. Оценили в тысячу двести рублей. Как-никак — 1910 год. Три раза уценяли. Но никто не купил. Что я вру, постойте, один богатый дядя купил года четыре назад. Еще за шестьсот. А на следующий день вернул портрет и деньги потребовал. Что-то он такое рассказывал. Все ржали. Хм... Какие у вас пятидесятирублевки новые. Сами печатали?

...

Дома мою попку ожидал вбитый в тонкую стену между комнатой и кухней толстый гвоздь с шляпкой. Я натянул между двумя колечками на обратной стороне рамки медную проволоку и повесил портрет на гвоздь. Потом принял ванну. В воду подлил лечебного елового экстракта. Прочитал в ванной «Посещение музея» Набокова. Тема любопытная. Гулял, гулял эмигрант по провинциальному музею, заблудился и вышел... в советском Ленинграде, — в России... безнадежно рабской и безнадежно родной. Подивился, какой же неловкий, нерусский язык у Набокова: «я был застигнут сильным дождем, который немедленно занялся ускорением кленового листопада: южный октябрь держался уже на волоске».

Каждую третью фразу нашпиговывает сардонический писатель каким-нибудь рахат-лукумом, иногда получается блестяще, а иногда текст проваливается. А вот Хармс, напротив...

Пужинал. Сел за письменный стол. Прикидывал и записывал в тетрадку, куда надо завтра забежать, с кем поговорить, что сделать. Провозился до часа ночи. Глаза слипались, тело ныло. Еле дотащился до дивана, лег, не раздеваясь, и тут же провалился в сон. А в четверть пятого проснулся. Что-то меня разбудило. Как будто меня позвал кто-то, по щеке потрепал и сказал: Пора.

Я инстинктивно посмотрел на портрет. Ничего... Висит себе.

Позевал, сел перед ним на стул, осветил настольной лампой и стал рассматривать. Красочный слой был загрязнен и покрыт пылью. Принес чистую влажную тряпочку, капнул на нее каплю водки и осторожно протер поверхность. Картина ожила.

Город. Сумерки. Снежок сеется с мутного неба. Старик на фоне улицы. Черный котелок. Широко расстегнутая лисья шуба. Под ней — темный сюртук. Похоже на мундир. Чиновник что ли? Или пожарник? Галстук почему-то пунцовый, как у пионера. Лицо узкое, выразительное, в морщинах. Смотрит как-то ошалело. Обманщик? Фокусник? Шулер? Сутенер? Сумасшедший? Кого-то он мне ужасно напоминает.

Улица убегает вдаль. Дома солидные. Невский проспект? Вроде бы в конце Адмиралтейство виднеется. Или не Невский? Кажется, в старой Москве таких прямых улиц и не было вовсе. Всегда была кривобока.

Нарисовано, видимо, в один присест, на улице. Письмо небрежное. Малевал мазила как умел, только надписи на вывесках прорисовал аккуратно тонкой кисточкой. Или заостренной палочкой процарапал. Подпись не поставил, но датировал работу двадцать первым января 1910 года.

Ба... да он тут и рекламные объявления написал... почитаем. Крохотные букочки. Ага, вижу, повеселился живописец. Порезвился, как стрекозел на цветочном лугу.

Исключительная продажа готового мужского платья.

Руслан. Средство от насекомых.

Красивая грудь. Рыбо-Коптильная торговля Владимира Соловьева.

Далматская ромашка. Самокрасящие гребенки Фор.

Жидкость от клопов и тараканов. Духи от комаров.

Чай Сергея Алексеевича. Слабительное Арагац. В пилюлях.

Швейные машины. Без вкуса. Без запаха. Парфюмерия русских бояр.

Синема театр Паризиана. Девочки-беляночки.
Трик-трак в полночь. Захватите пистолеты.
Ресторан Доминик. Женщина, которая не улыбалась.
Пух и Перья. Общество страхования жизни Эквитебль.
Перуин Пето. Лучшее средство для ращения бороды.
Реестр квадратов. Совершенно даром.

Только вот, почему он эти надписи в современном написании, без всяких ятей воспроизвел? Что-то тут не так. Современный портретик-то... надули меня... датировка — блеф... зачем ему было блефовать? Чтобы цену завесить. Начали с 1200 рублей. Рассказы про уборщицу тоже блеф.

Портрет левый. Висел себе... в ожидании лоха... И вот пришел я и дедовы деньги отдал. Вот тебе и Перуин Пето.

Карл Булла. Крем Лиссабон. Добро пожаловать в бани Симоновича.

Лучшие музыкальные шкатулки.

Обильный, вкусный стол влечет за собой удручающие запыры.

Алеф-Нуль. Ночлежный дом. Песен не петь. Вести себя тихо!

Гипнотизм и личный магнетизм.

Кривые и уродливые носы могут быть исправляемы и улучшаемы тайно у себя дома.

Лотерея Аллегри. Ломбард Шапокляк. Счастливые камни.

Настоящий рижский бальзам завода Юлий Цезарь. Балерина Муха.

Продажа бумаги писчей, почтовой, рисовальной Ивана Васильевича Жука.

Цветочный Одеколон Брокер. Качество вне конкуренции.

Грамофоны Бурхард. Зрелище электрического мира.

Гвинтер, Финтер, Жаба. Товарищество Костанжогло.

Заведение Виктория. Богемский Хрусталь Графа Гарраха.

Нотариус Китославский.

Театр для мужчин Аквариум. Рабинович и Ридник.

Искусственные зубы как у акулы.

Театр для дам Зоология.

Я чувствовал себя надутым шариком. Сжимал кулаки и строил планы мести. Да, кстати, он упомянул «Кокс Антрацит». Что-то не нашел я такой надписи. Где же она? Я уткнул нос в портрет, искал-искал, но тщетно. Тьфу... и тут надул... Портрет пах рыбьим клеем и краской. Старая живопись так не пахнет...

Тут мне показалось, что из картины донёсся какой-то шум. Я оторопел.

Да... шум, как в радиотеатре... вроде конка едет... разговор... газ в фонаре шипит... колокола... свист... гудки паровозов...

А это что за сапоги всмятку?

Лицо старика... как будто изменилось. Прищурился старик. Потом глаза закрыл и открыл рот... А теперь наоборот, открыл глаза, а рот закрыл. И вдруг... вытянулся из портрета как язык хамелеона, схватил меня за нос и дернул на себя. И я... что за... уменьшился как Алиса в комнате с кроликом и упал в картину, как бильярдный шар в лузу. А портрет вдруг стал глубоким как колодец. И стал я в этот колодец падать. И растерял я в падении все, что еще было мной.

...

Обрел себя я вновь в теле горного инженера Ульриха Тролля в тюрингском городке Зонненберг. Я стоял на Рыночной площади. Рядом — карета с кучером. Меня обступали какие-то люди. Я обратился к ним с короткой приветственной речью на немецком языке. Пожал несколько рук, поулыбался, покивал головой и поехал в гостиницу. Там меня поприветствовали и отвели в номер. На изящном ореховом столике лежала свежая газета. От 23 августа 1875 года.

На следующий день я приступил к работе, спустился в шахту, осмотрел заброшенное месторождение серебряной руды. Начал набрасывать чертежи необходимых построек.

Через месяц на концерте духового оркестра я познакомился со стройной полногрудой девицей Евелин Бецнер, влюбился в нее и, не долго думая, предложил ей руку и сердце. Мы купили дом и небольшой садик, наняли прислугу. В после-

дующие пять лет у нас родилось трое детей. Случившееся со мной я воспринимал как данность, старался об этом не думать, никому ничего о другой моей жизни не рассказывал. Радовался, что меня не перенесло в окопы какой-нибудь войны или не забросило в суп к каннибалам.

Немецким языком и ремеслом горного инженера я владел в совершенстве — знания эти пришли ко мне тогда, на рыночной площади, вместе с новым телом и судьбой. Тогда же во мне появились вдруг — воспоминания о немецком детстве, которое я, оказывается, провел в городке Аннаберг в Рудных горах... Учился я в Горной академии во Фрайберге... Позже я посетил живущего там отца, высокого, сухого и холодного старца, отставного юриста, положил цветы на могилу матери.

Новая жизнь моя текла быстро, как в кино, но это была подлинная, полнокровная жизнь. Лечить зубы у гарнизонного лекаря было также больно, как и в нашей районной поликлинике у метро Профсоюзная, мои дети и жена болели настоящими болезнями, подчиненные мне горнорабочие однажды, во время пьяной драки, искалечили друг друга, и я чуть не лишился места. Ходить по улицам Зонненберга можно было весной и осенью только в калошах, жалованье я получал золотыми и серебряными монетами, радио, телефона и телевизора не было, но их с успехом заменяло живое общение между людьми. В Зонненберге была превосходная библиотека, там хранились и с полтысячи русских книг. Телеграф и железная дорога работали прекрасно. По воскресеньям мы ходили в лютеранскую церковь. Моя семейная жизнь протекала мирно и счастливо. Меня дважды награждали и в один прекрасный день даже выбрали председателем городского отделения «Германского Общества Любителей Минералогии».

Какая нелепость... с немцами конца девятнадцатого века мне было значительно легче сосуществовать, чем с соотечественниками в прошлой жизни в Москве. Они были спокойнее, практичнее, проще, чем советские люди, может быть, потому,

что — в их подвалах еще не было мертвецов. И я в этом новом мире не раздражался, не страдал по пустякам и не бесился по любому поводу.

В СССР я, как и все мы, был невыездным. Тут же я изъездил всю Европу. Побывал на Святой Земле, в Турции, Египте и Марокко. Дважды посетил Америку. Видел там индейцев. Они напали на наш поезд, но были отогнаны солдатами охраны.

...

Естественно, у меня захватывало дух от одной мысли, что я знаю будущее. Меня не страшило то, что я живу среди давно умерших людей. Иногда мне казалось, что все вокруг не настоящее. Что я живу не в реальности, а в какой-то ее проекции неизвестно на что. Но подобные мысли приходили ко мне и тогда, когда я жил в Москве в своей однокомнатной кооперативной дыре и вынужден был из-за ста пятнадцати рублей в месяц пять раз в неделю посещать нашу паршивую лабораторию.

Я подумывал о том, не поехать ли мне в Париж, найти там Ван Гога и помочь ему. Или Дега... Ну и купить у них с десяток картинок, так... для потомства.

Еще сильнее мне хотелось: в семидесятых — посетить Симбирск и придушить там мальчика Володю Ульянова, в восьмидесятых — отправиться в Гори и пристрелить маленького Сосо, а позже, в начале девяностых — сделать тоже самое с другим ребенком, Адольфом Алоисовичем.

Будь на моем месте Че Гевара или Ричард Львиное Сердце, они, наверное, так бы и поступили, но я на подвиги способен не был, жил тихо, удовлетворяясь ролью наблюдателя. Раз только не удержался... за год или за два до смерти Чехова приехал в шварцвальдский Баденвайлер и пробыл там несколько дней, узнал, где остановились Антон Павлович и Ольга Леонардовна, бродил, бродил недалеко от их дома, но близко подойти так и не решился, не хотел навязываться. Видел их только издалека.

В конце девяностых я овдовел, дети к тому времени уже покинули дом, денег у меня было достаточно, чтобы безбедно

прожить не одну, а три старости, я уволился с работы, переехал в Баден-Баден, снял там квартиру и посвятил свою жизнь собиранию экзотических минералов и окаменелостей. Начал писать «Записки горного инженера». Бродил по окрестностям. Иногда катался за Рейн, в Страсбург, тогда еще прусский, чтобы полакомиться сырами и птичьими паштетами.

Потихоньку подступила старость, я чувствовал, что одряхлел, что теряю ясность соображения. Мои дети и внуки приехали со всех концов Германии, поздравить меня с семидесятипятилетием. Юбилей удался на славу, но я был рад, когда все закончилось. У меня часто болели ноги и желудок. Я очерствел и то и дело погружался в депрессию. Характер у меня испортился. Жизнь подходила к концу.

В середине января 1910 года я переборол себя, собрался с силами и отправился в Россию, в Санкт-Петербург. Мне не хотелось умереть, так и не раскрыв тайну моего перевоплощения, я решил во что бы то ни стало отыскать художника, нарисовавшего портрет, сыгравший со мной такую фантастическую шутку, и его модель.

Я надеялся найти их на Невском двадцать первого января, в сумерки.

И вот, я на вокзале в довоенном, дореволюционном Петербурге.

Какая роскошь! Какая бедность! Нет слов...

Снял номер в гостинице «Лондон».

...

Завтра ТОТ день, двадцать первое.

Место, с которого художник рисовал улицу и старика, я обнаружил еще несколько дней назад. Вывески на фасадах конечно были другие. Но дома, церковь, Адмиралтейство — все было как на портрете. Но вот же незадача! Ночью дерзкие воры украли мою бобровую шубу, шапку, два чемодана и бумажник. Осталось у меня только то, что случайно оказалось в кармане брюк. И десять золотых монет, которые я носил из предосторожности в поясе. Хорошо еще, что я, по давнишней привычке, оплатил пребывание в гостинице вперед. Полицией-

ский чин записал в записную книжечку мои показания и обещал найти преступников. Надо было идти на проспект, а я не знал в чем. Официант в ресторане посоветовал мне посетить меховой магазин Андропова за углом и купить там верхнюю одежду. Я последовал его совету.

Приказчик, узнав о моих несчастьях, предложил мне за дешево отечественную лисью шубу, слегка поеденную молью, и новый английский котелок модели 1890 года и обещал приложить к ним бесплатно красный шелковый галстук и темный форменный сюртук инженера путей сообщения.

Только напялив все это барахло на себя и посмотрев в огромное андроповское зеркало, я догадался, кем был тот старик на портрете. И похолодел от ужаса. Ощущение, что все вокруг — ненастоящее, болезненно усилилось.

Я вышел из магазина на улицу как лунатик. Сильный порыв морозного ветра сбил меня с ног. Я встал, отряхнулся и пошел на Невский. По дороге мне казалось, что люди и животные как-то странно на меня смотрят, с издевкой, что ли, а фонари мне глумливо кланяются.

На фасадах домов показались другие вывески и рекламы — те самые, с моего портрета, а старые исчезли. Каменный мост на Фонтанке с грохотом обрушился в воду, как только я по нему прошел, вслед за ним начали падать и доходные дома, и дворцы, и церкви... В белесом мареве исчезали пешеходы и всадники, тумбы и столбы, земля расступалась и засасывала урбанистический мусор в свои кромешные глубины.

Когда я наконец подошел к заветному месту, город на Неве уже невозможно было узнать.

Через несколько секунд от него не осталось ничего, кроме заснеженного поля, из которого торчали несколько чахлах осинок и березок. В сумеречном свете казалось, что снег переливается лиловатыми огоньками, а по краям поля колеблется как пена на ветру редкий темно-лиловый лес.

Прямо передо мной стоял открытый мольберт с красками и портретом.

Бородатый, одетый в черное, похожий на Таможенника Руссо художник, сказал: Наконец-то пожаловали, сударь,

встаньте-ка пожалуйста вот сюда, смотрите на меня и не двигайтесь. Расстегните шубу. И молчите, слова, как вы уже вероятно догадались, тут бессильны и неуместны. Мне осталось сделать только несколько мазков. Сейчас все кончится... или начнется... это уж на ваш вкус.

...

Мой старый будильник показывал без четверти пять. Мне надоело пялиться на этот дурацкий портрет. Я встал со своего стула, откинул клетчатую занавеску и посмотрел в окно. Моросил холодный осенний дождь. Влажный асфальт был черен как воронье крыло, все остальное — дома, деревья, панельные девятиэтажные дома и небеса над ними — было коричнево-серым. Огромный московский двор зиял во всей силе своего безобразия.

Превозмогая слабость и зевоту, я снял портрет с гвоздя, оторвал от рамки медную проволоку и запаковал его в пять слоев газеты... перевязал тесемкой... а утром взял с собой на работу. После обеденного перерыва я не вернулся в лабораторию, а поехал в антикварный магазин, отдал там незнакомому продавцу портрет и квитанцию, показал надписи, обещал пожаловаться... и получил свои деньги назад. Затем заехал к филокартистке, расплатился с ней и забрал пальто. Надел новое пальто и поехал к бабушке.

Она не могла наглядеться на обновку. Гладила благородный каракуль и удовлетворенно кивала головой. Предложила мне кусок пирога с капустой и оставшийся после гостей салат. Я поел, выпил чашку сладкого чая и сказал бабуле: В следующий раз положи, пожалуйста, в салат поменьше майонеза.

ДОМА

Путешествуя по дальним странам, я потерял счет дням и годам.

Когда почувствовал, что скоро потеряю и свое место в пространстве, испугался и поехал домой. В город, в котором когда-то жил.

Решил провести остаток жизни в своей старой квартире на четвертом этаже пятиэтажного дома, облицованного голубоватым камнем.

Квартиру эту я оставил пустой. Продал перед отъездом и мебель, и живопись, и коллекцию мейсенского фарфора, и книги...

Не думал тогда о возвращении, о старости. Я был еще сравнительно молодым человеком, и меня неодолимо тянули к себе — загадочный город в горах Мачу-Пикчу, таинственные резные ступы Боробудура, гигантские улыбающиеся лица погруженного в нирвану Будды, оплетенные мощными корнями, в Ангкоре и солнечные и лунные пирамиды города богов Теотиуакана. Еще больше будд и ступ тянули к себе пахнущие гвоздикой нежные женщины с Молуккских островов и темпераментные латиноамериканки.

Хотел было и квартиру продать, даже договорился с маклером о цене, но в последний момент передумал.

А потом... через много-много лет странной жизни, жизни туриста, сибарита, наблюдателя, когда глаза насытились экзотическими красотами, нос устал от пряных ароматов, а тело изнемогло от наслаждений... начал вспоминать свою жизнь до отъезда... вспоминать мужчин и женщин, которых знал и любил в городе, давшем мне когда-то пристанище.

Думал о них и по дороге домой.

Перебирал как четки лица, тела, события, сцены. Качаясь в заполненных пестрым людом перуанских поездах, борясь

с тошнотой в неудобном автобусе, поднимающемся и спускающемся по бесконечным серпантинам боливийских Анд... и падая в воздушные ямы вместе с самолетом местных авиалиний Аргентины.

Полет из Буэнос-Айреса во Франкфурт проспал мертвым сном без сновидений.

Впрочем, перед тем, как проснуться, неожиданно увидел первую леди Америки Меланью Трамп. На арене цирка. Она очаровательно улыбнулась и скинула платье... послала мне воздушный поцелуй. А я достал толстый кнут и громко им щелкнул. Меланья заржала и побежала по кругу. Хорошенькая белая лошадка. С золотыми колокольчиками на гриве. Публика бешено заплодировала.

...

Квартиру я купил на гонорары от первой — в долгом ряду неудач — и последней моей коммерческой публикации. Написал триллер. С убийствами, похищениями, погонями, каннибализмом, инцестом и двумя злодеями-близнецами, богачами и извращенцами. Знакомый кёльнский издатель издал этот ужасный роман, рискуя собственными деньгами. Но не прогадал.

Ни один герой этого текста не был оригинален, ни один диалог не был живым, ни одна коллизия не возбуждала во мне гордого чувства авторства. Халтуру мою раскупили за неделю. Издатель настоятельно требовал продолжения.

Книги же, которые я писал годами, болтаясь и трепеща как флюгер в бурю на границе реальности и метафизики, книги, которые мне самому было интересно читать, не продавались вообще.

Когда я понял, что написал достаточно и начал повторяться, — забросил писанину и начал готовиться к отъезду.

Позаботился о том, что будет с моим жильем во время моего отсутствия. Отключил электричество и водоснабжение. Заключил долголетний договор с Немецким банком о регулярных переводах с моего счета налога на собственность, страховых взносов и ежемесячных платежей в солидарную кассу собственников квартир нашего дома. Господин Шмидт,

мой литературный агент, согласился за небольшую плату раз в квартал заходить в квартиру и проверять, все ли в порядке, а также следить за платежами и почтой. Я оставил ему пять тысяч франков — для доплаты в случае необходимости.

...
Город встретил меня знакомой суетой на перронах, розовыми огнями стерильной и уютной аптеки, оранжевыми и синими обложками комиксов на витрине книжного магазина, ленивой зевотой шоферов такси, изнывающих от безделья в длинной очереди машин на привокзальной площади, изрядно попорченными голубыми памятником борцам за что-то, давно позабытое человечеством, запахом жареных сосисок, сладкой горчицы и пива, источаемым киосками, в которых кроме сосисок и пива продавали картофельный салат, кока-колу и жареную колбасу, ревом моторов и ядовитыми выхлопами дизельных автомобилей, несмотря на многочисленные протесты зеленых, так и не запрещенных городскими властями, резко и громко каркающими воронами, по-хозяйски расхаживающими по тротуарам, и невыносимым скрежетом трамваев.

Силуэт города за время моего отсутствия изменился. В центре построили несколько импозантных небоскребов и сияющих разноцветными огнями торговых центров. Здания эти город не украсили, а превратили в пародию на давно навязший в зубах стереотип западного мегаполиса. Бесследно исчезли многие старинные одно- и двухэтажные дома, которые мне так нравились когда-то. На их месте появились современные бетонные здания, как будто пытающиеся новизной и дерзостью своих форм оправдаться перед кем-то за уничтожение прежней застройки, и в начале девяностых годов двадцатого века все еще сохранявшей приметы довоенного шика.

Прохожие... почему-то то и дело останавливались и подолгу смотрели на меня невыразительными немигающими глазами андроидов. Узнавали автора бестселлера? Вряд ли. Столько лет прошло... Скорее реагировали так на мой экзотический костюм в стиле «гаучо», который я приобрел в Аргентине лет пятнадцать назад. Широкие иссиня-черные штаны и сюртук с вышивками. И на перуанскую кожаную шляпу.

В самих фигурах обитателей города было что-то неприятное. Неживое. Что-то от неуклюжих кукол, имитаций человека. Были ли они уродливыми? Нет. Но они были предсказуемыми. Так же как и их лица, мнения и судьбы.

Люди не меняются за четверть века. Только стареют, деревенеют. Скрытая ненависть и зависть ко всему чужеземному, непонятному, необычному — была и осталась их сутью.

И среди этих людей ты хочешь доживать свою жизнь?

...

На прохожих старался больше не смотреть. Шел и по старой привычке фотографировал глазами все, что видел. Редкие лужи и отражающиеся в них огни, синеватый, почти враждебный свет высоких фонарей, мигающие рекламные вывески, как всегда слишком конкретные, без полета и таланта, фасады, напоминающие тяжелую артиллерию, пугающе крутые скаты крыш с маленькими окошками, из которых смотрели на мир мертвыми глазами глиняные кошки, слепящий, холодный свет фар...

Шел и слушал какофонию большого города, скрежет и лязг его зубов, его стоны и всхлипы.

Многое было мне незнакомо, непонятно... Например, зачем на улицах поставили розовые колонны? Их можно было потрогать, им можно было задать вопрос. Но могли ли они отвечать на вопросы? Не знаю. Выглядели они величественно, что-то было в них сакральное... но уважением среди местного населения они явно не пользовались. Я видел как собаки поднимали на них лапу, а их хозяева им не мешали. Городские мальчишки плевали прямо в их неестественно улыбающиеся голографические лица. В одном из моих рассказов была такая колонна. Неужели?

...

Шел и отчаянно пытался понять, кто же я в этой неравнозначной паре — город и человек.

Какой я? Огромный, растянутый над городом до самых окраин пульсирующий пузырь, или только одинокий светлячок, ищущий безопасный цветок, чтобы напиться нектара и затем спрятаться под листиком?

Протекающая через город темная река или только камешек на ее берегу.

Какой, какой? Никакой.

В голове почему-то повторялась и повторялась фраза, которую когда-то слышал в телепередаче об одном затерянном в лесах канадском городе: В сумерки медведи покидают лес, шныряют по улицам, прокрадываются во дворы многоэтажных домов и ищут корм в мусорных баках. Осенью они становятся опасными для человека.

В сумерки, в сумерки, в сумерки... Ищут, ищут, ищут. Медведи. Корм. Осенью.

Может быть и я — такое... вышедшее в осенние сумерки из глухой чащи собственной души, опасное для окружающих существо, давно потерявшее человеческий облик и превратившееся в гризли... Крадусь в ставший мне чужим мир. Мир бетона, выхлопных газов и неприветливых андроидов. Ищу свою старую берлогу.

...

Решил сделать небольшой крюк и пройти по улице красных фонарей.

Тут вроде бы ничего не изменилось. Полураздетые женщины все так же сидели в застекленных витринах и назойливо демонстрировали свои достоинства. Редкие любители продажной любви слонялись от одной витрины к другой и глазели.

Подошел к одной, заинтересовавшей меня даме.

Над красавицей-мулаткой горела красновато-лиловая неоновая надпись «Летиция знает, что ты хочешь, и давно ждет тебя, загадочный незнакомец».

Долго на нее пялился.

Вначале Летиция кокетничала, поправляла волосы, моргала длинными накладными ресницами, изгибалась как змея... затем положила ногу на ногу, подтянула чулки и застыла... вероятно решила, что я не клиент, а праздный зевака. Сморщила коралловые губы и презрительно посмотрела на мои дорогие узконосые ботинки из крокодиловой кожи. Выругалась по-испански и ушла во внутренние помещения борделя. А передо мной неожиданно возник хмурый охранник

или сутенер в кожаной куртке с меховым воротником. Накаченный бугай с рыжей бородой и наколками на пальцах. Он веско посмотрел на меня большими, на выкате, как будто стеклянными глазами, и пробурчал металлическим басом: Не хочешь заходить — вали. Ты не на выставке собак. Не пугай девушек своей гнусной образиной.

Пока он говорил все это, в нем самом что-то трещало. Такой звук производили во времена моего детства заводные машинки.

Бугай провоцировал и оскорблял, потому что был уверен в том, что никаких шансов против него у меня не было. Он был на голову меня выше и раз в десять сильнее.

Полагалось ударить его в лицо кулаком. Он бы ловко схватил меня за кулак своей железобетонной лапой и раздавил его как гнилое яблоко, а затем повалил бы меня и начал бить ногами.

Ярость превратила меня в убийцу... не совсем настоящего. Я знал, что меня не накажут.

Осторожно вдел в кармане пальцы правой руки в стальной кастет с длинными кривыми шипами. Заточенными как лезвия. Не глядя на охранника, не спеша вынул руку из кармана и неожиданно для него резко ударил его в живот. Шипы легко прошли сквозь его куртку и рубашку и вонзились в его спортивное тело.

Так же резко выдрал кастет из его туши... вместе с большим куском куртки и кровоточащей плоти. Охранник даже не завопил. Осел и пустил кровавые слюни. А я пошел дальше.

Никто не подбежал ко мне, не закричал, не вызвал полицию.

Перед тем, как покинуть улицу красных фонарей, я обернулся, посмотрел...

И не увидел ни лежащей фигуры охранника, ни мужчин, рассматривающих женщин в витринах. Витрины были закрыты листами фанеры, расписанными граффити, а двери борделей — заколочены досками. Некоторые домишки были давно

снесены. Там, где они когда-то стояли — какие-то жуткие люди жгли костры и исступленно танцевали, уродливо дергаясь и свирепо рыча.

Это были каннибалы из моего триллера. И происшествие с охранником тоже было оттуда.

...

Вот и моя улица. Слава богу, дом на месте. Четыре моих окна недобро темнели в высоте.

Дверь в подъезд была заперта. Ага, список жильцов. Тут когда-то стояла и моя фамилия. Не смог прочитать ни одного имени. Размыто все...

Позвонил наугад. Никто не отозвался. Только собака где-то завывала. Протяжно и гадко.

Через несколько минут услышал приближающиеся тяжелые шаги.

Дверь открыла ужасно толстая старуха. Едва взглянув на меня, ушла к себе. Физиономия ее была похожа на лицо японского борца сумо. Я услышал, как она сопит и бормочет: Тьфу, тьфу, нежить...

Захотелось обратиться отсюда... но идти мне было некуда. Денег в кармане не хватило бы даже на ночевку в дешевой гостинице, а провести ночь, сидя на корточках у костра рядом с танцующими каннибалами, мне не хотелось.

Пошел вверх.

Вот и моя старая дверь. Дубовая. С окошечками, застекленными ячеистым сиреневым стеклом. В одном из них был виден олень с солнцем между рогами. В другом — гном с длинной синей бородой.

Как и в стародавние времена рядом с дверью, на позолоченной тумбочке, помещался горшок с неизвестным мне растением. То ли экзотическим кактусом, то ли редким видом алоэ. Машинально поискал ключ под горшком. Нашел!

Открыл дверь и вошел.

...

В коридоре было темно, сколько ни щелкал выключателем, свет не включался. Похоже, в квартире действительно никто не жил. Коридор выглядел таким, каким я его оставил. Пустым и пыльным.

Открыл наощупь дверь в мою бывшую мастерскую. Через два огромных окна в нее лился синеватый свет фонарей. Бывшая мастерская тоже была пуста. Только на стенах ее как будто еще висели картины, которые я тут написал.

Не картины, а их эфирные тела...

Нет... нет, таких страшных чудищ я никогда не рисовал!

Полужабы-полускорпионы, смеющийся лошадиный череп на куриных ножках, гигантская бабочка с оскаленной пастью гиены...

От моего взгляда они стали стучаться и превращаться в живые материальные тела. Выскочил из бывшей мастерской и закрыл за собой дверь. Услышал шип и царапанье когтей. Подпер дверь плечом, чтобы чудища не вырвались. Все стихло, как только я вспомнил, в каком рассказе я описал эту сцену.

...

Зашел в гостиную.

И тут тоже — перекрещенный свет фонарей. Цветные отблески от светофора на перекрестке. Гулкая пустота.

Вдруг... перед глазами побежали как испуганные косули призраки знакомых мне людей, наверное гостей, которых я тут принимал. Сотни. Сотни фигур. Никто из них не остановился, хотя бы на мгновение, не дал себя рассмотреть.

Призраки? Почему же я физически ощутил вызванное ими движение воздуха?

Вот, несколько фантомов окружили меня... показали мне свои бледные лица. Глаза закрыты, губы сжаты. Мертвые?

— Друзья, остановитесь, прошу...

Пропали. Только одно печальное женское лицо какое-то время еще висело в воздухе. Затем исчезло и оно.

Я был уверен, что знаю женщину, которой оно принадлежало. Да, я прожил с ней не один год. Ее зовут... Нет, не могу вспомнить. Но помню ее нежную податливую грудь, страстные глаза, короткие энергичные пальцы. Вспомнил, как крепко сплетались во время любви наши тела, как мы шалили и брызгались в Красном море, как гонялись за стрекозами на солнечных лужайках Саксонии и дурачились рядом с Железной девой в музее пыток в Ротенберге. Когда смотритель вы-

шел в другую комнату, она уселась в специальное пыточное кресло, усыпанное шипами, а потом, дома, попросила меня зализать кровоточащие ранки. Шипы, впрочем, были не очень острые. Помнится, мы еще долго играли потом в инквизитора и еретичку... попеременно меняясь ролями.

— Кто ты, милая? Ты жива? Я забыл твое имя, прости... Как тебя зовут? Тильда? Сигрун? Откликнись.

Никто мне не ответил. Я слышал только приглушенный рев автомобилей с улицы. И еще — какой-то невнятный шепот или шум, доносившийся как бы ниоткуда. Похоже его источник был в моей голове.

Неожиданно понял, почему я не смог вспомнить ее имя. У нее не было имени. Эта женщина была героиней одного из моих рассказов. В нем она ни разу не была названа по имени. И все эти «гости», бегущие через гостиную, не были ни призраками, ни воспоминаниями. Они тоже были моими литературными героями. Теми, которые много лет назад встали стеной между мной и живыми людьми. И винить в этом некого — эту стену выстроил я сам. И спрятался за ней в своем придуманном мире.

...

Из гостиной я отправился в спальню.

И тут же увидел свет под дверью. Значит, в спальне кто-то есть. Мурашки по коже. Еще одна встреча с самим собой. Вошел.

И сразу узнал... узнал шторы, большие абстрактные картины на стенах, тумбочки, торшеры, платяной шкаф орехового дерева, трельяж, узнал и свой красный диван, на котором проспал столько лет. Что он только ни видел и ни слышал, через какие любовные треугольники ни протащил меня, мой старый добрый коняга.

Диван был застелен. Под одеялом кто-то лежал...

Я еще не успел испугаться, как человек скинул с себя одеяло...

Это опять была проклятая Меланья Трамп. Что за наваждение? Об этой крале я точно никогда ничего не писал. Кто посылает ее ко мне? Зачем?

Меланья ловко перепрыгнула через меня как лошадь через барьер. Начала танцевать и кувыркаться как гимнастка. Запела куплеты на неизвестном мне славянском языке.

Я щелкнул кнутом и пригрозил ей. Она подошла ко мне и ласково пригласила меня лечь с ней на диван. Я подчинился.

Ее лицо во время полового акта несколько раз изменилось. Я вел себя грубо и несколько раз рычал на нее, когда она начинала слишком громко стонать. Когда подошел мой черед терять голову — она мне отомстила, превратилась в ту самую жирную старуху с лицом японского борца.

Проснулся я сидя на полу в неудобной позе. Ноги так затекли, что я не смог встать.

Спальня была пуста и темна.

Шёпот в моей голове стал громче.

...

Не без труда нашел в коридоре ящик с пробками. Включил рубильники.

Оказалось, во всех комнатах и на кухне с потолка свисали лампочки на коротких проводах. В ванной комнате сохранилась моя старая настенная лампа в форме трилистника.

Покрутил водопроводные вентили. Из крана в умывальнике полилась горячая вода. Ура!

Умылся, вымыл лицо и руки. Сполоснул ванну.

Разделся и лег в горячую воду. Какое облегчение! Я дома.

Расслабился, закрыл глаза.

Открыл их через мгновение. Почти в полной темноте. Вылез из сухой ванны. Одетый.

Никакой лампы на стене в ванной комнате не было. На ее месте из стены вылезали два грязных обрывка провода.

Не было и лампочек под потолком. В квартире было темно, сыро и холодно. Ящик с пробками был пустым. В нем лежала кверху брюхом дохлая крыса. В голове ее была дырка, похоже кто-то убил ее выстрелом из пневматической винтовки.

Знаю, знаю, кто.

Несмотря ни на что решил переночевать тут. А завтра попытаться поговорить с жильцами других квартир, зайти в мэрию, в банк, посетить Шмидта в его бюро и прояснить ситуацию.

Лег на пол. Холодно, неудобно, больно.

На стенах и на потолке начали показываться фосфоресцирующие в темноте морды демонов. Клыкастые, мохнатые, со свиными пяточками вместо носов, с отвратительными висячими ушами, как у собаки, рогатые. Они вылезали из стены, тянули ко мне свои когтистые лапы, норовили схватить и растерзать. Невдалеке закачался жуткий маятник с тяжелым закругленным острием на конце. Слева от меня зиял бездонный колодец, справа — алел раскаленный каменный шар.

Демоны схватили меня за плечи поволокли к колодцу. Шар покотился за мной. Маятник свистел в нескольких сантиметрах от моей груди.

Я вынул кастет и попытался отбить им дьявольскую атаку. Махал, махал...

Но вдруг понял, что это не кастет, а расческа.

Я упал на дно колодца. Раскаленный шар придавил меня. Невыносимая боль пронзила мое тело.

...

Шепот в моей голове превратился в громкий крик. Что и кто кричал, я не понимал, но боялся, что от этого крика голова расколется на части.

Внезапно крик прекратился.

Я сидел на грязной койке в моей спальне. Пахло палеными перьями. У меня болела голова.

На табуретке стояла пустая бутылка Джека Дениелса.

Передо мной маячили — судебный исполнитель, господин Шмидт с протоколом в руках, двое полицейских, похожих на бугая-охранника, и та самая толстая старуха. В руках она держала свернутый в трубку журнал с большой фотографией первой леди США на обложке. Все они с презрением смотрели на меня. Господин Шмидт зачитывал мне выдержки из решения городского суда за номером таким-то.

... На основании вышеизложенного суд постановляет: Выселить господина... из снятой им три года назад квартиры... за хроническую неуплату квартирной платы и коммунальных услуг и доведение жилплощади до антисанитарного состояния.

... мебель и другое имущество господина... будет продано с аукциона сегодня... в три часа дня. Выручка пойдет на ремонт и возмещение морального ущерба владелицы квартиры, госпожи... Непроданные лоты будут утилизированы.

... в связи с нежеланием господина... добровольно покинуть занимаемую им квартиру... и принимая во внимание его агрессивное, антисоциальное поведение... постановляю...

...

На меня надели наручники и вывели из дома, облицованного голубоватым камнем.

На знакомом перекрестке наручники сняли.

Я пошел, куда глаза глядят.

СПУТНИК

Отдых наш подходил к концу. Живописные окрестности Миранды порядком надоели. Жара утомила.

Сколько же можно заниматься любовью в духоте короткой южной ночи, купаться на рассвете, пить на завтрак один и тот же кофе, днями таскаться по выжженным солнцем долинам, от руин одного замка к руинам другого, постоянно рискуя провалиться в глубокие ямы, на дне которых живут какие-то осклизлые гадины, карабкаться, распугивая ящериц, в поисках воздушных орхидей по розоватым растрескавшимся скалам, в толщах которых, как говорят, ждут своих первооткрывателей тысячи окаменелых чудовищ, а вечерами пить старый терпкий Москатель и закусывать горьковатым местным хлебом с жареными шампиньонами?

Моя подруга соскучилась по большому городу, супермаркету, кондиционеру. У меня сломалась электробритва. Я позвонил в туристическую компанию — и они милостиво позволили нам улететь на неделю раньше назначенного срока.

Вещи были собраны, и мы томились, как все томятся перед дальней дорогой. Солнце стояло в зените, наш самолет вылетал в пять, полчетвертого должно было подъехать такси.

Мне захотелось еще раз искупаться в море. Поплывать и покувыркаться в средиземноморской водичке перед четырнадцатичасовым заключением в вибрирующем кресле салона туристического класса, в боинговой сардинной банке, как говорила моя злая на язык подруга.

В последний раз насладиться свежим морским ветром, простором и волей перед тем, как натянуть на себя еще на один год давно опротивевшую мне маску кровно заинтересованного в успехе фирмы, дисциплинированного и креа-

тивного сотрудника и позволить запирать себя шесть раз в неделю на десять часов в пятидесятиэтажном казенном крысари.

На мое предложение пойти искупаться, моя нетерпеливая подруга ответила так — я не желаю приезжать в этот дурацкий бетонный сарай в последний момент и устраивать там беготню по таможням. Извини, я хочу побыть одна...

И ушла к автобусной остановке. Налегке, со своей любимой беленькой сумочкой из змеиной кожи на плече, в которой хранила паспорт, наличные и драгоценности. Три огромных розовых чемодана с шмотками и сумку с тропическими сувенирами, купленными в Миранде, придется тащить мне одному.

Я наблюдал в бинокль ее вальсирующую фигурку с вершины пологого холма, где мы жили в окруженном кустами цветущего вереска общежитии горнорабочих, переделанным в бунгало для туристов из-за океана, дорогу, уходящую в золотое августовское море, над которой пламенели круглые башни миражей, и медленно ползущий посреди них автобус с кажущейся нелепой в такой зной рождественской рекламой кока-колы на серебряном боку.

Сидящий по-турецки на ковре дородный Санта-Клаус в бордовой шубе с двумя маленькими запотевшими бутылочками в руках похотливо смотрел в стеклянный шарик, внутри которого позировала полураздетая красавица, похожая на молодую Мэрилин Монро. Рядом с ней — запорошенный снегом цветочный домик, игрушечный олень, увенчанный светящейся короной, ухмыляющийся гном с молоточком в руках и здоровяк-снеговик, увитый электрической гирляндой.

Перед тем, как войти в автобус, моя подруга помахала мне на прощанье белой сумочкой. Показав перед этим рукой на рекламу, повертев пальцем у виска и пожав плечами.

После ее отъезда мне стало грустно, я сел в плетеное кресло и закрыл глаза. Когда я очнулся, во мне перекрестным эхом всю пелю предчувствие — ты больше не увидишь ее, не увидишь никогда, никогда...

Идти купаться расхотелось, но я все-таки пошел туда, вниз, в приморский городок Миранду, за которым простиралось ослепительное, обморочно-синее море.

Не нужно мне было спускаться в Миранду!

Может быть, еще не было поздно изменить судьбу?

Надо было послушать мою благоразумную подругу, вызвать такси пораньше и дожидаться отлета, сидя в аэропорту, в мягком кресле, с чашечкой капучино, под кондиционером.

Хотела побыть одна? Ничего нет легче этого. Сели бы в кресла, смотрящие в разные стороны.

Но нет, я упрямо зашагал к морю... и тут же понял, что дело дрянь. Кто-то срыл аккуратную дорожку, вымощенную красным кирпичом, вьющуюся от нашего бунгало причудливым серпантинном до самого центра Миранды, а склон холма засадил колючим кустарником, разбросал повсюду битые кирпичи, осколки стекла, ржавые консервные банки, иголки, спицы, ножи, пилы, рыболовные крючки...

Кто-то содрал с меня летнюю одежду и напялил на меня жаркую красную шубу, безобразный колпак с опушкой из белого меха, свиные рукавицы, безразмерные ватные штаны, снял с меня мои легкие туфли и обул мои ноги в грубые сапоги.

Препоясал меня широким кожаным ремнем. Превратил в одно мгновение мою недельную рыжую щетину в окладистую седую бороду. Закинул мне за спину мешки с пылающими углями.

Может быть, я спятил? Нет, скорее спятил окружающий меня мир.

И вот я, новоиспеченный Санта-Клаус, пыхтя и ворча, спускаюсь с холма, иду в Миранду, продираюсь сквозь кустарник к синему морю.

Под ногами у меня хрустит.

В ушах стреляют пушки.

Перед носом летают всякие твари.

В голове у меня пусто.

На спине — тяжелые мешки.

Но я иду, иду, упрямо, как безумец...

Шипы впиваются в мою кожу, корявые ветки хлещут меня по лицу, стекляшки и лезвия режут мне руки, ржавые банки виснут пиявками на рукавах и воротнике.

Я спотыкаюсь и падаю.

Качусь.

Ползу.

Встаю и иду.

Скоро... скоро, уговариваю я сам себя, ты спустишься с холма, сдашь проклятые мешки в камеру хранения... сбросишь с себя эту меховую рухлядь, этот дешевый маскарадный костюм и нырнешь голый в прохладную прозрачную водичку! Она вылечит твои раны, взбодрит и успокоит тебя. После купания ты украдешь на пляже чьи-нибудь шорты и пойдешь к старухе-гадалке, предсказавшей тебе три дня назад за сотню зеленых долговую счастливую жизнь, а твоей подруге — скорое освобождение от влияния негативных созвездий, она разложит карты и объяснит тебе, что с тобой приключилось. Потом забежишь в Синий попугай к знакомому бармену, займешь у него денег, выпьешь хереса и расспросишь его обо всех этих чудесах. Может быть, ты не первый, с которым случилось такое. Миранда — место необычное, странное, чем черт не шутит. А бармены знают все. На худой конец обратишься в полицию или свяжешься с консульством. Заберешь свои чемоданы и поедешь в аэропорт. И все будет как раньше.

...

Очень скоро я убедился в том, что никакого раньше больше нет.

Городок Миранда исчез.

Вместо шумного рыбного базара, на котором мы не раз покупали глянцевою рыбу с темно-синими глазами и лиловыми плавниками, вместо украшенных разноцветными китайскими фонариками улиц, уютных ресторанчиков, баров, где подавали лучшие на побережье тапасы, — пустая, мощеная брусчаткой площадь. Широкая и круглая, как площадь перед собором Святого Петра в Риме. Без домов, деревьев, людей. Без автостоянки и без романской церкви святого Мартина, в которую моя подруга непременно заходила перед тем, как направиться со мной на пляж.

Я зарычал от разочарования и боли и побежал по булыжникам в сторону моря как старый кентавр из известного романа. Гремя консервными банками как автомобиль новобрачных. Я скакал так быстро, что чуть не подавился собственной бородой.

Вот и знакомые дюны...

Но... где же вода, где пляж, лежаки, купальщицы, где продавцы апельсинового сока и мороженого? Куда девались тысячи тонн сверкающего белоснежного песка, где знаменитые двадцатиметровые волны, образующиеся тут из-за скрещающихся течений?

Где кабинки для переодевания, в которых так остро пахло менструальной кровью?

Там, где еще утром загорали и купались туристы, зияла пропасть.

С ее дна, из зловонного чрева земли, поднялся, прямо у меня на глазах, грохочущий многокилометровый смерч. Я даже не успел его как следует рассмотреть, как он уже подхватил меня, завертел и швырнул в небеса.

С тех пор я спутник.

Кручусь себе на орбите.

В космосе холодно, скучно и одиноко.

Я забыл свою прежнюю жизнь, профессию, родину.

Лишь одно воспоминание — о стеклянном шаре с красавицей, похожей на Мэрилин — никак не выходит у меня из головы. Я мечтаю о том, что когда-нибудь она разделит со мной мое одиночество.

Я заверну ее моей атласной шубой.

Подарю ей ожерелье из мерцающих звезд.

И буду лизать ее ледяные сапфировые глаза...

ЛИТОВСКИЙ КОРИДОР

В августе 1991 года послепутчевая Россия признала независимость Литвы. В сентябре того же года Литву приняли в ООН. Я решил это использовать и съездить в Москву через литовский коридор.

Вы спросите, почему через Литву, что за выкрутасы? Купил бы себе нормальный железнодорожный билет и покатил бы на родину как все, по камешкам. А еще лучше — самолетом. Два часа — и ты дома, назло датчанам и прочим шведам. Выгодно-удобно!

Не все так просто, господа.

Благодаря добренькому генсеку Горбачеву я приехал в проживающую свои последние деньки ГДР в незабываемом 1990 году без загранпаспорта, по вкладышу. Двоюродный брат моей свояченицы Эрик прислал мне с оказией приглашение из Котбуса. Я отнес его в брежневский ОВИР. После необходимой беготни и трех недель ожидания мне нехотя выдали заветный вкладыш. С ним я и поехал в ГДР. Через Польшу. Эта маленькая зеленая бумажка с фотографией была моим единственным международным документом. Действителен вкладыш был три недели.

И вот, недели эти давно пролетели, целый год прошел, а я в Совдеп не вернулся и вкладыш этот паршивый потерял. Вместе с приглашением.

Хорошо еще, что немцы выдали мне серенький паспорт беженца. В нем однако стояла недвусмысленная надпись-приговор: НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ТЕРРИТОРИИ СССР.

Что же делать? Как повидать маму и оставшихся в Москве милых друзей, как проверить, все ли в порядке в нашей квартире? Сестра писала мне, что туда регулярно наведывается наш участковый Полкан. Что ему надо? Пронюхал, что хозяйева уехали и хочет квартиру отобрать? Это ОНИ умеют...

Что же мне теперь — тащиться в русское консульство и объявлять там, что стал невозвращенцем? Хмм...

Статья 64 Уголовного кодекса РСФСР от 1960 года гласила: Измена Родине, то есть... бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР... — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества... или смертной казнью...

Да-да, вы правы, тогда уже никого ВРОДЕ БЫ за невозвращенство не расстреливали и на пятнадцать лет не сажали. Но для меня ОНИ, возможно, сделали бы исключение. Кто ИХ знает? Это ведь НЕ люди.

Через много лет я спросил в Лейпциге российского консула с кошачьей фамилией, что бы ответили мне в сентябре 1991 года в консульстве, если бы я туда приперся и заявил, что хочу съездить в Москву. Презрительно скривив губы, консул промяукал: Вам выдали бы специальный документ для однократного перехода границы из Германии в Польшу и далее в Россию. А в Москве оштрафовали бы, а если бы вы попробовали официально оформить документы на ПМЖ в Германии — затаскали бы по полной программе. Так что семью свою, оставшуюся в Германии, вы бы вряд ли увидели в ближайшие годы.

Правильно я сделал, что в консульство не пошел. От всех российских посольств, консульств, представительств, от русских фирм, от всяческих Русских домов несет тем же, чем и от Кремля — подлостью, гнилью и смертью. Презрением к человеку.

Выбора у меня не было — посетить Москву я мог только через литовский коридор. Из Германии — в Польшу. Оттуда — через КПП недалеко от Сувалок в Литву. В Каунасе я намеревался сесть на поезд Калининград-Москва и как ни в чем не бывало прибыть на Белорусский вокзал. А если меня в этом поезде попросят паспорт показать — не цыпленок жареный чай — спрячу немецкую ксиву поглубже во внутренний карман, а из широких штанов вытащу и предъявлю мой внутренний краснокожий паспорт СССР и скажу: Так и так, мол, пил минеральную воду в Друскениках, лечил гастрит, заработанный на стройках прошедших пятилеток, теперь еду домой, что, нельзя?

Для начала я съездил в Бонн и купил там у литовского консула в великолепном бежевом костюме с маленьким желто-зелено-красным кружочком на галстукке визу на два года. Костюм встретил меня как дорогого гостя. Предложил кофе. Говорил со мной на хорошем инязовском немецком. Даже не спросил, что я собираюсь два года делать в Вильнюсе. Не предостерег.

Затем отправился в польское посольство в Берлин. Там пришлось часочка два постоять в очереди. И нахамили мне братья славяне, и унизили, говорили со мной почему-то только по-польски, пшекая и пшекая до пузырей изо рта, и денег содрали в два раза больше, чем независимые литовцы, но визу многообразную все-таки открыли.

...

И вот, простился я с женой и дочурками, сел на поезд и покатил в Варшаву.

Через Дрезден, недалеко от главного вокзала которого еще возвышались могучий Ильич с красноармейцем и рабочим из серо-розового камня, изрядно обкаканные голубьями. Снести памятник бывшие самые верные друзья СССР еще не решались, а тратить деньги на его очистку от птичьих экскрементов уже не хотели.

Германия, по мере приближения к восточной границе, как бы теряла в плотности. Цивилизация уступала место степи, лесу, болоту и соответствующим им людям. Тогда меня это еще удручало.

Я перестал смотреть в окно и начал разглядывать моих соседей по купе — кочующих по Европе студентов.

Милые и беззаботные как феи девушки беседовали о выставке цветов в Ганновере, хихикали, весело переглядывались и не сильно били друг друга какими-то прозрачными стерженьками с колечками и пестрыми ленточками. Волшебными палочками?

Молодые люди со знанием дела рассуждали о преимуществах Боинга перед Аэробусом. Похохатывали. Был среди них и один израильтянин. Породистый горбоносый парень с удивительной каштановой шевелюрой, в оранжевой куртке, по-

блескивающей значками, и зеленых джинсах с вышивками, с серебряными серьгами-магиндовидами в ушах. Он сидел рядом со мной.

Я задал ему вопрос, который терзал меня с тех пор как я в стародавние советские времена получил в подарок от одного отказника красочный буклет на английском «Израиль сегодня».

— Почему израильтяне не строят себе новый Храм на Храмовой горе, а оплакивают у ее подножья разрушение старого? Неужели действительно мессию ждут?

Шевелюра ответила мне подчеркнуто грубо: Кому нужен этот грёбаный Храм?

Я растерялся. Не знал, что сказать, потому что всегда полагал, что Израиль — это убежище для людей иудейского вероисповедания, а разрушенный римлянами Храм на горе Мориа — это сердце иудаизма, единственный на свете Храм еврейского Бога...

— Как это, кому нужен? Ортодоксам, поселенцам, всем вообще евреям...

— Вот пусть ортодоксы и поселенцы и строят эту скотобойню, а всех остальных оставят в покое.

Проговорив это, горбоносый почему-то злобно посмотрел в мою сторону и демонстративно от меня отсел. И заговорил с приятелями о автогонках Гран-при в Португалии и Испании.

Вероятно, я нарушил какое-то общепринятое в Израиле табу.

...

Приехал в Варшаву.

В крохотном зарешеченном окошечке обменял сорок чистеньких немецких марок на пачку затрепанных золотых. Из здания вокзала выходить не стал, купил два пирожка с яйцами и рисом и бутылку желтенького местного лимонада, сел на мягкую лавку, обитую лоснящейся кожей, поел, попил, поскучал. А через час потащился на перрон, к поезду на Белосток. Багаж у меня был необременительный. Одна синяя спортивная сумка, а в ней — как у Венички в чемоданчике — гостин-

цы: пять банок растворимого кофе, четыре коробки печенья с изюмом, десять плиток шоколада Саротти различных сортов, шесть кульков пикантных орешков, штук двадцать безразмерных колготок и три баночки крема для рук.

Шмотки я взял с собой только самые необходимые, в московской моей квартире меня ожидал полный гардероб брошенных перед эмиграцией вещей. Брюки, рубашки, вязанные кофточки бабушкиной работы, ратиновое пальто, пошитое по протекции жены моего дяди в кремлевском ателье, гордость моей юности — щегольски приталенная замшевая куртка, последний крик моды начала семидесятых годов, которую у меня торговал один доцент из Кемерово за двести еще полновесных советских рублей — все еще лежали на пахнущих скипидаром полках или висели на плечиках в нашем трехстворчатом шкафу.

На рукаве пальто я прожег по пьяни сигаретой маленькую дырочку, а куртку замшевую... признаю... надо было доценту продать, она мне еще до отъезда уже лет десять как была мала, и цена приличная... Но я не продал. Назло. Потому что этот доцент был мне неприятен. Упрямый, мрачный, гонористый. С вечно нахмуренным бараньим лбом и злыми черными глазами. Казалось, он все время раздумывает о том, как именно его хотят уесть или охмурить окружающие.

...

Поезд на Белосток, оказалось, полон под завязку. Едва нашел местечко в душном купе. У давно не мытого окошка. Сумку на полку забросил. Напротив меня, так, чтобы ее видно было.

Когда поезд набрал скорость, из окна немилосердно задуло; я понял, почему это место не было занято, а соседи по купе противненько хихикали, когда я садился.

Поляки. Иссохшие физиономии с заостренными курносими носами и неухоженными кустистыми бровями. Некоторые — с корзинками и мешками в руках. В корзинках кудахтали куры, кричали и гакали утки и гуси, дергались кролики, из мешков доносилось хрюканье поросят. Персонажи страшной повести Ежи Косинского.

За окном унылый пейзаж. Полесье. Кустики, редкие леса, удивительно мелко, как лапша, нарезанные участки обрабатываемой земли. Лошадки, повозки. А домишки — ничего, не маленькие. Церкви бедные.

Километров за восемьдесят от Варшавы я заметил отходящую вправо однопутку, а над ней — овалы металлические ворота. Метрах в ста от нашей колеи однопутка заканчивалась. Разобрали зачем-то...

Тут меня как будто молот ударил в лоб — это же дорога на Треблинку! Во рту сразу появился привкус железа. Перед глазами понеслось страшное кино...

Кроме меня ни один пассажир нашего купе не посмотрел ни на однопутку, ни на ржавые ворота в ад.

Я мысленно задал соседям вопрос: Неужели вы даже о Корчаке с его Домом сирот не вспоминаете? Ведь их тоже умертвили в Треблинке. Там убивали не только евреев и цыган, но и поляков. Загоняли до пятисот человек в камеру площадью в двадцать пять квадратных метров. Когда охранникам хотелось особенно жестоко измучить свои жертвы — они не пускали газ, а только закрывали двери и уходили спать. Утром все были мертвы. Там мозжили головы младенцев о каменные стены, бросали живых детей и женщин в огонь. Там собака Барри откусывала у мужчин гениталии. А красавчик Франц, прозванный Лялькой (куклой) обожал пороть заключенных и убивать их выстрелом в глаз.

Почему вы даже не посмотрели? Ну хоть глянули бы уныло или вздохнули бы. Сокрушились бы в себе или помолились, вы же христиане.

Вспомнилась статья в газете о золотой лихорадке, начавшейся в послевоенные годы в районе Треблинки. Местные и приезжие, католики и православные и даже солдаты из близлежащей советской воинской части вырывали брошенные фашистами трупы и выдергивали у них гвоздодерами золотые коронки, незамеченные или недовыдернутые великой Германией. Старатели...

Всю дорогу до Белостока меня мучило жуткое видение: эсэсовец Курт Франц стрелял избитому худому старику-еврею в глаз, обольстительно улыбаясь. Еврей падал и бился в агонии, обливаясь кровью.

Не надо было читать свидетельства очевидцев, Гроссмана (о Треблинке — море гнева, а о Гулаге — ни словечка), фотографии жуткие в библиотеке смотреть! Любопытство — грех. Ты так устроен, что любая дрянь годами не выветривается из башки. Привяжется теперь этот изверг, влезет в душу как диббук, не прогонишь!

Я не знал тогда, что последний комендант Треблинки, садист и убийца Курт Франц был в то время еще жив. В 1993 году он был освобожден из тюрьмы, в которой отбывал пожизненное заключение. Умер в возрасте восьмидесяти четырех лет в доме престарелых в Вуппертале.

...

Приехали в Белосток.

Вышел на воздух. Купил что-то сладкое в буфете. Есть не смог. Выкинул.

Попытался не думать о ужасах, отогнать страшные мысли воспоминаниями о веселом фильме Мела Брукса «Продюсеры», главного героя которого звали Макс Бялысток. Его роль исполнил неподражаемый толстяк Зеро Мостел, с которым я часто себя идентифицировал.

Я вызывал Зеро как джина из бутылки в тех случаях, когда моя собственная машина оптимизма буксовала. Он являлся ко мне обычно в потрепанном желтом пальто, шелковом белом кашне, бархатном котелке, элегантных узких брюках, белых туфлях с гамашами и розовых кожаных перчатках. Зеро шутил, танцевал, подмигивал, напевал что-то фривольное, показывал мне забавные картинки и постепенно вытаскивал меня из черной ямы.

Но тогда, рядом с одноэтажным зданием вокзала в Белостоке, он почему-то появился в темном пальто, в темной же шляпе, из под которой выглядывали седые пейсы, в нечистых сапогах. Мостел не стал рассказывать мне веселые истории, петь или танцевать, а стоял неподвижно рядом со мной и тя-

гостно смотрел на мостовую. Вздыхал, покачивался и молился. Поднял на меня свои круглые карие глаза и сказал: На этой земле я ничего не могу для тебя сделать.

...

Поезд на север отошел через полчаса.

Пейзаж за окном изменился. Дорогу окружали густые сосновые леса, в их просветах открывались прекрасные виды на голубые озера.

Прибыл в Сувалки уставший и расслабленный. Треблинка засела где-то в коленях и посылала оттуда волны страха и тошноты. Курт Франц стрелял в глаз заключенному. Зеро больше не появлялся.

Вечерело.

Мне надо было во что бы то ни стало добраться до границы с Литвой до наступления полной темноты. Один леший знал, что на этом проклятом пограничном пункте творится ночью.

На вокзальной площади я заметил несколько помятых и грязных машин. Стоянка такси. Обратился по-немецки к белобрысому парню лет двадцати пяти, шоферу: Довезете до границы?

Молчание. Потом спросил по-английски. Никакой реакции. По-польски я не умел, пришлось спросить по-русски. Шофер понял, встрепнулся и назвал цену — не помню уже сколько злотых. Торговаться я не стал. Поехали. Шофер всю дорогу объяснял мне, почему он, украинец из под Львова, живет в Сувалках (он был сутенером-любителем), убеждал меня никуда не ездить, а выбрать с его помощью себе по вкусу кохану, и не одну, и погостить недельку в окрестных деревнях...

— Попаритесь, расслабитесь, натрахаетесь всласть! У нас тут свобода, не то, что в большом городе...

Километрах в двух от границы нас остановил польский пограничник.

— Дальше нельзя, стоп!

Шофер высадил меня, развернулся и тут же уехал, хотя я его просил подождать полчаса, на тот случай, если сразу станет ясно, что перейти границу мне не удастся.

Ясно, однако, ничего не стало.

На дороге, ведущей к КПП образовались две очереди из автомобилей. Длинная, километра в три с половиной цепь грузовиков и чуть покороче — колонна легковушек и автобусов.

Ожидающие таможенного и паспортного контроля туристы и челноки стояли, сидели кто на чем, бегали по нужде на соседние поля, жевали, пили, жестикулировали... Мрачные и небритые шоферы грузовиков, осоветевшие от бессонницы, курили и плевали под ноги. Лаяли собаки. Из многих машин доносилась музыка. Мне померещилось, что сквозь эту какофонию пробивается погребальный колокольный звон. И мужские и женские лица казались мне в полутьме похожими на Ляльку.

На мою беду спросить о том, что, собственно, должен делать прибывший на границу без автомобиля, без велосипеда и без самоката турист с немецким паспортом беженца, желающий попасть в Литву по приобретенной в Бонне визе, было некого.

Обратиться мне следовало к лицу официальному. Вокруг же меня сновали лица неофициальные, мающиеся от безделья, раздраженные бесконечным ожиданием.

А тут еще, для полного счастья, дождик начал накрапывать. Осенний, холодный. И туман по земле пополз...

Промокать мне очень не хотелось, отитные и ангинные страдания школьной поры еще не до конца выветрились из памяти. Я сунулся было в советского вида автобус с непонятными тетками. Влез, глупо улыбнулся и спросил аудиторию по-немецки, можно ли мне занять у них место и подождать, пока очередь подойдет, а затем вместе с ними пересечь границу. Ко мне тут же подскочил неприятный руководитель или сопровождающий и начал на искаженном русском языке (это был белорусский) объяснять, что они меня взять с собой никак не могут, потому что мест нет. Я показал ему рукой на пустую заднюю половину автобуса, заваленную узлами и чемоданами. Руководитель выпалил вдруг на чисто русском языке: Нельзя, не положено! А если кто сообщит куда следует? Это провокация!

А затем понес уже совершеннейшую дичь: Покиньте автобус, мистер, пошел вон, херр ты германский, давай, уходи, у меня делегация, непроверенные кадры...

Я из автобуса вышел. Удивительно, мне показалось, что в глазах теток-пассажирок промелькнуло что-то вроде сочувствия ко мне и ненависти к сопровождающему. В глазах-то промелькнуло, но сказать что-то в мою защиту ни у кого из них мужества не хватило.

После этой неудачи я растерялся. Стоял как ежик в тумане под серо-желтым разлохмаченным небом, поливающим меня водой, рядом с бесконечной цепочкой недобро рычащих автомобилей, всем чужой, мокрый, отравленный неочищенными выхлопами...

Тут я заметил группу из трех польских пограничников в комичных фуражках. Подошел к офицеру и спросил по-немецки, можно ли мне, человеку без автомобиля, не шоферу и не пассажиру, перейти границу. Офицер усмехнулся, козырнул и объяснил на ломаном немецком, что нет, без машины нельзя, что я должен найти добрых людей, которые возьмут меня с собой. До меня наконец дошло, что мне надо было делать с самого начала. Я поблагодарил поляка, подхватил свою сумочку и пошел упрямо как спартанец вдоль автомобильной очереди прямо к пропускному пункту. Шел минут сорок пять, качаясь от усталости, промочил ноги, но цели достиг и, после четырех неудачных попыток влезть к кому-то в машину или в автобус, нашел таки русскоязычную супружескую пару из Эстонии, готовую потерпеть меня на заднем сидении их жигулей во время паспортной и таможенной проверки и даже довести меня впоследствии до Каунаса за пятьдесят западно-германских марок. Деньги они попросили вперед...

Я сидел в эстонских жигулях и ликовал.

Представлял себе, как с триумфом прибываю на Белорусский вокзал, рассказываю, слегка приукрашивая правду, о моей новой немецкой жизни сестре и матери, дарю им сладости, крем и колготки, посещаю Врубеля и Рублева в Третьяковке, пью с друзьями холодную водку, ем ржаной хлеб, звоню по заветному телефону...

Вот и КПП.

Машину нашу польские пограничники не обыскивали, выходить не просили, полистали небрежно паспорта, поставили в них свои отметки и открыли шлагбаум. Через полминуты мы подъехали к литовскому пограничному пункту. У меня часто забилося сердце.

К нам подошли пограничники и попросили всех выйти из машины и пройти в здание. С вещами! Там нас разлучили. Эстонцев быстро увели куда-то, а меня провели в комнату без окон на втором этаже и оставили одного. Все это произошло на удивление быстро. Литовских пограничников я и рассмотреть не успел.

В комнате я ожидал увидеть что-то вроде бюро или таможни гордого балтийского государства. Полированный письменный стол с национальными сувенирами, за ним старинное кресло, на стене — большой флаг Литовской республики и портрет Витаутаса Ландсбергиса...

Вместо всего этого вокруг меня валялось какое-то старое барахло, мебели не было, только два замызганных стула стояли как нефтяные платформы в океане пыли. Я присел на один из них. Тусклая лампочка без абажура едва освещала висящий передо мной на стене выцветший советский плакат с изображением теплохода «Космонавт Владислав Волков». Я начал мучительно вспоминать, что это был за космонавт. Загадал: Если с ним все было хорошо, то и со мной все будет в порядке, а если плохо... Вспомнил. Добровольский, Волков, Пацаев... Разгерметизация спускаемого аппарата... Прах похоронен в Кремлевской стене.

Минут через двадцать я услышал шаги на лестнице. В комнату быстро вошли несколько пограничников в зеленых фуражках. Меня как холодным душем обдало — это не литовцы!

Зеленые фуражки — у погранвойск КГБ СССР.

А как же независимость Литвы? Как быть с ее признанием новой Россией? Куда смотрит мировое сообщество? ООН?

Сейчас мне гэбня устроит разгерметизацию!

Маленький коренастый майор поставил второй стул передо мной, уселся на него и уставился на меня как упырь на невинную девушку. Он был похож на императора Павла. Курносый, дебилный, только глаза не грустные, а пустые. Но с упряминкой, величиной с быка.

Мне мучительно захотелось плюнуть ему в рожу, даже рот наполнился слюной.

Майор процедил: Ваше имя. Документы. Цель посещения СССР.

СССР?

У меня дыхание перехватило. Какой такой СССР? Я хочу в Литву!

Показать немецкий паспорт? Или советский внутренний? На каком языке говорить?

Напряг мускулы спины, сморщил губы. Изобразил как смог спокойствие и безразличие. Сглотнул слюну. Заметил, что мои гримасы не прошли незамеченными для майора. Медленно, с достоинством достал немецкий паспорт.

Назвал себя по-немецки и спросил: В чем проблема? Вот литовская виза...

Майор полистал паспорт и рассмеялся не без сарказма. Не так, конечно, как смеялись сталинские следаки, сажая дочь врага народа в ванну с кислотой, а его самого — в шкаф с клопами, а так, как рассмеялся бы император Павел, если бы ему во время завтрака объявили, что зять Суворова ударит его сегодня ночью в спальне золотой табакеркой в висок...

Потом обернулся к своим и сказал негромко: Антонов, фриц, кажись, пересрал не по-детски. Обыщи его и посмотри, что у него в сумке. Если ничего запрещенного нет, отведи его назад к полякам. С этим паспортом мы его не пропустим, пусть он хоть себе на хер десять виз наклеит. Остальные — за мной! Чухонцев шмонать. Чует мое сердце, что-то они спрятали, суки...

Проговорив это, майор вернул мне паспорт и спешно удалился. Ему тотчас последовали и другие, все, кроме Антонова, сутулого парня с деревянным лицом, напомнившего мне знакомого повара в студенческой столовой МГУ, разливавшего

суп в плохо вымытые тарелки огромным щербатым алюминиевым половником и приговаривавшего сквозь зубы: Не хотите ли баланды из картофельных очисток, Тараканы Таракановичи? Я туда только что высморкался. Приятного аппетита!

Антонов небрежно обыскал меня, раскрыл сумку. Хищно все осмотрел и прощупал. Из десяти шоколадок отложил в сторону восемь, из пяти банок кофе, поколебавшись, отложил четыре... Потом сделал коротенькую паузу, посмотрел на меня, прищурясь, как на заусенец на мизинце, и, убедившись, что я не оказываю никакого сопротивления грабежу, уверенно и спокойно забрал мой крем, печенье, орехи и колготки, сложил все это в целлофановый пакет и сунул его куда-то. Вернул мне сильно полегчавшую сумку, решительно взял меня своей клешней под руку и повел к выходу.

У меня на душе отлегло. ОНИ тут не убийцы, только воры.

Антонов повел меня к польскому пограничному пункту. По дороге сипел: Что, пересрал? Отпустил тебя майор, потому что ему с тобой возиться неохота. А надо было бы тебя отпиздить в мясорубке. Живи, гондон, в загране, жри свой шоколад, который наши дети не видят, а к нам больше не ездий, пидор ты резиновый...

Метров за двадцать от польского КПП я не выдержал и выпалил по-русски: А где же литовские пограничники? Россия же признала независимость Литвы! Я буду жаловаться в немецкий МИД!

Антонов ослабился и смачно плюнул в сторону Польши.

— Жаловаться побежишь, пидор? В сраку еби свою независимость! И уебывай, блядь, пока мы хорошие.

Попытался дать мне пинка в зад огромным грязным сапогом, но я увернулся и ретировался к полякам. А Антонов быстро зашагал назад, к своим.

Польские пограничники меня увидели и не удивились. Переглянулись, пошушукались, попрыскали в кулаки. Но мучить не стали, пропустили.

Я лениво побрел вдоль автомобильной очереди.

Нашел через час где-то в ее конце моего белобрысого украинца. Тот отчаянно торговался с какой-то русской бабой,

хотел купить у нее кольцо с бриллиантом. Та просила восемьдесят марок, он давал тридцать. Мне пришлось минут десять ждать, пока улягутся страсти. Наконец, баба все-таки отдала кольцо за сорок, и шофер повез меня в Сувалки, на вокзал. Опять уговаривал поехать с ним по деревням. Убеждал: Не расстраивайся, тебе тут за немецкие бабки любая баба даст, хоть старая, хоть молодая. Я тут такуую знаю... Ураган... Татарочка. Не привлекает? А хочешь застенчивую русскую лебедушку? Двенадцатилетнюю? Все желания исполнит, послушная девочка. С косичками.

Мне было не до косичек...

Поезд на Белосток отходил полшестого утра. Вокзал был закрыт. Я сел на грязную лавку на перроне. Дул холодный сырой октябрьский ветер. Казалось, что он срывает с неба ошметки облаков и бьет ими меня как мокрыми тряпками по щекам.

ЗАГАДОЧНЫЙ СОСЕД

Пересматривал недавно один из моих любимых фильмов семидесятых — „Призрак свободы“ Луиса Бунюэля, смонтированный по принципу свободной эстафеты. Герой несет какое-то время эстафетную палочку действия, но в определенный, одному режиссеру ведомый момент, передает ее другому персонажу. Действие не разветвляется, а как бы уходит в невидимый беззвучный слой, из его почки образуется однако новый сюжет, новая коллизия — и так много раз. Никакого вымученного катарсиса, только здоровый партеногенез.

Такое построение художественного фильма не подражает нашей памяти, этому упрямому ослу, или тянущему нас как бурлак вспять, назад, в детство, к рождению и времени до него, или безуспешно пытающемуся сложить из осколков прошлого разноцветную причинно-следственную пирамидку, а имитирует реальную жизнь, постоянно отбрасывающую шелуху прошлого и выталкивающую нас сквозь коротенький туннель настоящего в будущее. Из сладкого мира мертвых грез — в печь реальности.

Досмотрел до скандальной сцены в отеле. Жан Бернанс, которого играет великолепный актер-медведь Мишель Лонсдаль, приглашает молодого человека, приехавшего в этот уютный провинциальный отель с собственной тетей для того, чтобы насладиться с ней любовью, странную, весьма привлекательную медсестру и четырех удивительно для своего звания разговорчивых монахов-кармелитов (один из них рассказывает о врожденном сифилисе, которым якобы страдала одна из знаменитых преобразовательниц ордена кармелиток святая Тереза, которую так издевательски изобразил на своем известном рисунке Фелисьен Ропс), любителей сигарет и покера — на рюмочку портвейна в свой номер. Монахи, медсестра и страстный племянник (его тетя, женщина среднего воз-

раста, которой воображение ее племянника и власть демиурга-режиссера дарят тело молодой девушки, лежит в этот момент нагая в постели в соседнем номере и ждет сына своей сестры, изнемогая от борьбы совести со страстью) увлечены беседой и портвейном, а мосье Бернанс быстренько переодевается в соседней комнате. Надевает элегантный бордовый костюм, пиджак и брюки которого, увы не прикрывают голой его и розовой как чайные розы, которыми украшают свои подвенечные платья невесты, задницы. Он и его подруга, роковая женщина, мадемуазель Розенблум в роскошном темном халате поверх кожаного белья и черных колготок, выходят из туалетной комнаты и занимают боевую садо-мазо позицию среди милой компании, пьющей портвейн. Жестокая красавица домина начинает хлестать своего дружка тяжелым похрустывающим и посвистывающим хлыстом. Монахи, молодой человек и медсестра в недоумении вытаращивают глаза. Господину Бернансу это очень нравится, и он кричит сладострастно прерывающимся голосом: Бей, бей меня крепко, ты, старая блядь! Сильнее лупи, сука! Сильнее! Потому что я — свинья, дерьмо, грязь! Бей меня! Пори! Еще! Еще!

Зрители в смятении покидают номер господина Бернанса. Старого монаха-кармелита эта сцена доводит до нервного припадка. Он восклицает в сердцах: Он хочет кнута? Ну так дайте ему кнута! Пусть он получит, чего хочет!

...

В этот момент я остановил фильм. Потому что вспомнил, что нечто подобное произошло и со мной, в восьмидесятых, в Москве, в Ясенево. Не в отеле, конечно, а в кооперативной квартире. Я по молодости и не подозревал, что добровольное унижение на публике, побои, боль и прочие ужасы могут служить сексуальным возбудителем и для жертвы, и для палача, и для публики. Поэтому то, что произошло тогда на моих глазах, глубоко поразило меня и возможно даже повлияло на мою интимную жизнь. Увы, не так, как вы думаете, мои любезные читатели. Ровнешенько наоборот! Мне отвратительно любое насилие — будь то сексуальные утехи или воспитательная порка детей, жестокие избиения на московских ули-

цах, терроризм всяческих «борцов за свободу» или всевозможные массовые и одиночные убийства, совершаемые солдатами стран «социалистического лагеря» или «развитыми демократиями» ради каких-то очередных гнусных целей.

...

Собралась соседская компашка. Повода не помню. Сидели мы в моей единственной комнате кто на чем. Обсуждали что-то. Пили самогон «Лунная соната» — романтическое произведение физика Семиконечного, первач, настоящий на Золотом корне, который Семиконечный привез из командировки на секретный объект — станцию дальнего предупреждения на Алтае. Сейчас эта станция заброшена. Окрестные пятиэтажки давно покинуты людьми. В квартирах «белки серут», на крышах деревья растут и вороны ходят. Стоит себе посреди тайги этот монумент былого советского могущества, пугает медведей и лосей.

Семиконечный уверял нас, что настойка помогает при маточных кровотечениях и расстройствах вегетативной нервной системы, само существование которых, оспаривается впрочем европейской медицинской наукой.

Ему никто не возражал.

...

В этой неблагоприятной истории мне суждено было сыграть роль наивного племянника, хотя меня и не ждала в соседней комнате обнаженная тетка (даже не представляю себе, на сколько кусочков разорвала бы меня моя тетя Раиса, если бы — чем черт не шутит — я предложил бы ей вступить со мной в кровосмесительную связь).

Меня вообще тогда никто нигде не ждал.

Через неделю после развода с женой мне исполнилось ровно тридцать три с половиной года. Для мужчины это полуденный час жизни. Торжественный и страшный момент. Слепящее светило как будто замирает и долго-долго мреет, слегка подрагивая, в зените жизненного дня, в точке максимального безумия. Затем оно начинает неумолимо скатываться по стеклянной сфере вниз и тащит нас за собой — туда, за темно-фиолетовый горизонт, в черное брюхо несуществования.

Никто не ждал, не звонил, не писал писем.

Работу я уже бросил, собирался и родину покинуть, но все никак не мог решиться и висел себе в предэмигрантской прострации где-то между небом и землей.

Некоторые висят так годы, а иные — и всю жизнь.

...

Роль монахов и медсестры в этой безобразной сцене исполнили персонажи моего рассказа «Улыбка гопи». Несмотря на краткость этого повествования я так устал тогда, во время писанины, от всовывания в фразы — как полусгоревшие спички в коробок — их спичечных качеств, речей и поступков, что снова брать на себя труд и ответственность за их мелкобесные существования и описывать их категорически отказываюсь. Кому охота познакомиться с ними — перечитайте рассказ.

Роли госпожи Розенблюм и мосье Бернанса сыграли — загадочный сосед и его красивая, большая, неуклюжая и по-видимому психически больная жена.

...

Вот, сидим мы и самогонку дуем. Ощущаем как по жилам растекается «Лунная соната». Кайф! Там-та-там, там-та-там. И тут звонок. Открываю. На пороге мнется дородный мужчина. Загадочный сосед. Приглашает нас всех к себе распить с ним и его женой несколько бутылок портвейна «Тамплиер». Обещает на закуску — орешки и темный шоколад.

Мы народ не гордый. После «Лунной сонаты» можно хлебнуть и серной кислоты, не то что благородной рубиновой жидкости не из наших краев. А вкус орехов и шоколада мы уже к тому времени и вовсе позабыли. Пошли к соседу. Расселись в дорогих старинных креслах. На спинках кресел были инкрустации — какие-то затейливые птицы, итальянский дворик, человеческая рука, всевидящее око, циркуль и адамова голова...

Сосед подал охлажденный портвейн. В крупных богемских бокалах-тюльпанах. Поставил пластинку. Бах. Клавесин. Ванда Ландовска. Мы разомлели. Я пил «Тамплиер» маленькими глотками, черный шоколад раскрошил как смог мелко и клал под язык крохотные осколки лакомства — хотел продлить блаженство.

В комнату вошла жена загадочного соседа. Он представил ее публике.

— Ирма Грезе.

Ирма предстала перед нами в платье из темного прозрачного шелка. Под платьем ничего не было. В руке у Ирмы я заметил предмет, который вначале принял за поясок. Это был кнут.

...

Загадочный сосед уже давно привлекал внимание жителей нашего подъезда. Огромный, блондинистый, с прекрасной шевелюрой, сосед сиял как Юпитер яблочным румянцем на свободных от окладистой рыжей бороды, усов и бакенбардов щеках. Большой, симпатичный, уверенный в себе человек. Одно в нем было неприятно — узенькие глазки с белесыми зрачками. Ходил он в наш универсам не с авоськой, как все, а с плетеной корзинкой, очевидно несоветского происхождения. Гулял под руку с женой. В одной руке — жена, в другой — корзинка. Иногда отстранялся от нее, ставил корзинку на ясеневский грязный снег и декламировал ей какие-то вирши. Однажды я расслышал несколько слов.

— У лилий белизна твоей руки, твой темный локон — в почках майорана.

Из квартиры загадочного соседа доносилась музыка. Чаще всего — клавиесин и флейта. Музыкант?

Помню, при первой случайной — нос в нос — встрече в подъезде посмотрел на соседа и подумал как Берлиоз: Прибалт? Швед? Немец?

Весь белобрысый, а борода рыжая, холеная. Может быть, курляндский шпион? Чухонский викинг? Карело-финский атташе?

Загадочный сосед представился так: Валерий Виткевич, доцент, читаю лекции от Всероссийского общества слепых.

Говорил он с легкой, как мне вначале показалось, картавостью. Тут же до меня дошло — не картавость это, а акцент. Чех, что ли?

— Женился на сокурснице-москвичке и остался в СССР навсегда. До этого жил в Гданьске. А еще до этого — в Бремене.

Бременский музыкант!

— Какого же лешего вы цивилизованный мир оставили? Ганзейский союз, Солидарность, Валенса, верфи. Про свободный город Бремен я уж и не говорю. Заоблачные высоты. Петух на коте.

— Для вас высоты, а для моих родителей, этнических поляков — ад на земле. А по Гданьску скучаю конечно. Чудесный город. Родина Шопенгаура. Фонтан Нептуна. Страшный суд.

— И в Гданьске тоже?

Сосед приложил длинный пухлый наманикюренный палец к красным губам. Сделал мне знак, чтобы я подождал. Зашел к себе в квартиру, захлопнув у меня перед носом дверь. Я успел разглядеть фигуру его жены, обмотанную как мумия какими-то бежевыми тряпками с живописными разводами. Тряпки далеко не везде покрывали розовую, лоснящуюся, трясущуюся плоть. Фигура метнулась в сторону и исчезла еще до того, как закрылась дверь.

Виткевич появился через минуту с большой заграничной книжкой в руках. Осторожно открыл ее и показал мне репродукцию.

— Вот, ознакомьтесь. Триптих Мемлинга. Это то самое, против чего я агитирую.

От этой картины у меня в памяти остался только энергичный мохнатый черт, подцепивший багром монаха или священника. Огромные глаза дьявола напомнили мне расширенные базедовой болезнью глаза нашей учительницы биологички Берты Исааковны.

За эти выпученные и вечно воспаленные глаза школьники дразнили Берту Исааковну «дрозофилой». Дрозofiла обожала организовывать вылазки на природу с палатками и пионерскими кострами, которые называла «полевыми исследованиями подмосковной фауны и флоры».

В деревне Павичи на реке Пугре, на берегу которой Дрозofiла разбивала обычно наш палаточный лагерь произошла однажды ужасная история, о которой даже сообщила всемирная служба Бибиси. Алексей Максимович Берг назвал этот прискорбный инцидент «примером моральной деградации

советской деревни», жадно смаковал душераздирающие подробности, вспоминал не к месту химическую войну, развязанную Тухачевским против крестьян на соседней Тамбовщине.

Помню, подъехал милиционер на запыленном мотоцикле с коляской. Вызвал Дрозофила, пошептал ей на ухо и уехал. Дрозофила побледнела и схватилась за сердце. Послала меня и еще двух дневальных разыскивать и собирать детей для срочного отъезда в Москву.

Стояла редкая для конца августа влажная жара. Парило. Возможно это как-то повлияло на распоясавшихся злодеев. Или в водку попали какие-то особые, возбуждающие садистские наклонности яды?

Как еще можно объяснить случившиеся ужасы? Людоедство еще можно с натяжкой объяснить вечным советским недоеданием, дефицитом жиров и углеводов. Но принуждение к копрофагии? Асфиксиофилия? Салиромания?

Судьба изредка бывает благосклонной. Ни школьники, ни Дрозофила, ни сопровождающий ее во всех экспедициях, ночующий почему-то всегда с ней в одной палатке долговязый географ Рожков, многодетный отец и страстный любитель утренней рыбалки, не пострадали.

Заболоченные леса кишели ящерицами, тритонами и лягушками. Нудная биологиня заставляла нас собирать растения для школьного гербария и ловить насекомых для коллекции. Девочки терпеливо искали листики и цветочки, географ Рожков невозмутимо удил плотву на поросшем камышами берегу Пугры, а мальчики, вместо того, чтобы гоняться за бабочками с сачками в руках, убегали к ближайшему пруду. Ловили там лягушек и жаб, надували их через травинки и «плющили» о деревья. И радостно смеялись когда раздавался хлопок...

ТРИСТА ТЫСЯЧ ЮАНЕЙ

Перечитал сегодня мой рассказ «Жасмин». Первый опыт декоративного коврокчества на тевтонском материале. Тот еще получился коврик. Как сюртук Чичикова — брусничного цвета с искрой. Кудряво написано. Поторопился я с его печатю в зеленых «Мостах». Не исправил несколько очевидных огрехов. Не все гнилые нитки выдернул. Прямые определения, повторы, авторские ухмылочки...

Засбоил. Потому что этот текст измотал меня своими поворотами-разворотами. Я ведь всегда везу в тачке — по совету Хэма — раз в десять больше того, что в текст попадает. Работаю дольше всего с невидимым, ненаписанным материалом. С безтекстом. Текста нет, а тяжесть есть. Вот и заносит на виражах. Высыпаются песок и камни. Приходится разгребать, убирать, пылесосить.

Странное чувство: Автор — это вовсе и не я. Не ты, а кто же? Твой клон? Фантом? Мститель из подсознанки?

Астроном, конструктор точных приборов, точильщик призмочек и зеркалец, пожиратель спектров?

Нет, скорее азартный собиратель душистой травки чернухи, составитель душных как воротник у пальто холостяка гербариев, коллекционер морфем, этих золотых скарабеев, которые принято бросать в открытый рот читателя через глаза мертвый головы, ловец снов и другой нежной придури, щелкунчик арахисовых орешков — ассонансов и аллитераций, охотник за глазурованными сырками-големами, за лучающимися призраками свободы, за дикими псами-смыслами...

Черт его знает, кто, только не я.

Отражение в черной дыре.

А герои? Кто они? Выдуманные личности, фикшены? Или реальные люди-нон?

Пооди, разбери! Мулаты-мутанты, незаконнорожденные половинки, скороспелки-самозванцы, восстающие на автора карбонарии. Сорняки на обочине пустыря, заросшего пылью.

Но их прихоти и капризы для меня — столпы и утверждения истины. Их бьют, а мне больно. Потому что они единственные заместители-заменители навсегда ушедших из моей жизни людей.

Депутаты парламента небытия, объявившего мне войну.

И автор — этот болтун-графоман — только мой заместитель. Заместил, заменил, освободил от ответственности. И строчит себе, забавляется, разводит турысы на огненных колесах.

Поэтому, ты, дружок, не горюй, а играй себе и дальше в уголке у камина брусничными ягодами на медном подносе с гравированными ангелочками. Шей сюртук. А если надоест — свари морс в алюминиевой кастрюле. Попей и расслабься. Булочку пожуй с изюмом. А если совсем плохо станет, пойди, поброди по городу прошлого, где все улицы — как непрозрачное стекло.

...

Мы лежали на двух, положенных рядом друг с другом, матрасах.

Старинную двуспальную кровать орехового дерева, которую нам вместе с набором светло-зеленых кастрюль и видавшей виды гэдээровской стиральной машиной несколько лет назад подарил священник кирлитцской церкви «Мадонны милосердной» отец Непомук, я продал. Дешево отдал. Очень уж хотел от нее избавиться — кровать возвышалась в спальне как зловещий замок на равнине, назойливо напоминала мне о закончившейся недавно неблагополучной семейной жизни.

Полпятого утра.

Огромная комната с двумя высокими полукруглыми окнами уже пронизана бледными, изрезанными кружевной занавеской лучами июльского солнца, отраженными от окон дома на другой стороне Бланкенбургской улицы, одной из самых шумных и вонючих в городе.

Моя подруга еще спала, раскинувшись на простыне как распятый рядом с Иисусом разбойник и разбросав по смятой в гармошку лиловой подушке свои прекрасные золотые волосы, а я проснулся и страдал от неутоленной страсти.

Погладил спящую по щеке и осторожно поцеловал в невыразительный светло-розовый сосок маленькой груди, вылезшей из голубой шелковой — с белыми журавликами — ночной рубашки. Влада открыла глаза и прошептала: Милый, да, да!

Подалась ко мне и вдавила свою грудь мне в рот как сливу.

...

Около шести мы расползлись по своим матрасам, Влада уснула, аккуратно уложив предварительно волосы и обернув их косынкой, а я задремал. Тело блаженствовало, душа почему-то ныла, ну да мне к этому не привыкать.

Перед глазами медленно побежали рыжие лошади, которых я когда-то в прежней жизни видел в Приэльбрусье. Прошел полупрозрачный абрек в бурке и папахе, улыбнулся мне и помахал нестрашно шашкой, за ним проплелся добрый ослик с картины Пиросмани, сидящий на нем грузин с зонтиком в руках снял свою бархатную шляпу и поприветствовал меня.

Передо мной открылся потрясающий вид на двуглавую вершину Эльбруса, освещенную заходящим солнцем. В голове прошелестело — Чегет, Чегет...

В последний момент перед окончательным растворением в блаженном снежно-розовом свете я очнулся. Потому что услышал странные шорохи из соседней комнаты и тихие голоса.

Сон исчез как капля горящего спирта на ладони.

В голову ударила зеленая молния: Жена вернулась! С детьми!

Что делать? Жена приехала ночным поездом, предупредить не смогла, потому что у тебя в проклятом Кирлитце нет телефона, хотела сделать сюрприз, помириться, а ты валяешься с этой дурой на ложе из матрасов, семейную кровать продал...

Что ты дочкам скажешь? Они сейчас в спальню ввалятся, папа-папа, и увидят — кровати нету, а голый папа с незнакомой тетей.

Второй раз в жизни впал я в панику. Первый раз это случилось на склоне той самой горнолыжной горы Чегет. Рыжие красавицы лошадки окружили меня, одинокого путника, забредшего сдуру на альпийский лужок, где пасся полудикий табун — голов в триста — и начали давить меня замшевыми боками и так неприятно ржать и фыркать, что мне показалось, будто они задумали раздавить меня насмерть. Спас меня тот самый абрек в папахе. Появился как Бог из машины, зарорал что-то гортанно на проклятых лошадей, и они от меня отстали.

Лежу и паникую. Ожидаю торжественного входа в спальню жены с двумя дочерьми. Ноги и руки похолодели, в висках страх молотком бьет.

Ужас...

Разбудил Владу.

— Милая, вставай, одевайся, моя жена приехала. С дочками. Сейчас они сюда войдут!

Златовласка моя открыла глаза, скорчила недовольную мину, зевнула... Потом поняла и быстренько, как змея, спряталась под одеяло. Затаилась. Как будто ее и нет вовсе. Я даже одеяло потрогал, потому что мне показалось, что она на самом деле исчезла. Как морок. Нет, Влада была на месте, даже не дрожала, а только нервно хихикала. Гадюка!

Не надо было кровать продавать, сейчас бы спрятал ее под ней, как в французском фильме. Под нашей кроватью целый гарем поместился бы.

Я зажмурился, боялся встретиться глазами с дочерьми. Но никто в комнату не входил.

Прислушался. Шорохи. Голоса вроде громче стали. Расслышал несколько слов. Кажется и не по-русски и не по-немецки. Что за дьявол?

И тут меня осенило — это не жена, это воры! Румыны или цыгане. Взобрались по лесам, которые у нас во дворе уже год стоят, хотя никто ничего не ремонтирует. И влезли в открытое окно на кухне. Ходят теперь у меня как в магазине, решают, что взять, а что оставить.

Какое облегчение! Пусть воры, злодеи, бродяги, черти, только не жена с детьми. Сейчас завернусь в простыню и выйду их приветствовать в коридор.

Воры по-видимому решили, что никого дома нет. Когда я, босой, небритый, завернутый в лиловую простыню и ничем кроме моей радости не вооруженный, стремительно открыл дверь и вышел в коридор — оба вора спокойно рылись в моем секретере.

Увидели меня, опешили. Маленький стремительно направил на меня дуло моего браунинга, а другой, повыше и постарше судорожно прижал к груди мой любимый Никон и серебряную шкатулку с деньгами. Масляные, карие глаза обоих источали страх и смертельную ненависть. До меня еще не дошло, что передо мной дети — примерно четырнадцати и двенадцати лет, как младший выстрелил мне в живот. Если бы мой браунинг был заряжен боевым патроном, я бы наверно быстро отдал концы. Но — о счастье! — мое оружие было всего лишь пугачом. Выстрел был громкий, но холостой. Меня даже не обожгло вырвавшимся из дула как дьявол из пекла оранжевым огнем. Я заорал что-то для храбрости и кинулся на злодеев как Тарас Бульба на поляков. Малыш бросил пугач и метнулся к входной двери. Крутанул торчащий в замке ключ. Второй отшвырнул шкатулку и фотоаппарат и тоже бросился к выходу. Воры быстро открыли мою стеклянную дверь и рванули вниз по лестнице.

Как раз в это время жилец первого этажа, нелюдимый строитель-подрядчик Штайнман выводил из своей квартиры на прогулку овчарку Жаклин. Характер у Жаклин был трудный. Нервы у этой собаки были расшатаны сумасшедшей семейкой строителя. Сын хулиган и дочь проститутка часто приходили, выпивали у родителей весь шнапс, съедали, все, что можно, и канючили у подрядчика деньги, а он терпеть этого не мог и вымещал злость на жене — долговязой кобыле Мэнди. А та в свою очередь вымещала злобу на Жаклин. Мэнди ненавидела Жаклин как соперницу, она привязывала собаку к решетке камина и била ее кочергой по голове. Жильцы соседних квартир все знали, но никто и не думал доносить

в общество защиты животных, мрачного подрядчика побаивались, и свирепая, вечно на всех рычавшая и лающая Жаклин с огромными красноватыми зубами не вызвала особенного сочувствия.

Со своего четвертого этажа я услышал бешеный лай овчарки, зверский окрик Штайнмана, пытавшегося по-видимому оттащить злобного зверя от маленьких негодяев, попавших в ловушку. Входная дверь в подъезд была еще заперта. Чуть позже я услышал громкую ругань и стоны покусанных воров.

Я удовлетворенно закрыл входную дверь, вымыл руки, поднял и положил назад в секретер шкатулку и камеру, хлебнул два раза из горлышка холодного Мартини из холодильника и пошел в спальню. Рассказал все Владе. Посмеялся вместе с ней над собой. И, свободный и счастливый как горный орел, парящий над Чегетом, с удовольствием растянулся на своем матрасе. Заснул. Мне приснился забавный сон.

...

Сон о том, как накладно быть владельцем троллейбуса.

Вот, сижу я в подозрительном бюро с круглым окошком, из которого открывается вид на Золотой мост в Сан-Франциско, составляю какие-то сметы, считаю что-то на арифмометре и смакую почему-то апельсиновый сок, который в не сонном, бодрствующем состоянии терпеть не могу, потому что кишки разъедает...

Сижу, смакую, считаю, а думаю — только о моем троллейбусе. Переживаю за него. Потому что он — на линии. На дворе дождь, туман, фиолетовая мгла, по причалам бродят невообразимые чудовища, похожие на гигантских морских львов. Ветер воеет. Буря! Но троллейбус должен строго по расписанию следовать по маршруту. Задыхающийся, больной астмой водитель должен вежливо объявлять остановки, открывать и закрывать двери, трогаться, тормозить, следить за дорогой.

Пассажиры мой троллейбус не любят, они вытирают о чистый пол грязные ноги, режут мягкие сиденья ножами, царапают стекла алмазными стеклорезами, выворачивают с мя-

сом поручни, разбивают лампы, ломают автоматические двери, плюют, курят, устраивают драки, лупят в исступлении по пластиковым стенам своими тяжелыми черными ботинками.

Ко мне в бюро вбегают кредиторы, похожие на куклу Петрушка. Носатые, в красных колпаках и полосатых брюках. Руки у них четырехпалые. Петрушки-кредиторы требуют немедленно выплатить им проценты по займам. Грозят своими гнусавыми голосами откусить мне нос. Пляшут передо мной какой-то невыносимый гопад. Сверху вниз, по полированным стальным стержням, как пожарные, беззвучно соскальзывают налоговики-контролеры и выстраиваются передо мной полукругом. Их лица похожи на дурацких идолов с острова Пасхи. В их каменных руках — бухгалтерские книги. И вот я уже в суде. Толстомордые судьи-бурундуки мрачно смотрят в пол, а мои ослы-адвокаты брезгливо от меня отворачиваются и глазят на полные бедра свиньи-блондинки в третьем ряду.

Медленно и жутко поднявшийся из-под земли хор профсоюз требует сейчас же повысить зарплату водителю.

В бюро вваливается граф Цеппелин с моделью дирижабля в руках. Не без скрытого торжества он рассказывает мне о том, что цены на запчасти для троллейбусов выросли, а китайский юань упал.

— Пересаживайтесь на дирижабли, призывает меня граф, — переходите на юани...

И он показывает мне пачку затрепанных банкнот различных цветов с противной кукольной мордой Мао.

Прямо через круглое окно ко мне в бюро въезжает мой троллейбус и застывает у меня перед носом. Он пуст. Нет ни водителя, ни пассажиров.

Я беру троллейбус в руки, очищаю его от грязи и аккуратно запаковываю в подарочную коробку. Затем звоню в Гамбург моему богатому приятелю и предлагаю ему купить троллейбус.

— Почти как новый! Отдам задешево. Триста тысяч юаней.

ИНЕС

У меня в руках был чемодан — и я знал, что это все, чем я владею на земле. В чемодане хранились мои рисунки и несколько любимых книг.

Когда-то, еще в моей московской жизни, у меня и впрямь был такой, старинный, с металлическими заклепками на углах чемодан, и в нем я действительно хранил свои рисунки тушью. Куда-то он потом делся, исчез... или я его просто выкинул... не помню... но в том моем позавчерашнем сне чемодан вернулся ко мне, налился тяжестью тысяч бумажных листов и... и тащить его во сне было также трудно, как и в бодрствующем состоянии.

Да, во сне... я вылез из круглого отверстия в стене дома, похожего на дольмен... и пошел по тротуару широкой улицы, по обеим сторонам которой стояли одинаковые дома, тоже похожие на огромные дольмены или скворечники. Без окон, с круглыми, грубо вырубленными в массивных бетонных стенах, отверстиями. И вот, иду я по выложенному громадными плитами тротуару, тащу чемодан.

Автомобильного движения на улице нет, но в темно-коричневом небе, прорезанным зловещими золотистыми волокнами, летают странные самолеты... они напоминают мне детские игрушки, сделанные из полированного дерева... на носках у них пропеллеры... они производят несносный шум, эти бипланы... уродливые, несимметричные машины.

Я подхожу к перекрестку... и вдруг осознаю... что не знаю куда идти... что забыл, где я живу.

Это приводит меня в ужас. Я начинаю бегать туда-сюда... я мечусь как угорелый... в ночи... по этим бесконечным улицам, среди ужасных одинаковых домов, похожих на дольмены.

Теряю где-то свой чемодан и не сожалею о потере.

Неожиданно сам для себя забегаю в внезапно открывшийся передо мной туннель... я бегу по туннелю и мне кажется, что кто-то преследует меня и вот-вот вопьется мне в спину зубами... выбегаю на квадратную площадь.

Посреди ее стоит монумент — огромная, отлитая в бетоне игральная кость, а на ней восседает обнаженный мужчина — колосс с головой и клювом тукана. Длинная его шея изогнута, голова запрокинута, он смотрит в небо прямо над собой.

Я пробегаю под его двадцатиметровыми бедрами и оказываюсь перед домом с полукруглой надписью на фасаде — ПОЛИЦИЯ. Открываю маленькую дверцу и попадаю в зал, на противоположной стороне которого стоит письменный стол... за ним сидит симпатичная дама и читает какую-то казенную бумагу. Я иду к ней, под ногами у меня хрустит песок.

— Меня зовут Антон Сомна, я забыл, где я живу. Не могли бы вы мне помочь?

Полицейская дама кивает мне почти благосклонно.

— Покажите паспорт, господин Сомна.

Я вынимаю из кармана толстую книжечку — и подаю ее блюстительнице порядка. Я знаю, что в паспорте мой адрес не указан, но верю в силу ее власти, верю, что она умеет читать между строк... терпеливо жду... а она листает мой паспорт и водит по его испещренным печатями страницам рукой, как будто читает книгу для слепых. Она кладет паспорт на стол, открывает один из ящиков письменного стола и достает оттуда толстую пыльную книгу... ищет страницу... находит... и кивает удовлетворенно.

Смотрит на меня... в ее взгляде — ледяное презрение. Пауза затягивается. Зыбучий песок у меня под ногами начинает затягивать меня в свои жуткие недра. Я хватаюсь за стол... умоляюще смотрю на полицейскую даму... я готов простить ей ее презрение ко мне... мне только нужно узнать адрес... я хочу домой... лечь в теплый угол и забыться сном.

Наконец она прерывает молчание.

— Господин Сомна, вашего имени нет в списке. Но я нашла рапорт полиции Миранды. Вы умерли во сне тридцать четыре года назад, и с тех пор незаконно бродяжни-

чаете в нижних мирах... Поймите, вам нет места среди нас! У вас нет тут пристанища. Я не могу разрешить вам вечно странствовать!

Она говорит, а ее приятное лицо искажается, превращается в морду тукана, за ее спиной отрастают крылья. И вот, она уже раскрывает свой огромный клюв и взлетает.

И зал оглашается ее невыносимым клетотом и скрежетом ее когтей.

...

Проснувшись в холодном поту на узкой койке, я решил во что бы то ни стало снять собственное жилье. В тот же день направился в общину и попросил секретаршу порекомендовать мне квартирного маклера. Она спросила меня, есть ли у меня деньги, и, услышав утвердительный ответ, тут же позвонила куда-то. Потом передала трубку мне. Меня спросили о квартплате, которую я готов платить и районе, в котором я хотел бы жить. Я ответил. Попросили подождать, сказали, что перезвонят.

Через полчаса некий господин Брукнер назначил мне встречу на завтра.

Я прибыл на место встречи на четверть часа раньше указанного времени, чтобы не спеша осмотреться.

Н-да... улица, как улица. Не широкая, шагов двадцать. Движение довольно бойкое. Выхлопами воняет и чем-то еще более тошнотворным. Ацетоном? Серой?

Дома солидные, построены еще до Первой мировой. Все пятиэтажные, с высокими двускатными крышами, стоят блоком, без пустот, облицованы зеленоватой керамикой. Фонари старинные, покосившиеся, газовые что ли? Почему их не поправят?

Дома напротив покинуты жителями, подъезды заколочены досками, на окнах — фанерные щиты. На одном из них граффити — синий череп, высунувший длинный раздвоенный язык. На другом — портрет печального Цезаря. На его лысой голове диадема, он одет в ночную рубашку. Цезарь положил свою тонкую руку на деревянный подлокотник, на его плече сидит гриф.

Господин Брукнер, несколько старомодный джентльмен среднего роста, прибыл точно в назначенное время. Вылез из своего черного пикапа, молодецки притопнул ногой, дернулся как-то неестественно, огляделся, потрогал горло, посверкал золотым перстнем на мизинце, криво, но учтиво поклонился, приподняв свой рыжеватый цилиндр, и уверенно показал мне, куда идти. Обошлись без рукопожатия.

Нырнули в темную арку. Пахло гнилью. Справа — три ступеньки и дверь в подъезд. Тяжелая, замызганная, снизу как будто обгрызенная крысами. В подъезде пахивало кошатиной. Предлагаемая мне квартира — единственное жилье на первом этаже. Рядом — нежилое помещение, в котором во времена ГДР помещался танцзал, а до войны — бордель — Кэтти Крузе... все девки там были толстые как свиньи, но одеты как куколки, в пестрое шелковое полупрозрачное белье... и размалеваны соответственно, пояснил Брукнер.

Маклер потряс увесистой связкой ключей, открыл входную дверь, впустил меня, зашел сам, и тут же начал, слегка заикаясь, расхваливать квартиру, или, как он ее называл, — студию. При этом почему-то ходил по кругу, как цирковая лошадь, даже не ходил, а медленно бежал, поднимая с пола облака пыли и встряхивая крупом, отчего нелепо, горбом, вздымалась, показывая свою клетчатую изнанку, серая пелерина на его пальто. Несколько раз кудахтанье маклера прерывалось ржанием или бляньем.

— Недалеко от центра! Парк, кирха, городской пруд — все рядом! Гуляйте, молитесь, лодку возьмите на станции и гребите себе, сколько хотите! Бе-еее... Конечно, не шик! Но для несемейного мужчины хватит. Я слышал, вы художник! Нам сейчас тут только художников не хватает! Ну что же, продадите кучу картин, разбогатеете, снимете себе квартиру на Касберге. Или купите виллу. Пригласите меня тогда на пельмени. Все русские едят пельмени и борщ! И пьют водку. Я знаю, меня приглашал ваш комендант. Я потом болел три дня. Что? Вы не пьете? Чудесно! Будете жить долго-долго! И-иии-го-го! До автобусного вокзала — сто метров, до железнодорожного — десять минут идти. До Мюнхена ехать — шесть часов, до Берли-

на — два с четвертью. Только не работает дорога, у нас наводнения, знаете ли... Рядом кондитерская, за углом — Эдека, за другим углом — угольная торговля, не придется везти уголь издалека. Мой вам совет — покупайте брикеты. Не берите ужасный польский уголь. От него только вонь, как от вашего социализма. Да, да... отопление печное, но зато... небывало низкая квартплата! Где еще вы снимете студию за двести десять? Даром, даром, отдаю! Только для вас. Залог — пятьсот. На всякий случай... Я надеюсь, вы не замажете помещение красками, не спалите дом и купите домашнюю страховку. Гонорар маклера — сто пятьдесят. Заплатите залог, гонорар и квартплату за два месяца вперед — и въезжайте хоть сегодня. Прямо сейчас! Можно наличными, под расписку. И кровать от прошлого жильца, настоящий палисандр, достанется вам! Спите на здоровье как бог во Франции! Вот и ключи! И-и-и-и-и-го-го!

Маклер увидел в моих руках купюры и заржал особенно громко.

Подбоченился, подпрыгнул и щелкнул ножкой о ножку. Пелерина взлетела как орел, но тут же приземлилась на его плечи. Брукнер чихнул, задохнулся, закашлялся, потрогал горло... вручил мне три ключа, глянул многозначительно на меня потерявшими глубину глазами безнадежного кокаиниста, и сказал доверительно, как на исповеди: Да, совсем забыл, вас тут ожидает один очаровательный сюрприз!

После чего стремительно покинул квартиру, не забыв впрочем уже с лестничной клетки напомнить мне о том, что я должен зайти завтра в десять в его бюро и подписать договор об аренде. Я был рад больше не видеть его сумасшедшего кружения, не слышать его резкого, похожего на птичий голоса, то по-опереттному подобострастного, то мелодраматически угрожающего, от которого у меня зудело в ушах.

Обошел еще раз мою студию.

Две комнаты. Первая — вроде как прихожая. В ней — стол, стул, черный от грязи умывальник, на котором лежала поржавевшая опасная бритва, изготовленная кажется еще до отставки кайзера, газовая плита на две горелки, печка... отделенный от остального помещения тонкими стенками туалет

без двери, открытый душ, унитаз, а на стене еще два писсуара, в одном из которых валялись окурки, а к пожелтевшей внутренней стенке другого прилипли несколько лобковых волосков, не похожие на знаки вопроса. Окна в прихожей не было. Точнее, было — небольшое застекленное окошечко, но не на улицу, а во вторую комнату.

Чтобы войти из прихожей во вторую, главную комнату студии нужно было открыть ключом английский замок. Что за фантазия?

Вторая комната была просторной, светлой, метров тридцать пять квадратных... или сорок... три больших старинных окна выходили на улицу.

Только теперь я заметил, что форма этого помещения была, мягко говоря, необычной. Неправильный пятиугольник! Основанием ему служила длинная стена, прорезанная окнами. Примыкающие к основанию стены не составляли с ним прямого угла. Из двух оставшихся стен — одна была коротенькая, а другая — длинная и кривая, вогнутая. Очевидно за ней и помещались танцзал и — Кэтти Крузе. Потолок не был горизонтальным, а как бы скатывался от основания к вогнутой стене. Стены комнаты явно не выдержали бы проверку отвесом, а покрытый растрескавшимся линолеумом пол в студии вздымался небольшими волнами.

Но самым странным в этой комнате была не ее форма, а железная винтовая лестница в темном углу, не ведущая никуда, исчезающая в потолке и возможно винтящаяся дальше в квартире надо мной и выше, до самой крыши.

Упомянутая маклером кровать стояла под окошком в прихожую. Старый ее, покрытый радужными пятнами, матрас прохудился и потерял изначальную форму. Я присел на краешек кровати и несколько раз сильно ее качнул. Кровать жалобно закричала, но не сломалась. Обрадовался — не надо покупать новую! Денег у меня было в обрез, средства на переезд дала мне одна пожилая немка, Габи, с которой я познакомился в нашей общине. Сунула мне в карман тысячу двести марок и прошептала: Отдадите, когда найдете работу. Я все эти прелести проходила, знаю, что такое нужда.

У меня не хватило сил отказаться от помощи, уж очень гнусна была жизнь в общежитии. Я поблагодарил Габи и поцеловал ее в хорошо пахнущую щеку. Она покраснела.

Потом мне рассказали, что Габи — венгерская немка, что советские после освобождения Венгрии арестовали ее и отправили в Воркуту, из которой она вернулась только через десять лет.

Рядом с оконцем в прихожую, висели настенные часы с маятником. В простом деревянном футляре, вверху — круглый циферблат, под ним — прямоугольное окошко, сквозь которое было видно качающийся маятник с латунным диском на конце, размером с блюдце. На часах стоял нелепый деревянный голубь, грубая кустарная поделка. Я решил выкинуть и часы и голубя — терпеть не могу вечного тиканья, этого назойливого напоминания о конечности бытия, не люблю и голубей.

...

Процедура подписания договора заняла минут двадцать.

Маклер говорил без пауз, трогал себя за горло, объяснял мне преимущества сданной мне площади, нервно крутил перстень на мизинце, пророчил мне великое будущее, напрашивался на водку и пельмени, мычал и ржал. Хорошо хоть по кругу не бегал.

Я стоял рядом с его столом и смотрел вниз. Казался себе самому живой Пизанской башней. В Германии я — бесправный беженец — живо выучился тому, чему никак не мог научиться на моей советской родине, — молчанию и смирению перед лицом торжествующей пошлости. Днем перевез в студию мои пожитки из общежития. Как мог прибрался в своей новой берлоге. Накупил химии, вымыл окна, отскреб отвратительные багровые наслоения на полу рядом с плитой, вычистил заросший плесенью душ, вымыл туалет, и стол, и стул, и кровать... протер влажной тряпкой покрашенные масляной краской стены, с трудом преодолевая брезгливость, разрезал старый матрас на четыре части, вынес их из дома двумя носками и всунул в мусорный бак. Сходил в мебельный, купил новый матрас и два комплекта фланелевого постельного белья с лиловыми грушами и яблоками, приволок все это в студию, уложил в кровать новый матрас и постелил.

Съел булочку из темной муки, попил горячей кипяченой воды, принял душ, залег в постель и открыл книгу — Женщина на Луне. Читать не смог, заснул как убитый. Видел сон. Будто бы стою я — огромный деревянный истукан — в степи, на голове у меня монгольская шапка, в руках — булава и держава. А недалеко от меня стоит женщина-скелет с огромным светящимся животом, похожим на яйцо.

Проснулся ночью. Часы на стене показывали половину третьего. Сразу заметил — голубь пропал. Улетел? А может быть, его тут и не было никогда? Прислушался. Улица была тиха, машины еще не ездили, птицы не пели, хотя должны были петь в начале июня. Мертвая, неестественная тишина.

Пошел в туалет. Решил воспользоваться писсуаром. Вот и сюрприз — в писсуаре валялся окурок! Как же он туда попал? Я же тут несколько часов назад все сам вымыл, вычистил.

Лег и провалился в тот же сон. Только теперь я был не статуей, а голым до пояса, босым пастухом. И я должен был бичевать свое костлявое тело плетью и подниматься по лестнице. По той самой, винтовой. Выше и выше. А наверху, на Луне, меня ждала лежащая в песчаных дюнах женщина с неохватным животом и с ногами, уходящими, как горная гряда, за горизонт.

...

Разбудил меня какой-то шум. Кто-то чем-то гремел, басовито хохотал и даже запел песню. Я протер глаза... в предрассветных сумерках моя комната показалась мне декорацией экспрессивного немого кино. Кабинет доктора Калигари.

Грохот и пение явно доносились из прихожей. Я заглянул в окошко... и увидел несколько физиономий. Как будто больных желтухой. Они с любопытством смотрели на меня. Я нашел в себе силы встать и натянуть брюки. Вышел в прихожую. Там обнаружил троих голых до пояса мужчин... двое брились и одновременно делали гимнастику, третий чистил зубы и напевал... они представились мне как Шульце, Кюнце и Мюллер. Это были мои соседи по подъезду. Толстенские мордочки господ Шульце и Кюнце напоминали рыла бобров или енотов. Он владел похоронным бюро. Рассказывая об этом, они почему-

то застенчиво хихикали и предлагали мне заключить со мной сделку... я плачу им пять тысяч марок, а они — все хлопоты возьмут на себя, когда закончатся отпущенные мне Богом странствия. Кажется, их вовсе не смущало то, что они оба были лет на тридцать меня старше.

Господин Мюллер был похож на поставленную вертикально жужелицу. Когда он сказал, что работает в полиции, мне в голову пришла известная цитата: Хищный от природы характер он прикрывал маской хорошего парня, презрение к закону — мундиром.

На мой робкий вопрос, что они собственно тут делают, незваные гости ответили не без удовольствия: Вы, кажется, не поняли, господин Сомна... это помещение не принадлежит вам, а является туалетом общего пользования жильцов нашего дома. Это возможно и прискорбно, но это так, а если вы нам не верите, прочитайте внимательно договор, который вы вчера подписали!

Мне оставалось только с позором ретироваться в свою комнату.

Кое-как заклеил окошко в прихожую-туалет газетой, оттащил кровать подальше от окошка и прилег. И вот, я снова там, на Луне. О, ужас! У меня нет тела, я — голова, и я качусь по пыльным дюнам, и вместе со мной катятся еще тысячи голов. И все мы ворчим и катимся, вроде как свита, за брюхатой женщиной, идущей впереди... нашей повелительницей... ее длинные черные волосы развеваются на лунном ветру... вот она подняла руки, с безвольно опущенными кистями и запела протяжную гортанную песню.

...

Долго спать мне не дали.

— Господин Сомна! Господин Антон Сомна, я знаю, что вы тут, откройте!

— Входите, не заперто.

Ко мне ввалился человек-жук, старший полицеймайстер Мюллер... в новеньком зеленовато-бежевом мундире. Господин Мюллер извинился за то, что меня потревожил, а потом заявил мне, что кровать, на которой я спал, принадлежит ему.

Он якобы получил ее в наследство от отца. У него сохранилась квитанция, доказывающая, что кровать эта, кстати, вовсе не палисандровая, а изготовленная из американского тополя, была куплена его отцом в 1933 году в Дрездене. К вящему своему неудовольствию, он обнаружил в мусорном баке матрас с его кровати в разрезанном виде. В связи с этим он подает жалобу в местное Управление внутренних дел на незаконное использование мусорного контейнера и на частичное уничтожение его собственности.

Я попытался было оправдаться, сослался на маклера, но господин Мюллер был непреклонен. Тогда я предложил Мюллеру сейчас же забрать его собственность вместе с новым матрасом из моей студии. Это решение не понравилось господину старшему полицеймайстеру, он побагровел и заявил, что готов продать мне кровать за три сотни марок и отозвать жалобу. Глядя в его мигающие белесые глаза, я вдруг понял, что эта кровать никогда не принадлежала ни ему, ни его отцу.

Предложил ему семьдесят пять. Больше у меня не было. Мюллер взял деньги и удалился, тяжело вздымая и опуская длинные конечности и яростно сжимая и разжимая мандибулы.

На дворе все еще не рассвело. Я закрыл глаза. Во сне меня посетила фрау Хэнне, жительница четвертого этажа. Она заявила ко мне обнаженной. Фрау Хэнне томно посмотрела на меня и, ни слова не говоря, легла на мою постель и развела свои полные бедра, на внутренней стороне которых темнели многочисленные синяки. Несколько небольших синяков я заметил и на ее большой отвислой груди. Ее нагое тело напоминало мне вареную курицу. Фрау Хэнне произнесла нерешительно: Не подумайте чего такого, господин Сомна, это все причуды треклятого Мюллера.

И крепко сжала меня ляжками.

После ее ухода, я запер дверь в прихожую на замок.

...

Проснулся я оттого, что кто-то положил мне руку на лицо и прекратил доступ воздуха в нос и рот. Я дернулся, судорожно вздохнул.

— Тихо, тихо, мой мальчик, куколка моя, все хорошо.

Говорила стоящая рядом со мной женщина. Худая как смерть и длиннорукая. Ее лицо напоминало тот синий череп на улице. Темное узкое платье без бретелек едва закрывало ее плоскую грудь. Длинный сосок ее правой груди торчал как мизинчик.

— Кто вы? Как вы вошли сюда?

— Меня зовут Инес Зибель. Я не вошла... я была тут всегда. Ты можешь звать меня просто Инес. Инес. Инес...

Ее голос действовал на меня гипнотически.

Меня больше не интересовало, как она зашла в закрытую на ключ комнату. Ни ее внешний вид, ни ее присутствие в моем жилище не волновали меня. И этот мрачный дом и безумные его обитатели, и эта полумертвая улица, и сам тяжелый промышленный город К., как будто висящий у меня на шее с тех самых пор, как я вышел на перрон его вытянутого как гроб вокзала — все это вдруг перестало меня давить и мучить.

Я услышал, как шелестит лунный песок, гонимый космическим ветром, я почувствовал, как Инес положила одну свою холодную, костлявую руку на мое лицо, а другую — на сердце, и даже не вздрогнул, когда больше не смог вздохнуть.

ДАРЖИЛИНГ

В каюту влетела бабочка-однодневка.

Я взволновался и залез на потолок.

Одета команда и слуги в одинаковые синие балахоны до колен. У капитана на капюшоне вышита золотой ниткой восьмиконечная звезда. К ней пришит бубенчик. Капитан — паркинсон и заика, подает мне трясущимися руками таблетки и говорит, что все будет хо-хо-хо-рошо. Обещает подарить мне тюрбан, если я буду паинькой. Какое такое хорошо? Того и гляди свалимся в пропасть или утонем в болоте. Ау!

Сегодня я видел поезд! Откуда он взялся, понятия не имею. Кто его вел, куда он ехал? Может быть в нем такие же люди как мы оборудовали свое убежище и теперь катаются по пустым железным дорогам? На одном из вагонов стоял, широко расставив ноги, человек, похожий на ворона, и кивал мне клювом.

Дождевую воду, воду из рек или водоемов пить нельзя. Мы пополняем свой запас воды на неразграбленных складах крупных торговых сетей, так мучивших нас прежде своей несносной рекламой. А на невзорвавшихся бензоколонках высасываем специальным насосом дизельное топливо. Как шмели — нектар на ваших анютиных глазках.

На библиотеку напали шестеро мужчин. Все они брюнеты.

Пит, Джо, Кэр, Дуг, Мек и Трик.

Они сожгли все учебники истории и изнасиловали шесть блондинок.

Ивон, Линду, Жизель, Сару, Леонор и Мэри-Лу.

У Дуга выросли крылья, как у самолета.

Джо умудрился потерять свой кольт. И начал куковать.

Кер сказал, что история всегда вранье.

А у Сары выпала вставная челюсть.

Сегодня ехали через пустыню. Марсель проникновенно играл Баха на нашей фисгармонии, а я глядел на дюны. Одна из них напоминала гигантскую женщину, расставившую ноги... с головой кошки.

Сфинкс.

Господин Робер всегда одет в пахнущий духами Богема легкий бежевый костюм. У него детская добрая душа. Он приводит ко мне Зизи и Бубу, этих славных очаровашек, и мы часами кувыркаемся. Только пух летит к потолку. А потом засыпаем вместе.

Земля принадлежит теперь крысам, тараканам и лопухам.

На них радиация не действует.

Не то что на коленки приматов.

Из моей головы не выходит женщина с кошачьей головой. Она становится все больше и больше, заслоняет собой горизонт. Я отчетливо вижу трещины на ее зеленоватой каменной коже и слышу ее томные вздохи. Вот она медленно разевает свою ужасную пасть. Зеваает.

И зовет Мэри-Лу завтракать подземным голосом.

Два наших повара-итальянца Марчелло и Джино носят кожаные фартуки на голое тело и комичные колпачки с пестрыми ленточками. У Марчелло длинные руки и очень большая голова. Иногда он снимает ее с туловища, ставит на плитку — и подолгу беседует с ней. Неужели он за свои сорок восемь лет еще не устал от ее рассказов?

А у Джино есть удивительные туфельки, посмотришь на них справа — они малахитовые, а слева — они не туфельки, а сирень. Джино никогда их не надевает, так и ходит босой, поэтому пятки у него грязные.

Любовался сегодня видами на пагоды. Сколько же их успели понастроить в Шварцвальде! Кажется, они изготовлены из светлого матового фарфора. Надо попробовать кипятить в них молоко.

Женщина-сфинкс наконец исчезла. Ее мелодичные стоны больше не тревожат меня во сне.

Ее место занял ластоногий ящер. Он сидит на куче костей, жует, шевелит длиннющими усами и издает неприятные ут-

робные звуки. Хрюпает. Его называли Господином мира. А он каждый день требовал на завтрак ветчину из послушных подданных. Робер бросил его в бассейн с морской водой, пусть себе плавает как поплавок.

Наши охранники — Жан и Жак носят черные шорты и рубашки без рукавов. Они часто ходят ночью на цыпочках по моей каюте... что-то ищут... вьются, вьются вокруг моей койки, как осы вокруг тетиного мармелада. Они же выполняют обязанности судовых палачей. Я знаю, там, в черных сундуках в капитанской кладовке, хранятся маски, красные плащи до пят с капюшонами, розги, пилы и топоры. Однажды я заглянул в кладовку и видел, как на одном из сундуков темно-фиолетовые летучие мыши справляли свадьбу. Неприятное зрелище, поверьте! Глядя на них, морские свинки вздыхали и притоптывали, а бурундучишки надували щеки и трубили.

Сегодня видел, как по реке плывут тысячи трупов.

Наверное повстанцы.

Марсиане не появлялись на своих треножниках.

Длинноносый судовой врач Лучано носит белый халат, который охотно меняет на судебную мантию. Ох и любит он важничать! Прямо генерал. В его кабинете стоят стеклянные шкафы со скальпелями и пинцетами. Есть и цинковый стол — и этот доктор Шнабель играет на нем, как на органе. Потому что он электрический.

Мне показалось, что у меня растут уши и уменьшаются руки. Я начал мерить их линейкой. Действительно, и растут и уменьшаются, примерно по четверти миллиметра в день. Скоро не смогу ширинку расстегнуть, но зато смогу летать. Виу-виу-виу.

Наш струнный оркестр, состоящий из восьмерых ассирийцев, одет в препарированные фракы. Спереди — фракы выглядят вполне благопристойно, сзади же — все уже не так чинно, потому что зады музыкантов обнажены. И они светятся в темноте как ночные лампы! Так всегда у ассирийцев. На нашем корабле никто над ассирийцами не смеется.

Только Маркиз стреляет в них через трубочку бузиной.

После окончания вечерней программы оркестранты прячут свои лиры и лютни в футляры, ужинают с другими слугами и уходят на нижнюю палубу, где укладываются спать в общей каюте, из иллюминаторов которой можно ухитриться поймать за хвост пятилапного кролика или сорвать поющую маргаритку.

Мы начали свой путь на восток по воде, а затем, по мере приближения к Рудным горам, все чаще передвигались на колесах — по пустым автобанам и проселочным дорогам. Двигались медленно. Быстро наш драндулет не может. Иногда капитан специально кругаля дает... и крутит, крутит... объезжает атомные станции. Работающие на них люди умерли. Графитовые стержни давно расплавились... станции превратились в пылающие атомные котлы... по ночам видны на небе багровые зарева.

Мы предпочитаем носить цветные шаровары из китайского шелка и муслиновые рубашки.

Я обвешал себя сегодня серебряными грушами. А Маркиз целый день проходил в костюме Адама. Робер подарил ему заводную мышку. И Маркиз гоняется за ней как кот.

Мы катим по затвердевшему дну давно пересохшей реки на речном трамвайчике, который предусмотрительные инженеры снабдили сотней стальных колес на мягких рессорах. Колесики шуршат шур-шур-шур. Река была узкой и глубокой, поэтому из иллюминатора я вижу только стены из земли, песка и камней. И ласточкины норы. Чтобы увидеть мир наверху, нужно задрать голову. А я боюсь, что у меня кадык выпадет.

Видел огромное кривое дерево, на котором висели повешенные. Человек двадцать. На лысой безносой голове одного из них сидел неизвестный мне зубастый зверек.

Он пел песенку тра-ля-ля-ля-ля.

Изредка мы встречаем на нашем пути и выживших — бездомных, ошалевших, отчаявшихся людей. Они бросают в наш корабль камни и истошно кричат. Помочь мы не можем — поэтому мы отвечаем им залпами трех наших корабельных пушек, расположенных на носу, корме и верхней

палубе. Палим в воздух безвредным фейерверком. Действует это средство безотказно, несчастные тут же разбегаются кто куда.

У меня начали трястись большие пальцы. Проклятый Шнабель небось и зуб вырвать не сможет. Чертов бездельник. Целый день дудит в свою алюминиевую дудку и трясет хоботком. Нюхает пачули и жует воск.

Конец света не за горами. А сверчки трещат себе. Ведь они хуже сорок. Прыгнул тут один на меня зеленый, на руке сидел, стрекотал-стрекотал, а потом затосковал и укусил. Я пожаловался Маркизу. Он сказал, что кузнечики не кусаются. А я точно знаю, что у них есть маленькие стальные челюсти и жала. Об этом мне мушка-золотушка рассказала.

На улице выжить невозможно, бактерии, попавшие в воздух из брошенной в панике лаборатории в Форт-Детрике распространились по всему миру и умертвили почти все население Земли задолго до наступления настоящего часа икс. Торопыги!

Мы обогнали трех королей.

Один из них был похож на Голема из старого фильма.

Он величественно помахал нам рукой.

И пустил ветры.

Около двух лет назад, когда информация о неотвратимом кошмаре была достоянием только узкого круга посвященных лемурув, мы без сожаления ликвидировали наши бизнесы, продали акции и коллекцию крокусов, отдали недвижимость на острове Бора-Бора нетерпеливым наследникам и купили речной трамвай.

Робер устроил потешную шахматную игру. Бубу и Кака играли против Марсея. Смешно тьякали и служили. А фигуры передвигал за них сам Робер. Вот мошенник! Как и все профессора.

Проиграл янтарный перстень. С семерки надо было пойти, что же я за дурак! Под бельгийских девяток непременно надо с семерки ходить. Тогда они ласковые.

Речной трамвай — самое доброе транспортное средство. У самолетов и автомобилей — акульки морды и плавники. У поездов — повадки гиены. Океанские лайнеры — притоны для разбойников и некрофилов.

Сегодня тащимся по дороге. Туман.

Ненавижу синий свет.

Никогда не знаешь, какое чудовище сидит в соседней комнате.

Или в голове у сожительницы.

Опять видел повешенных. На двух толстенных ветках сухого дуба висели. Четверо на нижней и четверо на верхней. Внизу взрослые, наверху дети. Наверное, семья. А на верхней, опиленной ветке, как на табуретке — восседала голая до пояса ведьма. Руки подняла, выла и раскачивалась. Так что и повесившиеся под ней качались. Как будто все вместе танцевали твист. Волосы у ведьмы стояли дыбом. Она заметила мое лицо в иллюминаторе — и жутко заgrimасничала... затем поманила меня к себе... подмигнула и потрясла черными отвислыми грудями.

А я взял свисток и давай свистеть.

Робер, кажется, втюрился в Марселя и затевает с ним вместе что-то судорожно-пакостное. Везде интриги, даже на нашем ковчеге. Что нам делить перед приходом шестиногой твари? Бубу или Зизи?

Пряники давно не давали на полдник.

Вики заболел. Я попросил санитаров усыпить его и сделать из него чучело, но они только плечами повели. Когда они это делают, то становится похожими на бобров. Прикажу Жану выпороть их по толстым меховым задницам, только не знаю, послушается ли меня этот тупой солдафон!

Ели мороженное страчателло.

Старая негритянка Офелия приготовила. А потом раздула шею пузырем.

Мурашки по коже. Похоже, она самец.

Навестил Марселя. Он переливал какую-то прыскающую желтым дымком жидкость из пробирки в колбу. Заявил мне, что его цель близка, и что он уже несколько раз держал в руке красную тинктуру. Что для окончательной материализации он должен дожидаться того момента, когда Сатурн придет в дом Юпитера. Не понимаю, как Марсель может долго тер-

петь в лаборатории трехметрового василиска, рыжих мужчин-петухов с жабыми лицами, опустившегося вора Плутона, красавчика Смита и других мерзких тварей.

Проезжали широченное поле. На поле стоял здоровенный камин.

В камине огонь яркий и гудит как паровоз.

Со всех сторон сбегались к камину люди. И бросались в огонь. А предводительствовал ими эмиссар Эмиль на коне. Конь этот испугался нашего корабля и понес. Поэтому эмиссар остался в живых. Оказалось, он умеет вязать морские узлы. Мы взяли Эмиля юнгой. Пусть ухаживает за мексиканскими собачками и рыбок кормит.

Около года специалисты одной из верфей Датского королевства переделывали речной трамвай Рейнского флота в бронированную машину, похожую на металлического жука, с роскошными каютами для гостей, и удобными помещениями для жизни и работы обслуживающего персонала. Голландцы построили мощную вентиляционную систему с сменяемыми биологическими и радиационными фильтрами, встроили в трамвай современную кухню, кинотеатр, бассейн, сауну, баки для воды и топлива. Бригада снабженцев наполнила наши холодильники гусиными печенками и жареными утками.

Нанять персонал не составило труда, золото творит чудеса и во времена приближающегося катарсиса. Ведь мы платим золотыми монетами. Звонкими монетками, отчеканенными в Каркассоне. С изображением человека, стоящего на коленях перед вставшей на задние лапы пантерой.

Сегодня Маркиз опять рассказывал о проделках Дюрсе. Вот, умора! Он оказывается пришел в полицию Миранды на ходулях, устроил там скандал... а на допросе рассказывал о том, что леший похитил его из детской коляски, когда мать присела справить нужду, и что родители нашли его только через десять лет в том же лесу, в котором он пропал. Будто бы его выкормила лиса.

Я видел летящего монаха.

Его несла сова с треугольной головой.

А спятивший винодел танцевал в бочке.

Маркиз, кажется, решил не на шутку приударить за Марчелло. Дождется, что Марчелло проткнет его вертелом или посадит на раскаленную сковородку. Ведь Марчелло из Сицилии, а там за предложение однополой любви полагается убивать.

Эпидемия началась через две недели после нашего отбытия из Роттердама, от смерти нас спасла случайность — как раз тогда, когда зараженное чумными бактериями облако накрыло Германию, мы находились под землей, в середине двадцатикилометрового туннеля. Чтобы не задохнуться в выхлопных газах, мы задраили люки и иллюминаторы и использовали наши кислородные баллоны. По радио мы услышали предупреждение о чумном облаке и решили остаться под землей как можно дольше.

Терпеть не могу муравьиную кислоту.

А Марсель режет ее ножом и втирает в кожу!

И танцует под пальмами в обнимку с белогрудым Филандером.

Мне приснилось сегодня, что я еду на открытом автобусе по мексиканской саванне. Потная, злая кондукторша унижает меня, называет бездомной собакой, грозит высадить, пытается вцепиться мне в щеки своими коротенькими малиновыми когтями. Я отбиваюсь, как могу. На остановке у поселка Мескалин в наш автобус входят старые знакомые кондукторши — длинный и гадкий, похожий на Хеллбоя с безобразными отпиленными рогами и толстый и бешеный, смахивающий на Робби Колтрейна, с гитарой и мешком. Кондукторша жалуется на меня длинному, и он бьет меня кулаком в лицо. А толстяк наяривает на гитаре фламенко. Пассажиры аплодируют им. А кондукторша делает Хеллбою минет.

Мы проезжали через разрушенный Франкфурт.

Видел идущую по канату девушку. Кто-то натянул канат между двумя небоскребами. Она поддерживала равновесие длинным бамбуковым шестом. А Сатана схватил шест своей костлявой лапой и обвил ногой ее изящное бедро. Над ними пролетел самолет. Через минуту на горизонте вспыхнул огненный шар. Точное попадание!

Маркиз рассказывал про марсиан. Про их безрадостную жизнь на холодной планете. Я пытался понять, марсианин ли я. Трудно думать без антенны на голове.

Я даже не знаю, человек ли я. В человеке все течет и изменяется, а во мне все застаивается как в луже.

Сегодня Робер привел ко мне двух лилипуток. Они не смогли заменить мне Додо. Их кожа не шелковиста, а пориста и груба, также как и их сальные шутки. Я не связывал и не бил их, они были и так согласны на все, но когда я стал по своему обыкновению усердствовать — обе распустили нюни и отказались продолжать игру. Я вызвал Робера и он увел их, плачущих, в комнату Жана.

Через неделю мы выехали из туннеля.

К тому времени от 400-миллионного населения Европы осталось в живых не более пяти тысяч человек. Хотя, кто их считал?

Марсель говорит, что человечеству давно пора исчезнуть. Мы не оправдали надежд.

Капитан принес две розовые таблетки и не уходил, пока я их не проглотил.

Вот уже четыре месяца мы катим по пустым дорогам мертвого континента.

Пузырь на шее Офелии все растет и растет.

Вики выздоровел, играл с нами, апортировал и лизал Маркизу шершавые пятки. Робер сказал, что это чудо воскрешения.

Обещанный мне тюрбан я так и не получил.

Доктор Шнабель заявил, что я галлюцинирую, и рекомендовал шалфеевые ванны и чай Даржилинг.

МАССАНДРА

Несколько раз они останавливались в гостинице «Массандра», построенной в одноименном парке в конце пятидесятых годов. В то время рядом с ней еще не было гигантского комплекса зданий «Интуриста», испоганившего парк и всю восточную Ялту. Южнее гостиницы, на берегу, еще не появилась ужасная трапецеидальная бетонная коробка, а маленькая церковка святого Николая, построенная в начале двадцатого века добреньким царем для санатория матросов-туберкулезников, стояла без купола, битая и изгаженная.

Советская Ялта отдыхала вовсю. На городских пляжах не было свободных мест. Морская вода воняла мочой. Вечерами отдыхающие танцевали и выпивали тысячи бутылок белого и розового Муската. Огромным спросом пользовалось полусладкое Крымское шампанское.

Из открытых окон пансионатов и санаториев доносились слова популярных песен: Расскажи-ка мне дружок, что такое Манжерок... Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никогда никому не скажу... Раз-два, туфли надень-ка, как тебе не стыдно спать, славная милая смешная Енька нас приглашает тан-це-вать...

Дорога к морю проходила рядом с Домом Актера. Алик и бабушка видели там однажды Райкина. Он производил впечатление неприветливого, раздражительного человека. Бабушка помахала ему рукой в старой белой шелковой перчатке, послала воздушный поцелуй и крикнула: Привет, Райкин! Bravo-брависсимо!

А народный артист РСФСР скорчил в ответ брызгливую мину и, опустив глаза, в которых мерцала самодовольная наглость успешного советского шута, демонстративно отвернулся и тут же бесшумно исчез.

Ходили они и в Массандровский парк. Гуляли по аллеям, любовались на экзотические растения, доходили до заросшего кувшинками прудика, в котором когда-то плавали золотые рыбки, и шли назад. Нагулявшись, расстилали в тени дуба или граба узорчатое одеяло, играли в карты, наслаждались ароматом акации, рокотанием прибоя и потрясающим видом на покрытое белоснежными барашками Черное море.

Бабушка читала толстенную «Неделю». Эту приятно пахнущую типографской краской газету «оставляла» для нее знакомая киоскерша. Бабушка не оставалась в долгу — в каждый приезд дарила киоскерше пачек по пять «Столичных». Киоскерша дома осторожно открывала красно-белые пачки и выкладывала сигареты сушиться на подоконник, а через несколько дней аккуратно засовывала их назад. Курила она эти сигареты только когда к ней в гости приходил ее закадычный дружок Филемон, по национальности грек, носивший элегантную соломенную шляпу и тросточку из бамбука, тоже киоскер, только с Набережной имени Ленина, и потому много о себе понимавший и относившийся к массандровской киоскерше несколько свысока. Филемон неизменно приносил с собой бутылку «Черного Муската» и коробочку мармелада. Киоскерша жарила в крохотном дворике шашлык. А после ухода Филемона каждый раз горько плакала.

Бабушка читала «Неделю», потому что «там нет политики и есть про Москву, про театры, артистов и кино». Почитав минут десять, она закрывала глаза и засыпала, и могла за просто проспять часа три. Спала она, впрочем, не глубоко, никогда, даже во сне, не забывала о своей роли няньки-охранительницы, часто просыпалась и закрывала глаза только удостоверившись в том, что Алик — не делает глупости, как все мальчишки, а мирно играет в солдатики, собирает цветочки или ловит бабочек большим зеленым сачком. Бабочек этих Алик, мальчик незлобивый, рассмотрев в лупу и показав бабушке, отпускал на волю (только крылышки иногда отрывал).

Однажды погнался Алик за бабочкой. За обыкновенной, репейницей. Толстой, мохнатой, оранжевой, с белыми пятнышками на темных концах крыльев, усыпанной золотой пылью. Репейница сидела на березке. Щупала что-то хоботком. Алик подкрался, занес сачок, хопп... сачок распорол воздух как сверхзвуковой самолет, но бабочка улетела, упорхнула в последний момент... и понеслась широкими размахами, туда-сюда, как будто находилась на концах крыльев огромной невидимой птицы. Алик побежал за ней... она села на алый цветок мака (бабушка говорила ему — не нюхай маков цвет, заснешь и не проснешься)... он подкрался... в немыслимом броске уже достал ее, но... поскользнулся, растянулся, да еще умудрился хрястнуться подбородком о вылезший жгутом из земли, твердый как мрамор корень.

Очнулся Алик не на земле. Поначалу и не понял ничего. А потом, когда понял, хотел встать и убежать, но его удержали сильные руки незнакомой ему рыжей женщины, у которой он — непонятно почему — лежал на коленях. Она сидела на траве, прислонясь спиной к трем перекрученным стволам тамариска. Босоногая эта женщина была одета в длинную голубую рубаху, под которой, и Алик сразу заметил это, колыхались, как две боксерские груши, свободные от лифчика, матовые груди. Длинные вьющиеся рыжие волосы падали ей на широкие полные плечи. В верхнюю петлю ее рубахи был продет лилово-синий цветок чертополоха. Одной рукой она крепко держала Алика за талию, а другой гладила ему голову. И причитала.

— Милый мой, не бойся, маленький мальчик, красавец, кудрявенький пастушок, ты ударился, но все пройдет, улетит бо-бо в небо, как твоя золотая бабочка, полежи, подыши, отдохни, красный камень полижи, боль сойдет-пройдет, соси, соси мою сисю, мальчик!

Она расстегнула рубашку, вынула грудь и сунула Алику в рот большой розовый сосок.

И он повиновался ей и принялся сосать... и ее молоко показалось ему божественно вкусным, сладким, как привезенная отцом из Самарканда халва. И боль прошла. И он заснул у нее на коленях.

Разбудила Алика бабушка, он лежал на их одеяле, а во рту у него почему-то был цветок чертополоха. Алик чертополох тотчас отшвырнул, вскочил, осмотрелся.

— Бабуль, а где эта тетка, в голубой рубашке?

— Какая такая тетка? Ты что это еще придумал, сорванец? Ты прибежал с четверть часа назад, сказал, что устал, и прилег. Никого тут не было, только глухонемой с матерью мимо прошли, но я им знаками показала, спит мол... не тревожьте... наверное, в сторону Сталинской дачи пошли, только ведь не пустят их туда. Слуги народа... Я тебе не рассказывала, а я ведь тут бывала, когда во дворце еще туберкулезный санаторий был. Завели меня туда, а там все с открытой формой. Ох, и дура твоя бабушка. Потом всех больных оттуда поганой метлой погнали. Ирод проклятый...

...

С глухонемым мальчиком и его доброй заботливой мамой они познакомились примерно за неделю до этого. Сидели в Массандровском парке на одеяле и карточные домики строили. Вдруг услышали какой-то гул, как будто самолет летит, и тут же из-за ближайших кустов вылетел небольшой игрушечный вертолет, покружил над нами, задел за ветку и упал прямо на одеяло. Алик взял его в руки, повертел, рассмотрел... таких дорогих игрушек у него отродясь не водилось. Тут из-за тех же кустов выскочил худенький печальный мальчик и бросился к Алику. Выхватил вертолетик у него из рук, прижал его к груди, отбежал шагов на пять, выпучил неестественно глаза, из которых брызнули слезы, крупные как хрустальные висюльки на бабушкиной люстре, упал, распластался на земле и стал корчиться, биться и гортанно мычать. Мычание это было невыносимо... как будто дьявол стонет и хохочет.

Видавшая виды бабушка, подумала, что у мальчика случился припадок эпилепсии и хотела было открыть ему рот и зажать ему между зубов колоду карт (первое, что попало под руку), чтобы не откусил себе язык и не задохнулся. Но тут подбежала запыхавшаяся мать мальчика, полная блондинка с янтарным ожерельем на дебелий груди и янтарным же браслетом на пухлой ручке (на другой ее руке поблескивали золо-

тые часики), мягко оттеснила бабушку телом от сына и сказала: Ничего, ничего, спасибо, не надо ничего делать, припадок пройдет сам, это не эпилепсия, Марик просто испугался, подумал, что его игрушку у него забрали... через пять минут он встанет... Марик глухонемой, воспринимает мир не так, как другие... разрешите представиться... Мери Гдальевна.

Марик поднялся уже через минуту, убедился, что вертолетик у него и в порядке, тут же завел его, пустил и побежал за ним. Мери Гдальевна осторожно присела на край одеяла и рассказала о сыне.

— Слух он потерял из-за осложнения после кори, когда ему еще и двух годочков не было. Здоровый был мальчик и смысленный. Начал говорить. А тут корь... Несколько лет пришлось потратить на лечение осложнений. Мальчик в свои восемь лет так и не понял, что с ним произошло, к контактам с другими детьми практически не способен. Он их просто не замечает.

Тут Мери Гдальевна виновато посмотрела на Алика.

— Вся его жизнь состоит из повторяющихся ритуалов, которые нельзя нарушать... Марик терпеть не может, когда кто-нибудь чужой как-то вторгается в его сферу... Если бы ты еще раз взял в руки его игрушку, с ним бы опять случился припадок. А во время припадка Марик часто кусает себя за руки, однажды даже зашивать пришлось, — закончила Мери Гдальевна, еще раз виновато посмотрев на Алика. Вытерла мелкий бисер пота на лбу розовым платочком с вышитым на нем дельфинчиком, вздохнула.

— А вы не обращались к московскому профессору П.? Он мировая величина в лечении аутизма, может быть и Марику смог бы помочь, я могу посодействовать.

Бабушка не могла не похвастаться своими связями в московском врачебном мире. Алику стало неловко. Мери Гдальевна вежливо поблагодарила бабушку и побежала за сыном.

Глухонемого и его мать они встречали в Массандре еще несколько раз. Кивали друг другу, бабушка перебрасывалась с Мери Гдальевой парой московских артистических сплетен, вспоминала и других профессоров. Алик строил как мог сочувственную физиономию, мать и сын шли дальше.

Алик действительно сочувствовал Марику, но гораздо острее сочувствия было чувство зависти. Ему ужасно хотелось самому поиграть с вертолетиком, завести его и пустить летать в небо и гоняться за ним по Массандровскому парку.

Алик думал об этом и втыкал и втыкал свой перочинный ножик в небольшую дощечку, лежащую на земле. Фокус состоял в том, чтобы ножик один раз перевернулся в воздухе и расщепил дощечку ровно посередине. Потом нужно было также расщепить две половинки и так далее, пока на земле не останутся только палочки, шириной в спичку. Алик мог расщепить и спичку и очень гордился этим.

...

Через несколько дней дежурящая в холле гостиницы женщина-администратор, раскрасневшаяся от распирающей ее новости, поведала бабушке, что по окрестностям Массандры рыщет сексуальный маньяк, сбежавший из бахчисарайской лечебницы. Милиция ищет его изо всех сил, но пока не нашла. Перед тем, как удрать из лечебницы, маньяк будто бы изнасиловал молоденькую кассиршу и украл из ее кассы тысячу рублей!

— Изнасиловал кассиршу! Украл тысячу рублей! — повторяла администраторша патетически, закатывая глаза.

И вот теперь злодей разъезжает себе по Крыму и портит мальчиков и девочек. Слава богу, пока никого не убил!

Посоветовала быть осторожной, не отпускать Алика гулять одного и — если что, тут же сообщить ей или в милицию.

Жизнь бабушки и Алика после получения этого известия не изменилась. Бабушка, пережившая войну и эвакуацию, из-за какого-то там — мерзкого шкоды, как она выразилась, привычек менять не хотела. После завтрака они шли на пляж. Пока Алик плавал, бабушка не отрываясь на него смотрела. Потом обедали в столовке, не обращая внимание на то, что тамошняя еда пахла тухлятиной. Затем отдыхали часок у себя в номере и отправлялись в Массандру, искать тень и прохладу.

Так было и в тот день. Они нашли подходящее тенистое место, расстелили одеяло, сыграли раз пять в подкидного... попили теплой кипячёной воды из термоса... съели несколько

баранок и карамельных конфеток... бабушка почитала «Неделю» и задремала, предварительно строго указав Алику на границы его игр.

Алику тут же ужасно захотелось эти границы нарушить. Поиграв немного в ножички, он присел на одеяло и начал от скуки листать бабушкину газету... дождался того момента, когда негромкий мирный храп его бабули стал более-менее регулярным, тихонько поднялся и побежал на цыпочках по направлению к колючим зарослям, метрах в ста от их одеяла. Потому что ему показалось, что там, за ними, мелькнула знакомая синяя рубашка. Ему страшно хотелось, чтобы рыжая еще раз показала ему свою грудь. Он представлял себе это каждый день сотни раз и в его паху загорался бенгальский огонь. Тушить его он еще не умел.

Метров за десять до кустарника, он вдруг услышал знакомое мычание. Ага, подумал Алик, значит где-то тут разгуливает этот, глухонемой. О маньяке Алик и думать забыл.

Колючий кустарник был посажен кругом-бубликом. Мычание глухонемого явно доносилось из его пустой середины. Рассмотреть Алик ничего не мог — из-за густой листвы. Обошел вокруг кустарника, нашел узкий лаз и полез по нему, стараясь не шуметь. Так же тихо вылез из зеленого тоннеля... выпрямился, и увидел внутри заросшего густой травой круга привязанного толстой веревкой к дереву Марика. Марик был голый, во рту у него был кляп, его же свернутая в трубку мамочка. Бедрa его были разведены... Перед ним сидел какой-то тип, наверное, маньяк. Лицо его было на уровне Марикова живота. Что он делал, Алик не понял, но ему показалось, что привязанному к дереву Марику это нравится. В его тихом мычании было что-то от томного кошачьего урчания.

И тут как будто хлопущка взорвалась в голове у Алика. Все вдруг изменилось.

Как же он раньше не догадался! Не было тут никакого маньяка. Это она, та, рыжая красавица, ласкала глухонемого. Обнимала его, гладила, целовала его грудь и живот. А Марик смотрел во все глаза на ее обнаженную грудь, трущуюся о его колени, и страстно мяукал. Бешеная ревность ужалила Алика в сердце.

Бабушка трясла его за плечи.

— Просыпайся, просыпайся, сынок! Домой пора! Тут милиционеры приходили, Марика искали, пропал! Мать убивается. Как ее... Гдальевна с янтарями... Ее в соседнем корпусе, в кабинете медсестры, валерианкой отпаивают. А ты спишь и спишь.

— Ба, я знаю, где Марик.

— Спаси и сохрани нас, Царица Небесная! Где?

— А вон там в густых кустах.

— Ты откуда знаешь?

— Мне приснилось.

— Что за чепуха?

Пошли однако посмотреть. С большим трудом Алик уговорил бабушку пролезть сквозь зеленый лаз. Бабушка лезла, охала и божилась. Вылезли они, держась за руки.

Рядом с деревом лежала какая-то большая изодранная красная кукла.

Бабушка ахнула, быстро закрыла Алику рукой глаза и тут же, не говоря ни слова, погнала его через лаз назад и сама поторопилась за ним. К телу даже не подошла.

Через двадцать минут на месте преступления уже была милиция. Алика заперли в гостиничном номере. А потом его там же в присутствии бабушки допрашивали два следователя — высокий молодой блондин и коренастый чернявый, постарше. Чернявый, дергался, брызгал слюной, истерил, грозил колонией, блондин был корректен, старался разговорить мальчика, задавал вопросы, не имеющие отношения к делу.

Алик твердил: Ловил бабочек сачком, услышал мычание, пролез сквозь лаз, увидел что-то, не знаю, что, испугался до смерти, побежал назад к бабушке и заснул...

На следующий день Алик в брошенной кем-то в гостинице газете прочитал, что Марика до смерти запыряли ножом, который оперативники нашли рядом с трупом.

...

Через пару дней маньяка взяли в Алуште. Он был легко ранен — у него были порезаны руки и на щеке алела длинная, но неглубокая рана. Маньяк обратился за помощью в

одну из алуштинских поликлиник. Врач сообщил о его появлении в милицию и начал обрабатывать порезы. При аресте маньяк серьезного сопротивления не оказал, городил какую-то чепуху, в частности бормотал что-то о рыжей бестии и ее пастушке.

Алика водили на опознание... он вел себя беспокойно, тряся, а когда ему показали подозреваемого через зеркальное стекло, потерял сознание — Алику показалось, что маньяк укоризненно смотрит ему в глаза и показывает пальцем на порез на щеке. Ему дали понюхать нашатыря и отпустили. А маньяка осудили и расстреляли через четыре месяца, не смотря на отсутствие признания и статус душевнобольного.

Рыжую женщину Алик больше никогда не видел.

Дальнейшая жизнь его проходила без особых приключений. Окончил МАИ, работал, женился, развелся. В девяностом году переехал в Германию.

Я познакомился с ним в Дрездене, на вечере у общих знакомых. Там он и рассказал мне эту историю. Когда я прямо спросил его, убил ли он Марика, он ответил так: Ты писатель, думай сам. А я... не знаю... я рассказал тебе все так, как все это память сохранила. Одно только могу добавить — ножик мой любимый, металлический такой, с парусом, я в тот день потерял. Искал потом, искал, но все напрасно. Через день купил такой же потихоньку в канцелярском. За тридцать пять копеек. Чтобы бабушка не заметила.

ОБЛАКО ООРТА

Многие голливудские ужастики скроены бесстыдно незамысловато. Группа школьников или студентов отправляется на природу. На пикник, в лес, на побережье или домой, на каникулы, или еще куда-нибудь. Глупые подростки, конечно же, выбирают не ту дорогу, ставят палатки не там, где нужно, лезут не в ту пещеру или не на ту гору, заезжают в подозрительные провинциальные городки, останавливаются не в тех отелях, посещают нехорошие бары, в которых задирают не тех людей. У них ломается машина, отказывают мобильные телефоны, кончается провизия и вода, ботинки и рюкзаки натирают им ноги и спины, они падают, подворачивают ноги, попадают в капканы. Ссорятся, выясняют отношения, вспоминают давние обиды.

Кошмар обычно начинается в сумерки или ночью...

Помурьжив и помучив своих несчастных героев бессмысленным хождением в лабиринтах ужаса, режиссер приступает к их систематическому уничтожению. И они послушно гибнут один за другим. Как по расписанию. Все, кроме одного или одной, необходимой создателям фильма для того, чтобы рассказать, как на нее и ее друзей охотились, как их унижали, убивали, пожирали скрывающиеся поначалу оборотни, ведьмы, вампиры, грубые деревенские парни с топорами, мертвецы, мутанты, гигантские змеи и насекомые, привидения и пришельцы с далеких планет.

Обычно это очень скучные фильмы. Школьники и студенты — все, как на подбор, капризные, упрямые, легкомысленные. На разработку их характеров у создателей таких фильмов попросту нет времени. Тут ведь дело идет не о психологии, а о членовредительстве. События и ситуации — даже не высосаны сценаристом из пальца, это было бы не так уж и

плохо, все мировое искусство и литература высосаны из пальцев их создателей, а смиренно взяты напрокат из популярного собрания кино-штампов.

Сильный, статный и дерзкий красавец, сынок богатого папы, безнаказанно оскорбляющий своих приятелей в начале фильма, погибает первым. Он — жертва мстительного комплекса неудачника-сценариста, сутулого и застенчивого бедняка.

Гибель сексапильной и наглой красотки-блондинки с длинными бедрами и увесистой силиконовой грудью (блондинок может быть и две и три, если бюджет позволяет) зрители смакуют, потев и пуская обильные слюни, особенно долго. Эти сцены и есть содержание фильма, его единственный козырь. Все остальное — только упаковка.

Та, которая попроще, почти дурнушка, но с характером, чаще всего выживает. Ей, разрешается, так уж и быть, преобразиться и стать красавицей. Иногда, впрочем, роль Золушки поручается нерешительному, вечно себя стесняющемуся уродцу. Выбор зависит не столько от гендерной ориентации режиссера, сколько от капризов денежных мешков, вкладывающих в производство фильма деньги.

Злобуны — неестественно, катастрофически злобные.

Каждый раз меня поражает их энергичность и целеустремленность. Господа, положи руку на сердце, ну на кой черт суетиться, кого-то убивать... люди все одинаковые... только упаковки разные... одного убьешь, а семь миллиардов останется... Скучно, не гигиенично и наказуемо! А им, злобунам, не скучно! Они — энтузиасты! Фанатики. И как почти все фанатики и энтузиасты они лишены индивидуальности, у них, как и у святых, имеется только атрибут. Электропила, ножницы, топор, маска, кухонный нож (один герой крушил черепа супостатов вырванным из стены сортира писсуаром)... Злодеи поджидают мальчишек и девчонок в каких-то вонючих подвалах, шахтах, чердаках, рычат, кусаются, пьют кровь... Паршивое занятие. Выпили бы лучше пива. Их можно только пожалеть. Этим бедолагам суждено погибнуть в конце пред-

ставления и волшебно воскреснуть в сиквеле, если фильм по какой-то, известной только олимпийским богам, причине принесет прибыль.

Я редко смотрю подобное кино до середины, обычно, трех-четырёх минут хватает.

Но иногда ткань моей жизни так истончается, что ей требуется кино-заплатка. Тогда я открываю в интернете первый попавшийся трэш-фильм (хорошее кино, как и хорошее вино, можно вынести, только если ты крепок духом и здоров, во время хандры или болезни можно и нужно смотреть только дрянь и пить только минеральную воду) и пытаюсь с его помощью отвлечься от собственного трэша. Смотрю фильм, наслаждаюсь его дебильными приемами, цинично позволяю подсознанию переплестать мои, еще живые волокна с искусственными волосами чужой коммерческой фантазии. Отвлекаю его от расчесывания старых ран. И потихоньку готовлюсь так к концу, к исчезновению. Фильм ведь и есть одна из форм небытия. И наше с ним слияние подобно смерти.

Смотрю, посмеиваюсь, дремлю... но иногда просыпаюсь, потому что наталкиваюсь на необъяснимые сближения, совпадения.

Да, господа, и со мной, в самом настоящем реале произошли несколько кошмарных историй, напоминающих подобный фильм. Недавно, в жару, в расслаблении тела и немоци душевной я вспомнил одно престранное происшествие. Это случилось недалеко от Бахчисарая, в пещерном городе Тепе-Кермен, в начале семидесятых годов ушедшего столетия.

...

После окончания девятого класса я поехал не на море отдыхать, а работать. В Крымскую Обсерваторию. Помогли знакомые отца. На два месяца. Лаборант на полставки. Сорок ре. Наконец-то удрал от предков! Как же они мне осточертели! И родители, и школа, и столица первого в мире, и ее обитатели.

Радовало и возбуждало меня все — душистый степной воздух, башни с раздвигающимися куполами, похожие на минареты какой-то особой, питающейся энергией неба, религии,

зброшенны татарскыя грушевыя сады, бутылка ликера Бенедиктин, купленная в первый же день свободы в продмаге и распитая в блаженном одиночестве, открывающийся с нашей научной горы потрясающий вид на напоминающую гигантского сфинкса с отрубленной головой вершину Чатыр-Дага, освобождающая от гнета угрюмой советчины западная музыка, которую ловила на коротких и средних волнах радиола — Ригонда, стоящая в коридоре общежития, коллективные поездки ученых и студентов в Ялту... но больше всего, естественно — новые знакомые девочки. Шестнадцатилетняя дочка моего шефа, профессора Карабая, стройная как тростинка татарочка с фиолетовыми глазами Зухра и ее одноклассница Оксана, сложением напоминающая «Помону» Майоля из Пушкинского музея, жившие в старинном кремовом особняке для начальства в ста метрах от студенческого барака, в котором я занимал отдельную комнатку. Точнее — отгороженную перегородкой от длинной спальни студентов и аспирантов-практикантов нишу площадью в четыре квадратных метра, в которой помещалась спартанская койка, покрытая тюремным дырявым одеялом, замызганная табуретка и исписанная похабщиной тумбочка, служившая по совместительству и обеденным столом.

Не буду отнимать время у читателя описаниями студенческих попок, купания в Черном море, покупок персиков и черной Асмы на базаре, посещения Чуфут-Кале и Ханского дворца в Бахчисарае, античных развалин в Херсонесе, диорамы «Штурм Сапун-горы» и памятника матросу Кошке в Севастополе, потрясающих бессонных ночей, проведенных рядом с телескопом-рефрактором (каждые тридцать секунд надо было, глядя в двухметровую трубу, уточнять микровинтами направление оптической оси, старое механическое устройство, компенсирующее вращение Земли, было несовершенным), чудесным трофейным цейсовским инструментом, которым я фотографировал, с выдержкой в сорок минут, в поисках Новых и Сверхновых отверстую пасть вселенной — усеянное яркими звездами черное крымское небо в

районе созвездия Волосы Вероники, нудного процесса проявления фотопластинок и мучительно долгой работы на блинк-компараторе. Перейду к делу.

Пошли мы одним знойным воскресным утром в пещерный город Тепе-Кермен, расположенный на конусообразной горе-останце, тоже, кстати, прекрасно видной из обсерватории.

Мы — это Зухра, Оксана, я, а также рыжеволосый, веснушчатый и милый пятнадцатилетний сын профессора Трицкого Максим, бредящий Жюль Верном, которого из-за его увлечения и возраста все запросто звали Диком Сэндом или Капитаном, чем он, полагаю, втайне гордился. Капитан вечно вертел в руках небольшую металлическую расческу, чесал ей свою буйную гриву и утверждал, что расческа эта серебряная когда-то принадлежала самому Жюль Верну, о чем свидетельствует якобы гравированная надпись на французском языке.

А еще с нами в поход отправился аспирант Шигаров. Щуплый, маленький, дотошный, помешанный на своих переменных звездах и слегка влюбленный, кажется, в пышнотелую Оксану, ученик Карабая. Свою влюбленность Шигаров манифестировал своеобразно — все время шел недалеко от Оксаны, вроде как хвостик, и внимательно, как будто спектральный анализ муравьев проводил, смотрел через свои толстые старомодные очки в землю, упорно молчал и улыбался. Зухра и Оксана бросали на него исподтишка дерзкие взгляды, переглядывались и хихикали, и он эти взгляды замечал, но виду не показывал, а только еще внимательнее смотрел вниз и еще упорнее молчал.

Молчал впрочем, не только Шигаров, молчали все. Минут тридцать слышны был только скрип наших кедров и сандалий, шуршание камешков под ногами, шелест листьев, да завывания жаркого ветра, мечущегося между плавающими на южном солнце холмами.

Я попросил Капитана рассказать нам что-нибудь из Жюль Верна. Знал, что это будет весело. Несколько дней назад он пересказал мне роман «С Земли на Луну». Пока я на блинк-компараторе работал. Часа четыре разорвался. Я чуть со стула не упал. Капитан обладал феноменальной памятью, легко

входил в роли, рвал и метал, прыскал слюной и жестикулировал. Был при этом абсолютно серьезен. Мне хотелось и самому посмеяться, и позабавить девушек, и... представиться Зухре — скромной, но симпатичной альтернативой инфантильному слововержцу Капитану и безнадежно старому молчаливому аспиранту-очкарику.

Стройная татарочка с фиолетовыми глазами мне очень нравилась, но никаких ответных чувств я в ней, как ни старался, вызвать не мог. За три дня до нашего похода я был в гостях у ее отца, невероятно быстро соображающего и потому смотрящего на всех скептически профессора Карабая, в доастрономической своей юности кстати профессионально игравшего джаз на тенор-саксофоне. Рассказывал ему о своих успехах на поприще поиска сверхновых. Увы, я так и не открыл ни одной новой звезды, слава пролетела мимо меня, как синяя птичка, даже не задев своим светящимся крылышком, а пять лет назад тут один студент-практикант — без всяких телескопов и блинк-компараторов — открыл Новую в созвездии Утки, просто так, возвращаясь с макаронами и поллитрой под мышкой из магазина. Сенсация! Его поздравляли-обнимали, все телескопы конечно тут же жадно на Новую наставили, телеграммы разослали. Вскоре однако выяснилось, что до него эту же звезду открыли японцы, голландцы и островные китайцы.

После неприятного разговора, в конце которого мне досталось от профессора за неаккуратность, я был приглашен на ужин. Сидел за столом напротив Зухры, старался на нее не глазеть и вести себя достойно. Почти получилось. Лишь один раз я все-таки не удержался и проникновенно-влюбленно (юности так хочется, чтобы ее любили!) взглянул в глаза своей милой, затем набрался мужества, привстал и начал провозглашать тост в ее честь, но никто меня не слушал, и я сел, глотнул «Боржоми», закашлялся и покраснел как вареный рак. Зухра, когда я начал кашлять и краснеть, вздрогнула, скептически, как отец, на меня посмотрела, капризно повела плечами, покачала головой (это означало — нет, ни за что и никогда) и тут же отвела глаза.

Капитан начал торжественно.

— Пятнадцать дней бушевал Тихий океан!

Меня тут же задушил приступ смеха. Подобные фразы казались мне тогда (и кажутся сейчас) бесконечно, беспощадно глупыми и смешными. Вокруг нас простирались безводные степные просторы. Длющаяся уже месяц засуха окрасила кустарники и деревья среднего Крыма в коричневатые тона, трава пожухла, река Кача пересохла... Тихий океан!

Девушки внимательно слушали Капитана. Оксана смотрела на него с уважением. Зухра сосредоточенно жевала травинку. Шигаров улыбался и смотрел вниз. Изредка, впрочем, снимал очки, поднимал голову, щурил глаза, осматривался и давал нам краткие указания, куда идти. Он в Обсерваторию ездил каждое лето и знал ее окрестности так же хорошо как созвездия крымского неба.

— Приметы Негоро: Черная борода и татуировка на руке...

Я догадался, что Максим пересказывает нам не роман, а известный фильм сороковых годов, в котором роль капитана Гуля исполнил грассирующий по-оперному и безбожно переигрывающий Александр Хвыля, а Дика Сэнда — молодой Всеволод Ларионов. Фильм этот недавно транслировали по телевизору и многие ученые и студенты нашей станции его смотрели.

Капитан подпрыгивал как кузнечик, рискуя потерять свои веснушки, и горланил голосом Хвыли, задыхаясь от ложного пафоса: Лоботрясы! Бездельники! Любой из вас не стоит и стоптанного сапога с левой ноги моего юнги Дика Сэнда. 120 пустых бочек на борту «Пилигрима»! Когда мы уходили от мыса Горн, киты хохотали нам вслед. Они плевали нам на корму! Пассажиры? Мой «Пилигрим» — не яхта для прогулок. Я китобой, а не извозчик!

Потом вдруг преображался в кузена Бенедикта и бляел: Я изучаю энтомологию, великую науку о насекомых! Это безусловно четвероногое позвоночное! Собака из породы австралийских динго.

Потом опять ревел Хвылей: Вот ваш голубой таракан! Кит! Гарпуны в порядке? Остроги, копыя? Четыреста чертей!

Неподражаемо изображал Негоро-Астангова, нашептывал вкрадчиво: Я служил на лучших пароходах линии Марсель-Гонконг. В совершенстве знаю французскую кухню! Пассажиры будут довольны!

А потом добавлял ядовито: Не забываете, что это Ангола, а не Пятое авеню! Капитан Сэнд, не угодно ли барашка по-африкански?

Нежно мурлыкал: Мой мальчик, сможешь ли ты найти дорогу в этом страшном океане?

Становился похожим на архангела, когда проговаривал реплики Дика Сэнда: Я поведу корабль по компáсу! Только бы нам достигнуть Америки! Земля! Я вижу густой лес, зеленые поляны, множество ручьев! Геркулес, немедленно задержать Негоро! Гаррис сбежал, он заодно с Негоро, он подлый предатель!

Задыхался от сарказма, становясь работорговцем Альвецом: Сеньор Перейра! Рад вас видеть без веревки на шее! Клянусь, этот мальчик вылечит меня от ревматизма! Передайте его величеству, королю Мауни-Лунгу, что я завтра принесу Сэнда в жертву, заменив им старую лошадь.

...

Из-за его драматического искусства мы и не заметили, как подошли к конусообразной горе. Поблагодарили рассказчика. Оксана его обняла и поцеловала. Затем поднялись по осыпи к нижней, похожей на огромный каменный автобус скале, обогнули ее и начали восхождение по северной, относительно пологой стороне, заросшей леском и кустарниками. Молодые ноги легки — мы быстро достигли плато.

Попрыгали, побегали, поглазели на роскошные пейзажи. Шигаров сделал несколько фотографий болтавшимся на его шее стареньким ФЭДом в потертом чехле, девушки сплели небольшие венки из желтых и синих цветов, непонятно как выживших среди камней. Еще часок побродили по пещерам, тогда еще не исписанным безмозглыми туристами. Нашли подземную церковь с колоннами и полуразрушенной крещальной. Я, как всегда в старых постройках, сосредоточился и попытался проникнуть в иной пласт времени, расслышать

греческую литургическую музыку тысячелетней давности. Но ничего не услышал кроме радостного смеха нашего юного Капитана, влезшего в одну из могил, сложившего руки крестом на груди и испугавшего своим видом и воем пугливую Оксану.

Ушли из подземелья и устроили пикник. Сели у обрыва, в тени небольшой стены, там, где в старину возвышалась сторожевая башня. На ее месте торчал, как зуб, высокий камень. В скалах рядом с ним то ли природой, то ли человеком были выбиты круглые отверстия. Мы развели в одном из отверстий костер, съели бутерброды и груши, напились невкусной воды из фляжек, поболтали.

Разговор не клеился.

Я хотел было попросить ожесточенно расчесывающего свои непокорные космы Дика Сэнда рассказать нам про капитана Немо и Наутилус, но, подумав, передумал. Тактика моя — послужить обаятельным контрастом ошалелому рассказчику и молчаливому аспиранту — успеха не принесла. На мои робкие попытки заговорить с моей зазубой о истории Тепе-Кермена (в моем арсенале хранились сведения из специально проштудированной в библиотеке книги «Пещерные города Крыма» и мной самим придуманные легенды — о черных монахинях, превратившихся в каменных кротих и о — пещерной королеве Сигидии, спасшей своей красотой любимый город от гнева хана) Зухра реагировала вяло и смотрела в сторону. А потом шушукалась с Оксаной и смеялась. Я решил завести с всезнающим Шигаровым умную астрономическую беседу. Потому что мог кое-чем блеснуть. Поговорить мне хотелось тогда о еще гипотетическом, загадочном облаке Оорта, огромном сферическом пространстве вокруг Солнца, радиусом чуть ли не в световой год, из темных и мрачных глубин которого прилетают иногда в нашу, светлую часть Солнечной системы кометы с грязными ледяными ядрами. Эти хвостатые небесные тела, говорят, могут запросто уничтожить жизнь на нашем уютном голубом шарике.

Но беседу начать мне не удалось, потому что как раз в тот момент, когда я открыл рот, и начался ужас.

Трудно передать словами ощущение от произошедшей ни с того, ни с сего метаморфозы. Мир вокруг меня потерял цвет. Ветер затих. Исчезли шумы и запахи. Наступило что-то новое.

И скалы, и небо, и дали, и огонь в костре — все стало вдруг иссиня-серым и как бы двумерным. Превратилось в контрастную, не очень резкую фотографию.

Я чувствовал грозное приближение чего-то катастрофического, фатального. То же самое наверняка ощущали обитатели Тепе-Кермена, когда в ожидании появления полчищ Ногая впервые слышали доносящийся из-за холмов топот тысяч коней. Хруст и стон земли.

И это страшное приблизилось и ударило меня в грудь тошной волной.

Неожиданно послышались какие-то сиплые голоса. Как будто пространство скрутилось в дьявольскую телефонную трубку... я услышал переговоры обитателей ада.

Каркающий голос спросил, грубо корежа слова: Это кто такие? Неудравшие беляки? Буржуйское отродье? Или зеленые? Что будем с ними делать, Палыч?

Ему ответили: Сразу видно, из какого огорода овощи. Контра. Так, товарищ Прялый, девок — в подвал к тете Розе. Оприходовать и в расход. Пацана и очкарика на допрос к товарищу Куну. Хотя... Чего тянуть, да балясы точить? Указание сверху имеем ясное. С обрыва их... Да не забудь трофеи для Евдокимова!

К нам подошли отделившиеся как тени от скал серосиние люди. Похожие на красноармейцев из фильмов о Гражданской войне. Двое — в пыльных шлемах с звездами, один, маленький — татарин, другой, покрупнее — почему-то со страшно знакомым лицом. Кто это, чёрт возьми?! Третий был опоясан крест-накрест пулеметными лентами. Широкий и крепкий как старый дуб революционный матрос в тельняшке и бушлате. Четвертый — урод с провалившимся носом, вроде как солдат, в рваной шинели и в опорках. Спрашивал, по-видимому урод, а отвечал матрос.

Мы застыли в шоке. Я так и не успел закрыть рот. Был парализован.

Сколько длился шок — не помню. Помню только, что вдруг отчетливо расслышал какие-то щелчки. Это Шигаров щелкал своим ФЭДом!

Тут все быстро завертелось. Как будто включился и затрещал кинопроектор!

Понеслось черно-белое кино.

Урод как-то боком подскочил к Шигарову, вырвал из его рук камеру, швырнул ее на камни и ударил аспиранта в висок прикладом винтовки. Тот повалился как мешок (обычно пишут — как сноп, но я никогда не видел валящихся снопов). Очки его отлетели в сторону, сверкнув стеклами. Солдат достал широкий штык и отрезал у лежащего уши. Выколол ему глаза, потом приподнял аспиранта одной рукой за шкуру и бросил как котенка в пропасть. И довольно закричал.

Шкаф-матрос поймал вскочившего и попытавшегося ударить Пятнадцатилетнего Капитана, сгреб и обнял его медвежьим объятием, укусил его губы так, что кровь потекла по небритому подбородку, и тут же задушил несчастного огромными руками с вздувшимися хищной волной ногтями. Отрезал Дику Сэнду уши и нос и кинул обезображенный труп в пропасть.

Те, двое, в пыльных шлемах, вцепились как клещи в вопящих и отчаянно отбивающихся от них девушек. Повалили. Татарин — Оксану, а другой, с знакомым до боли лицом — Зухру. Грубо раздвинули им бедра, сорвали нижнюю одежду. После изнасилования татарин отрезал Оксане груди, а тот, другой, вспорол полумертвой Зухре живот. Трупы тоже побросали в пропасть.

Меня злодеи как будто и не видели.

Убийцы собрались в группу... глухо заговорили о чем-то... слились со скалой, пропали.

Я остался у камня один, в жутком черно-белом мире.

Ужас, однако, и не собирался прекращаться. И вот... мои друзья опять сидят вокруг костра. Появляются серые. Сцена насилия повторяется. Кто-то упрямо еще и еще раз прокручивал страшное кино.

Только когда кошмар повторился раз тридцать, я понял, что надо делать, и прыгнул в пропасть.

Мне показалось, что я лечу, а упругий воздух держит меня, как птицу, но через мгновение я увидел стремительно приближающиеся скалы и зажмурил глаза. Я слышал, как трещал мой ломающийся хребет, почувствовал, как из горла хлынула кровь и проткнутое ребром сердце перестало биться.

Во мне и вокруг меня разлилась, как молоко, белая тишина смерти.

...

Когда я очнулся — в холодном поту — мир вокруг меня опять был цветной, шумный и пахучий. Жарило оранжевое Солнце. На мое загорелое колено села большая янтарная стрекоза. Никаких красноармейцев рядом не было. Не было и следов крови на камнях. Не было почему-то и моих друзей.

Я все еще сидел там, у стены, рядом с камнем-зубом. Даже наш костерок не потух!

На камнях валялись — фотоаппарат, очки с треснувшими стеклами, расческа и два венка из желтых и синих цветов.

Я решил не психовать, по пещерам не бегать, а просто пойти назад, в Научный. И попытаться жить дальше так, как будто ничего не произошло. Может быть, это все какой-то безобразный розыгрыш? Ошибка воображения? Видение? Мираж? Или подсыпали мне злые девчонки какую-то снотворную гадость в воду? Или Капитан придумал какой-то дикий трюк?

Трюк?

Я заставил себя поглядеть с обрыва вниз, к счастью ничего страшного там не обнаружил и ушел с Тепе-Кермена, прихватив с собой камеру, очки, венки и расческу. Сориентировался и через два с половиной часа уже лежал на койке в своей одноместной норе в общежитии. Спрятал предметы в тумбочку, а венки повесил на гвоздь. Принял ледяной душ в грязной душевой. Поужинал, чем бог послал, закрыл глаза и терпеливо ждал, когда кто-нибудь из покинувших меня друзей придет и все расскажет, и мы посмеемся вместе. Никто однако не приходил.

Я вышел из своего укрытия поздним вечером и начал расспрашивать лениво бредущих к своим инструментам студентов о девочках, Капитане и Шигарове. На меня смотрели недоуменно. Позевывая, крутили пальцем у виска. Советовали меньше пить. Встретил на улице профессора Карабая, извинился и спросил, где — черт возьми — его дочь, ее подруга, где сын профессора Троицкого и аспирант Шигаров. Привел его в свою каморку, показал ему очки, фотоаппарат, венки и расческу.

Карабай, слегка кривя рот, поморгал, скептически посмотрел на венки и произнес своей обычной скороговоркой с легким татарским акцентом: Вы, Антон, переутомились. Может быть слишком долго на Солнце бегали? Очки это ваши, и расческа ваша, и ФЭД, насколько я знаю, ваш, вы с ним сюда приехали. Прекрасная камера, точная копия немецкой Лайки. Никакой дочери Зухры у меня нет и никогда не было. На нашей станции никогда не работал никакой Троицкий и не было тут никакого Максима-Капитана, а у меня никогда не было аспиранта по фамилии Шигаров. Вам наверно надо пропустить одну ночную вахту. В медпункт зайдите. И на блинк-компараторе денек не работайте. Полежите на койке, почитайте что-нибудь или поспите. Помните, у нас на станции — сухой закон. Кстати... Вы случайно красных мухоморов не ели? Аманита мускария. Некоторые местные взяли моду. Галлюцинируют, а потом занятых людей от работы отвлекают. Ну мне пора, небо не ждет.

...

После этой отповеди я начал себя щипать, не помогло.

Вспомнил, что никогда не обедал у Карабая. Деловые разговоры мы вели только в лаборатории. И я действительно носил очки. Надпись на расческе была по-русски! Дорогому Антоше от бабушки и дедушки.

Может, у меня ангина и я в бреду? Или и вправду красный мухомор слопал?

Аманита мускария... любимая еда северных оленей и шаманов...

Да не ел я никаких мухоморов, что за вздор! И галлюцинаций у меня никогда не было. Да еще таких мерзких... красноремейцы... отрезанные уши.

Последней моей надеждой оставался фотоаппарат ФЭД.

Я осторожно перемотал кассету, вынул негатив, проявил и закрепил его в лаборатории. Высушил пленку. С судорожно бьющимся сердцем проверил — не засвечена ли. Нет, не засвечена. На всех кадрах — ландшафты, портреты, фигуры. Вот купола Обсерватории. Вид на Чатыр-Даг. Дорога на Тепе-Кермен. Пещеры... Церковь... Коллективный портрет... Кого? Не разберешь. Вроде нас. Девушки с венками на головах, сидящие у костра... Стена, тот самый камень... Отверстия в скале. Капитан с расческой... Аспирант в очках... Вот и проклятый матрос... Татарин... Безносый...

Господи, а это кто?!

Невыносимая правда открылась передо мной во всей своей чудовищной наготе!

Я узнал лицо того, кто истязал мою любимую.

НЛО В БЕРЛИНЕ

Недавно мне по почте прислали рукопись, найденную в бумагах умершего пациента одного из домов престарелых в пригороде Атланты. Ее обнаружила медсестра, но не сожгла вместе с остальными личными вещами покойного через полгода после его смерти, как следовало по закону, а вымарала имя автора и передала своему приятелю, интересующемуся летающими тарелками, зелеными человечками и чупакабрами. Приятель этот попытался было продать рукопись редакции уфологического журнальчика в Бостоне, печатающего сообщения «контактеров». Но редакция ее, уж не знаю по каким причинам, отвергла. Хотя приятель просил всего-то пятьдесят баксов.

Рукопись пошла по рукам...

Последний владелец, мой давний интернетный знакомый и также, как и я, эмигрант из бывшего СССР, купил ее на блошином рынке в Нью-Йорке за пять баксов и прислал мне, в Германию. Потому что я, зная о его особом интересе к космическому и сверхъестественному, просил его лет десять назад найти для меня еще не опубликованное свидетельство очевидца, если таковое попадет к нему в руки. Я как раз собирался тогда писать рассказ о НЛО, и мне нужна была подлинная история контактера... хотелось взять за основу реальное событие, а не выдумывать.

Этот же знакомый перевел по моей просьбе рукопись с английского на русский.

Предлагая рукопись читателю, не льщу себя надеждой, что кто-либо испытает катарсис или хотя бы поверит покойнику на слово. Меня эта рукопись привлекла даже не рассказом о «близком контакте седьмого рода», подозрительно смахивающем на некоторые известные кино-сюжеты, а схожей

с моей мотивацией автора. Почти все свои рассказы я написал для того, чтобы «наконец разобраться с чем-то, глубоко поразившим меня» и «поставить точку». То, что вместо точки так часто вылезает вопросительный знак, не моя вина.

* * *

Прошло ровно полстолетия с того памятного августовского вечера, когда с нами, с моим другом Томасом С. и со мной, случилось это странное и ужасное происшествие, которое так сильно и страшно повлияло на нас, и мы, после того, как пришли в себя, и стало ясно, что надо — плохо ли хорошо ли — жить дальше, поклялись друг другу никогда никому не говорить ни слова о происшедшем — не только для того, чтобы жить и дальше жизнью беззаботных студентов, и не возвращаться постоянно в мыслях в тот прохладный вечер в северной Калифорнии, но и потому, что нам все равно никто бы не поверил, а если мы стали бы настаивать, созывать пресс-конференции или обращаться на телевидение, то вполне возможно попали бы в психушку, или в лапы к людям-в-черном, которые скорее всего выбрали бы электрошоком воспоминания из наших голов, как они поступили со стариком Хэмсоном, который, не вынеся ужаса искусственно созданной амнезии, вышиб себе мозги выстрелом из двустволки.

Да, нам не хотелось вечно пытаться себя, задавать себе бесконечные бессмысленные вопросы... потому что ответов на эти вопросы попросту нет. И мы это почувствовали сразу после случившегося, тогда, в шестидесятые. И постарались с этим примириться, поскорее забыть и убежать подальше и физически и метафизически от этого проклятого поселка на берегу океана, состоящего из деревянных летних домиков-коттеджей, в которых торчат в летнее время ищущие прохлады и одиночество богачи из Лос-Анжелеса. Где все это и произошло.

К сожалению, года через три после окончания университета, я потерял связь с Томасом. Он женился на хорошо обеспеченной англичанке, так и не повзрослевшей фанатке Биттлз, и уехал жить в ее поместье, в Англию, где, по слухам, родил

троих детей и сделал научно-военную карьеру, умудрился не только продать тупоголовым милитаристам свою идею, но и смог превратить ее на их средства в готовое изделие... действие которого испытали на себе позже несчастные аргентинцы в той безобразной и никому не нужной Мальвинской войне.

Жив ли он сейчас, сдержал ли он слово или выдал кому-то нашу тайну, я не знаю.

Ни английская, ни американская пресса, кажется, пока ни словом не упомянули про наш случай. По крайней мере, я не нашел упоминания о нем в тех газетах, которые читал в семидесятые-восьмидесятые, а позже и в интернете. Возможно, после стольких сенсационных публичных откровений других «контактеров», вроде фермера Прискинда и этих идиотов, супругов Нил, с их шариками, иглами и светящимися треугольниками, наш откровенный рассказ никого бы и не поразил...

Но это уже не играет никакой роли... мне, только мне одному, важно записать для себя то, что я еще помню и поставить этим наконец точку на этой ужасной истории, залечить застарелую рану, которая до сих пор кровоточит, несмотря на то, что я пятьдесят лет молчал и пытался забыть. Или, может быть, именно поэтому. Но, согласитесь, не мог же я, сын сенатора-республиканца и истовой католички, просто так, за ресторанным столиком, в кругу семьи или в полиции... рассказывать в подробностях о том, как совокуплялся с инопланетянкой, а потом крутился колесом грузовика непонятно где, путешествовал между звездами, как этот, с лошадиным черепом... капитан Жан... и носился по загробному миру! Я ведь не Голливуд, которому прощают все.

...

Ладно, по порядку.

После четвертого года обучения в университете Миранды мы решили прокатиться по Калифорнии. Взяли напрокат машину... Pontiac GTO. Пепельно-голубой красавец, не автомобиль, а тигр... мощный, роскошный... Мы его боготворили, и наши ветреные подружки млели и таяли в его кабине... несмотря на «переоценку ценностей и критику капитализма». Круче

нас были только байкеры, «беспечные ездоки», которых мы с удовольствием обгоняли на хайвеях. Эти парни на своих харлеях были настоящими хиппарями, а мы с Томасом — только хиппующими хипстерами... каждому свое.

Томас выцыганил у своего состоятельного папаша три тысячи, а у меня и свои монетки водились. И мы поехали.

Искали отели подешевле (вроде мотеля Бейтса), ели только фрукты и таскались по пляжам и барам. Курили травку... жевали сахарок с ЛСД... но настоящий трип так и не пришел, хотя шутник Томас изо всех пытался показать мне, как его проняло... хрюкал и ржал и орал что-то про «бронзовую башню на колесиках и прыгающую с ее крыши голую женщину с огромной головой и ребенка-демона». Но я ему не поверил... мне-то самому привиделись тарантулы... стою я будто в каком-то замызганном коридоре... и тарантулы лезут из дырки в стене и я их бью, бью тапочком, но раздавить не могу, и очень боюсь укуса. Мерзко было ощущать мягкость тапочка, как будто глядящего мерзких пауков. Я интерпретировал это видение так — я слишком мягок, нерешителен для этой жизни. А тарантулы все выползали и выползали...

Я про них Томасу и не рассказал, не хотел, чтобы он меня еще и тарантулами дразнил и предлагал сплясать тарантеллу.

От ЛСД я ожидал чего-то более интересного. Космическое путешествие или сюрреалистического секса. Наверное нас надули продавцы-мексиканцы недалеко от морского порта в Сан-Франциско... надо было бы их найти и припугнуть томасовой пушкой.

...

Да, мы искали девушек... с оранжевыми ленточками на лбу и цветочками в руках... и находили... и наслаждались жизнью, как могли... несколько раз ввязывались в драки... Томасу выбили зуб, а мне сломали палец, один раз нас даже задержала полиция за неправильную парковку и грубый ответ полицейскому... выписали квитанцию на штраф и отпустили. Томас умудрился подхватить гонорею вместе с трихомонозом... славно, в общем, прокатились, загорели и оторвались.

А в конце... заехали в какой-то поганый городок... как же он назывался? Санта Роза?

Нет вроде. Не помню... Решили в кино сходить.

Что-то крутили там научно-фантастическое... еще музыка так неестественно сладко ныла. В очереди за попкорном познакомились с двумя девушками. Местными, кажется...

Обе платиновые блондинки или альбиносы, грудастые и длинноногие. И так друг на друга похожи, что не отличишь. Близняшки? Мы спросили, а они только рассмеялись в ответ. Пожимали плечами, хихикали и целоваться лезли.

Куколки.

Во время сеанса только обнимались-целовались. Решили найти хазу, широкие кровати и потрахаться вволю. И девушки, кажется, хотели того же.

Нет бы нам догадаться, что ЭТИХ лучше не трогать, что ИХ надо бы оставить в покое и бежать от НИХ без оглядки, но молодые люди ведь не чувствуют ничего, кроме того, что им кукуруза между ног шепчет.

Ну да, погрузились мы все в наш Понтиак, и поехали. А куда? В мотель не хотели, вульгарно! Хотели приключения, чтобы как в кино, на Марсе или на Венере.

Отъехали от городка по горной дороге миль на сорок, выехали на хайвей номер один и полетели вдоль океана...

В машине слушали The Doors, передавали тогда по радио раз по двести в день — Moonlight Drive... пили пиво и несли какую-то чушь. Близняшки наши хохотали от любой глупой шутки и посматривали на нас довольно томно... соблазнительно потряхивали бюстами. Томас крутил баранку, а я с девчонками на заднем сидении гоношился...

Где-то припарковались и решили идти пешком к океану, чтобы «пронзить вечер, взобраться на гребень волны и доплыть до Луны».

Луна казалась синеватым диском с расплывчатыми краями... океан мы не видели, слышали только глухой рокот прибора... как будто великан пересыпал совком камешки... мы пошли на этот звук и через несколько минут вышли не к крутым прибрежным скалам, как рассчитывали,

а к группе деревянных коттеджей, свободной, привлекательной архитектуры... как бы небрежно раскиданных вдоль берега океана.

В некоторых домиках горел свет, в ближайшем к нам двухэтажном коттедже с террасой и башенкой — света не было видно. Мы подошли к нему поближе.

Пластиковые стулья на асфальтированной площадке перед входом в коттедж были собраны в затейливую пирамиду и скованы цепочкой на замке. Рядом с входной дверью валялись листья и сор. Окна закрыты ставнями.

Томас тихонько взломал ставни одного из окон на первом этаже, также неслышно разбил стекло ударом кулака, обернутого в майку, победно крикнул, распахнул окно и влез в дом, а потом открыл нам изнутри входную дверь. Демонстративно расшаркался и застыл, как мраморный, приняв позу хозяина дома, приглашающего в свой замок высокопоставленных гостей. Томас был на такие штуки мастер.

Девушки, казалось, и не заметили того, что мы вторглись на чужую территорию и совершили тем самым уголовно наказуемое деяние... они радостно хихикали и бросали на нас страстные взгляды.

Неожиданно я понял, что они до сих пор не сказали ни одного слова — только хихикали, ухмылялись, пританцовывали, жестикулировали плечами и головой и гримасничали...

Подумал — может они не только красотки, но еще и немые? Идеальные подруги!

...

Весь первый этаж коттеджа занимала огромная гостиная.

Мы пытались зажечь свет, но сколько ни щелкали выключателями, так ничего и не добились, электричество было отключено... идти искать в подвал рубильник мы побаивались, жутко... да еще... вдруг сигнализация включится?

Темнота не мешала, только стоящую тут же, в гостиной, радиолу с четырьмя громадными динамиками включить было невозможно... а так хотелось послушать музыку и потанцевать... но у Томаса был карманный приемник, который он вечно таскал с собой, так что Джим Моррисон уже пел нам своим хриплым экстатическим голосом Hello, I love, you...

Нашли старые медные подсвечники и свечи, зажгли их.

Мы с Томасом забрались с ногами в роскошные кресла...

Девушки не сели к нам на колени, хотя мы их активно приглашали — и голосом и жестами, а влезли, вовсе не стесняясь, на тяжелый шестиугольный дубовый стол, стоящий между креслами, на поверхности которого мерцали какие-то непонятные знаки, и начали медленно танцевать, подняв свои длинные руки, на которых позвякивали странные браслеты из синеватого металла.

Извиваться.

Кружиться.

Клубиться.

По стенам, увешанным препарированными океанскими рыбинами и чудовищно большими крабами, залетали как летучие мыши причудливые тени...

Девушки сбросили с себя свои полупрозрачные платица, розовые туфельки и нижнее белье... нагими они были похожи на отлитые из лунного света фигуры.

Длинные их волосы рассыпались у них по спинам...

Танец их напомнил мне пляску длинных язычков пламени свечи с двумя фитилями. Подруги обвивались вокруг друг друга... да так страстно, что у меня в голове прошелестело — этим мужчины нужны в лучшем случае в роли зрителей... мы с Томасом можем им только помешать... или это только предварительная игра?

Почему-то я испугался...

Похоже, Томас тоже почувствовал страх, но отреагировал на вызов иначе... вскочил, ловко сбросил с себя одежду и обувь... и прыгнул как молодой леопард на шестиугольный стол. Поднял свои худющие грабли, растопырил пальцы и затрясся в экстазе. Попытался превратиться как и наши подруги в колеблющиеся лунные водоросли, начал извиваться и качаться как живое пламя. И у него это получилось!

А затем... неодолимая сила заставила и меня сделать то же самое.

Через двадцать секунд я уже танцевал на столе... и чувствовал, как и мое тело постепенно растворяется непонят-

но в чем, в любовной энергии или в неровном свете... и исчезает, и я превращаюсь в пламя...

Необыкновенное, неведомое мне до тех пор наслаждение... испекло то, что мы в своей непроходимой тупости называем «реальностью»...

Но тут пришла еще ни разу в жизни не испытанная боль, и меня кинуло куда-то... как будто кто-то взял меня двумя огромными пальцами за талию и швырнул... сквозь пространство и время, к черту на куличики.

...

Первое, что я осознал, после того, как очнулся, — волшебство не кончилось...

Я очутился в какой-то непонятной местности... в долине что ли. Я двигался.

В широкой, сумрачной долине между невысоких красноватых гор.

И долина, и горы — вертелись, вертелись как пропеллер.

Я не сразу сообразил, что долина и горы стояли себе на месте, а вертелся я — превратившийся в переднее колесо грузовика фирмы Маск, мчащегося по хайвею.

И плохо мне от этого верчения не было, наоборот, даже приятно.

Да, я был колесом... я чувствовал тяжесть машины, передающуюся через ось на шину, я ощущал каждую выбоинку, каждый камешек на дороге, попадающий под меня.

Что же это? Флешбэк, который настиг меня после того, неудавшегося трипа с тарантулами? Говорят, флешбэк может прийти и годы спустя после приема этого дьявольского препарата и ничего не иметь общего с первоначальными галлюцинациями.

Тут что-то неожиданно ударило меня, возможно, грузовик наехал на камень побольше...

Долина, горы, дорога... перестали крутиться... а потом исчезли.

...

Я по-прежнему сидел в кресле, а напротив меня сидел Томас.

У нас на коленях лежали прекрасные девушки-близняшки. Моя прелестница шептала мне на ухо... или это была телепатия? Я не помню звук ее голоса...

— Ты и твой друг, вы не должны были прерывать наш танец. Танец-огонь-свет это наша связь с родиной. Это как антенна и передатчик... Вы прервали связь и произошло что-то вроде короткого замыкания, вас кодировали и унесли в другую точку пространства... в другое время, в другое место... грузовик проезжал там случайно и ты материализовался в его колесе... а Томас — хи-хи — попал в ветровое стекло, а мог бы попасть в зуб водителя или в его кишки, или в выхлопную трубу... представляешь, что бы он испытал? Хорошо еще, что Комитет имеет возможность быстро восстанавливать континуум, вас, как видишь, закинули назад, радуйся и будь впредь осторожен, будь осторожен, сделай то, что нужно и ты свободен, свободен...

Вот тебе и флешбэк!

— Фак! Кто ты такая, черт тебя возьми? И какой такой Комитет кидает меня туда-сюда? Я вам что, мячик что ли? Фак!

Не стоило мне не разобравшись, что к чему, хамить этому существу. Я опять почувствовал чьи-то огромные пальцы на своей талии...

На сей раз меня занесло куда-то далеко-далеко от нашего доброго земного мира.

Я не был больше человеком... телом... просто находился в какой-то небольшой области межзвездного пространства. Ничего не чувствовал, кроме пустоты вокруг, пустоты в себе, я ведь и был пустотой, непонятно как одушевленной. Как я мог видеть или чувствовать без глаз, без ушей, без тела — я не понимал, но видел и чувствовал.

Видел только звезды вокруг себя. Мерцающие капельки света. Далекие, недоступные...

Как пуста и бессмысленна эта вселенная! Какое глупое творение...

Значит, — пытался рассуждать я сам с собой, — эти альбиносские девы или то, что в них временно поселилось, обладают способностями переноситься в любую точку все-

ленной и заполнять собой тела, предметы или пустоты. И я сейчас закодирован, я тоже подобное существо... то есть и я могу, как они...

Я сконцентрировался на первой попавшейся маленькой лиловой звездочке и изо всех сил пожелал приблизиться к ней... и меня понесло, понесло, как несет осенний ветер опавший листок... и вот я уже недалеко от страшного пылающего и плюющегося облаками плазмы огненного гиганта... и вижу я этот кошмарный шар как бы не человеческими глазами, а огромным оком Абсолюта... вижу и видимый человеческому глазу свет и радио- и даже гамма-излучение...

Возвращение на этот раз не было безболезненным.

Меня протащило сквозь газовые туманности и сквозь звезды, и даже сквозь Сатурн, внутри которого я явственно видел...

Я опять сидел в том злосчастном кресле, обнимал свою блондинку и слушал все того же Моррисона. Он пел и пел. Твои глаза будут как жемчуг когда ты умрешь...

...

— Хорошо, убедила, я понял. Что ты хочешь от меня? Неужели я могу тебе что-нибудь дать? Ты ведь наверное уже меня просветила какой-нибудь дрянью и знаешь, что я за человек... поверхностный... эгоистичный... пустой.

— Ты здоровый. Я хочу, чтобы ты любил меня.

— Пойдем наверх.

— Не надо больше никаких «пойдем»...

И мы оказались на втором этаже коттеджа, в одной из спален, на незастеленной постели, покрытой чехлом из грубой ткани. Моя подруга прикоснулась к чехлу длинным указательным пальцем, и он превратился в шелк, в целое море разноцветных благоуханных шелков...

За мгновение до начала оргазма, когда вселенная и без ее сверхчеловеческих сил скакала как заяц и прыскала во все стороны концентрированной радостью, моя возлюбленная вдруг показала мне свое истинное обличие. Стала собой.

Таковы, видимо, были правила игры... зачинать этим существам приходилось без маски.

Описать ее я не в состоянии.

Ничего общего с человеком, пауком, пантерой или греем у нее не было. Ни в научно-фантастических фильмах, ни в ужастиках я не встречал ничего подобного. Лишь один художник (Флиггер) рисовал нечто, отдаленно напоминающее мою партнершу в ее настоящем виде, его картины я увидел много лет спустя, и сразу узнал ту, с кем занимался любовью тогда в коттедже, на берегу Тихого океана. Видимо, он тоже имел контакт с этими существами.

Я так испугался, что невольно отпрянул от моей «дамы», и сперма не попала по назначению. Это, по-видимому, взбесило ее, она спазматически дернулась, зарычала или заскрежетала, и меня опять выкинуло из нашей реальности.

На сей раз я попал в мир, который чрезвычайно трудно описать словами.

Потому что пространство в нем не было пространством, которое можно померить кубическими футами. Тем не менее, это было пространство, пространство, как бы ортогональное нашему, в котором существовало нечто, и это нечто обладало внутренним многообразием. А время там нельзя было представить как постоянно и равномерно возрастающее число секунд...

Скорее, это были линии, перпендикулярные вектору нашего обычного времени. Линии, расходящиеся в разные стороны.

Такие понятия как «предмет» или «живое существо» не имели там никакого смысла.

Мое «тело» в этом мире было похоже на то, чем в нашем мире являются радиоволны...

Мое «я», и в нашем, рациональном мире, не очень-то стабильное, в том мире сразу раскололось на несметное множество «волн», которые тут же побежали в разные стороны и образовали причудливые интерференционные картины...

Это и был настоящий «я».

Уже после того, как я покинул этот мир, я назвал его сам для себя «Мистерией жизни и смерти», потому что встретил там умерших.

Они сообщили мне, что...

На этом рукопись обрывается. Кто-то грубо оторвал оставшийся кусок листа и похитил продолжение. Романтическая история. Жалко, что она прерывается на самом интересном месте. Впрочем, есть истории, которые нельзя прочитать, их всегда нужно переживать и заканчивать самому. Своей собственной судьбой.

Да, кстати, может быть именно поэтому, я мой рассказ о НЛО так и не написал. Не смог вписать этот «эпизод», или как писал выше «контактер» — это «происшествие» в главный сюжет моей жизни. Оно так и осталось выколотой точкой.

Какое такое «происшествие»?

А вот какое... в начале двадцать первого века, примерно через полгода после моего переезда в Берлин из Саксонии, я видел в небе Берлина самый настоящий неопознанный летающий объект. Видел я его из окна городской электрички, с-бана.

Потрясающее зрелище!

Я и глаза протираю и щипал себя, ничего не помогло.

Летела себе эта штуковина по небу так естественно, нормально, органично, как птичка, голубок или ворона. Но на птицу она вовсе не была похожа, скорее она походила немного на летающий автомобиль — Делореан, машину времени из «Назад в будущее», и немного на космический корабль «Энтерпрайз» из «Звездного пути» с капитаном Пикаром. Но только немного, потому что этот НЛО был еще и полупрозрачным и светился и переливался синеватыми и лиловыми огоньками как подводный корабль инопланетян из кинофильма «Бездна».

И тем не менее, мой НЛО был настоящий, вовсе не киношный, и его явление «оставило неизгладимый след в моей памяти». Забыл сказать — размером НЛО был примерно с автобус. Летел он метрах в шестидесяти от меня, на высоте около сорока метров, довольно медленно, параллельно путям, навстречу поезду. Чувствовалось, что летит он не как ракета и не как аэродинамическая машина, а как-то иначе. Антигравитация?

Наблюдал я его секунд десять-пятнадцать. Ни на раскрашенный самолет, ни на рекламный дирижабль, ни на большую модель с мотором он похож не был. Мне показалось, что он снижается. Но там, куда он вроде бы собрался садиться, не было никакой «полосы», не было и улицы, только какие-то производственные здания, гаражи, трубы, тумбы, неприглядная урбанистическая мешанина.

...

Чаще всего я смотрю на окружающий меня мир через окно общественного транспорта, которым пользуюсь за неимением частного. Приятно смотреть в окно, заниматься вуайеризмом! Это как бесплатное кино... Кино жизни. Бог смотрит его все время нашими глазами... Впечатлений можно набраться... много чего понять... проверить свои теории... заправиться энергией мегаполиса, чтобы потом перегнуть ее во что-то путное и полезное... в берлинское вино, пахнущее правда выхлопными газами, окурками, собачьим говном и годами не убираемым с улиц мусором.

Ну да, еще я гуляю, и подолгу глазею на мир, просто так, как прохожий. Но гуляю я чаще всего по тому району, где живу, а вот езжу я сравнительно часто и по тем местам, где еще не бывал...

Вот так тогда и было — я ехал на с-бане в тот район Берлина, где еще ни разу не был. Проехал неприятное место — Осткройц, почти не изменившийся с довоенных времен и сохранивший толику кайзеровской романтики старой доброй Германии, позже начисто уничтоженной ремонтом и новыми, циклопическими, вовсе там ненужными постройками, и вокзал Лихтенберг, с которого много раз уезжал в ненавистный город К..

Помню бесконечно долгое ожидание поезда на его длинных платформах. Мела снежная крупа, сырой берлинский ветер продувал насквозь... я всегда ждал поезда на перроне... в здании вокзала было тепло, но там нехорошо пахло... несметные полчища южных и восточных людей проезжали тогда через Лихтенберг... многие из них подолгу не мылись...

другие и не знали, что надо мыться. Запомнились их смуглые грубоватые лица... черные масляные глаза... они все казались мне воругами и бандюганами... даже женщины и дети.

А после Лихтенберга я ехал по Марцану, среди блочных домов гэдээровской постройки. Места эти были мне тогда незнакомы, а архитектура — ох как хорошо знакома. От Ясенево и Теплового Стана эту часть Берлина отличало только сравнительно хорошее состояние швов между бетонными блоками, ну и еще отсутствие развешенного на балконах белья и аккуратность их застекления... и дороги, хоть и были хуже настоящих, западногерманских, но все-таки лучше, чем московские.

Люди Марцана... были похожи на москвичей. Точнее — на карагандинцев или челябинцев. И говорили так же.

— Маня, батюшки, как я рада-то! Ведь он мне позвонил вчерася... да. И мы так болтали, так болтали... да, обо всем болтали-то мы. Слушай, Мань, ко мне золовка приезжает на Пасху-то. С Уфы. С племяшиком, с Ильюшинькой. Как же он растолстел, Ильюшка-то, просто урод!

Ехал я тогда в один торговый центр, должен был там забрать новую цифровую фотокамеру, которую за день до этого заказал в Интернете. Не помню, какую, много их у меня было. И в зоомагазин зайти надо было.

Камеру, кстати, я забрать так и не смог, перепутали что-то продавцы. Уехал тогда ни с чем... Все об этом удивительном «происшествии» думал, о том, изменится ли теперь как-то моя жизнь... или все как обычно засосет трясина обыденности... и в зоомагазин не зашел.

...

Да-да... и вот, перед станцией Спрингфуль, вдруг слева по ходу поезда и показался этот самый НЛО с лиловыми огоньками.

Я увидел его и рот открыл от удивления. А едущие со мной в вагоне люди — или не заметили эту летящую карака-тицу, или заметили, но ей вовсе не заинтересовались.

Я-то себя щипал и глаза протирал, а другие — себя не щипали, и глаза свои мутные и равнодушные не протирали... кто читал, кто в смартфон уставился, а другие просто тупо смотрели перед собой, ничего не видя и не слыша.

Несколько молодых людей похожих на спортсменов, с туповатыми и агрессивными лицами, кажется тоже заметили, но вместо того, чтобы вскочить, замахать руками и что-то громко заорать, они только грязно ослабились...

Так что из всего вагона увидели и восприняли НЛО только я, да маленький песик у соседки. Я заметил, он тоже смотрел в небо и удивлялся, даже заскулил от удивления, за что на него зарычала его хозяйка, дебелая носатая тетка неопределенного возраста... он был, кажется, единственной живой душой в вагоне...

Дома я рассказал про НЛО моей немецкой жене. Описал его во всех подробностях, не забыл упомянуть и реакцию на НЛО моих попутчиков, даже про собачку рассказал.

Она меня выслушала, а потом спросила: Ты корм для птиц не забыл купить?

ГРАФФИТИ

Как приятно и весело жить на родине, общаться с соотечественниками, говорить на родном языке и вдобавок — въехать в новую, чистую двухкомнатную квартиру с молодой женой-милашкой!

Комнатки у нас правда небольшие, крохотная уютная спальня, пятиметровая кухонька с шкафчиком, столиком и двумя табуретками, на стене картинка — портрет кота, вместо правого глаза у него — окошко, сквозь которое видно волшебный пейзаж с королевой и фламинго — из «Алисы в стране чудес», и гостиная, в которой едва уместились книжные полки, два кресла, стол и диван. Все это правда не новое и не шикарное, потому что жена не работает, а моей зарплаты служащего туристического агентства едва хватает на то, чтобы сводить концы с концами.

Шеф сказал недавно мне и напарнику: «Чтобы лучше жить, надо больше работать. Контракты нужны. А в вашу нору клиенты и не заглядывают. Может вам у входа встать и начать их зазывать? Как на Репербане?»

Сам бы встал и зазывал, сволочь. Ну да, клиентов у нас не много. Только это не потому, что наше бюро — нора, а потому что у них денег нет в нью-йорки или мельбурны летать. Так и сидят себе всю жизнь в городе. Кризис проклятый... террористы, войны... мы тут не при чем. Но разве шефу что объяснишь? Тупица во фраке. Гусь.

Да, мы с женой люди бедные... и не гордые... рады тому, что есть... и радость нашу не омрачает то, что квартира наша на первом этаже двадцатизэтажного дома и из всех ее трех окошек видно только глухую стену стоящего в пяти метрах от нас супермаркета, уже год как закрытого. Так что дома у нас всегда сумерки, а за продуктами приходится ходить на

рынок, который от нас в полутора километрах. Там все дорого и продавщицы грубиянки. Хамят и обсчитывают. Булочка там стоит два франка. Фунт сливочного масла — восемь. А я в месяц зарабатываю четыреста пятьдесят.

...

Жили мы экономно, но мирно и счастливо.

Танцевали под патефон. Часто смеялись. По воскресеньям ездили на переполненной городской электричке на рыбалку. Ловили золотых карасей на близлежащих озерах. Загорали, компенсировали как могли отсутствие солнечного света у нас дома. Но вместо карасей нам почему-то все время попадались на крючок пятнистые треххвостые слизняки и тритоны. Вечерами читали друг другу до трухи зачитанные книги из моей детской библиотеки. Других книг у нас не было. Телевизора тоже не было, зато у нас был старый ламповый приемник с зеленым глазом. Слушали новости и симфонические концерты. Спать ложились в девять. Любили друг друга. Изможденные страстной игрой, засыпали. Я спал хорошо, а жену часто мучила бессонница. Она просыпалась в час волка и не могла заснуть до утра.

...

Мери не раз предлагала мне нарисовать на стене супермаркета граффити. Я ведь много лет назад баловался аэрозольями и она это знала. Рисовал-то я рисовал, но ничего путного из этого не вышло. Мери хотела видеть из окна радостную картинку...

Море, волны, кораблик плывет, непременно парусник, островок с пальмами, пляж... и чтобы на островке жили он и она — он похож на молодого Марлона Брандо, она на Бетти Дейвис — а по пляжу бегали несколько загорелых голых детишек с растрепанными золотистыми волосами. Чтобы там стояла хижина, а рядом с хижинкой паслись на лужочке несколько коров и пони. И чтобы в гриву пони были вплетены красные и оранжевые ленты.

И чтобы бабочки летали и стрекозы. И солнышко светило...

Чтобы в море рыбки плавали, осьминоги разные, медузы и дельфины, а на земле чтобы цветочки, цветочки, ромашки-васильки...

А где-нибудь в уголке — обязательно мрачноватый Джон Леннон в красных круглых очках. И улыбающаяся Йоко Оно в кепочке.

А над всем этим чтобы ангел летал. Желтый как Будда.

...

На стене супермаркета однако граффити уже было нарисовано, и давно, так что краска местами облетела — я предполагал, что его нарисовали предыдущие жильцы нашей квартиры, обкуренные хиппи с испорченным вкусом и дурными манерами — три брутальные гориллы, сидящие по-турецки, в два человеческих роста каждая, в солдатских касках и противогазах. В лапах у обезьян — фотокамеры, а на их коленях лежит обнаженная девушка с синей кожей. На заднем плане — мрачный индустриальный пейзаж.

Где же эти уличные художники трубы и фабричные корпуса у нас увидели? Похоже на нефтеперерабатывающий завод. В нашем городе уже лет десять как закрыты все фабрики и заводы. Прогорели. Проданы конкурентам. Здания их разрушены. Руины разровнены бульдозерами. На их местах разбиты парки, посажены сады. Защитников природы у нас много, только толку от них мало. Ничего не растет на отравленной почве кроме какой-то белесой плесени. Даже муравьи не живут на этой земле...

Да-с, лежит себе эта нарисованная красотка и пристально смотрит со стены прямо в окно нашей гостиной. И гориллы тоже упорно сквозь стекла противогазов на наши окна пялятся. Пугают.

Недобрый знак.

Я, когда мне маклер квартиру показывал, как увидел глухую стену и эти морды на ней, и эту, синюю, сразу отказать хотел... но одумался... с нашими-то деньгами выбирать не приходится. Сняли, что смогли... Надоело смертельно жить в гетто, в неотопливаемом бараке в обществе тещи, распущенной ворчливой стервы-алкоголички и ее кошмарных мажоров.

Да-да, бедность проклятая!

А когда на наш город опускается здешний сернистый туман, а случается это тогда, когда ветер из Канады дует, с рудников, — взгляд синей Венеры со стены супермаркета становится как-то особенно загадочен и зловещ. А гориллы — в неверном туманном свете — как будто подрагивают. Дрожат и глухо бурчат что-то в своих противогазах.

Так и живем — как большая семья — жена, я, синяя девушка и три огромные обезьяны...

...

Чтобы нам увидеть небо, надо открыть окно, высунуться и посмотреть вверх.

С одной стороны — громадная стена нашего дома, бетонные блоки да окна. С другой — двухэтажный супермаркет. А между ними бежевая полоска неба, исчерченная черными линиями — это провода. У нас всюду провода.

Однажды я видел там, наверху, Луну.

Ночь была ясная, дом наш выглядел особенно мертво... ведь в нем никого, кроме нас и соседей по лестничной клетке нет... лестница, ведущая наверх, давно заколочена, лифт не работает... в нашем городе много оставленных жителями башен... они пустые и страшные, некоторые уже упали.

Да, Луна светила всюю, и в ее свете мне показалось, что голубые глаза синекожей фурии со стены супермаркета сверлят мне на переносице дырку... гипнотизируют... внушают мне какую-то мысль, которую я не могу понять... и вот... что это? Она ловко соскочила с мерзких коленей своих телохранителей-приматов и, вытянув руки, медленно полетела ко мне... тело ее стало полупрозрачным... она улыбалась.

А гориллы стянули со своих морд противогазы и гоготали... показывали мне свои острые зубы и щелкали допотопными камерами. Они снимали ее.

Удивительное чувство, когда наяву бредишь. Заставил себя очнуться...

Протер глаза, облил голову ледяной водой в ванной — горячей у нас не было уже месяца три — и ушел в спальню. Мери мирно спала на нашем двуспальном ложе, которое я сам сколотил из краденых в брошенных домах деревяшек. Три

дня, помню, потел, собирал, красил, лакировал... а когда лак высох, и я положил на мое детище на последние гроши купленные мягкие матрасы, а Мери постелила свежестиранное белье — льняные простыни и пододеяльники, а потом осторожно легла на кровать и легким кивком головы пригласила меня лечь рядом... радости моей не было предела. Всю ночь мы любили друг друга, только под утро угомонились. Выпили припасенное для особых случаев шампанское. Мери забеременела.

...

Жена суеверно боялась и обезьян и эту синюю диву... однажды она, волнуясь, поведала мне громким шепотом... будто видела ночью, во время бессонницы, как нарисованные фигуры, все вместе, вчетвером, сходили со стены и заглядывали потом к нам в окна. А синяя девица пыталась своими длинными пальцами утопленницы открыть форточку в гостиной. Жена слышала, как ее ногти скребут деревянные рамы.

«От этих звуков меня затошнило, пришлось бежать в туалет, а когда я вернулась, все было как всегда... стена, граффити, по тротуару собака неслась бездомная, а разбитый фонарь, ну тот, справа, то загорался, то тух. На проводах сидели, как статуи, несколько ворон. Их тени казались мне раскачивающимися великанами. Я долго не могла прийти в себя. Пришлось принять успокоительное. А оно на плод плохо влияет...»

Я тогда успокоил жену и задумался о том, от чего придется отказаться, чтобы купить ведро краски и большую плоскую кисть... Решил сэкономить на обедах.

И, о, радость! Купил через несколько дней и краску и кисть, и замазал наконец проклятых обезьян. Теперь у нас из окон было видно только серую стену. Точнее — большой серый прямоугольник на глухой бурой стене.

...

Невозможно предугадать, откуда придет следующая напасть.

Наши соседи — старуха Никки и два этих оболтуса, Тим и Том — все трое выказали свое недовольство уничтожени-

ем граффити перед нашими окнами. В грубой, унижительной для меня и Мери форме. Не перед их носами, заметьте, маячили эти зверюги, а перед нашими. Моим и жены. Какое их дело?

Никки заявила Мери, что «без милых животных и их си-некожей красавицы опустела не только стена, но и сама наша жизнь в этом проклятом Богом месте стала еще более скучной, бессмысленной и безнадежной», что «она конечно не надеялась на то, что мы, ее новые соседи, люди заведомо чуждые и искусству и тонким метафизическим материям, способны оценить этот маленький живописный шедевр неизвестного мастера... но не ждала, что варварское и не одобренное другими соседями уничтожение произведения искусства произойдет так скоро!»

Мне бы она не посмела подобное сказать... я бы ей ответил, еще как ответил бы. Я могу и пожаловаться! У меня есть связи в известных кругах. Со мной шутки плохи! Чертова ведьма!

Тим и Том, эти вечно торчащие дома бездельники, безработные или вечные студенты — говорят даже, они не просто приятели, а... — устроили мне нечто вроде обструкции. Когда я выходил на лестничную клетку, они уже ждали меня, стояли рядом, оба в одинаковых голубых костюмах с розовыми галстуками и бойскаутскими значками на лацканах, смотрели в потолок и возмущенно мычали. А потом сейчас же доставали краски и кисти и начинали быстро-быстро замазывать серой краской две пестрые картинки на своих измызганных мольбертах. И так — неделю.

Как же я сразу не догадался? Не наши хиппари, а эти фанфароны небось и нарисовали и обезьян и синюю девушку. Надо было у них разрешение попросить на уничтожение шедевра, объяснить. Ну да ладно, что сделано, то сделано. Зато жена будет спокойна, а мне чертовщина мерещиться перестанет.

...

Недели через три после уничтожения обезьян началось это...

Распад. Регресс. Падение.

Я вдруг обнаружил в нашей гостиной пепельницу. Полную окурков. Пахли они омерзительно.

Представляете себе? Я целый день работал в нашем бюро, выслушивал длиннющие рассказы этих старых сов, вдов чиновников городской администрации, моих единственных клиенток. Одна рассказала мне в деталях о том, как изменял ей ее муж, раздражительный сенильный старик в брюках с лампасами и шляпе с плюмажем, кавалер каких-то паршивых орденов, которыми наше щедрое отечество награждает знатных взяточников и коррупционеров, почти полностью разграбивших городскую казну за время долгой и безупречной службы. Другая обслуживала меня подробностями ее разрыва с влиятельным любовником, случайно приходящимся ей родным дядей. Третья рапортовала о своих злоключениях в Таиланде, жара ее видите ли замучила, и крылатые тараканы одолели. А местные смуглые мальчуганы так и не захотели, даже после того, как им посулили золотые горы, возлечь на ее прелые тела... Четвертая вынуждена разорвать с нашей фирмой контракт на трехнедельный круиз по Карибскому морю. Потому что она в последний момент нашла более выгодное предложение. Пятая требует возместить ей моральный ущерб... который она якобы понесла от некрасивого жеста араба в Ливане, который «угрожал ей соковыжималкой, называл ее американской вонючкой и показывал обнаженный зад».

И после всех этих мучений я прихожу домой, надеясь обрести покой и получить мою маленькую капельку счастья... к моей любимой жене, с которой мы тогда как раз собирались вместе перечитать «Приключения Гекльберри Финна», главу про «ангела смерти», и что же я замечаю на столе в гостиной?

Пепельницу, полную окурков. Кто тут курил?

Я конечно и виду не подаю... а Мери берет эту пепельницу и опорожняет ее в мусорный мешок, а затем кидает в него еще какой-то мусор... а пепельницу тщательно моет и прячет в шкафчике с посудой.

Значит, у нас дома творится что-то нехорошее.

Ничего я Мери тогда не сказал. Ни об окурках, ни о пепельнице, ни о моих подозрениях. Решил затаиться и наблюдать, что бы ни случилось.

Два-три дня ничего вроде не происходило. Мы жили как обычно, а Гекльберри Финна дочитали до того места, где Гек и Джим отправились по Миссисипи на плоту.

Мери неожиданно сказала: «Знаешь, Патрик, кажется ты зря замазал обезьян и девушку, интересная была картинка, занимательная... Синяя девушка чем-то напоминала мне мою умершую сестру, Элоизу. Когда я готовила на кухне, то смотрела на нее и делилась с ней моими мыслями. И она мне отвечала... А теперь стало и впрямь как-то пусто... Этот серый прямоугольник перед носом — еще хуже обезьян и фабричных труб. Может, ты все-таки купишь краски и нарисуешь море и остров?»

— Ты же сама боялась этой картинки! Остров с хижинкой? Я больше десяти лет не рисовал. Не осилю... Пони, дети, Ленон.

— Просто ты ничего не хочешь для меня делать! Я весь день в доме убираю, чищу и готовлю. Ношу под сердцем твоего ребенка. А ты торчишь в этом ужасном бюро и точишь ляды с этими старыми курицами. А потом не можешь исполнить даже самой маленькой моей просьбы. Ты эгоист.

— Обратись к этим придуркам-хиппарям, к Тиму и Тому. Они тебе нарисуют таинственный остров и лошадку с цветочками.

— Как тебе не стыдно, шовинист! Они не придурки, а очень чувствительные и интеллигентные молодые люди. Собираются поступать в докторантуру Школы искусств в Миранде.

— Они педерасты и мужеложники!

— Это их частное дело!

— Это они тут травку курили, когда я на работе был? И ты с ними покуривала?

Разговор этот ничем хорошим для меня не кончился. Мери обиделась. Я даже начал замечать в ее взглядах на меня — легкое отвращение. Да, я стал противен свой собствен-

ной жене, которую любил, ради которой жил. Хотя и не мог упрекнуть себя ни в чем, кроме нескольких резких слов о наших соседях.

Счастье потихоньку ушло из нашего дома.

По вечерам мы сидели в разных углах нашей убогой квартиры. Спал я на софе в гостиной. По ночам вставал и смотрел на стену супермаркета. На серый прямоугольник на фоне угольно черной стены. И мне казалось, что сквозь краску проступают контуры обезьян в противогазах... и просвечивают синие глаза обнаженной красавицы.

...

Недели через две после нашего разговора, Мери перестала готовить и убираться дома.

На полках начала скапливаться пыль, на полу — грязь.

Туалет пах нестерпимо. По кухне поползли тараканы.

Сил на уборку и готовку после мучительно долгого рабочего дня у меня не было. Служанку нанять я не мог, не было средств.

Первое время я еще пытался сам подметать, мыть, варить суп и жарить яичницу.

Пробовал кормить Мери, но она отталкивала ложку с супом или выплевывала на пол то, что я всовывал ей в рот.

Жизнь моя стала не просто печальной, а невыносимой. Мери сидела весь день в нестиранной одежде в кресле и смотрела в окно. На стену. Что-то бормотала и напевала. Качала головой с немывыми, клокастыми волосами.

Она болезненно похудела, а живот ее наоборот, вырос до размеров большого лунного глобуса, украшавшего когда-то физический кабинет нашего колледжа.

...

Когда у Мери начались схватки, я сидел в бюро. Мой шеф как раз пришел объявить мне и моему напарнику, симпатичному индийцу Чангу, что наше бюро закрывается и мы уволены. Чанг был доволен. Сказал мне, что уедет назад в Индию и попробует там открыть туристическую фирму. Звал меня с собой. Я не понимал, что он говорит. От плохой еды у меня уже несколько недель болел желудок. Меня тошнило.

Я приволокся домой оглушенный и испуганный. По привычке хотел рассказать Мери, что произошло. Открывая входную дверь вспомнил, что не говорил с женой уже четыре месяца.

Мери не было дома!

На линолеуме в гостиной я обнаружил большую лужу неизвестной мне жидкости. Лужа пахла кровью. В беспамятстве, ничего не соображая и корчась от боли, я вышел из дома и побежал в близлежащую клинику.

Там мне сообщили, что Мери привезли в больницу на своем старом Форде Тим и Том, что у нее были осложненные дистрофией и сердечной слабостью роды... неправильное положение... пуповина обвилась вокруг горла младенца... кровотечение... закончившееся смертью плода и матери. Персонал клиники просит принять соболезнования...

Я был так оглушен горем, что потерял сознание и упал на мраморный пол.

...

Жизнь продолжалась.

Ходить на работу было не надо.

Я сидел день и ночь в том же кресле, что и моя жена, и глядел на стену супермаркета.

Ко мне регулярно приходили три обезьяны и синяя девушка с голубыми глазами.

Обезьяны рассаживались на нашей софе и смотрели невидимый телевизор, а синяя красавица садилась ко мне на колени и целовала меня в губы.

Есть я перестал, аппетита больше не было. Пил воду из под крана.

Ловил в кухне тараканов и отрывал им головы и ноги.

Через два месяца пришли полицейские, зачитали мне постановление суда и объявили, что я должен оставить квартиру. Я сказал им, чтобы они убирались. Запустил в них патефоном.

Два дюжих сержанта взяли меня под руки, вывели из дома... притащили на какой-то пустырь, избили и бросили в грязную канаву.

НА ОЗЕРЕ

Не помню, как доехал до отеля «На Голубом Озере», помню только, что, несмотря на то, что номер с видом на водную гладь был заказан еще месяц назад, меня там как будто и не ждали, долго не хотели замечать, хотя я и стоял прямо перед ними, судачащими у длинной темной стойки, за которой размещался шкаф с ключами, похожий на соты... да, я стоял перед ними, единственный гость в огромном лобби, не защищенный ни одеждой, ни даже собственной кожей, не человек, а энергетический пузырь, пар... но все эти толстоносые и долгоспинные швейцары, портье, консьержи и пажи в противной неглаженной коричневой униформе с лампасами и в дурацких шапочках с кисточками... не видели меня своими треугольными глазами, не слушали тревожно вставшими островерхими ушами то, что я говорил, даже когда я перешел от обиды и волнения на повышенный тон и начал раздраженно жестиковать и сыпать на мраморный пол розовые лепестки, смоленные слюной стрекозы.

Выдержав мучительно долгую паузу, они наконец меня заметили, или только показали вид, пошептались о чем-то, посматривая в мою сторону настороженно... напечатали на своем старомодном иголочном принтере какой-то документ, подписали его, дали подписать мне... я и не прочитал, что они там написали, моя руки тряслись... чернила в ручке давно высохли... но я не растерялся, а подписал по-сухому... воздухом.

Главный администратор долго вертел документ в руках, нюхал зачем-то мою подпись... он явно тянул время... изо всех сил сопротивлялся неизбежному, ни за что не хотел давать мне ключ, вручение мне ключа по-видимому противоречило каким-то его убеждениям... он явно был шовинистом-

консерватором, этот упрямый костлявый старик... его украшенные белесыми ресницами тускло как у жабы мерцающие глаза постоянно закрывались, он зевал, ронял голову на грудь, засыпал и начинал храпеть... его косматые брови грозно хмурились, чёлка вздымалась, невероятно длинная жилистая шея краснела, а уродливые трехпалые руки сжимались в кулаки...

Назевавшись вволю, он все-таки протянул ключ от комнаты 332, но неохотно, как бы и не мне, а непонятно кому, находящемуся в смежном со мной пространстве. Я принял ключ третьей рукой и побрел к лифтам.

Бесшумно открылись широкие черные металлические двери. Я вошел в лифт и очутился в зеркальном зале. С трех сторон на меня глядела оптическая бесконечность. Казалось, что в ее темных недрах шевелятся какие-то допотопные твари, только и дожидаящиеся сигнала от руководства отеля — легкого кивка, взмаха ресниц, кряканья или покашливания — чтобы наброситься на ни в чем не повинного гостя и разорвать его в клочки.

Вышел из лифта, попал в коридор-лабиринт. Указателя не было. Комнату 332 я должен был найти сам. Решил идти по коридору с закрытыми глазами, в надежде, что комната сама найдет меня, притянет к себе.

Как редко сбываются наши мечты! Я бродил по третьему этажу отеля уже полчаса, но никаких чудес не происходило, я никого не встретил, не слышал ни человеческого разговора, ни радио... ничего. Лабиринт был пуст, а минотавр мертв.

Чудо, однако, все-таки произошло. Открыв глаза, я увидел, что стою между комнатами 331 и 333. Там, где должна была быть дверь в мою комнату, зияла своей брутальностью неровная свежевыкрашенная стена.

Я начал размышлять и пришел к выводу, что злокозненный администратор приказал забетонировать вход в мою комнату, а пока его рабочие работали, он отвлекал меня своим храпом и птичьими лапами. Возможно где-то тут установлена видеочамера и вся эта банда в лампах жадно наблюдает над тем, как я мучаюсь, и зубоскалит.

— Вы только посмотрите на этого толстого идиота, на этот мыльный пузырь. Ну и осел! Комнату найти не может, сейчас караул закричит или описается! Заблудился в трех со снах! Ха-ха, ключик есть, а дверочки-то и нет! Что, съел гнилой орешек, теперь корчись, цепеней и вой! У нас отель для приличных людей, а не для выходцев с того света. Нюни можешь распускать в своем склепе, ты ходячая прокисшая кулебяка... Проклятый зомби. Смотрите, смотрите, он достал ключ и тычет им как слепой в стену!

...

Не знаю как, но через несколько минут я оказался в комнате 332.

Разложил свои пожитки на полках гигантского шкафа. Заглянул в туалет. Принял душ. И лег в кровать, на свежую белую простыню. Закрыв глаза и попытался забыться.

Одна, сверлящая мысль не давала мне покоя. Зачем я приехал сюда, в этот негостеприимный отель. Что я тут делаю? Какого черта, господа? Ведь я терпеть не могу отелей, ресторанов, кинотеатров, вообще мест, куда люди неизвестно зачем приезжают или приходят для того, чтобы делать что-либо вместе. Я индивидуалист и мизантроп. Ненавижу государство, толпу, общество, коллектив, даже застолье вчетвером терпеть не могу. Эти бессмысленные разговоры... Высосанные из пальца дискуссии... Многозначительные паузы... Вымученные гримасы, жевание, ковыряние в зубах, вздохи. Самовозгонка скуки.

Отель — родной брат тюрьмы. Казарма.

Коридоры. Номера. Зевающие постояльцы, торжественно направляющиеся в ресторан. Тошнотворный запах чужой жизни.

Что я тут забыл?

Ага. Кажется вспомнил.

Я тут не для отдыха... и не по доброй воле. Я сюда убежал, скрылся... от ремонта в нашей квартире, который затеяла моя деятельная и деловая умница-жена.

Да, пожалуй еще больше чем отели я ненавижу ремонты. Эти вечные подготовки к жизни. Самооправдание не умеющих

жить, хлопотливых энтузиастов. Кафель видите ли сидит не твердо. А что на этой планете сидит твердо? Ничего. Все качается, разбалтывается, размягчается, прееет, покрывается плесенью, гниет, отваливается, превращается в хлам, в руины. И исчезает. Наш мир — это оргия исчезновения, триумф никому не нужного хлама. И вечны в нем только чистоплюи-энтузиасты, затеивающие ремонты, реформы, перестройки.

Бороться с женой я не стал. Пospорили, поругались, чуть не подрались... и я отступил.

Жена зачитала приговор: Поживешь в гостинице неделю или две, погуляешь по сосновому лесу, насладишься природой. Разгонишь кровь. А то ты тут совсем упрел. Перестал быть человеком, превратился в шар. Вечно сидишь сиднем за своим компьютером. А жизнь течет себе где-то там. Может быть даже похудеешь. А я останусь тут — присмотрю за рабочими.

Жена же и заказала по телефону номер в гостинице недалеко от Берлина. Сегодня в восемь должны были прийти рабочие, поэтому я выехал из дома полвосьмого. Автобус, с-бан, еще автобус... и вот я тут, лежу на двуспальной кровати и смотрю на нечистый потолок, покрытый синеватыми следами убитых кем-то насекомых, налетающих вечером на огонек. Пытаюсь захватить мыслью побольше времени и пространства и выжать их как спелую гроздь винограда — в мои воспаленные мозги, чтобы найти хоть какую-то спасительную мотивацию, хоть какое-то желание что-то делать, совершить хоть какой-то поступок... Но пространство в отеле омертвело, а время — остановилось, сколько их не сжимай — ни капли смысла не выдюжишь... И я лежу и не знаю, что думать, делать, как, зачем...

Сам себе преграда, огорчение, мука.

И машинально начинаю уничтожать самого себя, пинаю себя ногами, жгу себя на костре, распинаю на кресте... но все напрасно. Тело неподвижно, воскрешения нет, комната застыла как будто в обмороке, кровать подо мной горяча как костер, и только потолок своими синеватыми следами убийства свидетельствует — если будешь стремиться к свету, ты,

глупенький мотылек, то тебя разотрут, уничтожат, превратят в синеватый след, подтек, в отвратительное пятно поклонники чистоты и порядка.

Тут мне на ум пришла спасительная формула — надо погулять, пройтись вдоль озера, довериться природе. Потому что сам ты уже давно не можешь себя спасти. И каждое твое трепыхание только погружает тебя глубже в трясины жизни. Что же, повисни на деревьях, обопрись о голубую водичку, одурмань себя чистым воздухом, покачайся на качелях бодрой походки... может быть и полегчает.

...

В лобби никого не было, кроме консьержа, миловидного молодого блондина. Он демонстративно заинтересованно возился с какими-то бумагами. Не сразу и неохотно, но поднял голову в ответ на мой гугентаг.

Я подал ему ключ и посмотрел ему в глаза. Обнаружил в них то, что и ожидал — беспросветный эгоизм бургера, профессиональное равнодушие к судьбе других людей, скуку и тошноту существования. И порок, готовность отдаться за деньги. Блондин мгновенно понял, что разоблачен, но это — и тоже по профессиональной привычке — его не расстроило, а скорее обрадовало. Для того, чтобы подсесть клюнувшую рыбку, он бросил на меня один из специально заготовленных на подобные случаи взглядов. Наглый и темный. Так смотрит на гусеницу оса, прежде чем оседлать ее и вонзить в нее жало. Взгляд его однако не был достаточно острым, скорее он был томным знаком согласия. Многообещающий взгляд.

Сидящий во мне дьявол чуть не заставил меня спросить: Сколько за час?

А перед глазами как запыхавшиеся олени пробежали картинки-ощущения. Капельки пота на загорелых плечах. Упругий захват юных ягодичек. Конвульсия боли на узких, искуссанных, слегка напимаженных черной помадой губах во время оргазма...

Увы, мне пришлось разочаровать мальчика, я пожелал ему хорошего дня и вышел из отеля через задний вход. Направился к озеру, по обыкновению посмеиваясь над самим собой.

— Даже в своих интимнейших желаниях, ты всего лишь пародия. Не человек, а коллаж. Напластование чужих смыслов. Посмотри еще раз на эту десять секунд длящуюся сцену. Ты ведь и не собирался как-то приближаться к этому вульгарному провинциальному блондинчику. Покупать его, спариваться с ним... Брррр... Ты ведь и не гомик вовсе. Откуда же эти милые картинки? Капельки пота... Откуда это извечное раздвоение? Ведь ты сразу, как только увидел этого кинема, представил себе Сомнабулу Чезаре из любимого фильма. Это его темные томные глаза и узкие губы разожгли тебя, а вовсе не гостиничный болванчик. И ты тут же превратился в доктора Калигари, безумного психиатра, повелителя Сомнабулы. Но скорый пассажирский поезд мгновенно увез от тебя их обоих. Ты и сейчас слышишь его нетерпеливые гудки. И ты возвратился в себя. В непонятно что. В облако, в наполненный паром шар. И все это приключение длилось лишь мгновение. И из тысяч таких мгновений состоит твоя жизнь... куда только тебя не бросало, кем только ты не был. Какие безумства ты бы совершил, если бы не спасительный поезд? И эти прыжки в чужие сущности никогда не тормозили твоего погружения в бездну, только ускоряли его. Впрочем, там, где ты находишься, там, где проходит твое настоящее бытие, нет ни низа, ни верха. Нет ни завтра, ни вчера. И падение невозможно отличить от взлета.

...

Вышел на буковую аллею, разбитую вдоль озера. Прошел метров двести и присел на лавочку. Хотел помечтать, наслаждаясь шелестом листьев и ветерком с озера. И вдруг — увидел эту женщину. Она стояла рядом с огромным раздвоенным стволом двухсотлетнего бука. Красивая, высокая, нагая. Рыжеволосая. Одной рукой прикрывала пышную грудь, другой — рыжий же кудрявый лобок. Она была явно обескуражена, поражена, испугана. Не моим присутствием. Чем-то другим. Я оглянулся. Все вокруг нас было спокойно, идиллично. Яростное августовское солнце еще не начало жечь, буковая аллея радовала своей классичностью, озеро, голубеющее по правую руку от меня, плескалось себе крохотными игрушеч-

ными волнами... Никого вокруг нас не было, только птички щебетали, да синие стрекозы-проказницы чертили в пространстве свои зигзаги-иероглифы. Деревья кричали, небесная голубизна похрустывала возникающими и пропадающими в ней экзотическими частицами, воздух весело пах соснами, теснившими буки со стороны шоссе.

— Могу ли я вам как-то помочь?

Произнося это, я старался не смотреть на нее, чтобы еще сильнее не смутить. Немецкие слова выговаривал как мог мягко, доверительно. Хотя мой разнузданный дьявол шептал мне: Что ты с ней разговоры разговариваешь, фетюк? Снимай штаны и вмажь ей промеж ляжек. Пусть визжит и бьется под тобой, тебе только приятнее будет ее молотить. Ты думаешь, она для чего тут голая по лесу прыгает? Мужчину ловит. Все они одним миром мазаны.

А доктор Калигари, растянув рот в омерзительной улыбке, весьма недвусмысленно подмигивал и кивал.

На сей раз я сурово расправился с охальниками. Дьявол полетел со сломанными рогами прямо в озеро, смиренно его поглотившее, а доктор получил под зад. Оба на время затихли.

Голая рыжая на мои слова никак не отреагировала. Я повторил вопрос по-английски. Она прислушалась и затараторила как сорока. Я ничего не понял кроме слова «Вайоминг». Стянул с себя свою оранжевую футболку и подал ей... она тут же ее на себя натянула. Получилось как бы короткое платьице. Закрывающее однако то, что следовало закрыть.

Такая одежда очень ей шла. Футболка гармонировала с ее огненной шевелюрой и золотистым лаком на ногтях. Стройные ее ноги сверкали на солнце. Зеленые зрачки напоминали круглые изумруды.

Я пригласил ее присесть на лавочку, попросил ее говорить медленнее и проще.

— Где мы?

— Недалеко от Берлина.

— В Европе?

— Ну да.

— Это невозможно. Еще пять минут назад я находилась в Вайоминге. В пяти милях от Чертовой башни. Мы собирались завтра утром влезть на нее. Мы с мужем путешествуем по Америке в переделанном автофургоне. У нас есть там кухня, спальня, телевизор. Засиделись у костра далеко за полночь. Я как раз хотела принять душ перед сном. Вошла в кабинку... и вдруг очутилась тут у вас, на этой аллее. С ума можно сойти! Такого не бывает, наверное я сплю, и все это мне снится.

— Скорее уж это вы мне снится.

— И главное, я не знаю, что же мне теперь делать.

— Постарайтесь не просыпаться еще несколько минут. Мне так приятно беседовать с вами, я знаете ли очень одинок после смерти жены. А вы так красивы, так загадочны и обаятельны... Смахиваете немного на Джейн в исполнении Лил Дагер. Может быть, я Франц, и вы моя невеста? Позвольте мне поцеловать вас на прощенье?

Произнося последние фразы, я уже знал, что моей чудесной собеседницы нет рядом со мной. Она исчезла, перенеслась назад, в Вайоминг, и сейчас наверное, радостно подставляет милое веснушчатое лицо под струю теплой воды в крохотной душевой кабинке своего автофургона, стараясь поскорее смыть воспоминание о странном событии, вклинившемся, ни с того, ни с сего в ее размеренную здоровую американскую жизнь. И яростно намыливает свои тяжелые рыжие космы.

Я уселся на своей лавочке поудобнее, расслабился и постарался погрузиться в блаженную прострацию и опять забыть о смерти жены, о мучительных похоронах, о безобразной судебной тяжбе и о неумолимо надвигающейся развязке моей нелепой жизни.

Закрыв глаза... и почувствовал, как стрекозы кладут на мои воспаленные веки лепестки чайных роз.

ПРОЗРЕНИЕ КАРЛА

Несмотря на царящую в его городе разруху — многие дома были покинуты жителями после Объединения и так и не заселены, другие обветшали и постарели вместе со своими немногочисленными обитателями — Карл любил Зонненберг, гулял часами, размышлял, наблюдал, а иногда и зарисовывал детали архитектурного декора. Ему нравились brutальные германские фасады, могучие прямоугольные пилястры, под-держивающие небольшие треугольные или овальные фронтоны, из центра которых зачастую глядело на мир слепое Все-видящее Око, обрамленное таинственными лучами, солидные карнизы и обрамления высоких окон в югендстиле, нередко с изящными зелено-оранжевыми витражами, затейливые чугунные решетки на подвальных окнах с панями, мефистофелями, змеями и знаменами, розетки, кессоны, тяжелые резные двери, делающие дома похожими на комоды и другие чудеса индустриальной революции начала двадцатого века.

Но больше всего его занимало то, что все эти мощные добротные дома, гордость бюргеров, находились в запустении, в историческом тупике. Все они прожили свою столетнюю жизнь, полную всяческих пертурбаций, по-хорошему их давно следовало бы снести и построить на их месте новые благоустроенные, легкие и светлые машины для жилья. С балконами, садиками во дворах и солнечными батареями на крышах, подземными гаражами и бассейнами.

Зонненберг представлялся ему гигантской кулисой старой жизни, постаревшей бутафорией для давно прошедшего спектакля... и это занимало и развлекало его.

Потому что он и себя самого, неизвестно зачем появившегося в этом городе двенадцать лет назад чужака, непонятно как и неизвестно для чего жившего тут вымороченной, фан-

тастической жизнью, представлял себе ненужной бутафорией, пережившим свою смерть ходячим мертвецом, недостаточно мертвым для того, чтобы лежать себе спокойно под землей и недостаточно живым для того, чтобы жить по-настоящему, радуясь жизни, и делать свое дело, дыша полной грудью, обнимая и приветствуя свой город и своих новых земляков.

Так что эти угрюмые пятиэтажные коробки казались ему товарищами по несчастью, потерянными каменными душами, застрявшими в новом, паршивом, прокисшем мире будущего, халтурном творении демиурга-двоечника. Казались не нашедшими покоя в небытии, из-за чьей-то фатальной ошибки оставленными в реальности, не завершившими свою естественную метаморфозу несчастными созданиями — унтотами.

Часто, во время осенних и зимних ураганных ветров насквозь продувавших Зонненберг, Карлу чудилось, что он слышит не скрип подгнивших стен, не потрескивание балок и не дребезжание старых стекол, а жалобные всхлипы и стоны домов-мертвецов. В их давно не топленных печах жили мыши, в дымоходах тряслись от холода домовые, а в страшных угольных подвалах копошились гигантские крысы.

* * *

Сегодня и был такой, мучительно сырой и холодный день, дул пронизывающий до костей норд-ост, срывающий последние еще не сорванные ноябрем листочки на почерневших, как бы окуклившихся деревьях...

Карл проснулся, дрожа от холода, посмотрел на неприятные, с птицами, старинные обои в спальне, которые, хоть сто раз и собирался, но так и не удосужился заменить, глянул в окно, убедился, что уже утро — по грязной улице несея поток ревущих машин, везущих своих владельцев на барщину... и, как это часто бывало в последнее время, не смог вспомнить, ни своего имени, ни профессии, ни даже названия города, в котором жил...

А когда вспомнил, то не смог понять, как же он умудрился прожить тут двенадцать лет и до сих пор не сойти с ума.

Решил — по обыкновению — побыстрее перевести стрелки на что-то теплое и доброе.

Не на женщин, от которых в последнее время получал только требования денег и жалобы, и не на путешествие на Карибские острова — во время последнего такого вояжа Карл заразился малярией и хронической диареей и едва ноги унес из этого тропического рая, а на нечто более доступное и близкое — на горячий кофе и завтрак.

Карлу ужасно захотелось сделать омлет.

В поваренной книге было написано, что омлет хорош, только если в него положить ломтики швейцарского сыра Эмменталь с небольшой добавкой тертого на мелкой терке альпийского Грюйера. Омлет получает тогда «классический, немного терпкий, пряный вкус, который еще улучшится, если вы добавите несколько ломтиков свежей ветчины, пару розовых шампиньонов, петрушку и совсем немного кориандра».

Остатки ветчины и кусок альпийского Грюйера сохли у Карла в холодильнике уже неделю — с тех пор, как он устроил дома парти с игрой в бутылочку и раздеваниями для избранных коллег, начальника отдела и его жены, задумчивой креолки из Майями, так и не освоившейся в новом, почти расистском окружении, и периодически впадавшей из-за этого в депрессию, которую нужно было как-то купировать... что начальник и делал по мере возможностей... силами подчиненных, которым впрочем подкидывал за развлечение для своей креолки каждый раз после очередного «парти» или «пикника» небольшую премию, франков по двести — даже консервная банка шампиньонов и пакетик с кориандром валялись где-то в недрах его кухонного шкафа, ломящегося от всякого съедобного хлама, а Эмменталья как назло не было.

Разумеется, можно было сделать омлет и без Эмменталья. И даже без Грюйера и без ветчины, а просто зажарить яичницу с грудинкой, блюдо, которое так любил заказывать в непогоду незабвенный Билли в своем уютном «Адмирале», обильно запивавший тамошнюю стряпню ромом. И даже не посыпать ее кориандром, а просто посолить.

Это было бы сытно и вкусно, особенно, если не экономить на грудинке, но тяжело и дисгармонично, а Карлу сегодня нужны были гармония и равновесие чувств, которые яичница с грудинкой дать ему не могла...

Гармония и равновесие были нужны Карлу, не только потому что за окном свистел ветер, опрокидывающий мусорные баки и погоняющий как хлыстом редких прохожих, но и потому, что его внутренняя неразбериха достигла такого уровня, что грозила вылиться — как подгоревшая каша из кастрюли — на обыденную реальность и начать уничтожать все на своем пути, как лава на склонах Этны.

Поэтому Карл принял, не открывая воспаленных глаз с слипшимися веками, покрытыми шариками гноя, холодный душ, стараясь не думать о том, о чем грезил этой ночью, съел, чтобы не тошнило, половинку банана и четверть позавчерашней, уже почерствевшей, как супружеская жизнь после десяти лет совместной жизни, булочки, выпил эспрессо с четвертью ложечки сахара и щепоткой красного перца, приготовленный на недавно купленной дорогой кофемашине, которую уже два раза приходилось отдавать назад в магазин, на гарантийную починку, каждый раз со скандалом и угрозами, напялил на себя теплую фланелевую одежду, натянул полусапожки и черную вязаную шапочку, которую ему связала его последняя возлюбленная, оставившая его после страшного скандала с сжиганием совместно нажитого имущества, пощечинами и полицией, набросил на плечи длинное кожаное пальто с меховой подкладкой, которое купил в Турции на Грандбазаре за триста долларов у одного словоохотливого армянина, запахнул его и потопал на рыночную площадь.

Ветер сбил его с ног. Он поскользнулся и чуть было не брякнулся в большую, оледеневшую по краям лужу...

Увидел в луже отражение своего лица — и не узнал его.

По дороге Карл думал о Эмментале, о том, что можно еще придумать, чтобы ублажить придирчивого шефа и его прекрасную креолку, неожиданно страстно поцеловавшую его во время прошедшего парти... о том, что неплохо было бы позна-

комиться с креолкой поближе и о том, как этого достичь... перебирал варианты... и остановился на колечке с изумрудом... да, именно с изумрудом... думал и о том, что надо было бы купить новые шнурки к бежевым зимним ботинкам на толстой подошве, потому что старые полиняли и вызывают в нем немотивированную мизантропию и желание сжечь седьмую часть суши напалмом.

Через пять минут Карл был на месте.

Осмотрел рыночную площадь, поискал глазами обувной киоск... но не нашел.

Заметил, что ратушная башня с десятиметровым Роландом украшена синими с косой оранжевой полосой плакатами-приглашениями на выставку Хорста Мюллера, некоторые из которых уже сорвал ветер, рисующего уже тридцать лет исключительно сражающихся друг с другом толстых обнаженных женщин с огромными животами и гигантскими отвислыми до колен грудями, сделавшего на подобных сюжетах — как рассказывали общие друзья — приличные деньги, с которым Карл полгода назад заключил пари на тысячу франков и проиграл, а фотоателье «Прелестная картинка» напротив ратуши почему-то закрыто, наверное ее хозяин, неулыбчивый социал-демократ Крис, все-таки довел свой бизнес до банкротства, хотя он, Карл уже семь лет назад предупреждал его о недопустимости либерализма в ценообразовании, которым человеколюбивый Крис старался нейтрализовать хроническую недоплату своим служащим...

Этот Крис регулярно спускал на скачках все свои прибыли, отчего страдала его семья, состоящая из собаки, матери, жены, тещи и четырех дочерей, с одной из которых, психанутой интроверткой Ирмой у Карла было что-то вроде взаимного платонического влечения, окончившегося абортom.

Каждый раз, когда Крис проигрывал особенно много, он приходил к Карлу, просил его одолжить ему «тысчонок пять», плакал, юродствовал и рассказывал — в сотый раз — историю про то, как богач не помог бедняку, а тот в тот же день повесился, предварительно убив и изнасиловав жену и дочь богача. Карл смешивал ему Мартини с Кока-колой, давал сотню и

предлагал продать ателье его шефу, который давно положил на него глаз. Карл любил устанавливать, как он выражался, «перекрестные связи»...

...

Обувной киоск Карл так и не нашел, а на сырный наткнулся случайно. Выстоял очередь из двух человек, трясясь, скрипя зубами и постанывая от нетерпения — покупка-продажа сыра происходила удивительно медленно, оба покупателя болтали с продавцом без умолку, пробовали различные сорта и жадно обсуждали их достоинства и недостатки.

Купил наконец без проб и дискуссий полкило Эмменталю. Даже забыл спросить, откуда этот сыр — из Баварии или из Швейцарии.

После покупки перекинулся таки по-светски с продавцом парой слов. Не мог не позлить стоящего за ним старика, толстяка в цилиндре и с тросточкой из красного дерева, которой тот нервно постукивал по алюминиевому боку киоска.

Купил для себя несколько белых роз, а в ювелирном киоске приценился к колечку с небольшим изумрудом... но не купил, а согнувшись как конькобежец, побежал домой, к плите и духовке.

Метрах в трестах от рыночной площади, перед поворотом на свою улицу Карл неожиданно испытал сильнейший припадок страха.

Остановился. Разогнулся.

Его шапочку чуть не сорвал ветер...

Вспотел. Схватился за сердце. Открыл рот как рыба в лодке рыбака.

Хотел было идти назад, к сырному киоску, но передумал, заметался, закричал что-то, напугал этим криком проходящих мимо него двух пожилых монашек в белых чепчиках. Монашки недоуменно посмотрели на Карла, перекрестились и продолжили путь.

Карл постоял несколько минут на месте, делая вид, что рассматривает в витрине новую модель Порше, затем пошел дальше.

Ужас настиг Карла не сразу, потому что он в ту ночь не выпался и был заторможен. Искал, искал в мировой паутине те заветные страницы, просмотр которых карается законом... и заснул... изможденный и неудовлетворенный... только около половины четвертого.

А в девять уже вскочил...

Что же испугало Карла там, на перекрестке?

Ничего. Там его настиг ужас, который он пережил за десять минут до этого.

Его испугал продавец... тот самый. Продавец сыра.

Что же в нем было такого ужасного? Продавец как продавец. В белом халате и белых же резиновых перчатках, с которых сыпалась какая-то пудра. На голове — чтобы волосы в сыр не попали — белая шапочка с маленьким серебряным голубком и вышитыми синими нитками инициалами. Среднего роста мужчина. Слегка за сорок. Блондин.

Вежливый, спокойный, не то, что глупая, назойливая и вульгарная продавщица рыбы в соседнем киоске, общение с которой вызывало у Карла тоску по жизни затворника в пустыне... далеко от морей, озер и рек... так громко орала и визжала эта стерлядь с жирно подведенными глазами и лиловыми когтями на воспаленных от постоянного соприкосновения с мертвыми соками ее лоснящегося товара пальцах.

О сырах продавец говорил вдохновенно. Говорил, почмокивая и поедая сырные палочки с сливочными розочками. Один раз он по ошибке откусил фалангу своего указательного пальца... и спокойно съел ее вместе с кусочком перчатки.

Карл заметил это, но не осознал то, что видит, не удивился и не закричал. А продавец, лакейски согнувшись и притоптывая тремя своими длинными ножками, доверительно шептал Карлу, что сыр помогает от импотенции и головной боли, что Эмменталь будто бы обожали Гёте и Шиллер, и брали тяжеленные его головки в свои кругосветные путешествия. А Герман Гессе будто бы и вовсе на Эмментале помешался и уехал в Индию разводить там каких-то особых пчел для приготовления специального воска, которым покрывают головки Эмменталья...

Услышав про Гёте, Гессе и пчел, Карл подумал: «Что это он несет? Что ему от меня надо?»

Сделал круглые глаза и мрачно уставился на продавца, подмигивая и подергивая веками и губами в так и не вылеченном, несмотря на все усилия доктора Винкеля, блефароспазме. А тот очаровательно заулыбался, замахал своими короткими ручками и произнес: «Шутка, шутка дорогой господин, только милая шутка... понимаете? Шерц».

И так страшно зажмурился, что Карлу показалось — лицо продавца превратилось в небольшую головку сыра, на которой педант-учитель нарисовал множество радиусов для демонстрации действия силы тяжести планеты на маленьких человечков.

Да, продавец сыра был похож на сыр. Даже моргал как сыр — не веками, а краями круглых отверстий на щеках. И испугало Карла то, что продавец сыра на рыночной площади — не только был похож на сыр, но и был сыром. Эмменталем.

Без всяких диафор и эпифор.

Потому что Карл видел не только то, как тот сожрал фалангу собственного пальца, но и как продавец, застенчиво отвернувшись, задрал полу своего халата и отрезал кусок от своего бедра... когда обнаружил, что все 50 заранее подготовленных кусков Эмменталя уже раскупили. Четвертовать проволокой новую семидесятикилограммовую головку сыра ему явно не хотелось. Возможно он не хотел резать родственника, брата или отца... или любимую. Поэтому и воспользовался собственной ногой. Отхватил кусман величиной с колено. И ничего! Даже не хромал!

И это колено лежало теперь в сумочке Карла!

Он нес его домой, чтобы разрезать на ломтики и запечь в духовке! И присыпать кориандром.

Как было не испугаться? Пусть и не сразу. Не вспотеть и не схватиться за сердце.

...

Придя домой, он обнаружил, что входная дверь его квартиры сделана из картона...

Обои содраны, потолок черный.

В квартире не было ни мебели, ни плиты, ни холодильника.

Только в одном углу валялось какое-то грязное засаленное одеяло.

Рядом с ним лежала фотография задумчивой креолки.

Дом качался и готов был развалиться как карточный домик.

В его сумке — труха и грязь.

Он одет в замызганную, рваную одежду.

Его ноги кровоточат, а во рту нет ни одного зуба.

В его душе — только страхи и порок.

Вечером того же дня Карл наблюдал из окна подвешенную на веревке в глубине сцены Луну и обнаружил, что из нее вырезан треугольный кусок...

«Потому что Луна, — решил Карл, — это тоже он, треклятый продавец сыра в этом сумрачном городе... Не видать мне новых шнурков!»

ГОСТЬ ИЗ РОССИИ

В ночь перед приездом Олега не мог заснуть. Думал, думал, как будто гранитные шары катал. Две недели! Две недели Олег будет жить в моей временно пустующей двухкомнатной квартире. Гость из России.

Ненавижу гостей! И сам ни к кому в гости не езжу, потому что не только принимать гостей у себя, но и самому быть гостем — отвратительно. Чужая постель, чужой толчок, полотенца, тарелки, вилки...

Успокаивал себя так: Олег — человек хороший, интеллигентный, чистый, опрятный, скромный и ни в коем случае не навязчивый. Ну поживет в твоей квартире... ты-то сам там не живешь сейчас... не надо быть собакой на сене... через две недели уедет. Ты белье постираешь, пол подметешь... и все.

И ванну придется чистить! Волосок набоковский искать.

Вычистишь!

И электроплиту загадит!

И плиту почистишь!

А если он тараканов и клопов завезет? Россия страна грязная.

Выморишь.

Он твои фотографии будет смотреть и книги!

Очень кому-то интересно смотреть твои фото... дедушек, бабушек...

И на кой ему твои книги сдались, у него своих в московской квартире — в пять раз больше.

И вообще, если ты так негостеприимен, то зачем ты его пригласил? Ты ведь никого никогда не приглашал, чертов бо-быль! А Олежку пригласил!

Пригласил не потому что он такой хороший, а так... была одна мыслишка.

Ага — мыслишка! Это какая-токая мыслишка? Нам все твои мыслишки известны! Не пролезешь сквозь игольное ушко, верблюду.

Мыслишка? Вот теперь принимай его и корми, и пои, и по Берлину води...

И денег ему придется дать — у него заведомо нет ни гроша!

Были бы у него деньги — ни за что бы он к тебе не стал напрашиваться. Тоже ведь, гордый. На какой хрен ты ему нужен? Другое дело — квартира в Берлине. Пусть и в Марцане. Это — что-то. А ты — и для него и для всех них — ничто. Отрезанный ломоть.

...

Уже давно-давно я догадался, что у тех, ну у неухавших, у оставшихся... у всех до единого... есть какая-то тайна. Позорное темное пятно в биографии. С ними что-то произошло... Что-то ужасное... Что — не знаю. Но знаю, когда. В ельцинское время. И это что-то их изменило радикально и навсегда. В худшую сторону. Каждого, конечно, по-своему.

Например, была у моей жены подружка детства — Маринка Лупова. Десять лет они в петяринской школе на одной парте просидели. Как Плюшкин говорил — однокорытники. В советское время — своя в доску баба. Как и все мы — научная сотрудница в НИИ. Легкая на подъем, веселая... Обожала танцевать. Вместе семьями в Гудауту ездили. Жену любила, часто к нам приезжала и болтала часами. И не только о детях. Книжки умные читала и водку пила как чай.

И вот... приехала эта Маринка к жене во Францию на неделю погостить...

Когда? Забыл. После войны с Грузией, но еще до аннексии Крыма. И я там находился в это время, случайно совпало, приезжал с младшей дочкой поиграть. Обрадовался, когда узнал, что Маринка приедет... думал... о прошлом покалякаем, старых друзей вспомним. Даже поехал с женой Маринку в аэропорт встречать.

Стоим, ждем. Мороженого взяли, жуем. Жена — клубничное, легкое, а я — шоколадное, с орешками, Магнум. Объединение.

И вот видим, выходит Маринка. Идет как-то боком. Постаревшая, располневшая и мрачная, как грозовая туча. Смотрит на нас так, как несчастная Мария-Антуанетта Наверное смотрела на палача Сансона, хлопчущего у гильотины.

Жена, добрая душа, расчувствовалась, кинулась к ней с объятьями. Та как-то криво и неохотно обнялась с ней, а мне только кивнула... кисло...

А ведь было время, когда...

И всю неделю, что у жены жила — только ворчала: Если бы у меня была такая зарплата, как у тебя... хорошо вы тут живете, немцы... французы... Все нашу бедную Россиюшку грабят!

Жена спрашивала: Это как же я твою Россиюшку граблю?

— Ты, Милочка, не понимаешь, ты слишком темная. Сидишь тут в деревне и на работу ходишь на свою фабрику.

— Ну ты меня и просвети. Я сколько раз в Россию посылаю деньги. И деньги жертвовала.

— Я бы тоже жертвовала, если бы столько получала.

Получала Маринка тогда, кстати, не меньше жены, а больше, раз по шесть в год путешествовала по миру... жила в хороших отелях... на работе у нее был только один присутственный день... о чем бедной моей жене только мечтать приходилось, она только о том думала, как бы детей поднять. От меня она помощи не получала. Я в то время был безработным, и заказов у меня не было. А муж Маринкин, кстати, зарабатывал в тогдашней, еще не упавшей, России — тоже прилично. И дети у них выросли. Так что эта фраза Маринкина — про зарплату — была просто наглым враньем.

Что превратило жизнерадостную Маринку в злобную старую стерву, мы с женой не знали. Думали-гадали, да все попадали в молоко. Время? Не только.

Произошедшую с Маринкой метаморфозу можно назвать «фатальным остервенением».

Были и другие варианты, ничуть впрочем не лучшие.

Случайно оказавшиеся в «золотом путинском миллионе» или рядом с ним люди становились поклонниками Путина... боготворили его... поддерживали и одобряли любое

кремлевское скотство. А ведь раньше... в застойное время многие из них чуть ли не диссидентствовали. Этих кстати понять можно — они отработывали свои деньги... тряслись за вывезенные за рубеж средства... за недвижимость тут и там... они знали — в любой момент их могут ограбить свои или привлечь к суду чужие. Этим людям я никогда не завидовал... Их можно было охарактеризовать так — «лизуны-апологеты». Бывали они трех видов — «шизанутые», «оголтелые» и «умеренные». Первые визжали, плюясь и хрипя: «За Путина порву глотку! Гланды вырву! Моргала по асфальту размажу!»

Вторые кричали соло и хором: «Россия — это Путин, без Путина нет России! Поняли? Поняли все?»

Третьи резонерствовали: «Если не Путин, то кто? Кто, я вас спрашиваю?»

И грозно сверкали жирными щеками.

А если им что-то отвечали, они тут же начинали визжать и плевать.

Были, впрочем, среди «лизунов-апологетов» и исключения. Вроде моего бывшего одноклассника Пети А. Он о политике (по слухам) вообще никогда ни слова не сказал. Очень умный человек. Какая сила воли... никогда!

Зато он любил повторять следующую максиму (читал в его официальных интервью): Я материально бывшим друзьям не помогаю. Всем помогать — денег не хватит.

Браво, Петя, долларовый миллиардер, браво! Хорошо поработал в ельциновской сауне! И жизнь понял, мудрец, и политэкономия! Главное, не изменяй этому принципу и дальше. Тебе могилку стекловатой выложат благодарные потомки.

Кроме «фатально остервенелых» баб и богатеньких «лизунов-апологетов» были еще и не выходящие из стадии изумления «совки-коматозники», «мнимые активисты», вечно планирующие массовые протесты, пишущие и теоретизирующие и даже один раз просидевшие три часа в полиции, а также «космонавты» (не поддающиеся описанию словами идиоты, витающие в небесах).

Разумеется, имелись и смешанные случаи.

К какой категории относится Олег, я не знал, но подозревал, что к последней. Потому что по образованию он был философ. Честно признаю, я ошибался. Забегая вперед, скажу — он принадлежал к другой категории, мной не упомянутой. Это так называемые — «всё понимающие». Самые опасные.

Надо отдать должное, мы, эмигранты тоже имеем свою тайну. И у нас в душах есть черное пятно. Иногда — размером с лужу, иногда — с плевков. За всех говорить не буду, но и мне и моим досталось в Европе в начале девяностых годов по первое число. Очень крепко досталось. Все мы испытали — и насилие, и отчаяние, и унижения и бедность... Что конечно не улучшило наши характеры и изменило наш взгляды на жизнь. Но мы не стали злыми.

Этого не понимают оставшиеся на родине. Для них мы — предатели-колбасники, богачи, эгоисты и русофобы. У нас все всегда хорошо, а у них, у бедненьких, все всегда плохо.

Они выкинули нас из памяти, убили в себе добрые чувства к нам. А мы по оставшимся скучаем, мы им до сих пор сочувствуем, мы их все еще любим.

Не всех, конечно.

...

Олег прилетел в аэропорт Тегель около одиннадцати утра. Я встретил его.

Он появился... с небольшой спортивной сумкой через плечо. Моложавый, подтянутый. Загорелый. Сдержанный. Такой, каким я его помнил. Совершенно не изменился. Дориан Грей. Только несколько морщинок появилось на лице. И седина.

Обнялись без энтузиазма. Сели в автобус. Билет для Олега я купил заранее.

Первый наш разговор у меня в памяти не сохранился. Помню только, что я показывал Олегу из окна автобуса, а потом и эс-бана, Берлин. Рассказывал всякую смешную чепуху. Заметил, что Олега не очень интересует то, как называют берлинцы недавно построенный торговый центр «Алекса»...

Зачем же он сюда пожаловал? Хм...

В квартире, где Олегу предстояло две недели жить, я показал ему его шкаф, кровать, кухню, вывел на балкон, объяснил, что надо делать с почтой, как пользоваться душем и что нельзя рассказывать соседям (Олег сносно говорил по-немецки).

Одарил его дюжиной билетов на розовые двухчасовые поездки в берлинском общественном транспорте, показал, где лежит подробный путеводитель по музеям и достопримечательностям Берлина, предложил сходить туда-сюда вместе.

Сварил кофе...

Мы проговорили с полчаса, и я, ошарашенный услышанным от Олега, почувствовал, что пора уходить. Моя потаенная мыслишка — оказалось несбыточным бредом, и я ушел.

Без сожаления и без желания увидеться с моим бывшим приятелем еще раз.

Этот короткий разговор за кофе сохранился у меня в памяти. Не только из-за страшного признания Олега. Было в этом разговоре еще кое-что. В нем, хоть и не ясно, как бы в тумане неопределенности, прозвучал... намек на то, что случилось позднее...

Намек этот я к сожалению не понял.

Тогда я еще мог предотвратить несчастье...

...

— Расскажи, как оно там... в Москве.

— А что тебя интересует?

— Атмосфера, люди, город...

— Все по-старому, рассказывать нечего. Ты же был в Москве пять лет назад. Атмосфера сам знаешь какая — вонь везде нестерпимая. Но у нас в Медведково все-таки воняет не так, как в центре. Люди? Очень много азиатов и кавказцев. А коренные москвичи... киснут. Город? Теряет последние романтические уголки. Новые дома мучительно бездарные. Сотни тысяч квартир стоят пустые. Их купили не для того, чтобы в них жить, а для того, чтобы сохранить деньги. Дороговизна. Бедность. Морок. Но в то же время — выставки... театры... рестораны... все работает... залы полные... Москва гудит... какие-то праздники все время устраивают для пипла.

— Ты ушел от ответа. Кто-нибудь хочет Путина скинуть? Протестуют?

— Ну ты герой прямо. Гарибальди. Как это так, скинуть? Захватить телеграф-телефон? В стране, где правят бал два или три миллиона гэбистов? Плюс армия, флот. Полиция. Теперь еще и преторианцы появились — Нацгвардия. И частные охраны — еще миллионов пять вооруженных людей по всей стране. Да еще — шофера, егеря, массажисты, парикмахеры их жен и собак, самбисты... Чтобы кого-то скинуть — и перераспределить ресурсы, недвижимость и капиталы — надо убить чуть ни половину боеспособных мужчин в России. Попробуй. Не понимаешь, что ли? Путинский режим гораздо жизнеспособнее брежневского. Это народная сталинщина, только без большого Гулага. Потому что он не нужен, люди и так на все согласны. И не только согласны, они хотят так жить, понимаешь. Это их власть, воровская власть для дебильного большинства. Путин — один из них. Свой. И все ловят рыбку в мутной водичке. А политикой никто не интересуется. Никто, кроме ничего не понявших лузеров. Давай не будем больше об этом, осточертело повторять одно и то же... сколько можно толочь воду в ступе...

— Понятно. Не раздражайся, не хочешь о политике — давай об искусстве поговорим...

— Вот скука-то...

— Ну тогда, расскажи о себе, как живешь.

— Как все. Не обращая внимания на общий маразм. Живу сегодняшним днем. Телевизора у меня нет. Компьютер — печатная машинка, интернет — справочник. К знакомым захожу, изредка — в театр... Читаю, перевожу, пишу репортажи... Бегаю каждый день. По лесопарку.

— Молодец, здоровеньким помрешь. Извини за интимный вопрос, ты все еще с Мишей?

— Миша умер два года назад.

— Извини, я не знал. Мои соболезнования.

— Нет, я один. И я болею... у меня СПИД. Не соболезнай, я еще не помер. Все так, как и должно было быть. Я пил, колослся, спал с кем попало, и залетел.

После такого признания вовсе не выглядевшего больным Дориана Грея я прикусил губу.

А он продолжал: Слушай, я тебя знаю... ты шокирован... на меня тебе наплевать... и это нормально... ты испугался, что и сам можешь заболеть. Но ты ведь кажется уже двадцать лет женат на какой-то немке и от жены не бегаешь... так что не дрейфь.

— Я живу с одной немкой, но не женат на ней. Все сложно в датском королевстве.

— Давай еще раз сменим тему. Я слышал, что ты знаком с семьей Горкиных, мне очень хочется с ними познакомиться. Особенно с ней. Как ее зовут, Лидия что ли? Говорят, она самый талантливый писатель русского зарубежья. Хотел бы поговорить с ней. Ты не мог бы это устроить? Мне обещали несколько сотен евро за интервью. Кстати, у тебя тут нет ее книг? В России ее не печатают... а на дисплее читать противно.

— Где-то лежит одна, называется, кажется «Анальный капитан» или «Капитанский анал», да, есть еще один романец — «Горбун-наильник»... поищи сам вон там, на верхней полке. Интервью она не дает. Но в гости пригласить...

...

Дома, после ужина, смотрел кино в ящике. Новое. Что-то про пришельцев. Гадость, естественно. Минна морщилась, но не сводила глаз с экрана. В конце концов не выдержала и сказала резко: Я пойду спать, меня это кино не вдохновляет.

Ушла и дверь хлопнула сердито. Дура.

Выключил ящик. Вышел на балкон, сел в шезлонг и стал на Юпитер смотреть. В этом году Юпитер торчит прямо перед нашим балконом. В бинокль и галилеевы спутники видны. Забавно. Ты смотришь на них из Марцана, а с какой-нибудь Европы на тебя смотрит в свой телескоп выползший на поверхность льда стоглазый спрут и размышляет: Есть ли жизнь на этом дурацком шарике, так близко расположенном к Солнцу? Там же так жарко и неудобно!

Я думал об Олеге. Верил ли я ему? И да и нет. Да-да, хитер и циничен. Но и хитрые и циничные тоже болеют этой

ужасной болезнью. И что ему надо от Горкиных? Интервью с Людмилой? Не верится. Чихал он на «литературу русского зарубежья».

Даже не спросил, как я живу... что пишу...

Нет, он в Берлин не ради музеев приехал. И не ради тебя. Хотя много лет назад, однажды... на картошке... советская романтика... да, на картошке, мы случайно остались одни в душевой пионерлагеря... Мылись в кабинках напротив.

Нет, нет, не вздыхайте, господа, не отводите мученически глаза и не кривите ваши благородные хлебоприемники... ничего страшного не произошло...

В какой-то момент я почувствовал... его влечение...

Он не смотрел на меня... взгляд его был печален, горек, он смотрел вниз.

Смотрел сквозь земляной пласт, в ад, на Сатану, сгорающего заживо на раскаленной решетке, как его нарисовали братья Лимбурги для «Великолепного часослова герцога Беррийского», знатока искусств, мецената и безнадёжного должника.

И его влечение опалило меня... и я почувствовал в себе сатанинскую страсть.

Я был молод и неопытен. Заячья душа. Если бы он сделал следующий шаг... но он его не сделал. И слава богу. Но жар этой страсти, жар одного только мгновения, я не забыл до сих пор. Поэтому и ответил на его имейл, в котором он писал о намерении посетить Берлин и просил найти недорогую гостиницу. Поэтому и предложил остановиться пожить в моей квартире.

Хорошо, что все прояснилось, и дикая идея не получила никакого воплощения! И мое постаревшее тело не испытало «сварливого старческого задора»... попахивающего по словам классика камфарой.

И все же, что ему на самом деле нужно от госпожи Горкиной?

Неужели и вправду — интервью?

Шито белыми нитками.

Выдержал паузу. Горкиным позвонил только через три дня. Подошел Марк, муж Людмилы, с ним меня познакомил... кажется Боря М..

— Послушай, Марк, у меня есть бутылочка Макаллана двенадцатилетней выдержки. Вкус мягкий. Дорогая. Да, американский дуб и из-под бурбона. Одному мне ее не осилить, а выпить надо и немедленно. Сегодня вечером? Чудесно. Ты не против, если я мальчика своего возьму с собой? Хорошего, хорошего... не бойсь, не обидит, он смирный, посидит в снях, картошку почистит, на губной гармошке поиграет. Да, серебряные ложки прятать не обязательно... а у тебя они есть? До встречи!

Позвонил Олегу на мобильник. Тот обрадовался. Про «мальчика» ему ничего не сказал. Авось не прогонят. Договорились встретиться на перроне эс-бана в семь. Ехать нам было нужно в Шпандау. Через весь город.

...

По дороге Олег неожиданно заговорил о своем покойном отце.

— Знаешь, после того, как папа умер, я сдал нашу старую квартиру на Тверской. Ну ту, шикарную, ты в ней был, с антресолями. Я иначе не могу, жить не на что. А так... мне и на квартплату в Медведково хватает и на жизнь остается. Так сейчас многие москвичи делают. Сдал знакомым со средствами... И вот, представляешь... никак не ожидал, знакомые мне стали жаловаться... Якобы, по ночам, в тишине, они вздохи слышат... кашель отцовский... и его тяжелые шаги. Даже иногда слышат, как он бормочет что-то, как бормотал при жизни... последние два-три года, когда Альцгеймер уже сожрал его мозги... Все маму звал, говорил с ней... что-то ей рассказывал...

— Позови попа, или раввина... Отслужи молебен. Съезди на кладбище, положи камешек. Я не знаю, что в таких случаях делают. Обратись к охотникам за привидениями. Я твоего папу помню... жизненная сила у него была как у мамонта. Пятьдесят лет преподавал в Совдепии марксизм-ленинизм и дожил до восьмидесяти пяти... На это только евреи способны. Русский бы или спился или раньше в ящик сыграл...

— Ты будешь смеяться, но я действительно и по па пригласал и с раввином советовался. Все без толку. А знакомые — помучились с полгода и съехали. И те, которые после них там жили, тоже. Кряхтит, бормочет, ходит... Книги берет с полок... они падают. Маму зовет. Уходить не собирается. Говорят, некоторые не способны понять, что умерли... что попали в лимб. Я там несколько раз переночевал, хотел сам убедиться.

— Убедился?

— Такие страсти... Расскажу после гостей. Смотри, мы уже в Шпандау. Где тут тюрьма?

...

Не сразу нашли дом, в котором была квартира Горкиных. Трехэтажный... окна с жалюзи... так себе... но с видом на канал Мюленграбен. Позвонили.

Открыл нам Марк, быстро оглядел меня, а потом уставился на Олега. Довольно недружелюбно.

— Это твой мальчик, который картошку чистить будет?

— Ну да.

Олег веско представился: Я Олег Соколовский, четыре дня как из Москвы. Свободный журналист. Почитатель прозы вашей жены. Старинный приятель господина Ш.. Обещаю, что никаких неудобств вам от меня не будет. И картошку почищу, если надо. И полоний я с собой из Москвы не захватил.

Марк ненавистно посмотрел на меня, потом на Олега. Я подумал — сейчас он нас обматерит и выгонит.

Но неожиданно... сахарная женская рука с тяжелым золотым браслетом в виде двух переплетающихся змей... обняла его за плечи и подергала его ухо за мясистую мочку, из которой росли несколько сивых волосков.

Людмила Горкина произнесла не допускающим возражений тоном: Господа, мы рады вас видеть, проходите в гостиную. Обувь можете не снимать.

Небрежный, подчеркнуто сухой взгляд, брошенный ей, как бы невзначай, на моего приятеля, выдал мне то, о чем я не хотел и думать — они были знакомы раньше.

И встреча эта будет иметь серьезные последствия, возможно трагичные. И виноват во всем — один я. Точнее — та самая мыслишка. Так из крохотного зернышка вырастает треклятый баобаб.

Последняя надежда... все это ты сам навертел, как турок навертывает не очень свежее баранье мясо на специальный вертел... конусом, чтобы потом печь его и срезать тоненькие кусочки для дёнеров...

Никаких драм... выпьем... поболтаем... разойдемся... через десять дней он уедет. А Людмила будет и дальше счастливо жить со своим верзилой Марком и писать романы.

...

Поставил бутылку Макаллана на стол.

Решили ее не охлаждать. Марк принес кубики льда в хромированной ванночке, содовую и бокалы. Налил себе и нам немного чистого виски.

Чокнулись молча, выпили... посмаковали... мне показалось, что у меня во рту пожар начался...

Через минуту я не выдержал, глотнул из запотевшей бутылочки содовой воды... жжение во рту сейчас же прекратилось. Как можно пить этот адский напиток и получать от этого удовольствие?

Железобетонный Марк с явным удовольствием цедил коричневую жидкость. Глаза закрыл своими толстыми розоватыми веками с крошечными белыми пузырьками.

Олег ушел глубоко в себя... пил виски маленькими глоточками... но видимо не чувствовал ничего. Унтот.

Людмила... так и не смогла сделать больше одного глотка. Поставила бокал на стол и теребила подушечками нервных пальцев бахрому бордовой бархатной скатерти. Как замороженная смотрела на бутылку и повторяла тихо: Какой благородный вкус...

* * *

Марк, которого я выше назвал недружелюбным и железобетонным верзилой, не был на самом деле ни недружелюбным, ни железобетонным... хотя верзилой и был. Как иначе

можно назвать человека ростом метр девяносто шесть, с широченными плечами и руками профессионального баскетболиста? Да, он был недоверчив... особенно по отношению к собратьям-эмигрантам, которые, по своему опыту знаю, частенько оказываются на поверку удивительными мерзавцами, и к «гостям из России», которые действительно могут угостить полонием...

И похожую на башню из слоновой кости шею Марка, можно было, не без натяжки конечно, назвать «железобетонной». Но душа у этого физика, хорошо зарабатывающего в одном из новооткрытых в научном парке Адлерсхофа институтов и безропотно выносящего все дикие эскапады своей жены-писательницы, о которых шептался весь русский Берлин, была добрая. Насколько это вообще возможно в современном мире.

Марк тоже заметил, что Олег и Людмила связаны какой-то давней историей... но не хотел давать отпор еще не начавшему наступлению агрессору, не хотел даже заранее причислять небольшого, интеллигентного и благородного Олега к врагам... и унижать жену ревностью, хотя уже ревновал, ревновал и холодно бесился, как бесятся инопланетные металлические черви в ужасных свинцовых кувшинах в предвкушении расправы над глупыми землянами, сдуру прилетевшими за тридцать земель для получения ответов на бессмысленные вопросы.

После получаса возлияний и хвалеб шотландским виски-делам Марк спросил меня, неловко прикидываясь рассеянным профессором, показывал ли он мне уже свой новый дрон-квадрокоптер, модную ныне игрушку для мужчин.

Я оценил его находчивость и его такт... но мне не хотелось оставлять inferнально молчащего Олега и смущенную Людмилу одних. Поэтому я соврал: Разумеется да! И фильм показывал... тот, в котором твоя дрона чуть гражданский вертолет не покалечила.

— Ну это ты врешь! Пойдем, покажу тебе будущее.

Марк встал, чуть не опрокинув кресло, взял меня под руку и увел в другую комнату, в которой находился целый склад

различных оптических и электронно-механических устройств. На почетном месте возлежал похожий на робота-убийцу квадрокоптер.

Закрыв дверь в гостиную, Марк устало поморгал, протер очки специальной мелкозернистой тряпочкой, вздохнул и спросил: Откуда ты его откопал?

— Он на самом деле мой старый знакомый. В одном институте работали... и после... общались. Он безвредный, очень умный, древние языки знает... журналист...

— Что у них было с Людмилой, когда?

— Не имею понятия. Что-то наверное было... Еще, до тебя. Ты что, действительно купил этот чертов дрон?

Марк подвел меня к чудесному продукту западной технологии китайского производства... начал что-то объяснять, увлекся, даже включил белую сверкающую машину с интимно висящей снизу камерой...

Дрон стартовал, мгновенно поднялся к потолку, три раза облетел комнату... после этого его гордый своим летным мастерством хозяин мягко посадил его на пол.

— Представляешь, он может подниматься на высоту в полтора километра, улетать за семь километров и возвращаться. Настоящий киллер. Это еще относительно дешевая модель, говорят, в Штатах уже есть в продаже дроны, способные поднимать человека...

Я слушал Марка минут двадцать пять, потом не выдержал и спросил: Может хватит им тет-а-тета? Не было бы беды. Меня совесть грызет, знал бы, что они старые знакомые, ни за что бы его сюда не повез... Не хватает только...

Я проговорил это, уже входя в гостиную. Следом за мной вошел и Марк.

Ни Олега, ни Людмилы там не было.

Комната была пуста.

Я ощутил спиной, как ярость Марка выплеснулась вместе с нечленораздельным рыком из его глотки в пространство, отчего то зловеще завибрировало.

Марк обежал их большую квартиру. Выглянул из окна, выходящего на канал, долго и жадно смотрел направо и налево...

Вернулся в гостиную. Сел в кресло, налил полный стакан виски и выпил залпом.

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

Марк молчал минут пять. Потом проговорил обреченно: Они на моей машине уехали. На Вольво. И наличные взяли из шкатулки. Тысячи три там было. Где мне теперь их искать? Может, они уже в какой-нибудь гостинице, в постели...

Я благоразумно промолчал.

Хотя у меня в голове тут же нарисовалась странная фривольная картинка «Олег и Людмила в миссионерской позе». Потом еще одна, «сзади». И еще тридцать две...

Странность их заключалась не в том, что вытворяли на огромном ложе две нагие человеческие фигурки... а в том, что под потолком их алькова, непонятно зачем и почему, парили человекообразные дроны-квадрокоптеры...

Хм... вообще-то я не склонен к подобному фантазированию...

Догадался. Картинки эти были не мои, а марковы. И нарисовались они в его воспаленной лысеющей голове ученого с остатками поросли по периметру. Но энергия этих галлюцинаций была столь высока, что они сами собой транслировались и в мое сознание. В тот потайной кинозал одного зрителя, на котором передо мной промелькнуло за шестьдесят лет много чего, о чем не хочется рассказывать друзьям за пиршественным столом.

Набрал телефон Олега на мобильнике. Молчание.

Неожиданно для самого себя я сказал: Он говорил, что болен СПИДом. Может, придурился. Чтобы я не заподозрил его в...

Притихший было Марк встрепенулся как ужаленный оводом конь, вскочил и убежал в другую комнату. А вернулся с пистолетом в трясущихся руках. Направил его дуло на меня и прошипел: Говори, где они. Ты все это придумал. Сводник. Говори, иначе застрелю!

Дело принимало скверный оборот.

Верзила-Марк с пистолетом в руках. Какой заезженный сюжет! Трэш.

Только патроны в нем наверняка не киношные...
Меня спасла природа. Марку вдруг, как по заказу, стало плохо.

Лицо его как бы посерело. Он медленно положил пистолет на стол.

Обеими руками схватился за посиневшую шею, на которой выступили, как у лошади, толстые красные вены... и повалился на бок.

Я вызвал пожарную скорую... которая увезла Марка после нескольких неудачных попыток реанимации. Так я и не понял куда, в Вирхов-клинику или в Институт судебно-медицинской экспертизы в Моабит. На прощание здоровенный пожарный сказал мне: Друг ваш мертв уже десять минут. Мы вызвали полицию...

Посмотрел в окно и добавил: Они уже тут... не советую вам трогать это.

И показал на пистолет, все еще лежавший на бордовой скатерти с бахромой.

Я был слишком взволнован, чтобы мучить себя вопросами. И все-таки, почему они не дождались полицейских, не показали им тело, если Марк действительно мертв?

...

Полицейские в штатском объяснили мне, что их задача — проверить, была ли смерть ученого естественной.

Во время разговора с полицейскими мне казалось, что время движется слишком быстро. Не тянет меня как обычно своей густой опаловой массой, а обтекает как течение остров.

Реплики полицейских улетали от меня как испуганные птицы.

А сам как будто онемел. На вопросы отвечал глупо и невпопад.

Полицейские, три молодых парня, не очень старались... видимо, после первого же знакомства с «местом преступления» поняли, что ничего интересного для них тут нет.

Пистолет их конечно заинтересовал, но они открыли принесенный с собой лэптоп и быстро нашли его по номеру... убедились в том, что Марк владел им легально, как многолетний член Клуба любителей спортивной стрельбы в Шпандау.

Сообщили мне, неприятно ухмыляясь, что пистолет заряжен не был.

Нашли загранпаспорт Людмилы и проверили его.

Обнаружили в своей электронной картотеке и Олега, прочитали в ней что-то и про меня и угрюмо похмыкали.

Поскучнели. Переглянулись. И покинули квартиру.

Подозрительно быстро.

...

Ночь.

Время все еще несется мимо меня... Как болиды в Монако мимо зрителей.

Слышу его свист, напоминающий комариный писк.

Я сижу один в чужой квартире, за столом, покрытом бордовой скатертью.

Бахрома ее превращает стол в надгробье.

Тихо, как в могиле.

Что я тут делаю?

Где мой московский гость?

Людмила?

Живы они?

Что с Марком?

Существуют ли все они на самом деле, или я придумал их после обильного ужина для отвлечения от мрачных мыслей?

Говорят, даже после 40-минутной остановки сердца, человека еще можно вернуть к жизни. Вранье, наверно.

Живу ли я еще? Или я, как отец моего гостя, попал в лимб и не заметил этого. Или меня придумал тот... который смотрит сейчас на экран монитора и усмехается?

Машинально налил остаток виски себе в стакан. Хотел бросить в него кубик льда, но от того льда, что принес Марк, осталась только маленькая лужица в хромированной ванночке.

* * *

Мой рассказчик, сделанный из сухих чешуек сброшенной кожи, и симпатичный верзила Марк, родившийся из имени и одного приятного воспоминания, были не правы. Олег и Людмила не были знакомы и близки.

Физически они друг друга не знали... хотя кое-что их друг с другом и связывало. И связывало пожалуй даже сильнее, чем совместное прошлое, постель и всяческие трагедии... которые кажутся нам такими страшными и непоправимыми в двадцать и тридцать... забавляют нас в шестьдесят и забываются в восемьдесят.

Не буду тянуть и кокетничать с читателем... когда Людмила еще тогда, в прихожей, в первый раз глянула на незванного гостя, опустившего своего красивую седеющую курчавую голову и смотревшего в центр Земли, которого приволок с собой, неизвестно для чего, этот неприятный толстый неврастеник, вообразивший себя знатоком человеческой природы, она сразу же узнала его... да, он был человеком из ее прошлого... он был ее литературным героем, да-да, тем самым «капитаном», или... идеальной его материализацией. Людмила не поняла это, а почувствовала телом... по которому тут же пробежали электрические волны, мгновенно сфокусировавшиеся вокруг той области женского тела, которая вроде бы и не должна была играть роль магнита для эротических импульсов. Но... женское тело, господа, это загадка, почище Бинарной гипотезы Гольдбаха (жил такой хитроумный немец в восемнадцатом веке), которую так легко сформулировать и, кажется, невозможно доказать.

Когда они все вместе сидели за столом, покрытом бархатной бордовой скатертью, и дегустировали виски, Людмила трепетала как осиновый листок и нервно елозила все еще милой попкой по шершавой парчовой обивке викторианского кресла, за которое заботливый Марк заплатил восемьсот евро на аукционе.

Как только любители дронов вышли из гостиной, Капитан-Олег, по-печорински просто взял ее за руку... посмотрел ей в глаза... и убедился в том, что эта женщина в его власти.

Бросил небрежно: Пошли!

И увел ее из квартиры. По дороге предусмотрительная Людмила, хоть и тряслась и потела, захватила с собой наличные из шкатулки и лежащие там же ключи от Вольво.

Села за руль и тихим дрожащим голосом спросила Олега: Куда ехать?

Он ответил голосом Каменного гостя: Вперед. Дальше я покажу.

Они тронулись... и через пятьдесят минут достигли ничем не примечательной виллы на тенистой улице в отдаленном районе Берлина — Фридрихсхагене. Виллы, с видом на чудесное озеро Мюггельзее. Всю дорогу Олег гладил руку Людмилы своими холодными пальцами мертвеца.

Вольво оставили в гараже, а сами пошли прямо в спальню.

Там Людмилу ожидал неприятный сюрприз. Олег не лег с ней в постель... и они не предались свободной любви, как она ожидала, перебирая в уме сладостные подробности, взятые из ее собственного романа... в котором тридцатилетний капитан, вылитый Олег, превращает свою пятидесятилетнюю пассию, великосветскую львицу, жену адмирала, в рабыню и каждую ночь изощренно и ненасытно терзает ее покорную плоть, вызывая у нее бурные и продолжительные оргазмы.

Нет, ничего подобного не произошло...

Олег внезапно вышел из спальни... и из темного ее угла вышел другой персонаж Людмилиной прозы — горбун-насилник. Грубиян и садист.

Что там было дальше, не хочу и вообразать...

Достоверно известно только одно: Через несколько дней обескураженные и испуганные японские туристы обнаружили распухший труп Людмилы Горкиной в Шпрее, недалеко от Музея Боде. Следствие пришло позже к выводу, что она сама бросилась в речку с близлежащего моста. Совершила самоубийство.

Никто в это конечно не поверил.

Олег в квартиру нашего рассказчика так и не возвратился, чем, кстати, его вовсе не расстроил... а пропал. По слухам... он и дальше живет себе в Москве, сдает свою квартиру на Тверской и пишет какие-то репортажи... непонятно о чем.

И наконец, самое интересное: Верзила-Марк не умер, а... объявился в одном из закрытых российских физических институтов... и успешно работает то ли в Дубне, то ли в Сарове.

Скупает, где может, мебель викторианской эпохи и современные модели квадрокоптеров.

ПОЦЕЛУЙ КЛЕОПАТРЫ

Мы занимались любовью часа два. Или три. На часы не смотрели. У нее.

Засыпая, я слышал, как она прошептала мне на ухо: Милый, я сбегая в Эдеку, надо купить еду, у меня холодильник пустой, дети слопали все перед отправкой в лагерь. Спи спокойно. Разбужу тебя к ужину...

Что-то она еще сказала, но я не услышал... меня уже нес поток сна, как поезд в метро. Только не в центр или из центра нес меня поезд, а по искривленной как поверхность Земли бесконечной голубой дали неизвестного океана... на остров с павлинами.

Проснулся я... все в той же «розовой» спальне, все на той же, застеленной розовым бельем, кровати из магазина ИКЕА, стоящей как египетский саркофаг в ее середине. Среди благовонных свечей, горшков с розами и орхидеями и разной высоты стеклянных шкафчиков, похожих на небоскребы, с пестрыми фарфоровыми фигурками, драпированными зачем-то голландскими кружевами.

С трудом разлепил веки... заставил себя приподнять голову, чтобы посмотреть под дверь... проверить, видна ли полоска оранжевого света из коридора. Не видна. Значит Магдалена еще не пришла из магазина... и можно еще немного понежиться на шелковой простыне, под легким, ласкающим тело как морская пена, одеялом.

Закрыв глаза и попробовал отключиться. Не вышло. Мешала какая-то мысль.

Пришлось встать. Ноги не шли, еле до туалета доплелся.

Уронил шесть янтарных капелек...

Забрался в душ. Брр... холодная вода никак не хотела становиться горячей. Мыть себя — не было сил. Решил отмочать под боковыми струями...

Вышел из душа, заглянул в кухню. Никого.

С трудом справился с кофейной машиной. Сел с чашечкой эспрессо в руках в кресло, посмотрел на черную волнующуюся жидкость. Вспомнил кошмар, приснившийся мне перед первой поездкой на море: Я сижу на песчаной дюне, а в море поднимаются вертикальные темные волны высотой с двенадцатизэтажный дом... они грозят раздавить меня.

Долго наблюдал настенные часы без стрелок, но с вращающимися циферблатами и со знаками Зодиака вместо цифр. Не мог понять, что они показывают. Понял. Около восьми вечера в доме Сатурна. Венера в Водолее.

Смог наконец сформулировать мучающую меня мысль.

— Магдалены уже три часа нет дома. Куда она делась? На Венеру улетела? Пропала?

Позвонил ей по мобильному телефону. Не ответила.

Выглянул в окно — машина на месте.

Начал размышлять.

Магазин Эдека — в пятидесяти метрах от входа в подъезд. Магдалена должна была вернуться домой через четверть часа. Или через двадцать минут. Эдека не музей, а дискаунтер. Смотреть там не на что, гулять по нему бессмысленно. Заходим мы туда редко, только если соль кончилась. Продукты мы обычно покупаем в био-супермаркете, но он от нас далеко, надо на машине ехать... ветровое стекло от наледи чистить... колесо менять. Но машина... вон... как стояла, так и стоит на стоянке, значит...

Знакомых повстречала, пошла с ними в кафе? Тогда бы позвонила. Магдалена добра и заботлива, не то, что я.

На обратном пути, с сумкой, остановилась с соседкой поболтать?

На улице холодно. Дождь со снегом. В квартиру к соседке она ни за что бы не пошла с тяжелой сумкой, я ее знаю. Значит болтает в подъезде... Проверим.

Открыл входную дверь и наострил уши. Тихо в подъезде. Только ветер воеет и дождь стучит по стеклу.

Где ее лешие носят?

Пропала?

Мысль эта почему-то принесла с собой не только беспокойство и тревогу, но и наслаждение... Надежду на что-то несбыточное, прекрасное. Даже образ этой новой, чудесной жизни без Магдалены пронесся перед глазами, помахивая кудряшками и длинными фланелевыми рукавами.

За пять лет знакомства Магдалена ничего кроме радости мне не принесла... почти ничего...почему же ты... что мы такое...

...

Позвонил ее родителям в Чопау. Мать Магдалены проворчала: У нас ее не было уже недели три. Вечно занята... а мы с отцом стареем, скоро на погост... Нет, и не звонила.

Куда еще позвонить?

Нашел в записной книжке Магдалены телефон зимнего лагеря, куда сегодня утром уехали два ее сына-оболтуса. Дозвонился, поговорил с замначальника. Тот не поленился, сходил в спортзал, к сыновьям... нет, они маму не видели, по телефону с ней говорили еще днем, сообщили о приезде. Нет, больше не звонила.

Попросил об исчезновении Магдалены ее сыновьям пока не говорить. Мало ли что. Вдруг она появится через пять минут... Возникнет из ничего как элементарная частица.

Куда еще обратиться? Ну да, на ее работу, в адвокатскую контору. На всякий случай. Возможно ее срочно вызвали какой-нибудь конфликт улаживать... Магдалена — человек обязательный, и ее шеф любит спихивать на нее сложные дела. Несколько раз ночью будил.

— Любезная госпожа Ц., прошу вас срочно вмешаться... вы, с вашим тактом и умом...

Ответил автоответчик: Вы позвонили не в наши рабочие часы... прошу вас связаться с нами завтра с одиннадцати до часу.

Хорошо устроились. Шефа беспокоить не стал, постеснялся. Старый, мстительный и трусливый... Ответит вежливо, а потом исподтишка отомстит Магдалене. Бывало уже.

Начать подружек обзванивать? Всех?

Одной все-таки позвонил. Той, которую хорошо знал.

— Что тебе надо?
— Ничего. Магдалена случайно не у тебя? У тебя вечно сборища... по вечерам.
— Раньше тебе это нравилось.
— Раньше было раньше. Магдалена не у тебя?
— Какие мы заботливые! Не узнаю тебя... Что ты в ней нашел? Она что, тебя купила?
— Ах ты дрянь!
— А ты — похотливый, лживый и гнусный кобель. Готовый лечь хоть на прокаженную, лишь бы дала.
— Именно такой... если на тебя ложился. Магдалены нет у тебя?
— Нет. Ищи свою суку на помойке, у Томаса. У него кажется свежая отравка из Амстердама.
Позвонил Томасу.
— Магдалена у тебя?
— Это кто, твоя адвокатесса? Какая у нее фигура? Не могу различать лица, прости... Приезжай, у меня тут пол города... завинтим по полной...
Чертов торчок!

...

В одиннадцать ночи позвонил в полицию. Хоть и полагал, что они мой звонок серьезно не воспримут...

Так и вышло. Усталый мент заявил, что не понимает, что мне от него нужно... Скотина! Ужасно неохота было идти в полицию под дождем и снегом. Но я пошел. Город наш не большой, около половины двенадцатого был на месте.

Саксонская полиция — место негостеприимное, а для бывшего иностранца — даже опасное. Могут унижить, оскорбить или засадить на несколько дней, если в чем-нибудь заподозрят. Мне долго не открывали. Затем все-таки смиловились, впустили...

Сказал дежурному на входе, что женщина около пяти ушла в магазин рядом с домом и до сих пор ее нет. Он посмотрел на меня как на дохлую собаку и отправил в комнату 34...

Поднялся по широкой лестнице на третий этаж (где-то был лифт, но я его и искать не стал), нашел комнату 34. По-

стучал. Никто мне не ответил. Дверь была заперта. Сел на длинную деревянную скамью, стоящую тут видимо еще со времен кайзера Вильгельма. Погрустил. Мысли как капельки падали на kloкочущее дно сознания и не могли подняться оттуда даже паром. Минут через пять появилась полицейская дама в униформе.

Пригласила в кабинет. Предложила сесть.

Я, как мог просто и кратко, изложил дело. Полицейская слушала меня без энтузиазма. Попросила показать паспорт. Сделала с него фотокопию. Что-то на ней написала.

Спросила: Эта Магдалена Ц., она что, ваша жена?

— Нет, но мы встречаемся уже больше пяти лет.

— Она ваша сожительница?

— Нет, только любовница, но мне не хотелось бы так ее называть.

— Госпожа Ц. замужем?

— Насколько я знаю, в разводе.

— У госпожи Ц. есть автомобиль? Где он? Номер помните?

— Стоит там, где и стоял, на платной парковке рядом с домом. Меган. Я проверил. У него уже неделя как спущена шина. Номер такой...

— Ее мобильник не отвечает? Позвоните для контроля прямо сейчас.

Позвонил. Никто не ответил.

— Госпожа Ц. трудоустроена?

— Да, она адвокат...

— На работу ей звонили?

— Никто не подходит.

— Номер ее мобильного телефона продиктуйте пожалуйста. И ваш тоже. И номер телефона ее начальника, если знаете.

Я продиктовал ей все, что она просила, она записала и ушла из комнаты. Через десять минут появилась.

— Мы вас проверили. Вы действительно находились последние девять часов на Глокенштрассе, а затем пришли сюда. А ваша дама около пяти покинула квартиру... Хм... Мы установили, где находится ее мобильник. Но сообщать вам подобную информацию не имеем права. Кто кроме нее живет в квартире?

— Два сына-подростка, но они в зимнем лагере. Я туда звонил около восьми, проверил, не поехала ли она туда. Она очень беспокоится.

— Где находится этот лагерь?

— В зоне отдыха, недалеко от замка Грабштайн, на озере.

— Ага... А где вы сами живете? По месту прописки?

— Да, в своей квартире, в доме на той же улице, мы соседи.

— Очень удобно. Почему вы собственно решили, что госпожа Ц. пропала? Ей что, грозили? Она склонна к суициду? Тяжело больна? У нее провалы в памяти? Может быть, кто-то ее шантажировал? Вы полагаете, ее похитили? Или она просто к подруге поехала? На такси. К другому мужчине? Или у нее есть какое-то, требующее абсолютной дискретности дело, она же адвокат... пришлось срочно вмешаться или... Мало ли что еще могло произойти? Вы ей не муж, она перед вами отчитываться не должна. Зачем вы пришли к нам?

— Моя интуиция подсказывает мне, что она попала в беду... нуждается в помощи.

— Интуиция? Хорошо. Но мне нужны факты. Хоть что-нибудь... А у нас кроме вашей интуиции ничего нет. Вы родителям ее звонили?

— Разумеется. Ни слуху, ни духу. Понимаете, ее нет нигде уже шесть часов... Она хотела купить поесть и ужин приготовить... и пропала.

— Как это «нет нигде»? Не на Венеру же она улетела! Где-то она есть... Ну ладно, я верю, что у вас добрые намерения... Поэтому я вас и выслушиваю, трачу на вас свое время. Давайте поступим по закону. Вот бланк заявления. Вы его заполните и мне отдадите. Но если вы это сделаете, то первое, что мы сделаем — оповестим о пропаже госпожи Ц. ее родителей, детей, ее шефа, затем придем к госпоже Ц. в квартиру с обыском. А потом и к вам. Может быть, вы как-то причастны к ее исчезновению...

— Что вы говорите... Я беспокоюсь, пришел к вам за помощью, а вы меня уже подозреваете в чем-то нехорошем...

— Если бы я вас подозревала, вы бы уже в камере предварительного заключения сидели!

Полицейская посмотрела на меня почти с негодованием. Тут я проявил слабость... сказал, что заявления подавать пока не буду, что приду завтра, если Магдалена не объявится.

А про себя решил, что больше сюда — ни ногой. Чтобы ни случилось. Пока не посадили.

Посещение полиции оставило у меня в животе такое ощущение, как будто я отравился шпротами.

...

Переночевал у себя. Всю ночь меня мучил кошмар.

Мне снилась Магдалена, тонущая в луже с розовой пеной. Я подаю ей руку, чтобы ее из трясины вытащить... а она вместо того, чтобы схватить меня за руку... кусает меня за палец и говорит: Если бы ты знал, как ты мне противен... я люблю другого...

А на ее голове — заячьи плейбойские уши, и она ими гадко поводит.

Я кричу: Ты сука!

А она скрывается в розовой пене.

Навсегда.

Утром зашел в квартиру Магдалены. Убрался в спальне. Вымыл посуду и подмел на кухне. Погрустил...

Позвонил в ее контору.

— Нет, госпожу Ц. вечером не вызывали. Сегодня ее нет, она взяла отпуск на неделю. Что-нибудь случилось? Соединить вас с шефом?

— Спасибо, все нормально. Не заслуживающее внимания недоразумение.

Странно, об отпуске этом она мне ничего не сказала.

Поплелся в полицию.

Ну да, да, зарекался не ходить... но пошел. А куда еще идти, если человек пропал? Пусть и с заячьими ушами. Может быть, они что-то выяснили. Или несчастная Магдалена в море лежит...

И опять... вместо страха и траура — надежда в сердце.

Попросил дежурного направить меня в комнату 34. Не хотел все заново объяснять.

В комнате 34 меня ожидал незнакомый мне толстый полицейский. В руках он мусолил копию моего паспорта, нерезкую фотографию Магдалены и еще какие-то бумаги...

Уже дело завели.

Полицейский проговорил торжественно: Хотите подать официальное заявление об исчезновении человека? Нет? Так я и думал. Час назад мы говорили с шефом адвокатской конторы, в которой работает ваша... знакомая. Она взяла отпуск... Затем мы еще раз проверили, где находится мобильный телефон госпожи Ц.. Хотя это и против наших правил, мы решили сообщить вам, где, если появитесь. В Чехии, в городке под названием «Гора святого Непомука, утопленника». Со вчерашнего дня. Вероятность того, что и госпожа Ц. где-то там — не велика, но есть. Если бы ее мобильник был украден, она бы возможно его уже заблокировала. Съездите туда. Захватите фотографию. И деньги. Если столкнетесь с трудностями — обратитесь в тамошнюю полицию. В критическом случае — звоните оттуда нам. Пока у нас нет оснований объявлять госпожу Ц. в официальный розыск. Да, кстати, согласно нашим данным, ни вчера ни сегодня на территории Германии не был обнаружен женский труп, который хотя бы отдаленно напоминал вашу знакомую. И в больницы она не поступала. Это конечно ничего не значит, но для вас это должно быть важно.

Важно, важно...

...

Гора святого Непомука, утопленника? Поганый городок...

Всех немцев оттуда после войны мстительные чехи поганой метлой вымели. Проезжал это место несколько раз по пути в Прагу... средневековье... Одни бордели для восточных немцев.

И чего ее туда понесло?

На поезде туда не доедешь. Значит, ее кто-то туда отвез.

Похитил и увез? Не верится.

Но если она сама, добровольно... туда с кем-нибудь поехала, отдохнуть недельку от меня, от конторы, от города К., то зачем ты беспокоишься... не в свое дело лезешь? Есть у тебя на это право, вечно лезть в чужие дела?

Надо было узнать в полиции, не арендовала ли Магдалена вчера машину. Наверняка они проверили. Сказали бы... или нет?

Или они уже начали со мной какую-то гнусную игру?

У подружки машину попросила? Прокатиться. Поесть ее любимые кнедлики с тушеной говядиной... попить Праздроя...

Или с какой-нибудь подружкой и покатила... или с другом...

В Прагу... а по дороге мобильник выкинула... она на такое способна.

Чувствительная, игривая и романтическая, в интимной сфере — не без фортелей и выкрутасов... ненасытная... а там, в этой опущенной Чехии, наверняка есть и мужчины-проститутки... и юноши... и все, что пожелаешь.

О чем мы с ней вместе мечтали... в постели... вчера, перед ее пропажей? О мальчике? Девочке? Зловещем японце? О жестокой игре с пленницами? Или о веселой забаве с собачками и лошадками?

Кажется, я обвязал синей бельевой веревкой ее большие груди... и ездил на ней верхом...

Забыл... в голове — одна розовая пена.

* * *

Машины у меня нет.

Пришлось просить моего друга Петера, компьютерного дизайнера, работавшего дома, свозить меня в Чехию. Выслушав мою историю, добрый Петер сразу согласился поехать.

— У меня запарка, но денек-два выкрою для хорошего дела.

Года три назад он, кажется, и сам был влюблен в Магдалену... Но получил отказ. Так, по крайней мере, она мне рассказывала... А на самом деле... кто его знает, что у них там было. Не стал тогда копать-разбираться. Мерзко. Хоть в этом проявил великодушие. Первый и последний раз в жизни.

Часов в одиннадцать тронулись.

Маршрут простой. Из города К. по дороге 174, через Чопау и Мариенберг.

Красивая дорога, почти до самой границы — подъем. Только из-за тумана не видно ни зги.

Петеров лексус с шестицилиндровым мотором, басовито урча, развивал на некоторых участках скорость в 240 километров в час. По заснеженной дороге, в гололед!

Я просил Петера ехать помедленнее. Он кивал, тащился мне назло со скоростью 30 километров в час, посмеивался в козлиную бородку, собирал за собой хвост разгневанных водителей, а потом, беззвучно хохоча, уходил от них на жуткой скорости...

Несколько раз нас, впрочем, догоняли и обгоняли богачи на бмв и порше... И делали нам ручкой. Петер бесился...

На границе — никакого контроля. Объединенная Европа.

...

Спустились с Рудных Гор.

Климат сразу изменился — потеплело. Снега тут не было.

На обочине дороги стали появляться проститутки. В цветастых шмотках и в красных сапогах до бедер.

Петер называл их вишенками...

И вот, въехали мы в эту самую Гору святого Непомука. Никаких гор там кстати нет.

Ну и местечко! Как будто Мамай прошел. И не раз.

Большинство домов — в аварийном состоянии, многие оставлены жителями. Стены как будто ободраны... Окна забиты досками, входные двери — замурованы, крыши провалились. Отремонтированы были только несколько борделей и ресторанов.

Людей на улицах нет... машин на парковках тоже.

Внутренний голос сразу шепнул мне: Нет, ее тут нету. Уматывай отсюда...

Петер видимо тоже что-то почувствовал. Сказал: Дааа... городок... найти тут кого-нибудь невозможно, а вот потерять можно... или потеряться... как бы мой лексус не угнали... бывшие товарищи.

— Давай пойдем в ресторан... вон, видишь вывеску... как он называется? «На диком Западе». С красным фонарем и интимным клубом на втором этаже. Там спросим... я покажу фотографию...

— Если ее похитила мафия... для борделя... то нам недобровать.

— Куда хватил! Кто будет пятидесятилетнюю тетку похищать, когда у них тут целый вишневый сад из молодых красавиц... в очереди стоят за клиентами.

— Дело вкуса... Магдалена сексапильнее любой молодой дуры... Или... все это как-то связано с делом, которая она ведет?

— Ты, что в курсе ее дел?

— Катись ты... конечно нет.

...

Вошли в ресторан.

У бармена, выраженного ковбоем, было неприятное, изъеденное оспой лицо. Швейк... только уродливый, циничный и озлобленный. И в штанах из кожи.

У трех или четырех посетителей ресторана... очевидно аборигенов... лиц вообще не было. Только огромные руки шахтеров и скулы древних ящеров.

Бармен посмотрел на нас хмуро... предложил выпить...

Я показал ему фотографию Магдалены. Спросил по-немецки, не видел ли он ее тут, в городке, вчера или сегодня. Рассказал про мобильный телефон.

Бармен ответил по-чешски. Говорил громко и язвительно. Отмочил, видимо, скабрзную шутку о пропавшей женщине. Аборигены глухо смеялись в кулаки.

Я еще раз показал ему фото и спросил его по-английски: Видел ее?

— Сходи в «Поцелуй Клеопатры», может быть там найдешь свою старуху.

Молчащий до сих пор, обычно миролюбивый, Петер внезапно прорычал: Отвечай на вопрос, чешская скотина, видел или нет!

Я заметил в его правой руке монтировку с раздвоенным концом, которую Петер начал грозно поднимать. Бармен осклабился грязно и выхватил из кобуры на поясе огромный револьвер. Направил его на Петера.

Я взял моего дружка за плечи и попытался подтолкнуть его к выходу. В это время прогрохотал выстрел... Как будто в черепе граната взорвалась.

Представил себе Петера, истекающего кровью. Бьющегося в агонии.

Но Петер кровью не истекал, в агонии не бился.

Он стоял и недоуменно глядел на бармена. Нервно поглаживал монтировку.

А бармен неожиданного превратился из злого Швейка в Швейка доброго, но юродивого, и начал противно хохотать, обнажив нездоровые десны... показал нам свой револьвер... он был игрушечным, и стрелял пистонами.

Как мило!

Петер хотел врезать бармену по роже монтировкой, но я мягко его остановил... Потому что не хотел начинать поиски Магдалены с драки... да и аборигены многозначительно приподнялись со своих мест и угрюмо смотрели на нас глазами енотов.

— Не надо... не стоит мстить этому мудаку. Сам видишь, они тут в провинции поросли мхом и одичали... развлекаются как умеют.

Петер успокоился, позволил отобрать у себя свое оружие.

Мы выпили по стопочке холодной Бехеровки, запили ее светлым пивом, закусили ломтиками ананаса.

Швейк сказал на плохом немецком: Зайдите, зайдите в «Поцелуй Клеопатры». Там шеф — Марек, мой кузен, он хороший парень... с ним можно говорить... Он знает все, что происходит в городке. Если Марек скажет, что она сюда не приезжала, то не трудитесь и искать...

По выражению лица Петера я понял, что он не верит ни одному слову бармена.

Сам я не знал, что думать, что чувствовать. В голове у меня шумело от Бехеровки, а на душе полегчало. Даже искать Магдалену расхотелось. Может быть, она уже — безгласный труп. Зачем же хлопотать, людей тревожить?

Ужасно хотелось выпить. Долго уговаривать Петера не пришлось. Мы выпили еще по четыре стопки Бехеровки и

съели целый ананас. Ликер запивали пивом. Петер заказал местный грибной суп с картофелем.

Бармен, лыбясь и жестикулируя, уговаривал нас пойти «наверх, к девочкам, в сауну».

Скабрезно улыбался, внушал, что «настоящие ковбои должны вовремя менять лошадей»...

Показывал нам свой товар. Вишенки его в черных чулочках застенчиво улыбались и просили оплатить им выпивку. Некотором из них явно не исполнилось шестнадцать.

Я еще контролировал себя... дал четверем или пяти девушкам по десятке и показал им фотографию Магдалены.

— Нет, мы не видели эту женщину. Зачем тебе эта выдра, посмотри на нас...

Петер денег девушкам не давал, но я видел, как сверкали его маленькие серые глазки, когда он на них смотрел... иногда впрочем он поднимался со стула, подходил к окну, отдергивал тяжелую занавеску и проверял, не угнали ли «эти скоты» его автомобиль.

После восьмой стопки мир вдруг прояснился.

Искать никого не надо было, все были на месте. Я забыл, как выглядит лицо моей любимой. Любил ли я ее? Понимал ли?

Что за инфантильная постановка вопроса. Любил, не любил, понимал, не понимал...

Никто никого не понимает.

Я не подросток... отстаньте...

Магдалена — я чувствую это — холодный труп, а я еще живой. И вообще, зачем мне эта мертвая выдра?

У меня на коленях прочно обосновалась худенькая красавица... как же звали? Не помню...

Я целовал ее смуглое ушко с серебряной сережкой, изображавшей бабочку, а она все повторяла: Пойдем наверх, папочка, я покажу тебе Луну и звезды в мой телескоп. Знаешь, где у меня телескоп?

Она брала меня за руку и совала мой указательный палец себе в...

Волосы на ее лобке еще не выросли.

Хотел было подняться с ней наверх... но тут кто-то дал мне пощечину...

Я дернулся... смуглая красавица соскочила у меня с колен и убежала. Кто-то грубо плеснул холодным пивом мне в лицо. Это был Петер.

Он сказал: Извини, старина, но иначе тебя было невозможно оторвать от этой маленькой шлюшки... Да, проверь-ка портмоне... На месте? ОК, пойдем... Сходим в этот херов «Поцелуй», поговорим там, а потом делай, что хочешь... Проклятая Бехеровка... Что-то этот гондон в нее намешал.

...

Вышли на улицу. Помочились на стену ресторана. Под холодной Луной. При свете звезд...

Потащились в «Поцелуй».

Хозяин борделя, маленький, чернявый, в немыслимом лапсердаке и черной ермолке с нитками, падающими на виски... то ли цыган, то ли еврей, встретил нас на улице. Видимо, бармен позвонил ему, предупредил о нашем приходе.

Радушно пригласил нас войти в дом через потайную дверку, провел узеньким коридором с цветными лампочками и непристойными фотографиями на стенах в крохотный кабинет с большим портретом Элвиса Пресли в сверкающем фальшивыми бриллиантами белом костюме на стене.

Расселись. Я показал Мареку фотографию Магдалены...

Он повертел ее в руках, а затем начал быстро-быстро говорить, кивать головой и отчаянно жестикулировать. Ниточки на его ермолке мотались туда-сюда.

Его английский был ужасен. Я плохо его понимал...

Петер хмурился...

Минут через десять Петер прошептал мне: Он Магдалену тут не видел и гарантирует, что ее в городке нет и не было... настаивает на том, чтобы мы заплатили ему 100 евро... не понял, за что. Темнит и путает... все время упоминает какой-то взрыв...

— Черт с ним, заплатим. Если мы этого не сделаем, будем после думать, что не все сделали, чтобы Магдалену найти.

Петер подумал, кивнул.

Я вынул из бумажника новенькую зелененькую сотню и подал ее Мареку. Тот принял деньги так, как принимают причастие истово верующие неофиты. И тут же ушел куда-то.

Вернулся через минуту и положил на стол... магдаленов мобильник.

Небольшой, овальный, изящный. Сиреневый. Я его тут же узнал.

Марик пояснил: Проезжие цыгане продали мне вчера эту игрушку. Говорили, что нашли ее по эту сторону границы. Но где, когда не сказали. Клянусь Богом, это очень-очень горячо!

Больше ничего мы из Марека не выпытали, как ни пытались.

Марек божился, что Магдалены в городке нет, жестикулировал и бил себя худеньким кулачком по впалой груди. На прощание предложил нам выпить по стопочке какой-то особой, красной как томатной сок Бехеровки. Подмигивал, уверял, что эта жидкость — душа Чехии.

Мы выпили, забрали телефон и ушли.

Залезли в петеров лексус.

Я включил мобильник Магдалены. Просмотрел протокол звонков. Обнаружил следы своих попыток дозвониться до моей любимой, звонки из полиции...

Магдалена вчера звонила по этому телефону только один раз — в зимний лагерь. В полдень. Сегодня не звонила никому.

Воры тоже никуда не звонили, видимо боялись, что их тут же вычислят.

Я сказал Петеру: Слушай, получается... у Магдалены телефон сперли, а она его не заблокировала. Странно.

— Может, и не заметила пропажу. Или не до того было. Возможно все. Надо поискать автомобили с номерами нашего города.

— Пойдем в полицию?

— Закрыта небось... уже поздно...

— Что будем делать?

— Надо где-то переночевать...

— Где?

— Поищем гостиницу.

Медленно-медленно поехали по улицам «Горы святого Непомука». Как назло, на городок спустился густой туман. Почти ничего не было видно. Петер включил желтые фары.

В таком освещении убогие домишки представлялись брустверами и крепостными валами неизвестной крепости на вершине горы... Крепости, которую нам с Петером непременно нужно было найти.

Плутали, плутали...

Почти одновременно поняли, что не нужно нам было пить эту красную жидкость, эту проклятую «душу Чехии». Что-то было в ней не то. Даже очень не то.

Чем дальше мы плутали по улочкам «Горы», тем фантастичнее нам представлялась архитектура городка. Могу поклясться, я несколько раз видел жутковатый, похожий на огромного краба, силуэт «Святой Софии» в Стамбуле... Петеру чудился кёльнский собор (он был родом из Кёльна)...

Мне стало казаться, что в машине едет третий человек. Посмотрел на заднее сидение лексуса. В полупрозрачном куске мыла величиной с ванну находилась... нагая человеческая фигура. Это была Магдалена!

Я слышал, как ее мертвые фиолетовые губы шептали: Зачем ты убил меня?

Спросил Петера: Ты слышишь ее шепот... шепот Магдалены?

— Нет, со мной говорит моя мертвая мать. Просит вырыть ее из могилы. Говорит, что так соскучилась... я сейчас сойду с ума.

Заиграла музыка. Что-то японское.

Темные окна домов неожиданно осветились загадочным красноватым цветом. Во всех них были выставлены детские игрушки... куколки... машинки... Они были подсвечены изнутри...

В некоторых окнах, как в витринах, сидели маленькие дети... Они вздымали ручки и манили нас к себе.

Я сказал: Ты видишь игрушки и деток?

— Вижу.

— Хочешь?

— Хочу.

Не знаю как... но мы вернулись в «Поцелуй Клеопатры».

Искали потайную дверь, но не нашли. Вошли в розовые ворота, попали в прихожую с огромной неоновой скульптурой на стене (из светящихся трубочек были слеплены довольно противные срамные губы... наверное все той же египетской царицы). Там, на покрытом парчой троне сидела женщина в голубоватом платье с невыносимым разрезом на жирной лоснящейся спине. На голове ее сверкала алмазная корона. Женщина пахла дорогими духами. На ногах ее были хрустальные туфельки на невероятно высоких каблуках.

— А где Марек?

— Пардон? Нет тут никакого Марека.

— Как нет, мы тут с ним полчаса назад разговаривали... в кабинете где Пресли... нам сказали, что он тут шеф. Он поил нас «душой Чехии»...

— Души у Чехии нет, уверяю вас, только тело. А шеф тут только я. Меня зовут госпожа Клеопатра, а я — хозяйка заведения. Добро пожаловать в рай, милые мальчики!

— Ааа...

— Проходите, господа, проходите скорее, в салон. Вы сегодня — единственные наши гости, мы ждали вас, мы не заставим вас жалеть, что вы пришли сюда... Скажите мне только одно, чтобы потом недоразумений не было — Клеопатра раскрыла свои огромные глаза и наострила мясистые уши, похожие на биде, — сколько вы хотите тут потратить... Мы хотели бы угостить вас особенными, свежими сладостями. Но это дорого, как и все прекрасное.

Клеопатра многозначительно помахала у меня перед носом раздетой детской куколкой.

Я не понял ее намеков... но в глазах быстрее меня сообщающего Петера заметил волчий интерес... ответил Клеопатре за себя и за него... деньги у меня тогда еще водились.

Госпожа Клеопатра удовлетворенно кивнула.

Мы прошли в салон. Там нестерпимо пахло чем-то сладким. Пороком?

На стенах и на потолке сияли, иногда подмигивая, срамные неоновые губы. Красные, оранжевые, сиреневые... Штук сорок. Разных размеров.

Меня это испугало, а Петеру даже понравилось. Он процедил: Этот монструозный гротеск, этот электрический секс-шок так интенсивен, он... как бы преодолагает саму вульгарность и становятся объектом современного искусства. Неоновые трубки холодны и ядовиты... но заряжены особой энергией...

Петер любил пофилософствовать.

Госпожа Клеопатра хлопнула в ладоши и закричала неожиданно звонко: Девочки, Хана, Лола, быстро сюда... и маленьких красавиц зовите, гости заждались...

...

В салон вбежали несколько молодых проституток в бикини... за ними, явно стесняясь, вошли четыре голенькие босоногие девочки лет пяти-шести с заячьими ушками на опрятных головках.

Петер схватил одну из девочек, поднял ее и впился жадным поцелуем в ее алый ротик...

* * *

Около пяти Магдалена спустилась с четвертого этажа на лифте, в огромном зеркале которого было так удобно контролировать макияж и одежду, вышла на скользкую, заснеженную улицу и уже через несколько секунд впорхнула в Эдеку, обдавшую ее чувствительный саксонский нос целой гаммой запахов, некоторые из которых ей не понравились.

Магдалена поморщилась и начала искать бананы... не слишком спелые, не слишком незрелые, еще не желтые, но уже не зеленые...

Скептически осмотрела испанскую клубнику и голландские помидоры...

Положила в корзину пачку нежирного творога... кулек с изюмом... упаковку красной рыбы... и небольшую бутылочку яичного ликера.

И тут почувствовала спиной... что кто-то внимательно на нее смотрит.

Ей показалось, что взгляд этот прожигает в ней дыру. И тут же вспомнила, чей взгляд... единственный... был на это способен. Сердце ее упало и затрепетало. Она обернулась... и глазам своим не поверила...

Да, это был он... называвший себя в то далекое, баснословное время, Хосе Мартинесом. Все такой же высокий, стройный, подтянутый... только седой, с небольшими залысинами... и все с той же обворожительной «улыбкой гринго» на узком, породистом лице конкистадора.

Он? Действительно он? Вернулся с того света? Сколько лет прошло?

Нашла в себе силы взять себя в руки. Пошла к нему навстречу... как будто на цыпочках... но поскользнулась... и упала бы на пол, если бы он в последний момент не подхватил ее и не поставил на ноги.

Шептала: Ты? Ты? Милый, родной, любимый...

Он не отвечал ей, только гладил ее по голове и вытирал красивыми пальцами с ухоженными ногтями ее слезы...

...

Бросили тележку с продуктами в Эдеке...

Через десять минут сидели напротив друг друга за небольшим столиком с синеватой лампой в одном из центральных ресторанов города...

Магдалена не могла есть, только жадно смотрела на него... и пила белое вино маленькими глотками...

Она все еще не сумела осознать то, что исчезнувший двадцать три года назад в никарагуанских джунглях человек... самый-самый любимый... ненаглядный... ни с кем не сравнимый... тот, ради которого она была способна бросить детей, мужа и этого, нынешнего... русского, предать родину или кинуться в обрыв над речкой ее родного города, по краю которого они когда-то так любили прохаживаться... вернулся.

Вернулся к ней!

Что жизнь опять стала жизнью, а не последовательностью похожих друг на друга, как вызывающие изжогу апельсины из Эдеки, дней.

Что он тут, рядом, и она опять может смотреть в его прекрасные голубые глаза, слушать его теплый баритон и прижиматься щекой к его груди.

Как же это чудесно, что он не погиб тогда, не сгинул в этой бессмысленной бойне...

...

Хосе не спеша расправлялся с фрикасе из телятины со спаржей.

Он тоже был взволнован и рад... но, если бы Магдалена была в состоянии присмотреться к его лицу, она наверняка бы заметила лишние, недобрые тени на его висках и морщинки озабоченности на его лбу и в углах губ... поняла бы, что этому человеку что-то от нее надо. Не близости... нет, чего-то другого... И он мучается, потому что не знает, как наконец... перейти от всхлипов и восклицаний к делу, ради которого он и появился тут, в восточногерманском захолустье...

Скромность мешает мне описывать то, что происходило в следующие два часа между бывшими любовниками... но как раз в то время, когда наш уважаемый рассказчик пил свое эспresso, вспоминал свой сон про волны, размышлял и строил версии пропажи Магдалены... голые и потные Магдалена и Хосе лежали, обнявшись, в уютном номере роскошного отеля в центре города К. и Хосе, с успехом удовлетворивший свое и ее страстные желания, настойчивым шепотом объяснял Магдалене, что же он от нее на самом деле хочет...

Она же, еще дрожащая и млеющая, плохо понимающая его слова... твердила механически: Да, да, да, я поняла, я сделаю, я поеду, передам пакет...

...

Все необходимые дела Хосе завершил еще до их прихода в отель.

Тяжелый пакет, который ни в коем случае не должен был находиться в его машине, вообще рядом с ним, был приготовлен двумя его сообщниками.

Мобильный телефон Магдалены Хосе потихоньку передал третьему сообщнику, едущему в Прагу. Он должен был его оставить в каком-нибудь населенном пункте на чешской территории, на видном месте.

Еще из ресторана Магдалена позвонила по тамошнему телефону секретарше своего шефа, с которой имела особые, доверительные, почти интимные отношения, и ласково попросила ее задним числом оформить ей отпуск на неделю, что та и сделала, рано утром следующего дня.

В кармане Хосе лежал билет на ночной чартерный рейс в Катманду... Его физическое присутствие в Германии могло только навредить проекту. Потому что он уже много лет находился в розыске. Как террорист и убийца. И приехал сюда всего на несколько дней, по подложным документам, сбрив усы, изменив причёску и слегка подтянув кожу на лице.

...

Прощаясь с Хосе... Магдалена плакала, а Хосе... пытливо смотрел ей в глаза и пытался понять, сделает ли она то, что он задумал.

В то время, когда Магдалена с пакетом в багажнике старенького пежо проезжала на автобанае Лейпциг, наш рассказчик разговаривал с женщиной-полицейским в комнате 34.

Пежо Хосе угнал еще до встречи со своей бывшей возлюбленной... со стоянки, на которой машина стояла уже несколько недель... или лет... Заправил, сменил номера и оставил автомобиль на парковке отеля, в котором позже провел несколько сладких часов с Магдаленой.

Магдалена все еще не понимала, что делает... в какую трясиину затянул ее Хосе. Цинично используя ее любовь...

Не понимала, что едет на краденной машине... что везет в багажнике мощную радиоуправляемую бомбу.

Поела и поспала несколько часов в машине в пригороде Гамбурга...

А около одиннадцати часов дня припарковалась недалеко от терминала Танго, в условленном месте, рядом с большим декоративным камнем.

К ней тут же подошли три молчаливых человека южного типа и забрали пакет из ее багажника. Положили его в аэропортовскую тележку и увезли.

После этого Магдалена, в точном соответствии с инструкцией, данной ей Хосе, запарковала машину в подземном

гараже. И стала там, под землей, ждать своего воскресшего друга, который в это время уже подлетал к Катманду, чтобы вместе с ним улететь на остров в Карибском море...

Не хочу тянуть и потчевать читателя ненужными подробностями.

Магдалена не дождалась Хосе... ее труп с перерезанным горлом был найден в подсобном помещении рядом с гаражом. За час до этого в аэропорту прогремел взрыв, унесший жизни чуть ли не ста шестидесяти человек. Террорист-смертник привел в действие адскую машину в самом многолюдном месте четвертого терминала гамбургского аэропорта.

Труп Магдалены был обнаружен в то время, когда полиция прочесывала аэропорт в поисках других взрывных устройств и террористов.

Полиция города К. довольно быстро отождествила убитую в Гамбурге женщину с той, которую искал этот нелепый русский эмигрант. Русского пытались найти, но безуспешно. Позже полицейские выяснили, что Антон и его друг Петер уехали в день взрыва в Чехию... где и исчезли бесследно после посещения бара и борделя в городке «Гора святого Непомука».

Через три недели они оба, впрочем, появились в городе К.. Все это время они кочевали по притонам и северо-восточной Чехии. Пили и блудили.

Потом у них деньги кончились.

НОЧЬ В КВАРТИРЕ МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Квартплаты в престижных районах Берлина выросли за последние десять лет на половину. Дорогие, роскошные квартиры подорожали процентов на тридцать, куда же дороже? А дешевые, одно- и двухкомнатные, — в два-три раза!

Несмотря на это подорожание — на каждый показ новой квартиры в Берлине приходят от двадцати до пятидесяти конкурирующих между собой претендентов. Такая непривлекательная картинка.

Когда я — в начале нового века — переезжал из Саксонии в Берлин, картинка была другая, мирная, патриархальная...

Я искал себе тогда дешевую двухкомнатную квартиру, по возможности в западной части Берлина, в центре. После почти тринадцати лет жизни на территории бывшей ГДР, хотел стать западноберлинцем и восточную часть города посещать исключительно как турист. Денежный мой лимит был — 310 евро в месяц. Сейчас на эти деньги и комнату в коммуналке не снимешь в центре. А тогда... этого было достаточно для аренды небольшой холостяцкой конуры. Сотни тысяч людей с деньгами со всей Германии и Европы еще не приехали жить и веселиться в город на Шпрее. Западный Берлин еще не был до конца ассимилирован восточным. Но блеск и лоск шестидесятых уже потерял...

...

Искал квартиру я около месяца, листал газеты, просматривал соответствующие страницы мировой паутины, ездил на встречи с маклерами... и в конце концов нашел прекрасную двухкомнатную квартиру в Вестфальском квартале, недалеко от снесенной в пятидесятые годы синагоги, с лоджией, в хорошем состоянии, с встроенной кухней... За 300 евро

в месяц. Въехал в нее и жил в ней около года, написал там свои первые рассказы, вошедшие позже в книжечку «Меланхолия застоя».

Целыми днями гулял по западному Берлину, заходил в художественные галереи и музеи, фотографировал... пил кофе на Курфюрстердаме...

Знакомств к сожалению не приобрел... они с неба не падают... А делать тут то, что я тринадцать лет делал в Саксонии, то есть углубляться в берлинскую культурную жизнь, сверлить и бурить, постоянно предлагать себя, критиковать, провоцировать и лезть во все художественные драки, с единственной целью обратить на себя внимание, мне не хотелось. Сил на всю эту суету уже не было. Да и желания тоже.

...

Квартира моя была не без недостатков.

Моя соседка — а мою гостиную от ее отделяла только одна, не несущая стена — безработная беженка из Чечни, каждый день часов по двенадцать смотрела телевизор... и громкость устанавливала такую, чтобы слышать чертов ящик в любом углу своей квартиры, которую она постоянно пылесосила, чистила и блистила...

Ночью она спала.

Но по ночам — на обитаемой крыше соседнего дома темпераментные студенты из Латинской Америки устраивали нелегальные танцы... обычно до восхода Солнца. Музыка играла очень громко, спать было невозможно...

Я чувствовал себя так, как будто я нахожусь в фокусе гигантской акустической линзы. Потихоньку сходил с ума и бесился.

Хладнокровно вызывал полицию... лукавые латиносы однако быстро нашли противоядие. Один из них всегда стоял на стрёме — и как только замечал подъезжающую полицейскую машину, звонил по мобильному телефону своим друзьям, которые тут же выключали свои мощные динамики... и прятались, как мыши от змеи. В нашем огромном дворе воцарялась блаженная тишина.

Длилась она обычно около пяти минут. Когда полиция уезжала, динамики включали еще громче, чем до ее появления... видимо молодежь желала отомстить жалобщикам, показать им, кто настоящий хозяин нового мира... ночи и тишины...

Любопытно, звонил в полицию только я, мои соседи по дому полицию не тревожили. Немцы — народ терпеливый, спокойный. А я — нервный.

После десятого моего звонка — полицейские приезжать перестали, а мне пригрозили завести на меня дело... за ложные сообщения о шуме. Мои рассказы о нехитром трюке латиносов берлинскую полицию не убеждали... возможно потому, что по моему акценту они сразу и безошибочно узнавали во мне бывшего жителя СССР, а таковых немецкая полиция не только не жалует, но и ставит в своей неписанной иерархии куда ниже латиноамериканцев. Может быть и заслуженно. Короче, пришлось мне мою чудесную квартиру оставить и переехать в тихий и мещанский восточно-берлинский Кёпеник. Да-да, туда где так много прекрасных озер и где когда-то произошла милая история со знаменитым «Капитаном».

...

Ночное происшествие, о котором я хочу рассказать, произошло как раз в то время, когда я, измученный вынужденной бессоницей, подыскивал себе новую, по возможности тихую, жилплощадь в Берлине.

Нашел вроде бы подходящую квартиру на сайте одной берлинской фирмы по продаже недвижимости. На Кауерштрассе. Жил такой господин, Кауер, мечтавший воспитывать немецких подростков времен Пушкина в национально-патриотическом духе.

Фирма обращалась к потенциальным покупателям так: «Если вы не хотите сразу покупать нашу квартиру, то арендуйте ее на три года. Даем гарантию, у нас вам очень понравится».

Позвонил по указанному в объявлении телефону. И на следующий день встретился с маклером, который, как я предполагал, поедет со мной в Шарлоттенбург и покажет

мне двухкомнатную квартиру на четвертом этаже в доме на Кауерштрассе. Маклер, молодой человек, одетый не без претензии на роскошь (остроносые ботинки, длинное темное пальто, белый шарф), оглядел меня критически с ног до головы... особенно долго осматривал мою, тогда еще не сбритую рыжую бороду, и заявил, почему-то усмехаясь, что полностью мне доверяет... Вручил два ключа (от подъезда и от квартиры) и добавил, что я могу сам туда съездить, когда захочу, но через четыре дня он хотел бы или получить ключи назад, или подписать со мной договор об аренде квартиры на три года. О задатке он почему-то и не заговаривал.

Меня это устраивало... потому что я, наученный горьким опытом, хотел бы проверить, тихо ли там, на новом месте... поздним вечером и ночью. Сделать это можно было только «явочным порядком».

...

Я поблагодарил белый шарф за доверие, взял ключи и поехал домой.

А вечером, прихватив с собой надувной матрас, белье, одеяло и термос с кофе, пошел пешком на эту самую улицу, Кауерштрассе, благо идти было от меня всего-то двадцать минут. Хотел переночевать в новой квартире и утром решить, подходит ли она мне.

Пришел.

Нашел искомый шестиэтажный дом, номер уже не помню. Крысино-серое здание. Жутковатое. Единственное неотремонтированное на этой улице. Честное слово, новенькая, облицованная голубоватым кафелем, блочная девятиэтажка в московском Ясенево, в которой я получил в 1978-м году свою первую квартиру, показалась бы рядом с этим мрачным архитектурным уродом — виллой в Голливуде. Говорил мне один старый знакомый, проживший в Западной Европе лет тридцать: Великим счастьем для тебя будет, если ты на Западе сможешь сохранить уровень твоей московской жизни. Гляди, пропадешь... утонешь как глупая лошадь в болоте. Тут ты все еще король, а там будешь парией.

Вошел в подъезд.

Ну и амбре!

Воняло там... сильно воняло... но не кошачьими и человеческими мочой и экскрементами, как воняют подъезды на моей оставленной родине, а давно не стиранным бельем и протухшей пищей.

Безработные эмигранты — народ не гордый... решил стерпеть, если квартира подходящая.

Поднялся на четвертый этаж... вот и дверь... замок. Так... когда-то его вырезали из двери пилой... нехорошо. Удара плечом наверняка не выдержит.

Вошел. Закрыл за собой дверь.

И внутри тоже воняло. Но как-то иначе. Еще гаже.

Обошел квартиру.

Первым делом заглянул в туалет. Толчок грязный. Вычистим. Ванна такая, как будто в ней много лет купали слонов. Источник вони — явно не тут, уже хорошо.

Кухня маленькая. Кухонная мебель — оригинальная, шестидесятых годов двадцатого века. Впитавшая в себя все запахи готовящейся тут полстолетия стряпни. Лоснящаяся от испарений и жиров... И тут, если денек поскоблить и подраить, сменить линолеум и покрасить стены, можно будет готовить и есть. Воняет не то, чтобы очень...

Две комнаты.

Маленькая — выходит окном на Кауерштрассе, по которой и сейчас, в одиннадцать вечера бегут непрерывным потоком ревущие автомобили. В синеватых облачках выхлопных газов. Тут можно будет сделать, после косметического ремонта, компьютерный кабинет. Поставить два стола от Икеа, крутящееся кресло. Работе городской шум не мешает. А проветривать буду по ночам.

Большая комната с балконом!

Сразу понял, источник вони — тут. Линолеум в углу — угольно черный и с багровыми разводами. Даже силуэт лежащего человека виден. Неправильный какой-то.

Вышел на балкон. Луна светит. Воздух чистый. Благодать. Тишину нарушает только гул большого города. Как будто из

под земли доносится шум огромных работающих машин, как в фильме «Метрополис». Но ни телевизора от соседей не слышно, ни музыки с танцулек.

То, что надо!

Погодите, а что это там, внизу? Похоже на надгробья. Ага, кладбище. Небольшое. Гектар или два. Ну что же... мертвые хотя бы не танцуют по ночам и не пылесосят с утра до вечера.

Решил переночевать в большой комнате... в лунном свете...

Освещения не было, лампу я с собой принести не догадался, даже фонарик не взял, придется сидеть в темноте...

Разложил матрас подальше от темного угла с разводами. Постелил. Глотнул кофе...

Забылся.

...

Прежде чем продолжить рассказ, должен сделать небольшое отступление.

Посмотрел я недавно один фильм ужасов, с Джоном Кьюсаком в главной роли, по сценарию Стивена Кинга. Хороший фильм, можно даже до конца досмотреть.

Главный герой — как это часто бывает у Кинга — терзаемый нечистой совестью, ищет сюжеты для книги о «потусторонних явлениях»... посещает отели, в которых якобы водятся привидения... Не без труда снимает пользующийся дурной славой номер 1408 нью-йоркского отеля «Дельфин». Дерзко призывает там злых духов... которые не заставляют себя ждать.

Из ниоткуда появляется съеденная несколько минут назад шоколадка, радио начинает зловещий обратный отсчет минут, краны в ванной ошпаривают героя кипятком, оконные рамы ни с того ни с сего падают, картины оживают, по вентиляционной шахте ползает труп... на героя нападает тетка с молотком, телевизор показывает тягостные для него сцены семейной жизни, героя терзает громкий детский плач, перерастающий в рев ада, из трещин на стенах номера струится кровь, мертвецы выбрасываются в окошко, комната превра-

щается то в жаркий, то в ледяной ад, то в водяную пучину... кажется нет ни одного клише, не используемого Кингом для запугивания несчастного писателя и услаждения торжествующей, хрустящей попкорном публики...

Грехи главного героя материализуются. Умершая дочь к нему приходит, потому что он винит себя в ее смерти... дочь стонет, плачет, мучает отца, и мать, и зрителей... брошенный героем-эгоистом в доме для престарелых отец является ему, чтобы его укорять... оставленная жена...

Так вот, хочу предупредить читателей, все еще ожидающих от моего рассказа нечто подобное. Не дождетесь! Так что можете с легким сердцем прервать чтение! Займитесь чем-нибудь приятным. Цветочки понюхайте. Полистайте рыболовный журнал. Спланируйте путешествие в Гонолулу... Я не Стивен Кинг. Не умею фантазировать. О развлекательной стороне моей литературной продукции не думаю вовсе. Описываю только то, что сам видел и пережил.

...

Ну вот... лежу я на надувном матрасе в пустой комнате, смотрю на Луну сквозь балконную дверь, слушаю шорохи и представляю, как я тут буду спать на своей софе.

Место неплохое... до Цоо и Кудама — рукой подать, театры, квартплата приемлемая... Западный Берлин... вроде тихо... только воняет тут, в этой комнате, как-то особенно... изверски мерзко.

Принюхался еще раз... и вспомнил, что так пахнет. Не похороненные мертвецы.

Наконец-то до меня дошло, почему элегантный маклер сюда и заходить не захотел... брезговал, сволочь, а меня послал осматривать квартиру.

Позже прочитал где-то, что ТАК квартира воняет, только если в ней кто-то умер и долго лежал и разлагался. Полгода или дольше. Тогда насквозь прованивают и стены, и пол, и потолок... и запах этот невозможно уничтожить никакими ремонтами.

Стал гадать — был мертвец мужчиной или женщиной.

Мужчиной. Потому что к трупному запаху тут примешивался еще и табачный. Табак он покупал дешевый, гадкий... Женщина такой курить не будет.

Значит, жил-был какой-то немец. Может быть, бывший солдат Вермахта. После войны водитель автобуса. Или крановщик. Технолог с фабрики Сименс. Или зазывала из публичного дома на Кудаме...

Вышел на пенсию. Весь день сидел дома, курил, смотрел футбол и пил пиво. Одинокий, старый и никому не нужный. Потом ослеп. Умер. Может быть, упал, сломал бедро или позвоночник и так не смог позвонить в скорую. Так и лежал, скрючившись.

А единственный его сын ему никогда не звонил, никогда его не навещал (ага, вот и «брошенный отец», никуда не убежать от Стивена Кинга). Потому что папаша его только орал на него, избивал мать, пьянствовал и гулял на стороне. Соседи к нему не заходили, они и сами были такими же как он никому не нужными стариками и старухами.

И труп лежал и лежал. В жутком черном углу этой самой комнаты.

Крысы его грызли. Кровь растекалась в разные стороны. Отсюда и багровые разводы.

Пенсию мертвецу переводили на счет в банке автоматически. Автоматически и снимали с его счета квартплату и прочие платежи. Через полгода запах у входной двери стал невыносимым, соседи в полицию позвонили. Полиция выпилила замок, открыла дверь и обнаружила труп. Тело забрали и сожгли. Мебель и прочее барахло поскорее выкинули...

Проводить дорогостоящий ремонт фирма-владелец квартиры не захотела. Решили пустить сюда жить какого-нибудь бедного жильца, который бы сам отремонтировал помещение... авось запах потихоньку и выветрится... Тогда можно будет и квартплату поднять... «Даем гарантию, жить у нас вам очень понравится»...

Опять попал в ловушку. Сколько уже их было тут, на прекрасном Западе. Не хочу перечислять. Глупая лошадь.

Решил уйти домой прямо сейчас. Ночью.

Но все ворочался на матрасе... никак не мог заставить себя встать... и убраться отсюда. Хотя и воняло нестерпимо и даже начало казаться, что чертов мертвец все еще лежит там, в темном углу. Как черный мешок.

Даже глухие его стоны слышал.

Сейчас он встанет и похромает ко мне... роняя на нечистый пол свои внутренности...

На голове его шлем с огненно-красным гребешком... в левой руке меч.

...

Как раз тогда, когда я решительно скинул с себя одеяло... ко мне постучали.

Нет, не во входную дверь... а в балконную.

В обманчивом лунном свете я разглядел фигуру человека.

Кто это? Вор?

Вор стучать не будет, а разобьет стекло и влезет. Значит, не вор.

А может быть, все-таки вор, проверяет, есть ли кто дома...

Привидение, мертвец, вампир, оборотень или еще какой-нибудь выходец с того света?

Не верю в привидения. Да и зачем духу стучать — он же может войти и сквозь стену.

Встал, завернулся одеялом и, стараясь не смотреть в темный угол, которого боялся куда больше балконного посетителя, подошел к двери...

На балконе стояла бомжиха. Грязная, страшная, в отвратительной одежде...

Старая или молодая — не разобрал.

Как она забралась на балкон четвертого этажа? Забралась. И барабанила в стекло. Настойчиво, но не очень громко.

Что мне было делать? В полицию звонить не хотелось.

Открыл балконную дверь.

Женщина, ни слова не говоря, проскользнула в квартиру... как собака или лисица...

И тут же кинулась в туалет.

А я сел, как был, в одеяле, обратно на матрас. Не удержался, посмотрел в темный угол. Никого там не было... только багровые разводы на почерневшем линолеуме, казавшиеся в лунном свете перламутровыми.

...

Я слышал, как она мылась... потом стирала белье. Минут через сорок вышла... в ужасной черной куртке на голое тело. Босая. Постиранное белье развесила, как могла — в туалете и на дверях.

Села рядом со мной... спросила хриплым, низким голосом:

— Ты кто?

Я назвал себя.

— Сигареты есть?

— Нет.

— Мартин где?

— Он что, тут жил?

— Жил. Где мебель, вещи?

— Не знаю. Выбросили, наверное. Я — новый жилец. А ты кто?

— Я Магда.

— Ты бездомная?

— Да, но прописана — тут.

— Мне маклер сказал, квартира сдается.

— Пусть твой маклер сам себя в жопу...

— Как ты влезла на четвертый этаж? Почему снизу не позвонила? Я бы открыл.

— Я звонила, звонок не работает. Пожрать у тебя есть что?

— Ничего нет. Кофе есть горячий. Сладкий. На, пей.

Магда жадно выпила мой кофе. Я наконец разглядел ее лицо. Худое как смерть.

Страшное, измученное, злое лицо. Наверное колетса. А чтобы деньги заработать — prostituiрует.

— Хочешь палку кинуть? Дай двадцатку и вперед. В любую дырку.

— Нет, не хочу. А двадцатку дам тебе и так.

— Богатый?

— Нет, мне тебя жалко.

— Трахни меня, я чистая. Я не привыкла принимать подарки... У меня есть для тебя сюрприз... любишь сюрпризы?

Магда взяла мою руку и резко сунула ее себе в промежность. Я руку отдернул, но успел почувствовать там то, что там никак не должно было быть.

Магда громко захохотала...

Сбросила с себя куртку...

В следующее мгновение я пожалел, что впустил ее в квартиру.

Голая Магда заревела как гиена, кинулась на меня... несколько раз ударила сухоньким кулаком по лицу... начала душить. Острые как стекло ногти впились мне в горло.

Я был в шоке. Зачем она... он... делает это? Зачем? Я впустил ее в квартиру...

Только когда я испытал страшный приступ удушья... во мне проснулись сила и желание защищаться. С огромным трудом я отодрал ее худые, крепкие, как стальные клещи, руки от моего горла, не позволил ей вцепиться когтями мне в глаза, в нос, в уши.

Мы колотили друг друга кулаками, локтями, коленями. Мне казалось, в драке участвует кто-то еще... третий... Мартин?

Сцепились в бьющийся комок...

После пяти минут отчаянного боя, мне удалось наконец завернуть ей руки за спину, а потом и закрутить ее в куртку. Трудно было удерживать озверелую чертовку и одновременно раздирать на полосы мою майку. Но я осилил и это. Связал гадину.

А в рот ее вставил кляп.

Самое время было звонить в полицию. Не позвонил. Впал в протрацию и просидел, ничего не делая, минут тридцать.

Магда затихла, закрыла глаза. Заснула?

Попробовал с ней поговорить. Вынул у нее изо рта кляп.

— Какого черта ты на меня напала?

— Пососи, козел вонючий.

— Если кто тут и вонючий, так это ты и твой мертвый сожитель. Которого ты оставила тут протухать.

— Пососи... дерьмо собачье, русская свинья.

Магда набрала в рот побольше слюны и плюнула мне под ноги.

Мне захотелось сделать ей больно. Очень больно.

Мое, обычно довлеющее себе, нравственное чувство отступило в доисторическую, магическую тьму...

Я слышал безумные крики шамана... видел танцующие на стенах тени...

Необоримое, острое как бритва плотское желание превратило меня в зверя.

Я опять засунул ей в рот кляп. Затем широко расставил ей ноги и привязал их к батарее парового отопления. Когда я все это проделывал, бомжиха бешено лягалась и мычала.

...

Руки ее были круто завернуты за спину. Бедра раздвинуты. Она была в моей власти.

Я рассмотрел ее тело. Худое, жилистое, крепкое. У Магды были широкие плечи, узкие бедра, небольшая женская грудь со смуглыми острыми сосками. Член, как у мальчика лет двенадцати, а под ним, вместо яичек — вульва взрослой женщины. Лет ей было около сорока... кожа на руках не была исколота. Странное существо. Гермафродит. До этого видел такое только на картинках.

Вынул из брюк узорчатый ремень... и начал ее хлестать...

Сколько времени я это делал — не знаю. Законы человеческого общежития не имели для меня больше никакого значения. Я выл от наслаждения.

Вокруг меня плясал хоровод бомжей... они трясли бубнами и размахивали как дубинами колоссальными фаллосами. За бомжами шли живыми дергающимися в такт рядами бесчисленные солдаты... ехали неуклюжие грузовики, тащившие на прицепах тяжелые толстые ракеты... тысячи прожекторов буравили пахнущее гарью небо. Уродливый кобельд с безумным лицом кричал в микрофон: Хотите ли вы тотальной войны?

В какой-то момент, я осознал, что лежу на своей пленнице, насилюю ее, кусаю ей губы и пью ее кровь.

* * *

Встал, оделся, завернул в окровавленную простыню ее подозрительно маленький, не больше детской куклы, труп, вынес его из квартиры... и бросил в Ландверканал.

Вернулся в квартиру на Кауерштрассе и лег спать на матрас. Никто в ту ночь больше меня не беспокоил.

...

Проснулся с чудовищной головной болью.

И с ужасным чувством непоправимости содеянного.

Приготовился идти в полицию, хотел учинить явку с повинной, как Раскольников. Попрощался со сладкой европейской жизнью.

И только когда, после долгих стараний, так и не нашел в квартире никаких следов пребывания тут Магды, догадался, что все это было сновидением, кошмаром, порожденным ужасным запахом.

Когда отдавал ключи маклеру, посоветовал ему найти для этой квартиры жильца-некрофила.

...

Прочитал перед микрофоном новый рассказ «Ночь в квартире мертвого человека». Можете найти его на ютубе.

Это не вегетарианский текст.

Вообще-то я хотел написать о прострации, в которую погрузились сейчас слишком многие. И о непохороненных мертвецах — сталинизме, фашизме — которые вот-вот окончательно оживут — и в обществе и в душах... О тягостном ожидании новой мировой бойни... Но темы эти слишком широкие, абстрактные... поэтому написал о поиске новой квартиры... вспомнил о жутковатом реальном происшествии, которого не было...

Свалить зло на других — постеснялся, поэтому пришлось свалить зло на моего лирического героя. Он выдюжит.

БЕЛЕСАЯ МГЛА

Сидел на наскоро сколоченной кухне в этом дурацком маяке, писал письмо знакомому, щурясь и моргая из-за ярких студийных ламп:

... Немецкая жизнь — это прежде всего чудовищная зашоренность и пошлость. Постепенная сдача всех позиций. Отказ от мечты. Превращение в колесико или винтик. В шестеренку. Отступление и отупение. Капитуляция советского космизма неандертальцев. Железобетонный разврат. Под горячей юбкой тети Эльзы. Прогулки внутри паровой машины. Ползание по терке. И эту терку приходится еще и хвалить! Не будешь хвалить — получишь: Зачем же вы тут живете, если вам у нас не нравится?

Как будто у нас есть выбор. Ведь мы — агасферы, дети покойной матери. Родившиеся после ее смерти. И настоящая наша родина — не послесталинская Москва. Нет, наша родина на небесах. На далекой звезде Венере...

Когда все попробовал, когда жизнь внутри тевтонского асфальтоукладчика опротивела, захотел убежать, спрятаться в «литературу», островок в океане. Попробовал. Не вышло. Не только потому, что писать — это вскрывать себе грудную клетку.

Понимаешь, я давно перестал ценить мысль теоретическую. Как бы она ни блестела. Ни пронизывала. Мысль без чувственного содержания, без практического продолжения, без воздействия на тело говорящего... на его судьбу... останется вектором, контуром, в лучшем случае — чертежом. Моя эмиграция и была такой мыслью... и не только моя, наша. Мы ведь не ради комфорта сюда приехали, а ради свободы. В результате получили и то и другое. Но тутошний комфорт и здешняя свобода вовсе не похожи на то, о чем мы мечтали. Все вверх ногами.

И моя литература это тоже только вектор, уносящий меня подальше от лагеря... на тот самый остров. И я долго бродил, потирая зудящий шрам на груди, по его пляжам и тропическим садам... наслаждался его причудливой, ни на что не похожей природой и экзотами-обитателями... а теперь... по тем же причинам, по которым мой остров возник из ничего, он начал изменяться, преобразаться... и становится все более похожим на Марцан. И обитатели его все чаще говорят не на чудесном матерном эсперанто, языке моего детства, а на берлинском диалекте немецкого.

Режиссер сказал: Дайте Марцан. Панельные дома. Перспективу. Так. И несколько морд... Морды покажите! Чтобы зритель понял, о чем речь.

Предупреждали меня знатоки. Не поверил. Думал, не могут люди быть такими узкоплечными... вроде и не живыми... деревянными или пластиковыми... да еще и самодовольными как индюки... когда им открыты все сокровища земные и небесные. Могут. Еще как могут. И за высшую честь почитают.

Нет, не подумай чего, я бы уехал даже если бы знал все наперед... не в Совке же было оставаться! А теперь... не возвращаться же в путинскую скотобойню!

...

И вот... как раз тогда, когда я, похохатывая, отщелкивал на клавиатуре восклицательный знак... в эту рутинную и ничем не примечательную секундочку обычного эмигрантского брюзжания... я увидел привидение. В двух шагах от меня, в гостинной.

Босую женщину в шелковом спальном костюме. Невероятно привлекательную. На кого-то очень похожую. Она застенчиво переступала с ноги на ногу и поводила кокетливо изящной головкой. Поправляла тяжелые браслеты из белого нефрита на смуглых руках. Вот так сюрприз!

На кого же она так похожа?

Догадался! На актрису Стефан Одран. Молодую, времен «Неверной жены» Клода Шаброля, ее тогдашнего мужа. Холодная такая красавица с тоненькими пальчиками и узкими

породистыми бедрами. Изменяла мужу с любовником. А муж детектива нанял и правду узнал. Пришел к любовнику, поговорил с ним, посмотрел на неубранную постель, распалился и... хрясть любовника по башке тупым тяжелым предметом. Головой Нефертити. Следы замел, труп в болото бросил. Постарался. Но полиция все равно его вычислила и на глазах у жены арестовала. Драма.

Стефан Одран в моем логове?

Да, привлекательная... но не живая... не от мира сего.

Она напоминала изображение на экране или голограмму. Переливалась как ёлка в гирляндах... С пальцев ее падали на пол синие искорки.

От моего изумленного взгляда она дернулась... как рабыня от удара бича...

Как будто я застал ее за чем-то постыдным. Лягушачьи ее глаза сверкнули как серые агаты. Короткие каштановые волосы взвились... и засыпали мой паркет золотинками.

Может, таким, как она, нельзя тут показываться?

Или я ее испугал?

Дернулась и исчезла. Зашла за невидимую ширму.

Но успела таки в самый последний момент бросить на меня взгляд Медузы Горгоны. Как ледяной водой окатила.

Я, как и было написано в старом сценарии, превратился в колонну из малахита.

Но быстро вернулся в себя. Неизвестная сила вытянула меня из вязкой холодной сердцевины камня назад — в человеческую плоть. Может, это она... исправила так ошибку... Или режиссер спас положение. Фильм-то нужно было дальше снимать. Отрабатывать бюджет.

Я встал (стул завизжал так громко, что звукооператор руками замахал), прошел в гостиную, посмотрел туда-сюда. Никого. Понюхал. Какой-то легкий аромат висел в воздухе. Флоксы! В январе?

Не понимая, что делаю, обратился к исчезнувшему призраку: Госпожа Одран, вернитесь! Не оставляйте меня тут одного. Мне так осточертел этот мир, возьмите меня с собой! Готов стать браслетом на вашей изящной ручке!

Ответа, разумеется, не последовало. Но осветители засмеялись. А режиссер нахмурился.

Проверил, нет ли кого в прихожей, спальне, кабинете...

Заглянул и в ванную комнату. Огромное зеркало не отразило ничего подозрительного. Заметил в своих глазах выражение растерянности. А кожа на лице и на руках сохранила что-то от малахита. Неровную зелень кругами. Надо будет визажистке шею намылить.

Дописал и отправил письмо, нацепил плащ, подбитый мехом шиншиллы, и вышел погулять по свежему, искрящемуся снежку, редкому в постапокалиптическом Берлине явлению. Тут скорее лягушки будут падать с неба, чем снег.

Миновал несколько близлежащих улиц. Кивнул знакомому дому с аркой (в нем когда-то жила жена Михаила Чехова) и пивному ларьку, вокруг которого толпились местные алконавты. Пересек под мостом линию с-бана. Углубился в парк. Нашел в нем любимую липовую аллею. И зашагал по ней... пробежался... попрыгал... как астронавт на Луне.

Дышалось легко. Деревья уютно поскрипывали. Где-то трещал дятел. То и дело по воздуху проносилось что-то желтое — это большие синицы перелетали с дерева на дерево в поисках корма. По земле деловито ходили важные скворцы. Из дупла на четырехсотлетнем дубе мрачно выглядывала сова. Три огромные вороны клевали дохлого кролика. Убежавший из зоопарка белый медведь гонялся за длинноногими фламинго.

Терка? Ну да, но не без известного шарма.

Красивая, уютная, но радикально спятившая страна. Во что она превратится через пятьдесят лет? В северную Сирию? В западную Турцию? В новый Аушвиц? Или всемирное оледенение охладит пыл грядущих поколений?

Режиссер опять нахмурился и многозначительно показал на страницу сценарной книги. Его палец уткнулся в название очередного эпизода — «Ретроспекция со слезой».

Я повиновался и попытался вспомнить то время, когда впервые увидел «Неверную жену».

Когда же это было? Я был еще школьником. Значит, году в 71-м или 72-м.

Где? Конечно, в «Иллюзионе». Наверняка, вместо того, чтобы в школу ехать — сразу рванул на Котельническую. Чтобы попасть на утренний сеанс. И посмотрел два фильма подряд. «Неверную жену» и какую-нибудь комедию... может быть «Розовую пантеру» с двумя другими тогдашними холодными красавицами — Кардинале и Капучине.

Красным карандашом, справа, почерком режиссера: Эпизод «Самоубийство Капучине» пропустить в целях экономии средств. Распоряжение дирекции.

Пропустил.

Какая же это радость, окунуться в нездешнюю, чудную, заграничную жизнь! Побывать в Версале, покататься с Дэвидом Нивеном на лыжах в Кортине, подышать воздухом Голливуда. За тридцать копеек! Высшее удовольствие, доступное молодому человеку, запертому в «социалистическом лагере».

Твои одноклассники сидят в душном классе... учат какую-нибудь идеологическую дребедень... настырный учитель долдонит... а ты, свободный как степной волк, бродишь по улицам родного города. А потом наблюдаешь на киноэкране интимную жизнь чудесных женщин и мужчин. Европейцев, американцев... небожителей. Слушаешь веселую музыку Манчини. И на все тебе наплевать... на школу, на аттестат, на МГУ, на ЦК КПСС, на прошлое и будущее...

Под ложечкой сосет предчувствие неизбежной катастрофы... и превращает просмотр развлекательного кино в незабываемый, почти сакральный момент... в счастье.

Послал из берлинского парка привет самому себе, в Москву начала семидесятых.

Как же он был мне тогда нужен! Привет из другого мира. Из другой эпохи. Капелька надежды. Вытер слезу.

Режиссер удовлетворенно крякнул и крикнул: Снято!

...

После ланча продолжили.

Декорация — лес, аллея. Нарисованный небосвод.

В конце аллеи под искусственной сосной стояла женщина в высоких кожаных сапогах. Кто-то из массовки?

Режиссер заорал: Недоумение изобрази! Недоумение. И ностальгию. Но не переигрывай!

Подошел к ней, робко взглянул ей в лицо. Нежно пахло флоксами, кожей и хорошим табаком.

Легкое бежевое пальто... алая беретка... курит сигарету. Длинные ее перчатки испачканы фиолетовым пеплом. Загорелое скуластое лицо выражает презрение к окружающему миру, а прекрасные серые глаза смотрят на заснеженную землю.

Потом она взглянула на меня, и я услышал: Ты звал меня, я вернулась...

От волнения и предчувствия счастья я опять превратился в малахитовую колонну.

Вся съемочная группа заплодировала. Рабочие подтащили вентилятор и коробку с тертым пенопластом.

Порыв ветра запылил нас снежным жемчугом...

Красавица исчезла, как будто ее и не было, а я так и остался в камне...

Я не мог двигаться, дышать, есть, говорить. Зато мог думать.

И думал, думал...

Вспоминал. Вся моя до- и после-эмигрантская жизнь представилась мне бесконечной чередой неприятных, мучительных дней и ночей. Под черным Солнцем и синей Луной (так нарисовал наш художник-декадент). Родным и близким существом была для меня теперь только она, пахнущая флоксами женщина в беретке, похожая на молодую Стефан Одран.

Через несколько минут, часов или столетий я вышел из камня.

Вокруг меня ничего не было. Ни маяка, ни леса, ни съемочной площадки.

Только белесая мгла над океаном.

Какого черта? Где все?

НА ШЕЕ У БОЦМАНА

Давно хотел рассказать коротенькую такую, жутковатую, но смешную историю, приключившуюся со мной в самый странный, мучительный, сумасшедший период моей жизни — в последние два месяца перед тем, как я навсегда покинул родину, распрощался с любимой Москвой. Много тогда всего произошло удивительного и непонятного... хватило бы на полноценный роман, главным героем которого был бы не я, а «отъезд», или на поэму, или на симфонию.

Симфонию трагикомического разрыва отдельно взятого бытия.

Хотел-то, хотел, но все никак не решался...

Потому что это реальное происшествие... или случай... не знаю, как назвать... эскапада... каприз высших сил, вечно смеющихся над нашими насекомыми страстями... да вы не волнуйтесь, ничего особенного... эпифеномен... маленькое эротическое приключение с хэппи-эндом.

А меня и так многие считают порнографом.

Порнограф пишет для того, что возбудить в читателе или в самом себе эротическое чувство. Для сурового стояка и фонтанчика. А я пишу... чтобы, вспоминая и формулируя, загоняя пережитое в текст, окукливая его словами, нейтрализовать его яд. Делаю нечто обратное тому, что делает порнограф.

А то, что для этого приходится «залезать в трусы», «заглядывать за занавеску», воскрешать вытесненные или подавленные воспоминания — не моя вина. Ничего не поделаешь, до костей нас пробирают не ужасы тоталитарной коммунистической системы (к которой мы научились отлично приспособливаться и даже получать от нашей подлости особое удовольствие), и не эксплуатация несчастных рабочих Африки и Азии (плодами которой мы так жадно пользуемся), и не

фатальные изменения климата и экологические катастрофы (на которые нам чихать, главное, чтобы не у нас под носом рвануло), а именно такие, неважные вроде бы в историческом или космическом масштабе мелочи, частные постельные истории... реальные или виртуальные... и порождаемые ими страхи, прилипающие к подвижным стенкам нашего сознания... атакующие нас изнутри.

...

Была у нас в классе девочка... маленькая, но красивая и умная, да еще и развитая не по годам... И опытная в любовных делах. Анечка Б.

Так вот она еще перед началом нашего студенчества планировала свою жизнь на сорок лет вперед и переживала... делалась со мной своими матримониальными опасениями.

— Знаешь, я слышала... стареющие мужчины... за шестьдесят... часто становятся педерастами. Омерзительно! Представляешь, ты его любишь, живешь с ним, делаешь с ним детей, а потом оказывается, он — педераст. Он тебя посылает, и ты остаешься одна. До самой смерти. Потому что ты постарела и никому не нужна!

Я ничего этого не знал. Жизнь не планировал. Не знал толком, кто такие «педерасты». Ничего вообще не знал и знать не хотел. О будущем не думал. Упивался настоящим, как шмель — нектаром на цветке. Хотел стрекотать и прыгать как кузнечик... и стрекотал и прыгал... на грязном московском асфальте.

Мужчин «за шестьдесят» я представлял себе заплывшими жиром, морщинистыми советскими номенклатурными боровами, гадко хрюкающими и сжирающими все, что им в пасть попадает, или болезненно худыми кашеями, костлявыми злодеями и нелюдьми, вроде Сулова.

Какой может быть секс у этих гадких существ? Скорее бы подошли.

Представить себе, что я сам когда-нибудь... превращусь в старца, в зловонное чудовище, да еще и занимающееся любовью с другими такими же монстрами — я был не в состоянии. Тьфу, тьфу...

Думал: Со мной все будет по-другому. Я не умру, даже не состарюсь... И всегда буду любить милых женщин. Пилюли бессмертия изобретут китайские или американские ученые (тогда многие, не только неоперившиеся юнцы, но и зрелые люди, верили во всемогущую науку), а если не изобретут, выращу — с помощью особой магической силы, которую всю жизнь в себе прозревал — такую пилюлю в себе сам и буду наслаждаться вечной юностью, как алые и желтые тюльпаны в конце мая в Александровском саду наслаждались в те времена своей недолгой тюльпановой красотой, радуя глаза и согревая души не избалованных нежным цветочным величием москвичей.

Анечка не только опасалась, но и обосновывала свои опасения.

— Понимаешь, стареющие женщины устают, теряют красоту и желание. Тело перестает вырабатывать какой-то там гормон. Им и в тридцать-то часто ничего не надо. А у мужиков не так — и если они себя водкой или деланьем карьеры не угробили, у них и в шестьдесят кровь как шампанское... Из них песок сыпется, а им трахаться надо... а бабушки их только ворчат, внуков нянчат да пироги пекут. Поэтому богатенькие старички лезут в постель к молодым. Покупают свежее мясо. Остальные — или дробят тоскливо в одиночестве, или — те, кто посмелее, находят для спаривания таких же как они, похотливых старых козлов и становятся законченными пидорами. Мерзко. Хочу мужа — доктора наук, высокого, красивого, чистюлю и умницу, чтобы меня кормил, холил и любил до самой смерти... Делал умных и здоровых детей и драгоценности дарил.

Меня от анечкиных слов бросило тогда в жар и трепет. Потому что я живо себе все это представил. Как бросаю жену и становлюсь «похотливым вонючим козлом».

Кстати, Анечка сделала позже деньги на непонятных мне махинациях с недвижимостью в странах третьего мира, и вполне могла покупать себе драгоценности сама...

И мужа получила именно такого, о котором мечтала. Собранный, целеустремленный, талантливый и детолюбиво-

го. Здоровой маскулинной гендерной идентичности, как сейчас говорят. Видел его на фотографии. И дети у нее умные и здоровые.

...

После МГУ Анечка аспирантовала где-то в провинции. То ли в Орле, то ли в Курске.

И подцепила там иностранца — доцента-практиканта, слависта. На живца изловила. Норвежца или шведа, не помню. И укатила с ним то ли в Стокгольм, то ли в Осло. Выучила язык на удивление быстро. И не один. Начала вкалывать и преуспела. Позднее еще и отца вытащила из СССР... вместе с новой его семьей. Нашла подходящие «гуманитарные программы». И брата и еще кого-то.

А мать Ани в Москве осталась, хотя дочь все для ее отъезда подготовила.

Осталась назло бывшему мужу, дочери и всему свету. Об этом сообщила мне Анечка в одном из своих редких писем... мы переписывались года два после ее отъезда.

Как звали эту мамашу, я забыл, пусть будет — Белла Марковна. Но внешний ее вид и характер помню прекрасно.

Нахрапистая такая женщина, ужасно нервная, с мигренями, фигуристая... въедливая редакторша московского литературного журнала из первачей... всезнайка... крепко побитая советчиной, но не сдавшаяся, а интенсивно терроризирующая коллег, мужа, дочь, сына, и всех, кто попадал ей в лапы. Аня рассказывала, что мать в молодости сама пописывала стишата... декламировала их на поэтических сборищах... пригласовала с Вознесенским и Рождественским.

Была пропущена сквозь огонь и воду... и замолчала, так и не дождавшись медных труб.

А позже и сама жадно и яростно жгла и топила молодых авторов-энтузиастов, имевших дерзость что-то написать и послать в ее журнал...

И еще Аня рассказывала мне, что ее мать «балует» гипнозом и лечит неврозы и психозы у своих многочисленных подруг, таких же околелитературных сов, как и она.

Страсти-мордасти!

Один раз был я у Анечки в гостях... еще школьником.

Небольшая квартира... несколько цветастых, неизвестных мне тогда, картинок Клее на стенах... гарнитур... торшеры... книжные полки... Литературные памятники... лютневая музыка... все, как полагается.

Ели мы удивительно жилистую и худую курицу, которую мне представили как «цыпленка табака». Чесноком воняло ужасно. Жевать этого «цыпленка» было невозможно. Я взял крылышко, покусал его, пососал и положил назад в тарелку. Анечка хмыкнула. Ее тактичный папа сделал вид, что ничего не заметил. А мама прищурилась, недовольно покачала головой и сверкнула глазами. Нервно постучала покрытыми красным лаком ногтями по столу.

Беседовали мы кажется о современной американской литературе. Аня что-то спросила свободно читающую по-английски и «имеющую доступ» мать о малоизвестных в СССР битниках, Керуаке или Гинзберге, а Белла Марковна почему-то обозлилась и так резко и зло ответила, что я испугался... а затем как мог быстро ретировался. Помню, последней ее репликой, обращенной ко мне, было: Антон, не вихляй бедрами, когда по улице идешь, а то ты сзади похож на женщину в шубке.

Представил себя сзади — точно, женщина. Испугался.

Спрашивал потом друзей — похож я сзади на женщину?

Один сказал: Скорее на беременного бегемота!

А другой: Нет, на верблюда, который минуту назад с трамплина в Лужниках прыгнул. Без лыж.

Остряки!

...

Когда пришел мой черед эмигрировать — я решил найти Аню и попросить ее стать моей советчицей на первых порах заграничной жизни. Потому что не знал, что меня ожидает. Был растерян, как все совки, намылившись валить. Всего боялся. Голова у меня шла кругом... Я подозревал, что никому в Европе не нужен, и что жизнь там не будет такой сладкой, как нам всем тогда казалось. Опасения эти, кстати, оправдались... и очень скоро.

Кружился как осенний лист... и отчаянно всем надоел «эмигрантскими разговорами».

Заграничный телефон Ани у меня был, но связаться с ней я, как ни старался, так и не смог. Позвонил по старому московскому номеру, знакомому еще со школы.

В ответ услышал не гудки, а какое-то электрическое клохтанье и завывание. Музыка заиграла. Менуэт. А затем чужой мужской голос прокричал в сердцах: Кто придет? Одноклассник? А жрать он захочет? Давай, доставай цыпленка из заморозки! Оловянная твоя голова! Пупырышки посмотри... не синие ли. Может, протух.

Затем этот посторонний голос пропал. К телефону подошла женщина.

— Ало.

— Добрый день, я хотел бы поговорить с Аней, если она сейчас случайно в Москве.

— А вы кто?

— Я — Антон, ее бывший одноклассник. Был у вас когда-то в гостях. Курицу ел.

— Курицу? А что вам от нее надо?

— От курицы — ничего. А вот от Анечки — да... надо... собираюсь уезжать, хотел с ней посоветоваться... о том, о сем.

— Аня в Вене.

— Знаю, знаю, может быть вы мне ее телефон дадите?

— А вы денег у нее просить не будете?

— Не буду, обещаю.

— Все обещают, а потом просят.

— Не буду просить. Ничего просить не буду. Но поговорить хочу. Потому что побаиваюсь новой жизни, порядков, не знаю, как себя поставить...

— Ладно, приезжайте, посмотрю на вас, если вы действительно такой смирный, дам вам номер телефона.

— Когда?

— Да хоть сегодня вечером. В семь. Вы дорогу помните?

— Забыл. Двадцать лет прошло.

— Доезжайте до метро «Молодежная», а потом идите к магазину обуви... Молодогвардейскую перейдите... по Пар-

тизанской идите, потом налево, там дома рядами... кирпичные пятиэтажки... в третьем ряду дом... похож на склеп... обшарпанный... подъезд открыт, потому что замок уже год как взломан... второй этаж... квартира...

— Понял, буду.

Вместо «пока» или «до встречи» опять заиграл менуэт. Тот же самый. Осточертевший. Боккерини. Сопровождался он почему-то негромким лаем и подвыванием. А потом тот же грубый мужской голос проорал: Кончай базар, скоро гости придут. Размораживай цыпленка! Пупырышки посмотри...

Я не стал его слушать, положил трубку.

Голос Беллы Марковны показался мне незнакомым. И странным. Как будто кто-то во время разговора произвольно менял настройку тембра. И тихонько булькал. Или сдавленно глотал как утопленник.

Пупырышки...

...

Кунцевский район знаменит своей шпаной. Детские воспоминания не давали мне покоя. Унижения... избиения... визг, плач. Капли крови на снегу. Как дикие вишенки...

Шел и думал... вот сейчас подойдут... человек шесть... окружают черным кольцом... дядь, дай закурить... потом сбоку блеснет нож...

Никто ко мне не подошел. Наоборот, от меня шарахнулась какая-то женщина с девочкой лет семи. Я все равно испугался...

Замок действительно был взломан. В подъезде было грязно, невыносимо воняло блевотиной. Какие-то дурацкие плакаты с африканскими масками покрывали стены. Несколько черных куриц висели слепыми головами вниз. Вуду?

Поднялся на второй этаж. Дом производил впечатление необитаемого, готового к слому сооружения. Мусоропровод был заварен. Стекла в подъезде выбиты.

Или это не жилой дом... а задняя часть заброшенного кинотеатра?

Позвонил.

Вместо шагов — услышал странные звуки. Как будто кто-то волочил по коридору мешок с картошкой или мертвое те-

ло. И опять — вот уж никак не ожидал — наверное где-то у соседей заиграл чертов менуэт. Может, он у меня в мозгах играет? Бывает такое, послушаешь — привяжется. Как же этот отъезд мне нервы вымотал... походы в ОВИР... разговоры с друзьями и подругами... родственники...

— Кто там?

— Антон, Антон... я не кусаюсь.

Дверь медленно открылась и из нее вышла на лестничную клетку на Белла Марковна, а большая собака, похожая на лису. Глаза — полны злобы и ужаса. Шкура отливает в электрический фиолет. Пена на пасти. Клыки, как у вампира...

Я вытаращил глаза. Сглотнул набежавшую слюну. Сжал кулаки.

Сейчас зарычит и бросится...

Но уже через мгновение собака пропала... передо мной стояла мать моей одноклассницы, приветливо трясла мне руку и приглашала к себе.

В халате она что ли? Нет, в старом бальном платье.

Брошка золотая. Позвякивающие браслеты на руках...

Никогда бы не узнал... Или изменилась, или — это не Анина мама, а посторонняя женщина. Не стал себя мучить... вошел в квартиру, повесил куртку на вешалку с рогами, разулся, и был препровожден любезной хозяйкой в гостиную. Ну и разрез у нее сзади! Лихой...

...

Мы сидели напротив друг друга в старинных креслах с пурпурной, с золотыми звездочками, парчовой обивкой... между нами посверкивал синими гранями шестиугольный стеклянный столик на позеленевших медных ножках. На столике не было ничего, кроме бутылки красного вина, двух бокалов и крохотной резной фигурки Анубиса.

Мне было неудобно... пришел в гости, а с собой ничего не принес... Белла Марковна угадала мои чувства.

— Ничего, ничего, не стесняйся, Антоша. Все понимаю. Приехали с этой перестройкой в голодный барак. Правильно поступаешь, уезжай. К черту Совок. Проживешь вторую половину жизни среди нормальных людей, а не среди ватников и ушанок.

— А вы что же?

— Что мне, старой перечнице, надо? Я уж как-нибудь тут перекантуюсь. Где родилась, там и пригодилась. Год до пенсии остался...

— А вы уверены, что ее платить будут?

— А ты уверен, что сможешь в Европе заработать на хлеб с маслом?

— Я ни в чем не уверен. Но тут, в совке нету больше масла, а за хлебом я вчера сорок минут в очереди стоял. Хотел взять батон. А когда очередь подошла, сказали: Нету хлеба. Сегодня завоза не будет.

— Сделать тебе бутерброд? У меня еще сыр остался от последней посылки. Рокфор. Голубой, с плесенью.

— Спасибо, не надо. Извините, что я с собой ничего не принес. Хотел бы подарить вам цветы и коробку шоколадных конфет. Но нету нигде ни того, ни другого. А на рынок идти — денег нет. Я последнее время в церкви работал. Мне там платили сто рублей в месяц.

— Как же это тебя угораздило...

— Институт послал, а в церковь привел... случай. Ничего, зато я теперь точно знаю, что это за контора. Может когда рассказ напишу... Я ведь даже с владыкой Кириллом познакомился. Сволочь редкая...

— Расскажи, почему ты институт бросил. Ты же вроде хотел карьеру делать... Кстати, твой папа жив еще? Я его еще несколько лет назад из вида потеряла, когда он из правления вышел.

— Жив. Бедствует. Как все мы. Жалко его. Потерял лоск и вес. Смерть мамы перенес плохо. Хотя она умерла уже после их развода. Связался с какой-то... Та его обобрала.

...

Я старался глубоко не рыть и особенно не расходиться... говорить иронично-обтекаемо... Но все-таки разошелся... как Иван Грозный в письмах к Курбскому... вошел в раж... изругал институт, церковь, Москву, перешел на политику... выложил все, что накипело.

— Бабушка умерла, дедушка... да, тот... в дурдоме. С женой — в долго длящейся ссоре. Почти не разговариваем. Уез-

жать буду без нее. Другая бабушка меня не узнает. Школьные друзья куда-то подевались. Никого нет рядом. Все, что мы как-то построили, чем мы жили, разрушается... Может и к лучшему. Ведь мы не люди, а советские огрызки.

Воспаленный мой диалог продолжался минут сорок и кончился нервным припадком.

Я потерял себя и плел непонятно что... От волнения.

Оттого, что меня слушает зрелая умная женщина. Которую мне вдруг так захотелось поцеловать...

— Может быть тебе цыпленка зажарить?

— Не хочу я ваших цыплят! Ненавижу птиц! Особенно жареных. Почему эти идиоты американцы всех нас не поджарили, когда могли? Погодите, мы еще очнемся от летаргии... встанем с колен... но строить ничего не будем... мы вначале коррумпируем, а затем уничтожим мир. Это единственное, на что мы способны. Наследники Ежова и Малюты.

Со мной такое бывало несколько раз в жизни. Хорошо еще смог остановиться — на краю обрыва — и не расплакался, как ребенок. Напоследок сказал: Знаете, что мне ваша дочь еще в школе о стареющих мужчинах рассказывала?

И поведал Белле Марковне о шестидесятилетних педерастах. Вроде как нажаловался.

Белла Марковна слушала мои дозволенные речи чуть прищурясь, снисходительно... не без наигранного и потому обидного одобрения. В конце моего монолога она встала, подошла ко мне и погладила меня по голове.

— И ты боишься стать в старости голубым? Нашел, о чем беспокоиться.

— Я не стану пидором! Это ужасно. Анькины сказки.

— Уверен?

...

Номер телефона дочери Белла Марковна сообщать мне не спешила. Вместо этого начала рассказывать длинную и нудную историю про какого-то эмигранта первой волны. Мага, кажется. Про его приключения в Париже. Упомянула шкатулку с секретом, которую он будто бы нашел в подвале особняка, когда-то принадлежавшего маркизу де Саду. А в ней был

порошок. Он его понюхал и получил возможность делать удивительные вещи. Совершать неслыханные превращения, воздействовать мыслью на людей и путешествовать во времени. Цитировала наизусть популярную тогда Тэффи...

Я историю слушал невнимательно, не верю я во все эти чудеса... грыз себя за то, что так долго говорил... не мог заткнуться, психопат... истерик.

Тоскливо размышлял о том, как буду зарабатывать за границей деньги...

Белла Марковна принесла из кухни вторую бутылку. Настойку или ликер.

Долго рассматривал этикетку с физиономией назойливого Сганареля и тремя важными фигурами в одеждах Ватто. Называлось эта сладковатая жидкость — «Слуга трех господ». Дикое название. Перевела мне его хозяйка дома. С французского. Наверное Анька прислала эту сивуху вместе с сыром. Чтобы подсластить жизнь оставленной мамочки.

Когда мы ее допили, я почувствовал, что сильно опьянел.

Ох, не пропасть бы...

Черные курицы бегали перед глазами.

Менуэт играл.

Сам не знаю, как это получилось... встал... подошел к Белле Марковне... обнял ее и присосался ребяческим поцелуем к ее губам...

...

Она меня не оттолкнула.

Обняла.

Через несколько минут я сам отпрянул от нее... потому что вдруг осознал, что целуюсь с пожилым мужчиной. Голый, в постели.

И я тоже был стариком. Руки покрыты пигментными пятнами. Ноги высохли и посинели. Живот отвис. Одышка. Господи, что происходит?

Комната, в которой стояла кровать, никак не походила на комнату московской пятиэтажки.

Шелк на стенах и потолке.

Рыцарь с алебардой в углу.

Темные портреты неизвестных мне вельмож.

Пианола.

Как только я посмотрел на нее, она заиграла менуэт.
Опять чертов менуэт!

А стоящий рядом с ней румын заскрипел на скрипке. Румын...

В воздухе запорхали ночные бабочки.

Повеяло сыростью.

Запахло шоколадом.

Вельможи на портретах начали кланяться, а рыцарь попытался сделать несколько шагов, но упал и разлетелся на куски.

Я посмотрел в лицо обнимавшему меня мужчине. Кто это?

Папа?

Дедушка?

Учитель истории?

Умерший друг?

Поражаясь себе, ощутил страшное влечение к этому существу, нежно целовавшему меня... морщинистому... лысому... с дряблыми висячими грудями.

Целовал его соски... ласкал член...

Как долго? Не знаю.

Неожиданно услышал звонкий женский смех.

— Очнитесь, очнитесь же наконец, молодой человек, извините, я только хотела немножко с вами поиграть... Наказать вас за простительную дерзость. Освободить ваше — хи-хи-хи — бессознательное...

Я все еще сидел на стуле за шестигранным столом. Напротив меня восседала Белла Марковна и снисходительно смотрела на меня.

Большой палец моей правой руки... был у меня во рту. И я сосал его и ласкал языком его шершавую соленую подушечку.

Из зрительского зала, находящегося позади нас, послышался вялый аплодисмент.

...

Что было дальше, я не помню. Пережил что-то вроде блэкаута.

Пришел в себя в вагоне метро. Где-то у Киевской радиальной.

Перед глазами — черно, в душе пусто. Противно немного. Как будто по затылку чем-то тяжелым ударили. Вроде и не больно, но муторно. Постепенно сознание возвратилось...

Вышел на остановке и, сам не знаю зачем, начал смотреть на эти идиотские фрески на стенах. Машинально.

Остановился у одной. В середине стоит сдобный такой седоусый дед в фуражке и мундире... с медалями. Роба у него удивительно тупая. «Народная».

Тупой... и немножко на Сталина смахивает, как и все старики на сталинских фресках...

А слева и справа от него изображены — молодой шахтер с отбойным молотком и пацан из ремеслухи с книжкой в руке. Вроде как этот дед передает эстафету молодому поколению. Работайте дальше, мол... Всю жизнь. Получите ордена и медали. Как я.

Все это на золотом фоне. Такая советская картинка-агитка.

Смотрю я на нее, снизу-вверх, понятное дело, и вижу, как этот поганый дед с усами голову свою поворачивает, опускает и на меня смотрит. А роба у него, уже не ветеранская, а сталинская.

И Сталин этот улыбается мне со стены...

Вот... подмигнул даже... гадливо так... и рукой поманил меня в фреску... входи, мол.

И я — как акробат — прямо по воздуху... медленно-медленно к нему полетел.

В воздухе все представлял себя сзади женщиной. Теперь уже точно знал, какой...

Надеждой Аллилуевой!

Сталин обнял меня за талию и потащил в золотую шелковую жуть...

Пахло от него, как и полагается, табаком папирос Герцеговина Флор и вином Киндзмараули. И еще давно немывыми ногами. Рябая его морда была похожа на морду рептилии...

— Наденька, иды суда!

Последующую сцену я описывать не буду, предоставляю читателю самому представить себе — при желании разумеется — половой акт шестнадцатилетней девушки с почти сорокалетним сухоруким Сталиным, ее родным отцом.

Это было пожалуй самым мерзким, что я испытал на родине за свои три с небольшим десятка лет.

Второй блэкаут длился дольше первого.

Очнулся я на сей раз не в метро и не за шестиугольным столом Беллы Марковны. Поначалу и не понял, где. Так темно было вокруг. Я сидел на чем-то холодном, металлическом. Как бы верхом. Или на шее у кого-то?

Ощупал металлическую же голову, за которую держался руками... обернулся, рискуя сорваться в пропасть... и тут же узнал знакомый с детства силуэт.

Вы конечно не поверите... я сидел на шее у Боцмана. Так звали студенты памятник Ломоносову (с пером и манускриптом), что стоит в Университетском парке недалеко от Клубной части МГУ.

Как я на него забрался, мне неведомо, но слезать с него было очень-очень трудно.

* * *

Лет через десять после эмиграции я наконец связался с Аней Б.

Позвонил ей, мы поговорили... рассказал ей о том, что перед отъездом посетил ее маму в Кунцево. В ответ услышал недоуменное молчание.

— Моя мать, — проговорила Аня с достоинством, — умерла примерно за три года до твоего отъезда. — Не знаю, у кого ты был и где, только не у нее. И жили мы не в Кунцево, а в Очаково. Ты же сам ездил ко мне на свидания на автобусе от Юго-Западной. Как же ты мог забыть?

ТРЕЩИНА

Наконец похолодало. Сколько же можно терпеть это пекло? Каждый день 31-32, бывало и 36 градусов. А по ночам — духота.

Ненавижу берлинское лето. Жара тут какая-то тошная. Кажется, что не только воздух, но и само пространство раскаляется до бела в стеклянной чашке дня...

В этом медленном, но грозном, ежедневном росте температуры мне мерещится исступление природы... ярость ошалевшей планеты, леса которой горят и вырубаются, недра истощены, океаны — замусорены, воздух — загрязнен... планеты, на которой все гибнет по вине человека, живущего в массе скотской жизнью, но плодящегося с невероятной скоростью и грозящего отравить и уничтожить все живое, включая и самого себя. Превратить Землю в холодный и пыльный Марс или в пылающую уродину — Венеру.

Да, похолодало, стало легче дышать...

Поэтому нудные и долгие крестины моей младшей внучки в берлинской церкви «Воскресения Христова» пролетели незаметно. Подслеповатый усталый поп отчаянно бубнил постарославянски, путал имена, то и дело кивал непонятно кому и крестился так, как будто чистил морковь ножом, крестные ходили вокруг купели с преувеличенно важным видом, боялись поскользнуться и уронить свои ошарашенные интенсивным экзорцизмом ноши, чужой младенец орал как резаный... русская девочка годков двух от роду повторяла как одержимая: «Не хочу, не хочу, не хочу...» И ловко отбивалась от цепких родительских рук.

Христос, похожий на карточного вальта, смотрел на крещение с иконостаса с деланным энтузиазмом. Казалось, что ему подобные зрелища надоели уже тысячелетия назад.

Немцы успешно прятали недоумение и раздражение под приветливыми улыбками. У русских на лицах запечатлелось какое-то то ли искусственное, показное, то ли юродивое благоговение, не скрывающее свиной нахрап женщин и волчий оскал мужчин.

Когда спектакль окончился, все испытали облегчение. Религиозный бред выносим только в умеренных дозах.

Поехали на нескольких машинах в ресторан.

Остановились недалеко от входа в зоопарк. Ресторан располагался под застекленной крышей десятиэтажного здания. Вид оттуда красивый... внизу бегают дикие звери... на горизонте Марцан-Хеллерсдорф.

Расселись за двумя длинными столами. Подали шампанское. Выпили за здоровье и счастье малышки...

Тимо рассказал о своей новой клинике.

Эдик завел разговор о политической ситуации в Австрии.

Франциска болтала без умолку.

Гюнтер все время улыбался, Гудрун хмурилась.

Подросток Марк томился от переизбытка взрослых с их скучными проблемами и хорошо выбритыми щеками.

Две мои внучки порхали по залу как бабочки.

Новокрещенная Иоханна мирно сосала грудь мамы.

На закуску смешной, слегка косоглазый официант принес несколько пирамидок с хумусом (желтый, светлый и красный, со свеклой) и лепешки. А через четверть часа на столе появились маленькие кусочки куриного мяса в ананасном соусе в приятных глиняных мисочках с кошачьими головами вместо ручек, салат и карамелизированные жареные баклажаны с рисом басмати на продолговатых белых тарелках с лебедами.

Мясо я даже не попробовал, а баклажаны были так вкусны, что я забыл о боли в спине и в колене, забыл о том, что держу диету, о том, что дал дочке слово вести себя на крестинах и в ресторане достойно и скромно помалкивать, забыл о том, что я в Берлине, среди немцев, моих новых родственников и друзей, о том, что жизнь, кажется, прошла, и непонятно, что делать дальше, стоит ли оттягивать или приближать ко-

нец... о том, что надо готовить себя к тому времени, когда придется из городской берлинской электрички пересаживаться в лодку Харона... менять Шпрее на Ахерон.

...

Вкус берлинских карамелизированных баклажанов напомнил мне вкус баклажана кавказского, которого я поджарил на костре из плавника на берегу Черного моря лет сорок пять назад. Проткнул лоснящийся овощ и несколько помидоров веточкой и сунул в синеватый танцующий огонек. Помидоры сразу треснули и выплеснули свой розовый сок, а баклажан долго стонал, потом зашипел и сердито выпустил из себя несколько струек пара... начал гореть. Я его потушил, разрезал, посолил и съел. Половину. А вторую половину съела Инга.

Да-да, она...

Милая, высокая, длинноногая. Легкая на подъем. Прекрасная пловчиха. Глаза зеленые с желтыми искорками. Губы — фиолетовые. Веснушки на лбу и носу. Легкий уральский акцент (немного на «о»). И золотая цепочка на шее.

У Инги было много поклонников, тогда, в конце июля 197... года, в пансионате МГУ «Голубая долина». Были молодцы и повыше и поатлетичнее меня. Но Инга их всех как-то быстро отшивала. Я украдкой посматривал на нее... в столовой и на танцах. Танцевала она только быстрые танцы, а от приглашений на медленные — вежливо отказывалась, хохотала, уходила. Потом появлялась.

После трех дней разведки, я набрался мужества и пригласил ее танцевать.

Инга, кокетливо поморгав зелеными глазами, согласилась, позволила себя обнять, доверчиво прижалась ко мне и даже ответила на мой дежурный сухой поцелуй.

Падает снег, рыдая, пел Сальваторе Адамо. Ты не приходишь сегодня вечером...

Мастер! Многие растроганные и размягченные этой песней студентки, лишились благодаря ему невинности в колючих кустиках и на теплых камешках вокруг «Голубой долины».

После второго медленного танца («Сувенир» Демиса Руссо) и второго поцелуя, несколько более продолжительного, но все еще сухого, я предложил Инге пройтись по пляжу. Тут Шарль Азнавур запел свою «Богему». Мы обнялись и начали топтаться...

Вся эта инфантильная романтика еще на меня действовала. Я влюбился в Ингу. Третий поцелуй был многообещающий, но также сух, как и первые два.

Тогда, этой южной ночью, мне казалось, что старшая меня года на четыре Инга разделяет мое чувство. Смешная самонадеянность!

Повздыхав и помечтав о жизни на Монмартре, с сиренью, мольбертами, сюрреалистами и кофе со сливками, мы вышли на асфальтированную площадку перед входом в пансионат. Там призывно горели синие и розовые огоньки. Парочки сидели на деревянных скамейках. Слышался негромкий мужской бас, женское хихиканье... бульканье вина... Я сбегал в свою комнату, положил в тряпичную сумочку баклажан, помидоры, зажигалку и щепотку соли в газете, спустился к Инге.

Она взяла меня под руку и мы направились к морю... шли не по бульвару, заросшему пальмами и акациями, а по грязной советской деревенской дороге, с лужами, камнями и всякой дрянью на обочинах. Млечный путь, впрочем, сиял и переливался перламутровыми сполохами... как в планетарии.

И тут произошло то, чего я втайне побаивался и ужасно не хотел испытать, особенно с любимой девушкой. В темноте нас окружили штук десять голодных и злых бездомных псов и начали рычать и лаять. Глаза их сверкали ярче звезд, а клыки казались мне размером с бивни мамонта.

Я поднял бульжник и бросил в большого ушастого пса. Хотел поразить его в голову. Кажется попал... услышал жалобный скулеж... тут же поднял второй и уже собирался его метнуть... но тут Инга взяла меня за руку и сказала: «Не надо, милый, они не причинят нам вреда».

Затем она — только на мгновение — как-то странно напрыглась...

Что-то прошептала.

Я заметил быстро растущую тень, похожую очертаниями на огромную собаку...

Мне показалось, что глаза Инги стали размером с мельницу и из них полетели в разные стороны зеленоватые искры. Я оробел.

Из пансионата донеслась чарующая мелодия Джоржа Харрисона «My Sweet Lord», я обнял Ингу за талию и мы, танцуя, прошли сквозь кольцо почему-то притихших псов... Через несколько секунд — я обернулся... никаких собак не было на дороге. Только грязная вода поблескивала в лужах.

Вышли на пляж.

Не сговариваясь, сбросили одежду и вошли в теплую, иссиня-черную воду.

Ночное море втянуло нас в себя своим огромным ласковым ртом. И ласкало, ласкало наши молодые тела своими солеными губами...

После купания валялись на теплой гальке, смотрели в небо, обнимались.

Большого я и не хотел...

Но, повинувшись инстинкту («или делай, или хотя бы демонстрируй готовность и желание»), дотронулся несколько раз кончиками пальцев до лобка моей подружки...

Как будто засохшие водоросли потрогал.

Ее оливковые груди представлялись мне свернувшимися в спирали электрическими угрями. От прикосновения к ним меня било током. Я видел маленькие желтые молнии вылетающие из ее сосков как из электрической машины.

Целовалась Инга очень сладко.

Я не сразу заметил, что ее длинный язык — раздвоен на конце.

Перед тем, как возвращаться в пансионат, мы развели костер из плавника и поджарили тот самый баклажан, который я несколько дней до этого — сам не зная зачем и почему — украл на пансионатской кухне...

Наш повар, толстый осетин, которого все звали «Коби», заметил мою проделку, выпучил по-рыбьи глаза, заохал, покачал большой лысой головой... потом протянул мне не-

сколько розоватых анапских помидоров и прогудел: «Пожарь баклажан с помидорами и посолить не забудь. Обьедение».

...

На следующий день, после неаппетитного коллективного завтрака, с серым невкусным хлебом, желудиным кофе, объявлениями пансионатского начальства и выговорами, мы отправились вдоль моря в сторону Большого Утриша, прихватив с собой полосатое одеяло, алюминиевые колышки уголком и простыню. Нашли безлюдную бухточку, разложили одеяло, укрепили колышки большими круглыми камнями, растянули на них простыню и легли. В тени, как баре.

О чем мы говорили, я не помню, а придумывать не хочу. Вероятно, о какой-нибудь чепухе.

Простыню нашу полоскал свежий бриз.

Море окатывало нас алмазными брызгами.

Чайки гоготали. Оглушительно звенели цикады.

Тело Инги казалось мне зеленовато-оливковым.

Ее кожа пахла водорослями, йодом, а шея — почему-то — дыней и яблоками...

В те времена было модно ставить друг другу засосы, и мы по очереди впились друг другу в шею... как упыри... это возбуждало... плавки мои, порыжевшие на утришском солнце, норовили разорваться. Но Ингу их содержание явно не интересовало.

Ей хватало и неттинга.

Помню, заснул после долгого купания и поцелуев, а Инга углубилась в книгу.

А когда я проснулся... все уже было не так чудесно, как до моего сна. Паршиво было. Потому что между мной и Ингой развалился Боря Кипелов, по прозвищу «Кип», баскетболист, крашеный блондин, аспирант и известный на мехмате «покоритель женских сердец».

С противной бородкой и сигаретой во рту.

От него пахло потом и агрессией...

Этот самый Кип любил в мужской компании рассказывать как «та» или «эта» «дала ему в рот»... С подробностями, от которых тошнило.

Какого черта? — подумал я. — Какой дьявол принес эту грязную скотину в наше гнездышко? Мы же никому не сказали, куда пошли. Неужели Инга сообщила ему, где мы ляжем? Пригласила присоединиться? Или он по берегу тащился к водопаду и случайно нас увидел? Но я ведь так простыню натянул, чтобы нас с берега видно не было. Косо. Значит Инга проболталась. Специально. Сука.

...

Я сел...

Инга лежала на плече Кипа и играла его бородой. А он перебирал как четки ее цепочку. Инга и Кип говорили друг с другом так, как будто меня не было рядом.

— Что делает рядом с тобой этот недоросток?

— Он уже взрослый. Первый курс осилил. Мы с ним танцевали... болтали... тебя же не было. Я скучала целых три дня. А затем выбрала этого смазливового петушка, чтобы ты потом не ревновал. Он занятный. Про Эдгара По мне рассказывал. Говорил, что хочет стать художником.

— Я ему покажу сейчас По, засранцу! Глаз на жопу натянута и моргать заставлю!

— Не надо, дорогой! Он от страха описается. Вчера вечером пару местных собак встретили на дороге, так он так задрожал... я думала, заплачет и убежит.

— А кто тебе засос на шею поставил? Только не говори, что он, тогда я его сейчас же придушу, а тело глубоко в гальку зарюю. Его сто лет не найдут. Художник...

— Ну что ты, какие засосы, я тут недалеко от тира в колочки упала, поцарапалась. Загноились ранки... медсестра йодом прижигала... вот и пятнышки...

...

Тут Кип повернул ко мне свою огромную вихрастую голову, смачно плюнул мне в лицо и прошипел: «Исчезни, тля!»

Меня обожгло страхом и яростью.

Но я взял себя в руки, улыбнулся криво, кивнул, встал и купаться пошел. А Кип вдобавок запустил в меня бычком. Да так удачно, что на плавках дырочку прожег. На стороне ягодиц.

Сердце мое захлебывалось желчью от несправедливой обиды. Мне хотелось убить их обоих. Как она могла так говорить обо мне? И кому? Пошлаку и дебилу Кипу, понимающему только язык грубой силы.

Язык грубой силы?

Вот и славненько!

Получишь, подонок, получишь ответ на этом языке.

Я хорошо понимал, что мои шансы на суше равны нулю. Выросший в хулиганской Казани костлявый гигант Кип меня ногами затопчет.

Но в воде — я его в десять раз сильнее. Потому что я плаваю и ныряю как рыба, а он... посмотрим, как он плавает.

Отплыл от берега метров сто и осторожно наблюдал оттуда за Ингой и Кипом. А те занялись любовью. Я видел только трясущуюся волосатую задницу Кипа и смутно слышал сквозь шум прибоя стоны Инги.

После любви Инга, видимо, задремала, а Кип решил ополоснуться. Вошел в воду и поплыл, неловко загребая своими огромными ручищами.

Меня он не видел. Потому что я был от него с солнечной стороны. К тому же я не поднимал голову над водой... и выдыхал в воду... Полагаю, он вообще забыл о моем существовании. Об обиде, нанесенной мне. Но я не забыл об обиде. Все мое существо жаждало мести.

Когда он отплыл метров пятьдесят от берега, я коварно напал на него... Сзади.

Я знал, как топить человека, мне это не раз показывали знакомые военные аквалангисты, с которыми я вместе тренировался в бассейне ЦСК, но ни до этого момента, ни после не применял этого знания на практике. Набрав побольше воздуха в легкие, я обхватил его сзади за шею левой рукой, а правой схватил его за вихры и надавил. Всем своим существом я толкал его в глубину. Кип бешено дергался, пытался отодрать мою руку от своего горла, страшно лягался верблужьими своими ножищами, даже попытался укусить меня. Все напрасно...

Его пыл угас через минуту... он пустил пузыри... хлебнул черноморской водицы... еще... задергался уже в агонии и пошел ко дну. Но дна не достиг, а повис в воде, как астронавт в ракете.

Я смотрел на него без тени сочувствия. Этот негодяй унизил и оскорбил меня, плюнул мне в лицо, бросил в меня бычком, оттрахал у меня на глазах девушку, в которую я был влюблен. Он заслужил смерть.

Я всплыл, вдохнул, не поднимая головы из воды, и нырнул обратно к телу Кипа. Его уже отнесло течением метров на десять в сторону. Я схватил его за жилистую лапу и поволок под водой дальше от берега. Несколько раз выныривал, дышал, а потом упорно... тащил и тащил еще теплое тело к подводному скалистому обрыву метрах в двухстах от берега.

Утришский подводный мир был мне хорошо знаком — не одно лето я нырял тут с маской и трубкой, охотился за крабами и доставал рапанов.

Я знал, что у обрыва, примерно на пятнадцатиметровой глубине, много небольших пещерок в скалах. Там прятались особенно большие крабы и обросшие разноцветными водорослями морские ерши сантиметров по сорок длиной. Настоящие чудовища.

Вот и обрыв.

Я нырнул, держа Кипа за руку... тут кажется и вход в пещерку...

Втащил в нее тело... Так... метров пять в глубину... Хватит, чтобы спрятать тело. Другого выхода вроде нет... Подходит.

Ты меня хотел придушить и в гальку закопать, а я тебя тут замурую...

Амонтильядо!

Минут сорок собирал камни... на суше я бы их и поднять не мог, а в воде, спасибо Архимеду...

Заложил ими вход в пещерку. Перед этим последний раз посмотрел на мертвеца. Глаза его были открыты, лицо искажено гримасой животной злобы. Заметил у него на шее золотую цепочку. Сорвал ее и обмотал вокруг указательного пальца, чтобы не потерять.

К Инге я возвращаться не стал, а поплыл, по большой дуге... прямо на наш пансионатский пляж. Пришел в «Голубую долину» босой, в одних плавках, но никто не обратил на меня никакого внимания. Принял душ, немного полежал на койке и помечтал. А вечером надел запасные сандалии, сходил в нашу бухточку и забрал одеяло, простыню и колышки. Никаких вещей Инги или Кипа не обнаружил. Даже окурки там не валялись. Вопросительно посмотрел на темнеющее море. И море прошелестело ветерком мне в уши: «Я сохраню твою тайну... Его не найдут... никогда... никогда».

Поздним вечером напился с знакомым однокурсником местным прогорклым и мутным вином.

На следующий день, за завтраком, поискал Ингу в столовой. Не нашел. Зашел в ее комнату, поговорил там с одной красавицей... Она сказала, что никакой Инги там нет и не было, и томно посмотрела на меня. Я описал ингину внешность... упомянул зеленые глаза, веснушки... тогда моя собеседница вздохнула и позвала всех четырех своих соседок. У всех у них были зеленоватые глаза и веснушки. Глупые девчонки начали хохотать, обсыпали меня пудрой, прицепили мне к майке синий бантик и предложили прийти к ним после отбоя.

А через две недели знакомый доцент сообщил мне в канцелярии факультета, что в списках нет аспиранта Кипелова, и что... студент с таким именем никогда не учился на мехмате.

Не было, значит, ни Инги, ни Кипа... Не существовало.

А чье же тело замуровано там, в подводной пещере, недалеко от Большого Утриша?

Об этом я думал, просовывая мизинец в дырочку на стареньких плавках...

Года через три я забыл эту историю.

...

На десерт нам подали горячие яблочные пирожные и итальянское мороженое «Джелато». Моя старшая внучка подарила мне крохотную коробочку с испанскими шоколадными конфетами. Гости разъехались по домам.

А вечером мне позвонили. В дверь моей квартиры в Марцане. Я посмотрел в глазок — у двери переминалась с

ноги на ногу молодая женщина. Одета по моде. Черные колготки. Короткая юбка. Шляпка с вуалью. Открыл. Кажется, знакомая... кто это?

Зеленые глаза с желтыми искорками. Веснушки на носу...

Не может быть! Ей должно было быть за шестьдесят, а этой крале не больше тридцати... Ее голос разрешил все мои сомнения.

— Милый, как же ты мог меня не узнать? Неужели ты все это время думал, что я не догадывалась о том, что ты там под водой вытворял? Где моя цепочка?

И тут же наша чистенькая кафельная лестничная клетка начала превращаться в ту самую подводную пещеру. Стены местами позеленели, местами пожелтели, покрылись ракушками, несколько юрких рыбок проплыли по сгущающемуся воздуху... показался страшный силуэт утопленника... Он яростно смотрел на меня широко раскрытыми мертвыми глазами...

У меня не было ни секунды на размышления. Нужно было в корне пресечь...

— Цепочка? Простите, о какой цепочке идет речь? У меня нет никаких цепочек. Вы ошиблись адресом. Посудите сами, для меня вы — не что иное, как чужое воспоминание, чужая мысль, по ошибке пришедшая мне в голову. Во время еды. Вы даже не чувственное испарение, не ассоциация, не фантазия, у вас нет никаких прав и привилегий... ведь вы всего лишь — хм-хм — несколько царапин и осыпавшаяся краска на трубе парового отопления.

В этот момент неожиданно раскрылись двери лифта...

— С кем это ты разговариваешь? — спросила меня симпатичная соседка-толстунья, вышедшая из лифта с тремя своими любимцами — голубыми померанскими шпицами, которые, увидев меня, тут же начали противно тявкать. — И зачем ты трубу трогаешь? Там что, трещина? Надо управдому сказать, а то как рванет зимой...

КРЫСОЛОВ

Есть люди-сороки. Я именно такой человек. Нахожу и подбираю то, что блестит.

Всю свою жизнь я находил на улицах, в подъездах, в местах общего пользования и в общественном транспорте золотые колечки, сережки, цепочки, медальоны... однажды нашел литой серебряный портсигар с Лениным и Сталиным на крышке. Его у меня отобрала мама.

Первый раз я нашел скромную советскую драгоценность — позолоченный кулон с кроваво-красным искусственным рубином — когда мне было лет пять. На Ломоносовском проспекте, в Москве. Кулон валялся в снегу и чарующе сиял отраженным и преломленным светом. Ярче снежинок и сосулек. Я поднял его, вытер о пальто и отдал своей няне. Няня разохалась: И что это такое? И что мне теперь с этим делать?

Я научил няню: Ты сходи в булочную, дай это кассиру и возьми эклер.

Няня подарила кулон своей болтливой подружке, которая всегда носила розовый платок на голове. Та выпросила. Говорила, что кулон подходит к платку.

Где он теперь? Где няня? Где ее подружка? Где ее платок?

Два раза я находил золотые часы. Массивные, дорогие изделия. Оба раза отдавал их водителям — в анапском автобусе и в берлинском трамвае. Сомневаюсь, что часы нашли своих владельцев, но совесть моя чиста... часы эти, как та луковка из притчи, остаются моей единственной надеждой. На что? На милость высших сил, разумеется. Помру я, поставят меня перед Богом и Он спросит меня, вздыхая: Ты хоть что-нибудь хорошее в жизни сделал, мерзавец?

А я ему и ответчу: Грешен, грешен, Господи, обыкновенная история, но часики-то те, помнишь, не присвоил, в карман не положил, хотя и тянуло очень... А обзывать Царю небесному не пристало.

Три раза! Три раза я находил одну и ту же золотую серьгу с бриллиантом размером с горошину, принадлежащую нашей соседке с третьего этажа. Первый раз — в подъезде, у почтовых ящиков. Моя всезнающая жена сразу определила: Наверняка это серьга фрау Форстер. Только у нее хватило бы денег на такой диамант. Все остальные в нашем подъезде — бедные как церковные мыши. Пойду к ней и спрошу.

Приходит назад и говорит: Её, её! Как же она обрадовалась! Подарок дочери, разбогатевшей на Репербане, у нее там сексшоп. Тебе обещала бутылку бренди купить.

Не купила.

Второй — у подъездной двери. А третий раз, метров за сто пятьдесят от нашего дома, на дорожке, ведущей к трамвайной остановке. В грязи. Я сразу узнал эту серьгу с обломанным крючочком... сам отнес ее хозяйке, получил «тысячу благодарностей». Но себе дал зарок — в четвертый раз не отдавать, а пойти к ювелиру на Банхофштрассе и загнать. А на вырученные средства купить себе наконец полное собрание сочинений Гессе.

Четвертого раза не было, фрау Форстер умерла. Серьги ее и остальное барахло забрала ее дочка, та, с Репербана, крупная блондинка... с недобрый взглядом и руками как у боксера.

Да, да, я находил даже жемчужные ожерелья... не очень дорогие... и втайне от жены продавал их в ломбарде. Оплатил так наши совместные поездки в Рим и на озеро Гарда. Как же в нем приятно купаться! Плывешь и на заснеженные горы смотришь. И вино там замечательное. Чудесное озеро. И Рим городок не плохой. Пьяццо, палаццо и фонтан Треви... Только в автобусах много народу. Давка. И в метро такая духота, что подохнуть можно.

Находил золотые и серебряные вещи я не из-за какого-то особенного дара и не из-за мифического «притяжения» золота к особым людям, я — никакой не особый, а всего лишь пото-

му, что при ходьбе чаще всего смотрю в землю перед собой. Так что погружаться в неглубокие воды Пактола, спасшие Мидаса от голода, мне не нужно.

Да-с... когда хожу, думаю о своих делишках, представляю себе что-нибудь интересное, какую-нибудь сцену, ландшафт или картину, и смотрю в землю. Но как только натыкаюсь взглядом на что-то блестящее — автоматически выхожу из задумчивости и поднимаю предмет, если он того стоит. Обычно блестит какая-нибудь дрянь — пробка, льдинка, осколок стекла, кусочек фольги, слюдяной след от умершей улитки, канцелярская скрепка или колечко от ключей. Но мне на глаза попадались, помимо вышеперечисленных ценных предметов, — броши, браслеты, нательные крестики, запонки и старинные карманные часы с боем... Часы эти, правда, не ходили и не били, и я, наигравшись с ними, выкинул их на помойку. Один раз я нашел секундомер, изготовленный на известной в ГДР часовой фирме Рула. В рабочем состоянии. Секундомер лежит у меня дома на полке уже лет пятнадцать. Я часто включаю его... слушаю его уютное тиканье и слежу за кончиком секундной стрелки. Что-то есть в его круговом движении магическое. На язык просятся различные метафоры, но я воздержусь.

...

Способность моя находить ценные безделушки, или, если вам угодно, склонность... однажды чуть не погубила меня. Какой-то могущественный и коварный ловец человек поставил ловушку, и я в нее попал... и спасся... сам не знаю, как.

Я заканчивал тогда третий курс университета, учился неплохо, подрабатывал в оптической лаборатории, меня хвалили научные начальники.

А на самом деле, я был полностью дезориентирован... бродил по жизни как пьяный в густом тумане, метался между возлюбленными, разбрасывался и шатался, как когда-то проклятые большевики, мучился и мучил других... не знал, как жить дальше. Потому что окончательно и бесповоротно понял, что астронома из меня не выйдет никакого. Даже плохонького. Потому что я вовсе не тот человек, за которого меня

принимали и за которого я сам себя принимал. Не было у меня терпения и желания просиживать долгие ночные часы у телескопа, месяцами обрабатывать результаты... работать в коллективе, соблюдать трудовую дисциплину, делать карьеру. Да и сама работа астронома — была, как оказалось, вовсе не тем, о чем я мечтал. Это я понял, проработав два месяца в обсерватории в Крыму. Романтично конечно, но... звезды и туманности далеко, и черт бы их всех побрал.

Надо было начинать жить с начала, но как... я и понятия не имел. К тому же в советском государстве у человека в моем положении выбор был простой. Либо надо было продолжать учиться и погибать от отвращения к себе и своей профессии, либо уходить из университета. Во втором случае меня, по тогдашнему обыкновению, уже через несколько дней забрали бы в армию, защищать Совдепию, которую я ненавидел лет с пятнадцати.

Армия... Унижения, побои, муштра, уставы, мытье сортиров, кроссы, учения...

Бессмысленная, мучительная потеря времени. Жизнь раба в обществе агрессивных идиотов. Младшие офицеры из провинции и старослужащие-деды наверное страшно обрадовались бы появлению в казарме интеллигентного, трусоватого толстяка-москвича с претензиями, выгнанного из университета. Над таким можно и нужно было бы всласть поиздеваться. Могли бы и убить или искалечить. Радость эту я им доставлять не хотел. Где-то впереди уже маячила эмиграция. По хорошему, надо было уезжать их страны советов... я чувствовал, будущего у меня тут нет. Но сделать из этого чувства соответствующий вывод, заказать и получить приглашение из Израиля и подать документы на отъезд из СССР — у меня не хватало духа. Потому что я был робок. Боялся... Ведь просто так взять и уехать из СССР было невозможно. Нужно было бороться. Рисковать. Уходить в отказ и страдать от уколов и ударов мстительного государства рабочих и крестьян, люто ненавидящих тех, кто хотел его покинуть. Я твердо знал, что, подай я заявление на выезд, жизнь будет испорчена не только у меня, но и у моих близких, в то время об эмиграции еще не помышлявших.

Гулял я как-то раз... в прекрасный майский день по Ленинскому проспекту. И предавался тягостным размышлениям. Прогуливал лекции. Шел в сторону центра от Калужской заставы. Насвистывал какую-то мелодию. Чтобы не упасть духом, представлял себе бедра и грудь знакомой студентки-кокетки, с которой уже разок поцеловался в научной библиотеке. У нее были большие, навывкате, раскосые глаза и чрезвычайно породистые руки. Папа ее вроде бы происходил из ханского рода... и имел чин генерала КГБ.

На Ленинском было шумно. Воняло выхлопными газами. Захотелось на природу. Только-только распутившиеся листочки посмотреть. Можно было в Нескучный сад заскочить. Или — в Донской. Гулять в одиночку в Нескучном саду я не хотел. Поэтому свернул направо и двинул на восток, как декабристы, по улице Стасовой. Через пять минут увидел перед собой красивую колокольню с надвратной церковью.

Прошел сквозь арку в монастырь, который тогда, в семидесятые, никаким монастырем не был. В Новом соборе работал музей... в Старом соборе, кажется, еще служили, в крепостных стенах уже не жили люди, а некрополь, тогда еще не оскотливленный могилами Деникина и Солженицына, находился в таком состоянии, в каком его оставили ограбившие и закрывшие монастырь большевики. Многие надгробья покосились, просели, другие были расколоты, усыпальницы — осквернены. Все, что можно было украсть или испоганить — было украдено и испоганено.

Посетил знакомые мне могилы. Дружески кивнул Чаадаеву. Посидел на черном камне Бехтеева, замечательного иллюстратора «Дафниса и Хлои». Обошел вокруг Старого собора, поприветствовал мятежного патриарха Тихона и несчастного Амвросия, погибшего во время чумного бунта. Подошел к любимому каменному распятию. Полюбовался на скорбящих ангелов. Потрогал дерево жизни. Понюхал клейкие листочки. Сорвал одуванчик, поцеловал его и наслаждался его божественной желтизной.

А потом, сам не знаю зачем, вошел в один из склепов. Не помню, кто там был похоронен, наверное, какой-нибудь вое-

начальник или видный чиновник конца девятнадцатого века. Меня привлекла мasonicкая символика на еще не до конца разгромленном мраморном фасаде — всевидящее око в треугольнике, лучи, голгофа, мертвая голова, циркуль, отвес, молоток... Несколько изящных колонн поддерживали обветшалую кровлю в форме вытянутой пирамиды. Железная дверь со следами взлома была не заперта. Внутри склепа пахло фекалиями.

Когда я в начале двухтысячных годов снова побывал в Донском, этого склепа там уже не было. И не только его. Много пропало, как будто ветром сдуло.

Возможно, когда воры украли последние мраморные детали постройки, усыпальница развалилась... или ее позже срыли за ненадобностью. «Зачистили», как теперь говорят в России. Какое мерзкое слово! Как и другие их слова.

...

Я вошел в склеп — без какой-либо задней мысли в голове. Просто так.

Внутренние стены и потолок небольшого, пустого — ни гробов, ни урн, только мусор нового времени, — квадратного в плане помещения были выкрашены небесно-голубой краской. Мне показалось, что эта странная, явно не советская голубизна должна была скрывать что-то — фрески или надписи. Золотые буквы, священные изображения, пентаграммы.

Потрогал неровную поверхность стены рукой... отколу-пал кусочек краски... и в этот момент заметил, что в углу склепа что-то призывно блеснуло. Наклонился, посмотрел... ничего нет. Оптический обман?

Пол склепа был покрыт чем-то, похожим на грубый темный линолеум. Поверхность его напоминала спрессованную молотую пробку, скрепленную смолой или каучуком. В углу, там, где блеснуло, напольное покрытие было изодрано и отошло от кирпичного пола сантиметров на десять. Кажется, там кто-то уже не раз рылся. Может быть, клад искали?

Сунул руку под линолеум. Пошарил. Ничего. Только пепел, пыль и гадкий черный жир...

Нащупал что-то вроде шарика размером с крупную виноградину.

Вытащил. Ба! Да это перстень! Печатка. Золотая?

Вышел из склепа на улицу, нашел лужу на дорожке, вымыл в ней перстень. Оттер грязь носовым платком. Нет, не золотой. Серебряный? Нет. И не бронзовый. Станный металл... серебристый, легкий. Титан?

Что же изображено на печатке? Грязь так глубоко въелась...

Отмыл. Вот незадача. На печатке — крохотный треугольник с всевидящим оком и цифры под ним. 2020.

Это что, номер ложи? Шифр? Закодированное по номерам букв в латинском алфавите имя?

Двадцать — число неприятное. Слишком правильное и круглое.

Не удержался, надел перстень на безымянный палец. И...

...

И ничего не произошло.

Майский день был все так же зноен и весел. Пчелы жужжали. Бабочки порхали. Деревья шелестели новыми листочками. Мощные овальные плечи и купола Нового собора также, как и прежде, таранили голубое пространство. Мертвый Чаадаев не вылез из своей, покрытой чугуновой плитой, могилы. Бородатый Жуковский все так же хмурился и мрачно смотрел куда-то со своего зиккурата. Я все еще был студентом МГУ. Время и пространство...

Ничего не изменилось. Но я испытал что-то вроде шока. Почему?

Потому что вдруг осознал, что все эти идилические картины — не что иное, как мое воспоминание, фикция, мираж, далекое прошлое. А на самом деле...

А на самом деле я сижу на земле, грязный, оборванный, старый и беспомощный.

И вдобавок — болезненно истощенный. Я голоден и страшно хочу пить.

И вокруг меня нет ничего, кроме земли.

Ни могил, ни церквей. Ни деревца, ни кустика...

Только земля... как будто взволнованная... хаотично бугрящаяся... застывшее море из пепла и грязи.

Посмотрел на свои руки. Грязные, худые, покрытые пигментными пятнами, уродливые. Ногти ужасные. Ноги — обуты в грубые черные ботинки. Брюки с заплатами. Ватник. Такой потертый и грязный, как будто в нем несколько эков уже оттянули пожизненный срок на лесоповале. На голове — ушанка. Засаленная, вонючая... За спиной у меня пустой рюкзак из прорезиненной парусины. Пахнет противно. Зачем он мне?

Седая, давно не мытая борода. Во рту — потрогал языком — осталось только пять или шесть зубов.

Но серебристый перстень-печатка — все еще на безымянном пальце.

...

С трудом встал и начал карабкаться на невысокий холмик. Тяжело... одышка.

На вершине его я заметил что-то похожее на лежащий на боку церковный купол. Это был большой обломок луковки, которая некогда украшала Новый собор. Поверхность ее была в звездочках. А холмик, стало быть, был тем, что осталось от собора.

Что же тут произошло? Атомная война? Тотальное уничтожение каким-нибудь неизвестным мне оружием?

Если этот холмик — остаток Нового собора, то где же Старый, где могучие крепостные стены, где колокольня, надвратная церковь Тихвинской богородицы...

Где город, где Москва?

Ничего не видно. Только земля со всех сторон. До горизонта. Холмы, холмы... овраги.

Что за ерунда?

Спустился и медленно побрел...

Кое где валялись похожие на спутанную бороду великана кучи мусора... обломки мебели... смятые и поржавевшие кузова автомобилей... заборы... оконные рамы... битая посуда... портреты Ленина... пропагандистские лозунги. Коммунизм победит! Все это было покрыто толстым слоем грязи.

Видел и трупы. Обугленные, маленькие... как будто детские.

Кто их сжёг?

Несколько раз кричал. Звал на помощь. Ответа не было. Только ветер завывал, завихряясь на скатах и косогорах. Иногда мне казалось, что я слышу далекий волчий вой. И какое-то зловещее клацканье.

Пахло пожаром и гнильем.

Неизвестность пугала больше, чем ужасная действительность.

Начало темнеть.

Сел на корточки, начал вертеть перстень вокруг пальца.

И тут меня осенило. 2020 — это не номер, не код, и никакая не загадка...

Это дата. Год. Кто-то соорудил временную ловушку. Я попал в нее... надел этот волшебный перстень и меня занесло в будущее. В постапокалиптическую эпоху.

Занесло? Дичь.

Нет, нет. Наоборот. Я прожил долгую жизнь. Хорошую или плохую, не помню. А потом случилось то, что случилось. Русская цивилизация погибла. Я случайно уцелел в бойне. От прошлой жизни у меня остался только этот перстень, который я когда-то нашел в масонской усыпальнице. И теперь я брожу там, где когда-то был монастырь, и вспоминаю прошлое. Клейкие листочки.

Правдоподобно, но критики не выдерживает. Если у меня пропала память, то почему я хорошо помню то, что было до моего посещения склепа с небесно-голубыми стенами? Помню детство в Доме преподавателей, помню Вторую школу, помню профессоров марксизма-ленинизма, все помню, даже маршруты автобусов 144-о и 642-о. Помню задачки, которые на вступительном экзамене решал. Помню, как звали Сведенборга. А что потом было, после того, как перстень надел, — не помню. Все забыл. 45 лет жизни. Так не бывает. А то, что ты видишь вокруг себя, это бывает?

Задремал. На корточках.

Проснулся — все в том же кошмаре, как в карцере.

Ноги затекли, кости ломило. Еле встал, встряхнулся и опять побрел. Надо было найти воду. Или сдохнуть.

Рассудил так: Если я действительно в бывшей Москве, недалеко от Донского, то на северо-западе от меня должна протекать Москва-река. Примерно в километре от монастыря.

С трудом сориентировался по Солнцу, еле видному в густом коричневом мареве.

Пересек долину между двух параллельных рядов холмов (когда-то она была Ленинским проспектом) и быстро достиг того, что должно было быть Москва-рекой.

Русло реки простиралось передо мной, но воды в нем не было. Только жиденький ручеек вился по его дну. Ура!

Подошел к ручейку. Встал на колени и опустил голову в воду. Напился.

На берегу заметил красноватую плесень и незнакомые мне оранжевые грибы на тоненьких ножках. На их шляпках, поросших темными волосками, было что-то, напоминающее глаза стрекоз. Размером с двухевровую монетку.

...

В кармане брюк я обнаружил кусок шоколада. Откуда в этом убитом мире мог взяться шоколад? Понятия не имею. Съел. Шоколад был не сладкий. И вообще это был не шоколад, а неизвестная мне масса, чуть-чуть пахнущая керосином. Ничего, съедобно.

Пошел по сухому руслу реки — в сторону МГУ.

Миновал величественные руины Метромоста.

Поднялся по пологому склону бывших Воробьевых гор там, где прежде был эскалатор, и сразу увидел огромный холм пирамидальной формы. Все, что осталось от МГУ.

Подошел к нему поближе.

На вершине его поблескивала сильно деформированная пятиконечная звезда на обрубке шпилья. Стеклообразные грани отсутствовали, только несколько осколков торчали на изогнутых металлических ребрах. От колосьев не осталось ничего.

Недалеко от нее торчала голова «сталевара с молотом и шестеренкой», бессмысленной и неуместной скульптуры, прежде гордо восседавшей на двадцатиметровой высоте. Голова эта была дырявая и сплюснутая, казалось, она гаденько смеется. Рядом с ней валялся четырехметровый кусок металлического герба СССР.

...

Тут я услышал странный писк. Писк доносился из-под земли, из недр пирамиды.

Поверхность ее была покрыта многочисленными отверстиями. Норы?

Из одного отверстия выползла крыса. Похожая на обыкновенную, берлинскую, но с дефектами. Ног у нее было шесть. А на голове алела отвратительная опухоль. К тому же животное было слепое.

Не знаю, почему, но я вдруг ощутил в себе неодолимое желание поймать ее. Сперва застыл как каменный. Затаил дыхание. А затем бросился на нее как леопард, поймал ее руками и бросил в свой рюкзак.

Вот, оказывается, для чего я его ношу... я — крысолов.

Весь день ловил крыс на университетском холме... Подстерегал, прыгал, хватал.

Несмотря на усталость и одышку.

...

Память частично вернулась ко мне.

Я вспомнил, где находится вход в подземелье, в котором еще теплилась человеческая жизнь. Там я мог поменять мою добычу на тот самый «шоколад», который выжившие умельцы изготавливали из мазута.

Место это было там, где раньше находился вход в метро «Университет».

Пришел туда уже в сумерки. Рюкзак мой был полон и неприятно шевелился. Одна из крыс умудрилась прокусить твердую как фанера парусину, я видел ее длинные желтые нижние зубы, застрявшие между волокон. Изогнутые, как бивни у слона.

У свинцовой двери сидел на стуле человек без лица. На коленях у него лежал подрагивающий мешок.

Он сказал: Почему ты опоздал, опять бродил по монастырю?

— Не твое дело.

— Сколько на этот раз?

— Ты же знаешь мою норму. Как всегда — 35.

Он раскрыл свой мешок, и я опорожнил в него содержимое моего рюкзака. Из мешка послышался бешеный писк и сопение...

Крысу, прокусившую мой рюкзак, пришлось отдирать рукой. Прежде чем бросить ее в мешок, я посмотрел на ее открытую пасть. Она была ужасна. Похожа на изуродованного человека. Алая, вся покрытая маленькими черными паразитами.

Человек без лица вынул из кармана большую плитку мазутного шоколада, разломал ее. Отсчитал и подал мне 5 прямоугольных кусков. После этого он открыл дверь своим ключом, буркнул: До завтра, — и ушел. Дверь за собой захлопнул.

Прежде чем он закрыл дверь, я расслышал доносящийся из подполья скрип вентиляционной машины. Вспомнил, что в те времена, когда меня еще пускали туда, за дверь, видел однажды, как она работает. Десять потных грязных голых мужчин тяжело бежали как белки в огромном колесе. Два верзилы подгоняли их бичами. Один из бегущих вдруг остановился, схватился за грудь и упал. Крутящееся колесо провернуло его один раз, а затем кинуло его труп прямо под ноги верзилам. Один из них тут же унес его куда-то и вернулся с новым бегуном. Остальные бегущие, казалось, не заметили смерти товарища. Продолжали бежать.

Подошел к отдушине. Она была тут... недалеко от двери. Круглая решетка, сваренная из стальных прутьев разного диаметра, закрывала вход в подполье, из которого валил пахнущий немойтой кожей и испражнениями пар.

На решетке лежали несколько трупиков неизвестных мне птиц, облепленных белыми червями. По моему телу

прокатилась волна тошноты и слабости. Сел на землю и съел еще один кусок этого дьявольского шоколада.

Когда полегчало, встал, плюнул в отдушину, и побрел к ручью.

...

Только опустив голову в воду, я понял, как хочу пить. Открыл под водой рот и глотал, глотал...

Когда поднимал голову, заметил краем глаза огромную тень слева.

И в тот же момент моя оторванная от тела каким-то невообразимым чудовищем голова начала подниматься на воздух. А обезглавленное тело качнулось несколько раз и упало в ручей. Я даже успел разглядеть отвратительную морду монстра, похожего на гибрида Путина и гиены, и струйки крови, хлынувшей из оборванных артерий, но не успел испугаться.

* * *

Моя прежняя жизнь возвратилась. Я очнулся, стоя у могилы художника Перова, автора «Проводов покойника», картины, лучше всей остальной суровой русской живописи отображающей судьбу человека в России. Перстень был почему-то не у меня на пальце, а в руке. Я сжимал его изо всех сил, как будто кто-то собирался разжать мне кулак и забрать его, а я этому противился.

Солнце все так же светило, бабочки так же порхали, листочки шелестели.

Быстро отыскал склеп и засунул перстень под грязный ободранный линолеум, туда, где он лежал до того, как я его нашел.

Поехал на последнюю лекцию в университет.

Теперь я знал, что со мной и с моей родиной будет в 2020 году. Предаваться тягостным размышлениям больше не было необходимости. Я решил закончить курс в университете, устроиться на работу и уехать из страны, как только представится возможность. Возможность представилась только в 1989 году. Лучше поздно, чем никогда.

...

Странное мое приключение начало потихоньку забываться. После злоключений в первые годы эмиграции я и вовсе забыл о том, что какое-то время ловил крыс на развалинах города, в котором родился, после атомной бомбардировки. И о том, что мне, возможно, придется пережить это еще раз и кончить жить в пасти чудовища. Вспомнил я о загадочном кольце и о том, куда оно меня перенесло, несколько дней назад, после того как справил с семьей в уютном берлинском ресторане новогодний праздник. И решил записать все, что еще помню.

Да-да, вот и наступил этот самый 2020 год. И я — довольный жизнью немецкий пенсионер, а не московский крысолов, рыщущий среди нор на развалинах Московского Университета. Собираю марки, гуляю по лучшим европейским музеям, купаюсь в Средиземном море.

Атомный апокалипсис к счастью так и не произошел.

Хотя, после того, как американцы сняли с Европы «ядерный зонтик», Германия и начала осуществлять ускоренную программу создания собственного атомного оружия. А пожизненный президент России объявил о проведении через две недели внеочередных маневров стратегических ракетных сил сдерживания.

Совсем забыл. Мои состоятельные дети подарили мне туристическую поездку в Россию. Золотое кольцо, Псков, Новгород, Москва. Вылетаю завтра.

ИСТОРИЯ С САМОЛЕТОМ

Ни за что бы не поехал в эту промышленную дыру с убогим даунтауном, в Цинциннати, если бы не моя сводная сестра. Она пригласила меня, брата, отчима и маму встретиться вместе с ней, ее мужем-американцем и двумя их сыновьями — Новый год. Мой сводный брат прилетел из Австралии, мама с отчимом — из Аляски, я — из Берлина.

Цинциннати стал для нас на несколько дней — центром мира. Какая честь!

Семейная встреча прошла так, как и полагается — много пили, много ели, вспоминали московскую жизнь, шутили... но весело не было, мама несколько раз плакала, жаловалась на удушье и боли в груди, говорила, что видит всех нас вместе в последний раз... брат хвастался своими коммерческими успехами, ему впрочем не очень верили, потому что знали, что деньги на авиабилет ему дал мой отчим, его отец... ходили вместе в музей искусств и в гигантский рыбный магазин, посмотрели несколько шумных и глупых экшен-фильмов на трехметровом экране нового, купленного в рассрочку на три года, телевизора, поиграли с избалованными и агрессивными сыновьями сестры, с ее противной полосатой кошкой и собакой, страдающей ожирением. И разъехались.

Утром четвертого января — улетели отчим и мама, днем — брат, а через три часа после него — и я.

Влез в такси и буркнул толстому чернокожему водителю, носившему на жирной шее тяжелую золотую цепочку с пятью крестами: Аэропорт, плиз. Третий терминал.

И мы поехали на юг, к мосту через Огайо, по широким улицам, покрытым пятисантиметровым ледяным панцирем. Из низких облаков сыпались маленькие льдинки. Было грустно.

На прощание помахал рукой хозяевам дома. Заметил, что деревянная улыбка на лошадином лице мужа моей сестры уже сменилась гримасой всегдашней деловой озабоченности (бедняга работал коммивояжером, колесил по окрестностям на своем подержанном Форде и пытался всучить домохозяйкам сомнительную продукцию одной местной фирмы, производящей какие-то особенные пылесосы), а сестра опустила глаза, чтобы не показать, как она рада... наконец-то покой. Она не любила ни меня, ни брата, которого ревновала к матери, не скрывала своей неприязни в личном общении, но при родителях старалась, как могла, излучать только флюиды доброжелательности и любви. Получалось это у нее не всегда.

Я тоже не любил младшую меня на девять лет сестру. Не знаю, почему. Может быть потому, что не подходил на роль старшего брата, защитника и всезнайки. А может быть — из-за ее чуть-чуть нагловатого курносого носика, и острого глаза, замечавшего все мои виляния и финтифанты.

Сводного брата, любимца нашей старенькой матери, я почти не знал — он родился после того, как я оставил семейное гнездо. Он носил по-женски длинные волосы, которые прикрывали его нелепые оттопыренные уши. У него были пустые, ничего не выражающие глаза. Огонек появлялся в них только тогда, когда ему предоставляли возможность рассказать что-либо лестное о самом себе. О его роскошной вилле в окрестностях Аделаиды, на берегу океана, которую никто никогда не видел, о прекрасной работе, высоких доходах и сексуальных подвигах. В эти моменты он напоминал мне упрямого паяца-неудачника, дудящего в свою дуду и поднимающего и поднимающего гири на маленькой арене домашнего цирка. Резиновые, надутые гири. Прекрасно знающего, что даже белые цирковые лошади, украшенные тропическими перьями, ему не верят.

...

Вот и аэропорт. Невероятно длинный широкий коридор...

Любезная девушка на регистрации прикрепила к моей сумке жёлтенькую бумажку — движущаяся дорожка тут же

утянула сумку в подвижные механические кишки великана — и выложила передо мной выдавшую виды складную схему сидений межконтинентального варианта DC-10. Я выбрал последний ряд, место у прохода. Там, где справа и слева — по два сидения, а пяти сидений между ними — уже нет. Надеюсь, что смогу вытянуть ноги. Да и к хвосту поближе. Какой-то эксперт в телевизоре, не помню когда, убедил меня в том, что вероятность пережить авиационную катастрофу в хвосте выше, чем в любой другой точке самолета. С тех пор я всегда, если возможно, прошу дать мне место в хвосте. Хотя там бывает шумно и туалеты рядом.

Прошел предполетный досмотр и паспортный контроль. Походил несколько минут между сверкающих витрин магазина «дьюти-фри». Так хотелось купить что-нибудь дорогое, сверкающее, приятно пахнущее... то, что и через десять лет будет напоминать о семейной встрече в Огайо, в центре мира. Но в кармане у меня после покупки джинсов и рубашек любимой фирмы Ли было пусто. Отчим предлагал мне двести долларов, но я не взял, постеснялся. И сейчас пожалел об этом. Не взял, потому что заметил презрительную ухмылочку, которой наградила меня сестра, случайно проходившая мимо нас и заметившая в руках отца зеленые бумажки.

Просидел полтора часа на неудобном стуле в «накопителе» у пятых ворот и наконец вошел в самолет. Перед тем, как войти, похлопал самолет три раза по потертому алюминиевому боку — по традиции, которой придерживаюсь начиная с первого моего полета, по маршруту Внуково — Адлер. На ужасной машине с четырьмя пропеллерами — Ил 18. После трех часов полета в этом вибрирующем гробу, наполненном ревом, — даже жалкая советская курортная реальность казалась раем. Иллюзия эта впрочем быстро улетучилась. После того, как я увидел покрытые волдырями ноги и ужасные ногти на грязных коротких пальцах хозяйки снятой нами комнатки в сарае «с видом на море». И послушал его речь.

Сел на свое место, пристегнулся, закрыл глаза и попытался успокоить нервы и уснуть. Это было нелегко. Многие пас-

сажиры громко разговаривали, то и дело открывали и с грохотом захлопывали полки для ручной клади под потолком, где-то недалеко истошно кричал младенец...

Неизбежный в каждом самолете толстяк, шумно дыша, сел в кресло передо мной. Сидение жалобно заскрипело. Обильная испарина на его лысине делала ее похожей на рябую морду безглазого, безносого и безротового демона.

Несколько солдат, возвращающихся в южные края после отпуска, затеяли игру в мяч и тут же попали им в крутую грудь сурового вида дамы, по-видимому мексиканки, которая начала их отчитывать по-испански, бросая огненные взгляды и эмоционально жестикулируя.

Трое подвыпивших гуляк в одинаковых малиновых пиджаках и зеленых, в красную крапинку галстуков, настоятельно требовали у худенькой миловидной мулатки-стюардессы принести им выпивку, а она, хмыкая и стараясь не рассмеяться, объясняла им, что виски они получают только после набора самолетом заданной высоты полета и за отдельную плату.

Шесть монашенок-урсулинок в простых черных рясах явно задумали совершить молебен. Окружили стайкой свою главную, полную, старую и строгую монашку и тихо запели.

...

Большинство пассажиров эконом класса составляли деловые люди. Сдержанные, сосредоточенные, одинаково одетые джентльмены. Аккуратно уложив свои длинные темные пальто и светлые шарфы на полки над головами и усевшись в свои кресла, они тут же доставали из солидных дипломатов свои тоненькие дорогие ноутбуки и углублялись в какие-то бегающие столбцы цифр и диаграммы. Стюардессы почему-то не запрещали им пользоваться компьютерами. Это могло означать только одно — вылет наш задерживался. Почему?

Каждый раз, усаживаясь в самолетное кресло, я представляю себе, как на одиннадцатикилометровой высоте фюзеляж трескается, от него отскакивает огромный кусок, и я вылетаю из самолета как камень из римской катапульты вместе с креслом и бешено визжащими соседями. И вот, я несусь, сидя в кресле, в бездонную пропасть... воздух свистит в ушах...

А там, внизу, меня ждет не мягкая спасительная голубизна небольшого уютного озера, а тяжелые, темные, тридцатиметровые атлантические волны, увенчанные желтой пеной, и прожорливые крылатые акулы.

Разбудила меня пожилая дама в манто из лисы, соседка. Пропустил ее на ее место, покивал, поулыбался и опять закрыл глаза.

Посадка затянулась минут на сорок пять. Когда же мы взлетим? Осточертело ждать...

Все давно сидели на своих местах. Толстяк с лысиной читал книгу с рыцарем и драконом на обложке. Солдаты и гуляки в малиновых пиджаках утихомирились и задремали. Урсунки разошлись по своим местам и углубились в чтение маленьких молитвенников в черных переплетах. Деловые люди закрыли ноутбуки и мечтательно медитировали на золотого тельца.

Но мы так и не тронулись.

По проходам между креслами ходили стюардессы и сосредоточенно считали пассажиров. Как колхозники — белые грибы в корзинке. Их во времена моего детства иногда продавали поштучно.

Неожиданно из громкоговорителя донесся вежливый, печальный, но настырный мужской баритон. Не к добру!

Баритон поведал нам трагическую историю. Оказывается, на нашем самолете летела во Франкфурт большая группа бизнесменов и банкиров (человек двести) для проведения важнейших консультаций с немецкими коллегами из Дойче Банка. Во время покупки авиабилетов для этой группы из-за досадной ошибки организаторов было неправильно названо количество людей. Группе не хватает одного места. Самолет полон. Так вот, не согласится ли какой-либо пассажир или пассажирка уступить свое место участнику группы? Дирекция авиакомпании Дельта сейчас же вручит добровольцу билет на завтрашний рейс во Франкфурт — в первом классе, но с посадкой в Нью-Йорке. Кроме того, оплатит ночевку в гостинице Хилтон и наградит премией. Тысяча долларов в руки! Стодолларовыми бумажками.

Предложение было заманчивым, но было так неохота — вставать, тащиться в гостиницу, а завтра опять проходить досмотры, делать пересадку и ждать, ждать, ждать... Поэтому я остался в своем кресле и снова попытался заснуть.

Через три минуты баритон повторил свое предложение. Только сумму назвал уже другую — две тысячи долларов. Никто не откликнулся...

Через пять минут баритон опять заговорил. На сей раз он посулил три с половиной тысячи. Я, ни секунды не колеблясь, встал и помахал стюардессе посадочным талоном. Кивнул. Кажется, я только на долю секунды опередил толстяка...

Пассажиры заплодировали. Многие деловые люди показали мне хорошо отбеленные кукурузные зубы и поднятый вверх большой палец. Я раскланялся и отправился к выходу.

Когда я выходил из самолета, ко мне подошел банкир-бизнесмен без места. Высокой, чем-то напоминавший президента Рузвельта, солидный американский дядя. Он осчастливил меня приветливой улыбкой на холеной физиономии, украшенной синеватými мешочками под серыми усталыми глазами, кратко поблагодарил и исчез в недрах DC-10.

Да, компания Дельта выполнила обещание.

Мне дали новый билет в Берлин через Нью-Йорк и Франкфурт, 3500 долларов наличными и гостиничную магнитную карточку. Сотрудник компании проводил меня до выхода из аэропорта и показал пальцем на оранжевую иллюминацию на фасаде отеля. До него было рукой подать.

...

В лобби Хилтона было подозрительно безлюдно. Ни портье, ни носильщиков. Сумеречная зона?

На мониторе электрического камина потрескивал потусторонний огонек. На круглом столе стояла ваза в форме руки Мефистофеля с неизвестными мне красными цветами. Тоже искусственными. Хрустальная люстра заливала лобби раздробленным на тысячи пятнышек фиолетовым светом. На стене висели несколько абстрактных картин и два крупных циферблата со стрелками. Почему-то они показывали разное

время. Без пятнадцати три и ровно шесть. Я посмотрел на свои часы, на самом деле было десять минут девятого вечера. Странно!

Поднялся на лифте на седьмой этаж, нашел свой номер, открыл дверь карточкой и упал в изнеможении на широкую кровать с похрустывающими белыми простынями.

...

Проснулся от назойливого стука в дверь.

Открыл. На пороге стоял портье, ужасно похожий на волшебника из довоенного фильма «Волшебник страны Оз». Blondинистый энтузиаст с выпученными глазами. Среднего возраста. В меру упитанный. С фальшивым бриллиантом на зажиме для галстука. Почему-то с цилиндром и тросточкой в руке.

Волшебник представился и извинился за беспокойство. Бриллиант его застенчиво сверкнул голубоватой гранью.

Он хотел узнать, все ли в порядке. Лично убедиться.

— Спасибо, все замечательно.

— Очень, очень рад это услышать... Хочу вам сообщить, что компания Дельта великодушно оплатила вам не только завтрашний завтрак, но и сегодняшний ужин. Вы можете спуститься в наш главный ресторан, который мы зовем Красным салоном. Из-за алой драпировки на стенах. Это шелк «туссар» из Утар Прадеша. Очень рекомендую наше фирменное блюдо — жареные осьминоги с хрустящими овощами. И белое калифорнийское вино. Хороши и шампиньоны с паштетом из сенегальских раков.

— Спасибо. Но я бы предпочел что-нибудь легкое. Куриное суфле с брусничным соусом, ванильный пудинг и пасту с пармезаном. Два стакана апельсинового сока без льда. И еще... у меня нет сил идти в ресторан, да и мой смокинг остался в сумке, которая уже летит во Франкфурт... не могу ли я поесть в номере?

— Ах, разумеется, разумеется. Я передам. Вам все сюда принесут. Суфле, пудинг, паста... У вас вкусы европейца... вы чех или поляк? Не хотели бы вы на десерт...

Портье сладко загримасничал и обрисовал пухлой ладошкой некие заманчивые округлости.

Я кивнул. Исключительно из озорства. Никакой охоты вступать в интимные отношения с кем бы то ни было у меня не было. Но я вспомнил «Над пропастью во ржи» и вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним подростком. Пачка сто-долларовых купюр приятно оттопыривала карман.

— Если бы вы сказали, что вы предпочитаете... у нас большой выбор... мы найдем то, что надо, позвоним, девушка сядет на такси и через полчаса будет здесь.

— Почему вы уверены, что это девушка, а не юноша или борзая собака?

Волшебник нахмурился и сосредоточился...

— Не надо хмуриться! До мировой революции еще далеко. Итак... прошу вас прислать ко мне худую белую женщину с большим... хм... природным бюстом, не наркоманку, не алкоголичку и не больную СПИДом. По возможности без драм и историй... Лет сорока пяти. В алом бюстгальтере.

Портье угодливо кивнул. Потом сострил: Алый лифчик? Без драм и историй? Это будет вдвое дороже.

— Вот, возьмите за услуги.

Я подал ему купюру с изображением Бенджамина Франклина. Волшебник страны Оз принял ее как-то индифферентно. Кажется, он ожидал большего. Бриллиант его потух. Пришлось дать ему еще одну сотню. Я физически ощутил, как полегчала моя заветная пачка.

Ужин прибыл через сорок минут.

Суфле немного подгорело. Пудинг был приторным. Паста — пересоленной. Надо было взять жареных осьминогов! Или сенегальских раков.

Зато сок был превосходным.

...

Дама моя пришла только часа через полтора после того, как я отужинал. Я уже и ждать перестал, подумал даже, не разыграл ли меня портье. Английский я знал неважно. Может быть, я его неправильно понял, или он меня...

К моему удивлению — она в точности соответствовала моему описанию. К тому же была рыжей. А мне всегда нравились рыжие женщины. Только лет ей было явно меньше, не сорок пять, как я заказывал, а тридцать. Или тридцать пять.

Я поприветствовал ее и попросил сесть в кресло. Она села и нервно повела узкими плечами. Успел ее рассмотреть прежде, чем она заговорила.

Худая. Зеленоглазая. Из-под ее коротенькой меховой курточки выглядывал красный бюстгальтер. Тесно облегающий пышную грудь. Замшевая мини-юбка напомнила мне времена моей юности. Темно-красные узорчатые колготки. Туфли на высоком каблуке с серебряными звездочками. Голос у гетеры был резкий, неприятный. Тон — почти властный.

— Французский секс — восемьдесят. Обычный — только с презервативом — сто. Анальный — двести. За ночь — триста. Деньги вперед.

Цены явно кусались. Предлагаемый товар — тоже.

Мне стало тоскливо. Какого черта я позвал сюда эту вульгарную бабу?

Что я тут делаю, в этом мерзком отеле? Зачем ушел из самолета? Летел бы и летел.

Пришлось сурово ответить самому себе: Ты польстился на деньги. Пожадничал. Хотя много лет потратил на то, чтобы выкинуть из сердца жадность... А теперь, когда получил незаработанные деньги, захотел еще и женщину. Теперь заткнись и принимай все, что тебе жизнь подсунет, как должное.

Жрица любви восприняла мое молчание как признак несогласия с ее ценами. Недовольно сморщила нос. Поджала полные губы.

— Как тебя зовут?

— Не все ли равно? Ты будешь платить?

— Буду, не тревожься.

— Трэси ван Холд. Я родом из Голландии.

— По-немецки говоришь?

— Да, я родилась и училась в школе недалеко от Аахена.

Я перешел на немецкий.

— Пожалуйста, говори со мной на немецком. Это язык моей новой родины.

— Яволь, мой господин.

— Ты меня смутила. Я не могу планировать секс. Дело не в деньгах. Вот, возьми триста баксов и постарайся вести себя не как проститутка, а просто как женщина, пришедшая на свидание с любовником среднего возраста. Женщина вечером. Как поэтично! Если тебе со мной тошно, можешь сейчас же уйти... деньги оставь себе.

Лицо ее прояснилось и подобрело. В зеленых зрачках появились желтые искорки.

Заговорила она после долгой паузы. Мягко и доверительно.

— Ты просишь меня о том, что для таких как я — самое трудное. Снять маску и быть человеком. Потому что я уже десять лет — механическая кукла. Дернешь за одну веревочку — я раздвину бедра, дернешь за другую — изображу оргазм. Пойми, я ненавижу секс. Ненавижу мужчин. Их сперму, их фаллосы, из задницы, которые столько раз лизала, их руки, губы... Ты даже представить не можешь, что они меня иногда просят изобразить... Дочку-школьницу, престарелую мать, распятую лошадь, ожившую во время сношения покойницу, один раз мне даже пришлось изображать девочку-еврейку, которую истязает пьяный эсэсовец в концентрационном лагере... Я бы кастрировала всех таких клиентов, если бы во мне была хоть капля мужества. Но я — дура, трусиха, эгоистка. Люблю деньги, комфорт. Я чудовище среди других чудовищ.

— Все это не ново. Не терзайся так. Тебе просто не повезло. Работа скверная. Ты видишь мужчин такими, какими они являются на самом деле. Только ты и знаешь правду о нас. Напиши книжку, будет бестселлером.

— Спасибо за совет. Только не поможет мне книжка... Знаешь, я сама все испортила. Сама выбрала этот путь. Никто меня в детстве не насиловал, к проституции не принуждал. Пойду до конца. Накоплю денег и открою магазинчик ливерных колбас.

— Ливерная колбаса? Как это не кошерно! Я тебя тоже ни к чему не принуждаю. Я не эсэсовец, меня не надо кастриро-

вать. Хочешь полежать в ванне? Тут чистая ванна. В оранжевой бутылочке — медовый экстракт. Пяти капель достаточно... Заказать тебе что-нибудь поесть или выпить? Ливерную колбасу? У меня тут неограниченный кредит.

— Не надо. Я полежу немного в ванне... ты меня растрогал, я разболталась с клиентом как дура.

...

Через полчаса она позвала меня.

Я забрался к ней в ванну. Трэси вымазала мне голову пеной... сделала из пены рога... засмеялась.

— Где ты живешь?

— В Берлине.

— Ты женат?

— Разведен.

— Богат?

— Нет, что ты, разве я похож на богача?

— Что ты делал в этом паршивом городе?

— Посещал сестру. Семейная встреча.

— Откуда у тебя столько нала?

Рассказал ей все.

Трэси мне не поверила. Качала головой и смеялась. Порозовевшее ее лицо излучало доброту и радость, рыжие кудряшки рассыпались по плечам.

Ее тело и медовый аромат пьянили меня...

Спросила: Хочешь меня поцеловать?

— Очень хочу. Учти, я делал это последний раз лет сто назад и забыл, как это делается.

— Вспомнишь. Ложись на меня.

Я не без труда лег на нее, выплеснув из ванны на кафельный пол литра три пены, Трэси обвила меня руками и ногами. Мы поцеловались.

Позволила мне пососать свой юркий язычок и пососала мой.

Потом влезла кончиком языка мне в ухо.

Прошептала страстно: Малыш, хочешь покормить меня топленым молочком?

Я почувствовал, что она превратилась в сладострастную куклу, и что мне теперь все позволено. Прорычал: Нет, я хочу пороть тебя ремешком по заднице и сиськам, а потом насрать тебе в рот, грязная голландская шлюха!

В ответ я услышал только астральный смех...

Мы вылезли из ванны, вытерлись и легли в постель.

Умница Трэси оказалась мастером своего дела. Я долго не мог оторваться от нее. Потерял себя и изо всех сил боролся за наслаждение.

Ушла она часа в три ночи. На прощанье мы молча обнялись.

Ночь проглотила ее.

...

Утром меня разбудил все тот же портье, похожий на волшебника. Алмаз на его галстукеллучился как сверхновоя.

Он стоял рядом с кроватью и дергал меня за ногу.

— Эй, господин поляк, проснитесь!

Меня ослепил яростный свет фотовспышек. Зажмурился от боли.

Послышались голоса: Он не знает, не знает, не знает... надо сказать ему... надо сказать.

Сел на кровати, зевнул... Побагровевший от волнения портье тряс меня за плечо. Ложе мое с разметанными по нему простынями и одеялами окружали фотокорреспонденты и операторы с видеокамерами. Неизвестные мне мужчины и женщины совали мне в лицо свои микрофоны. Все они что-то говорили, говорили. Что-то меня спрашивали. Я ничего не мог понять.

Встал, завернулся в простыню и пробился сквозь плотную толпу непонятно что хотящих от меня людей — в ванную.

Помочился.

Впустил портье.

Тот проговорил, заикаясь от волнения: Самолет во Франкфурт, на котором вы должны были лететь, упал в океан у берегов Шотландии. Взорвался в воздухе. Обломки разлетелись

по площади в двадцать квадратных километров. Перед полетом многие из пассажиров этого рейса ночевали у нас. Прекрасные, умные люди! Никто не спасся.

Последнее предложение он повторил четыре раза. Жутко выпучил глаза и разрыдался.

— А что в моем номере делают эти...

— Они хотят взять у вас интервью. У заново рожденного счастливого. Это я впустил их в номер, извините.

— Это я — счастливчик? Да что они обо мне знают? Что вы обо мне знаете? Может быть у меня хроническая диарея и аллергия на солнечный свет... Или я серийный убийца.

На добром лице волшебника отобразился страх.

Я вышел из ванной и объявил, что никаких интервью давать не буду, что мне требуется время на осознание произошедшего. Попросил всех незамедлительно покинуть мой номер. Пригрозил вызвать полицию.

Один корреспондент спросил меня уже из-за двери: Благодарны ли вы судьбе? Что теперь собираетесь делать?

Я прокричал ему: Благодарен. Жить как прежде, что еще.

— Как вы думаете, за что провидение пощадило вас? Одного из почти трехсот человек. Что вас спасло?

— Меня спасла моя жадность.

...

После завтрака пришли два сотрудника полиции и целый час мурыжили меня бессмысленными вопросами. Несколько раз спрашивали о содержимом моей сумки. Затем им кто-то позвонил. Отпустили, наконец.

Я догадался, что спасатели, там, у берегов Шотландии, очевидно нашли мою сумку или то, что от нее осталось. Без следов взрывчатки...

По дороге в Нью-Йорк я старался не думать о том, как выглядело бы сейчас мое изуродованное взрывом и обгрызенное акулами тело, лежащее на дне океана, если бы организаторы поездки банкиров правильно указали количество участников встречи. Сидел в гордом одиночестве в просторном салоне первого класса и глядел в окошко, на облака. Это успокаивало. Странно. Мне все время казалось, что из облаков на

меня смотрит мой синелицкий двойник. Напряженно смотрит и иногда иронично помахивает мне синей правой рукой с знакомым перстнем на мизинце.

А когда мы уже подлетали к аэропорту имени Кеннеди, и мне открылся потрясающий вид на Манхэттен, тогда еще не потерявший высоченные башни-близнецы, я неожиданно для самого себя решил остаться в Нью-Йорке на недельку, зайти в МоМА и в Метрополитен-музей, поклоняться по Бродвею, навестить секс-шопы на 42-й улице и одноклассников, обосновавшихся тут еще в начале восьмидесятых.

Симпатичный сотрудник Дельты не сразу понял, что я от него хочу. Прочитал мне нотацию с глубокомысленным видом: Вы не должны были обращаться ко мне. Для таких как вы есть специальное бюро. Кажется, на третьем этаже.

— Кажется? Тогда вам придется самому поменять мне авиабилет.

Вертел и вертел мой немецкий паспорт, нервно покашливал, то и дело смотрел на часы и несильно стучал кулачком по пульта. Тянул время... вел себя так, как будто я попросил его о чем-то невозможном, вроде путешествия на Марс.

Назойливо напоминал мне, что мой самолет вылетает уже через час и что мне пора идти к воротам... Наконец, он смилостивился и оформил мне новый билет в Берлин через Франкфурт, только уже не в первом, а в эконом классе.

...

Садясь в такси, я от волнения нарушил железное правило — не садиться рядом с шофером. Шофер такси, точная копия шофера в Цинциннати, даже его золотая цепочка на толстой шее тоже была с пятью крестами, посмотрел на меня с опаской, а потом, когда убедился в том, что я у меня нет дурных намерений, спросил, посмеиваясь: Ты что... хочешь меня ограбить или отсосать?

— Ни то, ни другое. Я только хотел посмотреть на город через ветровое стекло...

— Посмотреть на город? Ты гребаный турист?

— Ну да. А ты за кого меня принял?

— За гангстера-иностранца, который прибыл в Биг Эппл чтобы замочить кого-то и в тот же день улететь на родину.

Он подвез меня к неказистому пятиэтажному дому на одной из восьмидесятых улиц Вест-Сайда.

Вылез из такси.

...

Дома, дома, дома.

Какая плотная застройка! Бездушный, голый, довлеющий себе урбанизм. Не продохнуть. Люди, которые тут жили раньше — были не живыми существами, а придатками к фабрике, магазину или банку. А высокая преступность в этих краях была не только мезью неправильной шестеренки, не нашедшей своего места в механизме, но и естественной реакцией человека на украденное пространство, солнце, воздух, зеленый мир, свободу. Постройка Центрального парка была лишь частично удавшейся попыткой понизить урбанистическое напряжение этих мест.

Один чернокожий парень сдавал тут нелегально несколько маленьких комнат на крыше по 25 долларов за ночь. Останавливались у него бедняки, малоуспешные карманники и пуэрториканские шлюхи...

Он узнал мой голос, открыл мне зарешеченную дверь и, ни слова не говоря, забрал у меня сотню и выдал ключ от «номера». Поташился наверх по грязной лестнице. Когда был уже на втором этаже услышал его бурчание: Ты, я смотрю, разбогател. Будь осторожен, позавчера в соседнем дворе прижмурили одного цветного.

— Может, кто из твоих постояльцев отметился?

— Возможно.

Поднялся в номер. Там стояли — койка, стул, небольшой шкаф и старое радио на тумбочке. В предбаннике был закуток с крохотным душем и толчком, а над койкой висела картинка, до того засиженная мухами и засранная тараканами, что разобрать, что на ней нарисовано, не было никакой возможности. Из соседних номеров доносились мужская ругань и женский плач. И еще — какие-то глухие удары, как будто кто-то бился головой в стену. Вспомнил анекдот про негра, который любил, когда боль проходит...

Из окна было видно только серую стену другого дома. Без окон и даже без граффити. Сквозь грязь и облупившуюся краску проступали старинные буквы: LONELY CLUB.

Одинокий крюк торчал из этой стены. Ржавый и жуткий. Мое воображение тут же пририсовало к нему целую гроздь повешенных на нем чернокожих без штанов.

Неожиданно, прямо из стены высунулся мой синелицкий двойник и уставился на меня. Показал мне рукой вниз...

Я посмотрел туда и увидел не замызганный двор, а как бы дно океана. Между розоватыми кораллами плавали незнакомые мне рыбы, по песку ползали крабы, морские звезды и пауки. Тут же лежал труп с распоротой грудной клеткой. Его руки и ноги сожрали акулы.

Я отошел от окна и задернул грязную занавеску.

...

Решил освежиться...

Вышел на улицу... прошел несколько кварталов... оказался на Бродвее, свернул направо и двинул на юг. К манящей меня сорок второй улице.

Но так до нее и не дошел. Свернул куда-то, потом еще раз, еще...

Как будто дьявол вёл меня за руку.

Сам не знаю как, оказался перед мрачным высоким зданием, на одиннадцатом этаже которого размещался ночной клуб Бонанца, попасть в который можно было только поднявшись по пожарной лестнице, небрежно прикрепленной к фасаду.

Почему-то я был твердо уверен в том, что мне надо непременно зайти в это заведение, что меня там ждут. Вскарabкался по стонущей и дрожащей лестнице, поминутно теряя дыхание и рискуя сорваться вместе с ней в пропасть.

Влез в клуб через высокое открытое окно.

...

В небольшом помещении стояли несколько столиков, за которыми сидели посетители.

За полукруглой барной стойкой помещался уютный толстяк-бармен с шейкером в руках, лицо и лысина которого показались мне знакомыми.

У стойки сидели шесть монашенок-урсулинок и пили Манхэттен. Когда я вошел, все они посмотрели на меня, и я заметил, что у них — одинаковые лица, похожие на монгольскую маску демона.

За одним из столиков сидела пожилая дама в лисьем манто. Она приветливо помахала мне рукой в белой перчатке и пригласила сесть за ее столик.

Как только я сел, к нам подошли три официанта в малиновых пиджаках и зеленых галстуках и заговорили одновременно.

Они говорили так быстро, что я едва их понимал.

Первый: Не желаете ли жареного осьминога?

Второй: Или лучше — шампиньонов с сенегальскими раками?

Третий: Я принесу вам все, что угодно, только не куриное суфле. Это не американская еда! Есть его тут — не патриотично. Идите к своим. У нас приличное заведение!

Первый: Заявляю вам официально — пасту с пармезаном в нашем клубе не подают! Да-с, не подают! Даже иностранцам. А тем более тем, кто оттуда. Оттуда, понимаете?

Второй: Также как и ванильный пудинг. Его лопают только суфражистки. Пейте апельсиновый сок, он оживляет покойников! И не ешьте паштеты, это вредно!

Третий: Исчезните, мистер. Вам тут не место!

Первый и второй вместе: Не место!

Я хотел встать и уйти, но мне на плечо положила руку мексиканка с высокой грудью.

— Хочешь покинуть нас? Брезгуешь? Но ведь ты даже не попробовал наш фирменный десерт!

Она многозначительно улыбнулась и расстегнула блузку... вывалила левую грудь, как мешок с мукой, на живот. Я заметил синие жилки под ее кожей и отвел глаза.

Неожиданно в клуб ворвались трое расхристанных солдат... у каждого из них был в руках баскетбольный мяч. Один из солдат залихватски крикнул бармену: Эй дядя, где кольцо? Нам нужно тренироваться. На носу чемпионат мира. Ура!

И тут же на стене клуба появилось кольцо, только не баскетбольное, а цирковое. Через которое прыгают на арене дрессированные тигры. Кольцо это загорелось, в него прыгнула большая черная пантера.

Пантера эта потом подошла ко мне и сказала: Милый, ты был так добр, и я хочу оказать тебе услугу. Я спасу тебя. Потому что я прыгунья. Хочешь прыгнуть вместе со мной с одиннадцатого этажа? Уверяю тебя, мы не разобьемся. Это ведь совсем не то, что падать в самолетном кресле с одиннадцатикилометровой высоты после взрыва топливного бака. Это вовсе не так опасно. Особенно для пантер и магистров...

Тут я заметил, что это не пантера, а рыжая Трэси, в своих темно-красных узорчатых колготках и бордовом бюстгальтере.

Огромный хор мертвых банкиров, выстроившихся вдоль границы Центрального парка затянул: *Once there were green fields kissed by the sun...*

Солировал президент Рузвельт.

Я покорно пошел за Трэси... потому что все уже понял. Мы вылезли на шаткую лестницу и, взявшись за руки, бросились вниз.

Как Трэси и обещала, мы не разбились.

ПОД ЮБКОЙ У ФРЕЙЛИНЫ

Женился я — в первый раз — еще студентом. Жена моя, Марисоль К., внучка испанских коммунистов, спрятавшихся от Франко в сталинском потном коминтерновском сапоге и жестоко поплатившихся за это, тоже еще бегала на лекции и семинары. Поторопились окольцеваться. Надо было, прежде чем в ЗАГС идти, пожить вместе, узнать друг друга... притереться.

Ну вот, мы и пожили, и узнали, и притерлись. А потом, как это обычно и бывает, поссорились, разбежались и развелись.

Было это почти сорок лет назад. Я так любил ее... Десять лет после развода каждый день думал о ней. Все ласкал и ласкал ее мысленно. А теперь... не помню ни одной ночи любви... ни одного нашего разговора, а мы говорили часто и подолгу... и скандалы забыл... помню только, что знатные были скандалы, с истериками и не без мордобоя, а разговоры... все-все забыл.

Что же осталось в голове от пяти лет брака? Одна физиология. Черные, чуть косящие, страстные глаза. Щеки — кровь с молоком. Свежий, дурманящий запах молодой женщины. Розоватые высокие груди. Стройные ноги, переплетающиеся у меня за спиной. Мои дежурные оргазмы и ее... неоргазмы, ее нерадость. Ее молчание. Разочарование. Во мне. В браке.

Ничего я поделать не мог... как ни старался... моей жене нужен был другой мужчина. Поопытнее меня. Посильнее. По крупнее. Может быть, ей просто был нужен гребаный испанец? Кто знает...

Когда мы расставались, Марисоль отчеканила: «Только ты не думай, что ты хороший мужчина. Любовник ты никудышный. Слабенький. И член у тебя маленький».

Змея. Неприятно такое услышать от женщины, которую без памяти любил и после развода. Горько. Но что поделаешь? Таким она меня видела и чувствовала. Я-то, конечно, себя ви-

дел и чувствовал иначе. Но что от этого толку? Марисоль со мной не кончала. И считала меня в этом виноватым. Через год после нашего развода она вышла замуж. И живет с вторым мужем до сих пор. В Испании. Надеюсь, счастливо...

А ко мне... иногда приходит ночью ее двойник или солярисов клон из нейтрино или астральная проекция... вам виднее, во сне приходит... или в дневных полусонных мечтаниях. Вот и сегодня приходил.

Сидел я после обеда в кресле, кофе пил. Яванский. С легким шоколадным привкусом. И орешки ел. Киндал-киндалы. Закрыв глаза. Подумал о Марисоль.

Глубоко вздохнул... и вот, я уже лечу... на воздушном шаре... как Сайрус Смит со своими спутниками... подо мной — бушующий океан... надо мной — темно-желтые облака... в редких просветах — темнота, ни одной звезды не видно... только планета Сатурн подмигивает мне своим перламутровым глазом с обсидиановым ободком... порывистый ветер гонит шар шут знает куда. Я, впрочем, знаю, куда. На остров. Но не к капитану Немо.

На ТОТ остров. Там она придет ко мне. Моя любимая испанка с огромной копной черных, в мелких кудряшках, волос. И мы снова будем вместе. Если я, конечно, не угожу в ловушку, не прыгну с балкона девятого этажа и не провалюсь в лифтовую шахту.

...

На острове этом я бывал не раз и не два. Первый раз меня туда забросило еще в детстве. Когда я в углу стоял. Провинился и был наказан. Кляксу в учебнике по русскому языку поставил. И не одну. Соединил кляксы линиями. Получилась фигурка гнома. Нарисовал рядом еще одного гнома. Потому что мне показалось, что гному, состоящему из клякс, будет одиноко среди «Н и НН в именах прилагательных». Потом пририсовал еще одного. На уроке я объяснил, что гномов я нарисовал для запоминания исключений, что первый гном — стеклянный, другой оловянный, третий деревянный, но ни один из них не лошадиный, не пряный и не румяный...

Класс хохотал, русичка рассвиrepела. Вызвала родителей. Родителями у меня была бабушка. Сходила бедная старушка, охая и прихрамывая, на randеву с нашим директором-бульбоносом по прозвищу «Бурбон», который проорал ей в ухо: «Прошу вас объяснить вашему внуку, которого вы избаловали как испанского принца, что рисовать надо в альбоме для рисования, а не в учебнике по русскому языку. И накажите его за наглость. Иначе нам придется наказывать. Вздумал поучать заслуженного учителя РСФСР! У Анны Брониславовны чуть сердечный приступ не начался! А вашему внуку — все как с гуся вода! Гномов он видите ли нарисовал. Возмутительно! Это если каждый гномов начнет рисовать в учебниках, что же будет? Белиберда, бессмыслица, дичь и антисоветчина!»

Бабуля ничего не ответила, только кивнула и с облегчением покинула кабинет директора с большой репродукцией картины «Ленин и печник» на одной стене, чуть меньшим парадным изображением улыбающегося Хрущёва с тремя звездами на груди на другой и с укором смотрящей на посетитель фотографии педофила Макаренко на третьей.

А дома поставила меня в угол.

«Потому что ты живешь в этой стране и должен научиться не выделяться, иначе тебя сотрут в лагерную пыль или сгноят в психушке».

Опасения бабушки я интуитивно понимал, хотя мне и в голову не приходило, что для государства, в котором я имел несчастье родиться, «стирание в лагерную пыль» собственного населения было почти сорок лет едва ли не главной целью существования... и проводилось оно по плану того самого лысого старика, объясняющего печнику, как печи строить, а «гноение в психушке» всяческих выделяющихся на сером советском фоне личностей было изобретено и успешно «продвинуто в массы» улыбающимся человеком с тремя звездами на груди, слегка похожим на свинью.

...

Стоял в углу и смотрел в угол. Страшно хотелось идти гулять. Организм требовал движения. Мяча. Игры. В салочки. Вышибалы. Ноги затекали. Руки начали болеть. Зачеса-

лись щеки. Перед глазами посинело. И тогда я прыгнул. Но не как потерявший рассудок кузнецик, который прыгает и прыгает в углу детской комнаты, в которую он случайно залетел, разбивая себе о стену похожую на водолаза мордочку, а как стартующий пловец — в воду. Решительно и сосредоточенно.

Но не ударился головой о стену, не упал, не застонал, а пронзил ее своим молодым телом и провалился в пустоту. И... плюхнулся в холодную соленую воду.

Начал было тонуть от неожиданности... дна не видел, заметил только какое-то неприятное копошение под собой... большие густо-синие фигуры вроде осьминогов или кальмаров копошились на глубине... Вынырнул, отдышался. Набежавшая волна мягко подхватила меня и вынесла на узенький галечный пляж. За ним возвышалась мощная бетонная стена.

Я, конечно, был вне себя, но ни реветь, ни звать на помощь не стал, потому что догадывался, что все это... не совсем настоящее... или, точнее, что не совсем настоящей оказалась моя московская жизнь... школа, Анна Брониславовна, Бурбон, угол в гостиной и та самая масса, из которой не надо выделяться. И я не хотел, чтобы это новое ощущение оказалось иллюзией или самообманом.

Пошел по гальке вдоль стены и нашел ржавую железную лестницу, ведущую вверх. Вскарабкался. Стоя на каменной набережной, я впервые увидел этот удивительный город на острове, это нагромождение бетонных прямоугольников и крестообразных балок, урбанистическую поросль посреди водяного поля... это странное место, в которое меня позже еще не раз затащит неведомая сила, добрая ко мне и враждебная тошнотворной рутине советской жизни. Этот город-остров... появление которого всякий раз потрясало как откровение, а уход с которого разочаровывал.

Разочаровывал не только потому, что я не хотел покидать этот безумный мир, эту мою персональную Сумеречную зону, мое Зазеркалье, в котором я встречал людей, которых уже не имел надежды когда-либо встретить в своей обычной жизни, а иногда и тех, которые вообще никогда не существо-

вали... но и потому, что покидать этот остров мне приходилось всякий раз, как только я собирался осуществить на нем что-то, что долго подготавливал, чего жадно ждал.

Например, однажды, много лет спустя, попав на остров в состоянии тяжелой депрессии, после немислимых разрушений, которые я там учинил (я не боялся разрушать, потому что знал по опыту, что в следующий мой приход туда — все станет как в первый раз, обнулится), я решил сделать что-то позитивное... построить на острове кинотеатр для заблудших душ, бессмысленно бродящих по улицам или вегетирующих в пустых квартирах. Кинотеатр, в котором каждый смог бы увидеть ту, оставленную временно или навсегда, материальную, земную жизнь. Строил я его долго... из терапевтических соображений... каменные блоки, которыми я ворочал с помощью телекинеза, не хотели вставать один на другой, медленно падали, застывали в воздухе или, грациозно покачиваясь, улетали в разные стороны. Крышу мне так и не удалось соорудить, зато ореховые, с пунцовой бархатной обивкой стулья, которые я только-только вообразил, появились сразу, и выстроились рядами, как уланы на параде. Даже ржали как лошади и били ножками по огромному тканому ковру, на котором был изображен торжественный въезд крестоносцев в Константинополь. И кинопроектор и киноленты материализовались на удивление быстро. И когда разношерстная публика, напоминающая массовку в фильме про вампиров и зомби, расселась в зале, и я уже хотел было начать первый сеанс... для которого выбрал фильм «Назарин», что-то хлопнуло у меня в ушах... и я очнулся на старой лежанке в маленьком дрезденском ателье.

Пора было идти в галерею, в которой я за два дня до этого развесил рисунки одного художника-инвалида из Варшавы. Только голова и правая рука слушались беднягу, прикованного к инвалидной коляске, на которой он впрочем лихо разъезжал по галерее. И он рисовал, и рисовал этой здоровой рукой... с энергией мастурбирующего подростка. Рисовал пустынные, безлюдные, если не считать повешенных на фонарях и деревьях девушек, улицы современного города с одинако-

выми бетонными постройками... Рисунки свои он охарактеризовал кратко: «Это ад, мы все в нем живем». Под каждой висшей леди сидел кобелек, поднявший морду к небу.

Полагаю, псы эти являлись аватарами автора. А повешенные девушки его явно эротизировали. Нарисованы они были гиперреалистично. У некоторых изо ртов вылезали длинные языки... отвислые груди вываливались из платьев.

Язык сексуальных фантазий метафоричен, парадоксален, антиномичен, не стоит понимать их буквально. Хотя, кто знает, может быть и хорошо, что природа так жестоко наказала этого несчастного... будь он здоров и силен... некоторым его подругам возможно и пришлось бы повиснуть на фонарях... с высунутым языком.

...

Город на острове выглядел тогда и выглядит сейчас — приблизительно так, как город-призрак Хасима на одноименном острове недалеко от Нагасаки, ставший кулисой для одного из последних фильмов Бондианы. В город-призрак Хасима превратился, кстати, не из-за землетрясений или атомных взрывов, а потому, что угольная шахта, ради которой город-остров и был построен, стала нерентабельной. Углеводороды правят нами...

Слава богу, в отличие от Хасимы, мой остров это нечто метафизическое. Недоступное для угольных компаний. Его реальность создается не тектоническими или вулканическими процессами, даже не кранами и бульдозерами (Хасиму люди частично построили сами... из порожней руды), а тактильными ощущениями, предчувствиями... тут растут как грибы воздушные замки и фата-морганы... материализуются страхи и надежды.

Можно даже утверждать, нечто перипатетическое...

Потому что на этом острове я почти всегда прогуливался. Не спеша, как и полагается странствующему подмастерью. Прогуливался в ожидании чуда. И оно не заставляло себя долго ждать.

Еще одно отличие от Хасимы. Мой остров далек от других островов и континентов. Вокруг него необозримый океан,

символизирующий и манифестирующий безграничное бессознательное, трансцендентное всему, отрицающее все, кроме самого себя, чаще всего спокойный, но изредка обрушивающий на бетонные стены, окружающие город — тяжелые темные волны, колеблющие его твердь.

Кроме того, архитектура моего острова, хоть и похожа на архитектуру Хасимы, но дома тут не разрушены, а только как бы оставлены людьми, балконы и крыши на месте, улицы не завалены строительным мусором. Бывшие обитатели моего острова не умерли, не исчезли, а претерпели загадочную метаморфозу... и теперь про них нельзя достоверно утверждать, что они там или не там, что они есть, или их нет.

Есть в моем городе и то, чего заведомо нет и не было в реальной Хасиме — несколько квадратных в плане, полуобрушившихся башен, над которыми вьется дымок, и многомного статуй на улицах. Пластика эта особенная, как и все в этом городе — меняющаяся, вибрирующая, танцующая. Помню, как меня поразила тогда, во время моего первого проникновения на остров, фигура нагнувшегося мужчины с головой свиньи, одной ногой стоящего на постаменте, а другой — коленом — опирающегося на старомодный короткий костыль. На спине у него лежала мидия, заполненная жемчужинами размером с крупные яблоки. Мидия эта что-то тихонько напевала, а жемчужины посвистывали.

Заметив мой изумленный взгляд, он неловко дернулся, и одна жемчужина выкатилась из мидии. Я схватил ее и сжал двумя руками — и она тут же потеряла блеск, стала мягкой и превратилась в оранжевую пятнистую жабу. Жаба эта посмотрела мне в глаза своими зелеными глазищами, повертела у виска трехпалой лапой и прыгнула на пустой постамент, туда, где еще несколько мгновений назад стоял мужчина с мидией. Выросла, расправила плечи и окаменела. На постаменте появилась надпись «Розалинда — королева комаров». Последние три буквы в слове «комаров» кто-то уже успел зачеркнуть.

Я отошел от нее и долго бродил по этому странному городу. К другим статуям не подходил, побаивался. Хотя они меня и подзывали жестами.

Рядом со зданием бывшей военной фабрики (на стене еще можно было разглядеть колоссальный рекламный щит с изображением танков и трех улыбающихся работников в фартуках и платочках на фоне сотен снарядов различного калибра, с надписью — «Мы трудимся для того, чтобы на Земле воцарился мир!»), ко мне подошла женщина в старинном зеленом парчовом платье колоколом с длинной-предлинной конической головой. Лица на этой голове не было, не было и рта, но она заговорила со мной.

— Приветствую тебя, маленький Орос, на нашем чудесном острове! Надеюсь, что ты не поранился, пробиваясь сквозь стену вашего ужасного кооперативного дома, а эта чертовка Розалинда не перепугала тебя до смерти? Она всегда кокетничает с новоприбывшими. Забирается на постамент и выставляет свои лягушачьи прелести на всеобщее обозрение... А этот жалкий трус, Горацио, ну тот, с поддельными жемчужинами и костылем, убегает загорать на крышу во-он той башни. Эту башню называют «Небесным капканом». Не вздумай туда забраться. Пропадешь. Видишь его? Качается в гамаке и жонглирует жемчугами. Тебя наверное удивляет моя голова. Всех удивляет. И меня тоже. Послушай мою историю, и поймешь, откуда у меня такое украшение. Когда-то я была фрейлиной при дворе Золотого Императора...

И она начала скучно-прескучно рассказывать свою бесконечную биографию, а я делал вид, что слушаю. Скоро мне это надоело и я... сам не знаю почему, приподнял ее парчовое платье и залез под него. Увидел, как и ожидал, две женские ноги в смешных панталончиках. Бывшая фрейлина, казалось, не заметила моей проделки и продолжала свой рассказ... голос ее звучал глухо... я обнял одну из ее ног, как поэт Есенин обнимал березку, и задремал... только на одно мгновение... а в следующее мгновение у рассказчицы уже было много-много ног... и они были уже не ногами, а высокими деревьями.

Я шел по тропинке среди буков в густом августовском лесу.

Вышел на заросшую цветами поляну. И сразу же заметил медведя, который рвал зубами еще живого оленя. Через несколько секунд олень перестал биться и умер, печально по-

смотрев на прощанье мне в глаза, а медведь победно зарычал и откусил от его шеи огромный кусок плоти и попытался проглотить... Морда медведя была окровавлена.

Я побежал от него в сторону протекающего недалеко ручейка. Убедился, что медведь меня не преследует, и пошел вдоль заросшего камышом русла в сторону видневшегося не-вдалеке холма, похожего на развалины огромной статуи. Можно было различить лоб, нос и руку гиганта, руку, сжимающую факел.

...

Загляделся на поверженного колосса... погладил неизвестное мне дерево с удивительно гладкой корой, сорвал травинку, пожевал ее... вспомнил о медведе и пошел дальше.

А через несколько минут неожиданно услышал кряхтенье и такой звук, какой издает какая-то громоздкая вещь, когда ее волочат по земле. А потом и увидел... вышедшего из-за куста голого мужчину средних лет, который тащил на себе здоровенную корону, по виду золотую, с тускло отсвечивающими пыльными бриллиантами величиной с чайник. Поднять ее мужчина не мог, поэтому он взгромоздил ее себе на спину... но корона все равно волочилась по земле... взрхляя ее, вырывая с корнями пучки травы и неприятно поскрипывая.

Я, конечно, вытаращил глаза на тащившего и на его ношу.

А голый повел себя странно. Поставил корону на траву, расшаркался передо мной своими босыми грязными ногами, снял невидимую шляпу с бритой головы и представился: Герцог Ангулемский. Король Франции. Рад приветствовать вас в солнечной Бургундии! Знаю, что вы сирота. Прискорбно. Не хотите ли ускоренного усыновления по льготному тарифу? За какие-то ничтожные десять тысяч ливров станете дофином. А когда я умру, вас коронуют как Людовика XX. Прикажу вдевать вам в шпагу знаменитый алмаз «Регент», а на завтрак готовить цыплят «кок-о-вен». Познакомлю вас с Марией-Антуанеттой. Она тут недалеко... берет молочные ванны... Ведь вы уже большой мальчик... Или вы предпочитаете ягодный омлет-суфле?

Я постарался ему подыграть.

— Спасибо за предложение, сир, но в настоящее время я уже нахожусь на службе у одной весьма требовательной особы из рода де Эсте с невероятно длинной головой, бывшей фрейлины при дворе Золотого Императора, выполняю ее особое поручение. Поэтому, прошу меня простить... вынужден откланяться. Спешу в Феррару. Боюсь опоздать на поезд.

Издали послышался тревожный гудок паровоза...

При упоминании Золотого Императора герцог невольно вытянулся и встал в стойку, как бравый солдат. Учитывая его наготу, это было неуместно, но трогательно. Я пожалел его. Уходя, дунул в сторону короны, и она мгновенно стала не больше спичечной коробки.

Что тут началось!

— Что ты наделал, маленький негодяй! — крикнула пролетающая мимо рыба с красноватыми плавниками, — что ты наделал!

И раскрыла свою зубастую пасть.

— Он теперь умрет от расстройства. Тащить эту золотую штукину было целью его жизни, а теперь он свободен от ноши, но несчастен... несчастен... Вы убили нашего короля! А я, между прочим, его вассал! — добавил сидящий на ней рыцарь в стальных латах. И даже поржавел от возмущения.

— Убили! Убили короля! — подтвердила, ужасно картавя,ковыряющая вилкой в зубах ведьма на повозке, которую тащили два рогатых черта. Погрозила мне вилкой и прослезилась.

— Нет тебе прощения... ты всех нас погубил, проклятый бастрюк... — пропищал деревянный гном в высокой шапке, проходивший мимо меня. — Пойду в дубовую рощу, наймусь в знак протеста каши из желудей. А-то ведь и припадок может случиться. Припаду и не отцеплюсь... А ты только смеяться будешь, да... Нет, чтобы помочь сказочному персонажу сохранить лицо. Идет себе и в ус не дует. Погоди, познакомишься с Пожирателем шишек, тогда и вспомнишь о бедном голом короле.

Пришлось возвращаться и дуть на корону еще раз.

Герцог Ангулемский сидел на корточках и рыдал. А когда его корона получила свой прежний размер, он встал, взвалил ее на спину и потащил.

Куда он ее тащит, подумал я. Не иначе как во дворец Императора. Не пойти ли и мне туда? Говорят, тамошние повара мастерски готовят соусы из сои для жареной индейки. И приготавливают славный сливовый лимонад.

Но в тот раз побывать во Дворце мне было не суждено.

Потому что как раз тогда, когда я подумал о лимонаде, на моем пути встал Маг.

В красном просторном одеянии, поверх которого он носил кожаный фартук с большими карманами, в немислимой железной шапке, с волшебной палочкой в руке, он стоял и строго смотрел мне в глаза. У ног его сидел песик-шут с лицом человека и длинными ушами вулканца. Перед магом стоял небольшой столик, на котором лежали: лист белой бумаги, кинжал, два шарика, красный и синий, глиняный кувшин и такой же горшок. Маг жестом пригласил меня подойти к столу и взять в руку шарик. Я взял синий.

Маг рассмеялся и сказал: «Вы сделали неправильный выбор, любезный дофин. Приговор остается в силе!»

Вынул из кармана фартука шишку и съел. Потом нацепил себе на нос круглые очки, взял лист бумаги, поднес его к носу и начал зачитывать приговор.

ПОЛЖИЛО КУРАГИ

Не знаю точно, когда, где и как, но знаю твердо, что совершил фатальную ошибку.

Ошибки я делал всегда. И не только арифметические или грамматические. Я ошибался в людях. Выбрал неправильную профессию. Родился не в той стране. Эмигрировал тоже не в ту страну. Ошибался и в себе самом. Но только эта, последняя ошибка уничтожила мою жизнь. То, что я считал своей жизнью.

Возможно, что-то показалось мне мелочью, пустяком, я был недостаточно зорек, чувствителен, великодушен, не обратил на что-то внимание, проигнорировал то, что нельзя было игнорировать... сделал или сказал что-то не то, не там, просчитался, недоглядел, обидел кого-то или, не замечая этого, оскорбил вершителей судеб, и вот, все пошло прахом. Все, что я пытался создать, во что вкладывал все силы, на что молился, перед чем благоговел.

Безжалостный шестирукий истукан перевел невидимые стрелки, и мой поезд, бездумно мчащийся по плоскогорью, простирающемуся между пятью заснеженными вершинами, сошел с рельс и покатился, теряя вагоны, по бездорожью. Через овраги и провалы. Сквозь глину, известняки и водные толщи. Покатился туда, откуда нет возврата.

Скоро от поезда не осталось ничего. Ничего, кроме моего тела. Я один был и локомотивом, и вагоном, и купе, и единственным пассажиром. И я гудел и стучал колесами и жадно всматривался в летящий назад пейзаж через два окна, застекленные стрекозиными крыльями.

Бешеный бег начал замедляться.

...

Вначале я почувствовал телесную слабость и одиночество. Нет, не то одиночество, что мы испытываем в детстве и юно-

сти. Без чудной музыки сфер и без манящих призрачных видений будущего. Без шепота фей и предчувствия блаженства.

Мое тело перестало меня слушаться, стало чужим, почти враждебным, грозящим неминуемой гибелью, мне осточертело все, чем я жил долгие годы, мне позарез нужна была помощь и сочувствие близких людей, но мои знакомые и родные как будто забыли меня.

Я заметил это не сразу. А когда заметил, долго не хотел признаваться в этом самому себе. Потом все-таки признался, поразмышлял и решил, что если я не могу оздоровить, омолодить и вновь подчинить себе мое тело и душу, то должен хотя бы напомнить о себе дорогим мне людям. Пока мой поезд не покинул этот мир навсегда.

Ударить в колокол. Выстрелить из пушки. Или хотя бы громко закричать.

Но колокол треснул. Порох отсырел. А из глотки моей, как я ни пыжился, вылетал только жалкий писк.

Позвонил жене, с которой не разговаривал уже три года. Или пять лет? Или восемнадцать?

Она жила на юге Франции с каким-то французом. Там они разводили черные трюфели в небольшой дубовой рощице, унаследованной французом от богача-деда, знаменитого в свое время антидрейфуссара.

Никто не подошел к телефону. Наверное жена и ее сожитель купались в это время в небольшом прудике с лилиями недалеко от шато. Брызгались и ловили руками золотых карпов кои. Когда-то жена присылала мне фотографии этих драгоценных японских тварей. Я бы за этих уродов не дал ни цента. Ну разве что их запекли бы в сметане. С лучком и перчиком.

Позвонил еще раз. Мне ответил автоответчик. Сообщил, что у этого номера нет абонента телефонной сети. Затем, неожиданно, добавил с чувством: Не звони ей, мишуге, не пугай воробышков. Им и так тяжело. Сам знаешь, засуха. Асфальт плавится. Фата-морганы...

В трубке слышался отчаянный воробыиный клекот. Потом все стихло.

Что за издевательство!

Позвонил другу в Москву. Ответил автомат.

— Вы набрали неверный номер! Вы набрали неверный номер! Вы набрали неверный номер!

Повесил трубку.

Телефон тут же зазвонил. Тот же голос объяснил, бесстыдно амикошонствуя, что «как известно, покойники по телефону не разговаривают. Твой друг на кладбище, мишуге. Его внутренности жрут черви. Ты на самом деле хочешь, чтобы он тебе ответил? Это можно устроить. Жди его у себя дома между двумя и тремя ночи. Он придет. Во всем своем великолепии. Получишь незабываемые впечатления! Только проветрить помещение не забудь. Потому что будет душно. Сам понимаешь, запашок-с.»

Гудки.

Погодите, погодите. Какой запашок? Мой друг жив, жив! Жив? Когда мы последний раз разговаривали? Хм... Двадцать шесть лет назад. Или еще раньше?

...

Решил зайти к соседке, с которой... одно время.

Ну да, я же ее вчера видел. Она сажала цветы на нашей общей клумбе. Запомнились ее смешные синие рейтузы. Когда-то она была нежна со мной. Мы проводили дни и ночи в постели. Лизали друг друга как морские свинки.

Зайду, поговорю... проверю, не забыла ли меня и она. Спрошу у нее, что за ошибку я совершил. За что наказан. Она все всегда знает. Даст совет, утешит, успокоит.

Вышел на лестничную площадку. Позвонил в квартиру напротив. За дверью тут же залаяла собака. Попытался вспомнить, была ли у соседки собака. Вроде, не было. Она разводила дома алоэ... или орхидеи... Нет, азалии. Красные такие цветочки. Похожие на капельки крови. И еще, в спальне у нее стояла большая клетка с двумя карликовыми ежами. Они копошились, сопели и чавкали. Мешали спать. А в кухне — аквариум с черепашками. Некому там лаять.

Мне долго не открывали. Затем открыли. Какой-то неизвестный мне полуголый тип в наколках, желтом парике

и в ужасных трусах для японской борьбы сумо. С белым бульдогом на поводке. На шее у собаки болталась золотая медалька. На медальке был выгравирован бульдог и полукруглая надпись «Чемпион Национального Клуба» чего-то там, не разглядел.

Собака посмотрела на меня грозно и зарычала. Медалька на ее жилистой шее затряслась.

— Что вам надо?

— Хотел поговорить с госпожой Монро.

— В этой квартире живу я один. Уже пятнадцать лет. Только я и собака, дошло?

— Позвольте, а как же госпожа Монро? Я вчера ее видел... на клумбе... в синих рейтузах.

— Ну, не знаю, кого вы там видели...

В глазах у его собаки пылала ярость. Из пасти ее сочилась слюна. Ей явно хотелось вцепиться мне в горло. Я инстинктивно втянул голову в плечи. Приготовился к обороне. Сжал связку ключей в кулаке.

Тип в парике втянул упирающуюся собаку в квартиру и захлопнул перед моим носом входную дверь.

Я не мог найти разумного объяснения пропаже соседки. Еще вчера она, ворча, выпалывала репейник на клумбе. А синие рейтузы так заманчиво обтягивали ее филейные части. Неужели она незаметно для меня обзавелась мужем-грубияном, носящим желтый парик и эти кошмарные трусы, а сама превратилась в омерзительное животное... с медалькой... в бульдожицу.

...

Надо было использовать мой последний козырь. То единственное, корневое, надежное, что еще привязывало меня к жизни. Мой якорь. Надо было позвонить дочери. Не люблю я это делать. Потому что она вечно занята, ей не до меня. Работа, карьера, дети, дети, дети, готовка, муж, муж, отпуск, отпуск, отпуск. Тоскана, Южный Тироль, Пиренеи, Сардиния, Гибралтар, Боденское озеро...

Набрал номер ее мобильного телефона. Ответил автоответчик. Опять он!

— Вы звоните в практику доктора... в неприёмное время. В неприёмное время, понимаете! В неприёмное время звонят только невоспитанные люди. Мы открыты для посетителей в среду и четверг с 15-и до 18-и часов. Прием только по предварительной записи. Признаем только частные страховки. Давно пора покончить с левачеством. Да здравствует чистоган и правая альтернатива. Дошло, мишуге? Частной страховки у тебя нет. Так что ты раззвонился? Не хочешь в колодец лезть и руки пачкать, социалист? Никому покоя не даешь, занятых людей от дела отрываешь. Жену измучил. А она и так на грани срыва. Все трюфели в этом году яванские кабаны сожрали. Им ведь тоже, того... вкусенького пожрать охота. Не все же в Красной книге сидеть, да желуди лузгать... А ее француз стал, между прочим, заядлым инфантосексуалом. Куда твоей старухе за ним угнаться. Друга московского из могилы вырыл, а он прах, подснежник. К соседке приклеился как дубовый лист. А у нее мама старенькая, в деменции, а папа алкоголик и зоофил, с молочницей живет. Многодетной дочери, доктору медицинских наук, мешаешь заботиться о пациентах и о потомстве. Занята она! Понял, занята. На скрипке играет и детей воспитывает. И в оперу ходит. Сам-то ты даже на пианино не научился бренчать, позорище. Учили тебя, учили... Да-с, Петр Ильич будет очень недоволен твоим поведением. Может направить тебя на полгода в зайчатник или на цугундер, к папе Эрдогану. Наплачься! Да и вообще, ты уверен, что у тебя есть этот якорь? Ты хоть в чем-нибудь уверен, голубок малиновый? Или твои мозги уже превратились в гречневую кашу с простоквашей и смородиной? Положи трубку, мишуге, подними свое нелепое туловище панды с дивана, если сможешь, конечно, и иди в прихожую. Постарайся по дороге не рассыпаться и не расплескаться. Включи там свет и посмотри в зеркало.

...

Как он... они могли узнать? О господи!

Дело в том, что... я уже много лет не смотрелся в зеркало. С тех пор как...

Однажды посмотрел на себя и так себе не понравился, что решил больше своей постаревшей физией не любоваться. Дряхлый, жирный. Подурневший. Как говорит моя хамоватая сестра, живущая в Чикаго — выживший из ума и впавший в детство.

Можно подумать, в Чикаго все гении.

Завесил зеркала простынями. Даже в ванной комнате завесил. Мешало здорово. Ничего, привык. Чтобы о прическе и о бороде больше не думать, начал голову и морду брить электробритвой каждое утро. Качество бритья проверял на ощупь. Так и жил без зеркала. Как бы без лица.

И вот теперь... этот голос, подозрительно похожий на мой... Придется снять простынку с зеркала в прихожей и посмотреть. Перетерплю как-нибудь. Что есть, то есть.

...

Подошел к зеркалу. Почему-то запахло йодом и рыбой. Сдернул простыню.

В зеркале я не увидел ни себя, ни прихожей. Только бескрайнюю водную гладь. Мамочка, океан! Неужели и впрямь, делирий?

По океану плыл большой белый корабль. И вот, я, хотите верьте, хотите нет, уже плыву на океанском лайнере по Атлантическому океану! У меня отдельная каюта. Маленькая, но уютная. С иллюминатором. На стене — репродукция картинки Пикассо. На полке — затейливая деревянная коровка. Вроде бы и деревянная, но в то же время живая. Бычка хочет.

Иллюминатор так широк, что я могу вылезти наружу и прыгнуть в воду, если на судне начнется пожар, и другие пути к спасению будут отрезаны.

И вот... я то и дело высовываюсь из иллюминатора и кукарекаю. Стреляю из пушки и звоню в колокол. Жамуриваю глаза и жадно дышу свежим морским воздухом. Солнце печет как на экваторе. Вода плещется в трех метрах от меня. В синей колеблющейся ее глубине мелькают силуэты огромных рыб-бин. На поверхности воды не плавают раздувшийся труп утопленника. И чайки его не клюют.

Решил пройтись по кораблю и познакомиться с экипажем и другими пассажирами, узнать, куда мы держим курс. Нехорошо плыть непонятно откуда и неизвестно куда. Всю жизнь только это и делал. Пора положить конец этому безобразию!

Надо выйти на палубу, осмотреться, расспросить кого-нибудь о нашем рейсе, а потом найти капитанский мостик и нанести визит вежливости капитану и команде. Сообщить, что я прибыл на борт. Может быть, они меня ждали и подготовили сюрприз.

После этого можно выкурить сигару и выпить виски с содовой в баре для пожилых джентльменов. Почитать Таймс или Шпигель. Пофлиртовать с интеллигентной гречанкой или шведкой. Поиграть на бильярде... посплетничать с офицером, ответственным за культурное развлечение публики. Пожать лапу белому медведю и изнасиловать эскимоску.

...

Что еще делают на кораблях богатые путешественники? Можно посмотреть в бинокль на китов и дельфинов, незаметно поглаживая податливые округлости жены ближнего своего... поиграть в кегли, искупаться в судовом бассейне... купить дорогое ожерелье для тайной подруги в эксклюзивном магазине.

Как это все прекрасно и захватывающе! Гораздо лучше, чем торчать в марцанском одиннадцатизэтажном бетонном ящике и думать о приближающемся конце!

Вышел в длинный коридор. Между дверями висят фотографии известных кораблей и морских портов. Вильгельм Густлофф, Левиафан, Европа, Танго Мари, Марсель, Неаполь, Сан-Франциско...

Многообещающе!

Коридор был пуст. Я прошел его до конца, но никого не встретил. Хотел подняться на палубу, но не нашел ни лифта, ни лестницы. Решил вернуться в свою каюту, но забыл ее номер. Номер, номер... Не помню. Помню только, что не 237 и не 408.

Хорошо еще, на полу и на стенах не было кровавых пятен! Топоры не валялись... на корабле не было ни золотых слит-

ков, ни гор трупов, ни гигантских осьминогов, ни сошедших с ума машин, ни матросов-зомби, ни блуждающих призраков. Не было и ошалевшей блондинки с ружьем и кухонным ножиком.

Побрел по коридору... и вдруг заметил, что коридор разветвляется. Странно. Свернул направо. Подумал: Перпендикулярный первому коридор не может быть таким же длинным, как первый, очевидно протянутый вдоль судна. Он должен быть короче, чем ширина корабля. И сразу же испугался — а что, если это не так?

Опасения мои оправдались. Бывает такое — чего испугаешься, то и происходит. Как по заказу. Конца второго коридора видно не было. Значит... я не на корабле, а в Лабиринте.

...

Догадался, для чего океан, корабль и прочие... декорации. Скучающему Минотавру понадобилась очередная жертва. Старо и неоригинально! Стоило ради этого вытаскивать меня из берлинской конуры? Я ведь не молоденькая девушка и не афинский мальчик. Неужели этому быкоголовому типу интересно губить того, кто уже загублен?

Постойте, постойте... согласно другому варианту легенды, Минотавру скармливали преступников... и сам Лабиринт был всего лишь тюрьмой на Крите, расположенной где-то рядом с Кносским дворцом. Стало быть — я преступник, отправленный с помощью зеркальной ловушки в тюрьму. Казнит меня палач-бык. Вот оно что. Достойное окончание дурацкой комедии.

...

Заметил, что дверь в одну из кают приоткрыта. Постучал и ввалился. В каюте находилась немолодая женщина с пепельно-платиновыми волосами и ногтями. Сидела в кресле. В темной ночной рубашке. Босая. Нюхала розу в бокале и кокетливо посматривала на меня. Жестом предложила мне присесть на аккуратную застеленную койку.

— Разрешите представиться. Меня зовут Антон Сомна.

— Анна. Анна Клэр. Не хотите ли чашечку чаю?

— Спасибо, нет. Вы киноактриса?

— Не совсем. Я преподавала в колледже. А вы кто?

— Трудно понять. Мне пытались внушить, что я умер 66 лет назад в городке Миранда, и с тех пор странствую по нижним мирам.

— А что вы сами о себе думаете?

— Ничего особенного. Родился в Москве, уехал в Германию тридцатичетырехлетним болваном, постарел, начал чудить. И зовут меня иначе. Но мне будет приятно, если вы будете называть меня Антоном.

— Замечательно. Антон, так Антон. С вами интересно. Тут на корабле такая скука. По коридорам бродят какие-то тени.

— Может быть вы мне сообщите, куда мы плывем?

— Ах, плывем куда-то. Мне абсолютно все равно, куда.

— Вы встречали капитана, или кого-нибудь из команды?

— Нет, я даже не смогла на палубу выйти. Хорошо еще догадалась дверь не закрыть в свою каюту, иначе бы не нашла и ее.

— Простите, а вы когда изволили прибыть на борт?

— Минут двадцать назад, а что?

— И уже успели заскучать?

— Ну да... это ведь так естественно.

— Вы упомянули... о тенях. Что это за тени?

— Вы мне вряд ли поверите. Вначале мимо меня прокрался полупрозрачный театральный урод с огромным носом. Мне он показался похожим на этого... знаменитого режиссера-биомеханика, которого так страшно пытали коммунисты. Он еще письма писал... душераздирающие... и жену его убили. А потом по коридору пролетел удивительно красивый мужчина. Немного болезненный. В мундире Белой армии. И в фуражке. Меня оба этих персонажа не заметили, хотя я им вежливо помахала рукой. Да, и еще... я видела карлика. Очень гадкого. Лицо его и руки были запачканы в крови. Карлик посмотрел на меня, ухмыльнулся гаденько, погрозил кривым пальчиком и пропал.

— Сочувствую. Позвольте спросить, как вы тут оказались?

— Сама не знаю. Я лежала в шезлонге в моем садике в Оксфорде, на восточном берегу речки Червелл. Дремала. На-

слаждалась ароматом роз, которые сама вырастила. Мимо меня проплывали лодочки с влюбленными. Кузнечики стрекотали. А с неба падали пастилки. Затем... сама не знаю, как очутилась в этой каюте.

— А вы в зеркало не смотрели?

— Точно, захотела нос попудрить, посмотрела в зеркало в пудренице, а там — вода. Корабль плывет. И меня перенесло сюда. Глупо. Но со мной уже один раз что-то подобное произошло. Невероятная и жуткая история.

— Может быть, расскажете. Самое время.

— Попробую. Вы, кажется, не заметили, что мы говорим на русском.

— Заметил. Но почему-то не придавал этому значения. Действительно, где это вы так научились? Говорите почти без акцента. Оксфордская дама... Вы что, русский там, в колледже, преподавали?

— Нет, моя специальность была — английская литература. Русский я преподавала факультативно. А говорить по-русски я научилась у отца-эмигранта. Это пригодилось мне в самом ужасном месте на Земле — под Москвой, в Сухановской пыточной тюрьме. Спецобъекте 110.

— Кошмар. Какой же черт вас туда занес? Я и не знал, что кто-то из заключенных выжил.

— А я и не выжила. Меня там расстреляли после трех лет издевательств и мучений.

— А как же Оксфорд, колледж, розы?

— Объяснить не могу. Но полагаю, мой Оксфорд, это то же, что и ваша Германия. То, что вы назвали «нижними мирами». Лимб. Промежуточный мир, существующий в параллельной реальности, сообщающийся как-то с обычным миром. Свидетельств его существования множество. Поэзия, живопись, музыка. Но сейчас для нас с вами главное свидетельство того, что Лимб существует — это мы сами.

— Отрадно осознавать, что не я один тут сумасшедший.

— Да, да. И этот корабль конечно тоже часть Лимба.

— Ну что же, Лимб, так Лимб. Расскажите, как вы попали в Сухановку... это место пострашнее любого ада.

— Это случилось через несколько месяцев после окончания Второй Мировой. Все радовались, что войне пришел конец. Я как раз собиралась поступить в колледж святой Хильды. Говорят, была очень привлекательной девушкой.

— Вы и сейчас...

— Оставьте, мы не дети... так вот... вы когда-нибудь слышали о нацистском проекте «Хронос» или «Колокол»? Несколько лет назад книжка вышла. Один поляк написал.

— Что-то читал когда-то... уфологический бред.

— Ну да, бред. Но не совсем. Принято думать, что быстро вращающиеся внутри колокола цилиндры, между которыми находился жидкий металл на основе ртути, создавали что-то вроде антигравитации, и колокол мог свободно левитировать в пространстве... Вторая гипотеза — что особое магнитное поле, генерируемое этой конструкцией, убивало все живое вокруг, так что колокол можно было использовать как оружие массового поражения. Так вот, все это неправда. Колокол создавался нацистами именно для того, чтобы силой проникнуть в Лимб. Нацисты были помешаны на оккультизме. Они хотели пробурить этим чертовым аппаратом дырку в пространственно-временном континууме. Дырку или проход. Проход в параллельную реальность. Чтобы овладеть другими мирами. И использовать Лимб в своих целях.

— Кто же вам все это рассказал?

— Сам Берия. В своем кабинете в Сухановке. Советы захватили один из этих адских колоколов в Польше. Вместе с мощным электрогенератором. Привезли их в Москву. Установили где-то и начали свои опыты.

— А как же вы-то в мясорубку угодили?

— Не знаю. Может быть советчики так его настроили... чтобы людей похищать... и за кем-то важным охотились, но ошиблись. Знаю только, что заснула я в кровати в общежитии колледжа святой Хильды, а проснулась — на откидывающейся доске в камере Сухановской тюрьмы. Избитая и изнасилованная. Камера... пол бетонный... оконце — крохотное, зарешеченное. Еда несъедобная. Пахнет блевотиной. И страшные крики истязуемых страдальцев из подвала. Весь день. Меня

там держали, как я поняла позже, не из-за того, что я чем-то Сталину не угодила, как Ежов, Кольцов или Бабель, а из-за секретности. Никто не должен был знать, что я существую. Никто. И никто и не знал. Когда меня из камеры выводили, мешок на голову надевали. Я была там чем-то вроде Железной Маски. Допрашивал меня сам Берия. Унижал, бил, насиловал часами. Гнусное чудовище. Подонок этот был смышлен, быстро понял, что толку от меня никакого. Я родилась и жила в Оксфорде. О нацистском секретном проекте ничего не знала. Почему проклятая машина перенесла именно меня через Лимб прямо в лапы сталинских палачей — понятия не имела. Берия мной быстро пресытился, я ведь была еще невинной девушкой, что с такой взять? Три года меня там держали просто так, не отпускать же, а потом расстреляли. Без суда и следствия. Монсеньор смиловился надо мной, я не исчезла во тьме, а попала в Лимб. В оксфордское отделение.

— Вам повезло.

— Ну это как считать. Я жила там, любила, преподавала, но все время знала, что эта жизнь не настоящая... а сумеречная, искусственная. Сотканная из моей мечты.

— За что же вас из рая перенесли сюда, на корабль?

— Не знаю.

— Пойдете со мной в лабиринт?

— Нет, я трусиха... останусь в своей каюте. У меня на полке полные собрания сочинений Китса и Шелли. Хочу перечитать. Заходите, господин Сомна, когда Минотавра прикончите, на чашечку зеленого чая. Помогает от всех кручин.

...

Произнеся это, госпожа Клэр замерла, поникла, остекленела, и я заметил, что на ее месте в кресле сидит искусно сделанная кукла из папье-маше.

Вышел из ее каюты и пошел по коридору. Неожиданно услышал звук открывающихся дверей. Прямо передо мной была кабина лифта. Шикарная, светлая. С лифтером, симпатичным седым негром в комичной ливрее.

— Куда прикажите?

— Если можно, на капитанский мостик.

— На мостик вам, сударь, вход запрещен. Отвезу вас на верхнюю палубу. Там все собрались. Даже кровавый нарком почтил своим присутствием.

— Валяйте.

...

Двери лифта открылись...

Я вышел и очутился не на палубе океанского лайнера, плывущего по обратной стороне Атлантики, и не в Лабиринте, логове Минотавра, по которому носились таинственные тени, и даже не в потустороннем театре, в котором Ежов в огромных рукавицах служит охранником, а несчастный Мейерхолд поставил свою последнюю пьесу с Сергеем Эфроном в главной роли, нет, нет... я очутился в магазине Нетто.

В том, который расположен всего в ста метрах от моего дома в Марцане. Я шел вдоль длинного открытого холодильника. Перед собой толкал хромированную тележку, полную продуктов.

Так... проверим... молоко полтора процента. Есть.

Куриное мясо ломтиками. Можно потушить с черносливом. Есть.

Малина. Крупная? Да. И без мушек. Есть.

Две пачки сливок. С малинкой сделаю. Есть.

Яблочные пирожные. Легкие и почти не сладкие. Есть.

Баклажаны. Пожарю «под грибы». Есть.

Яйца. Надо покрупнее найти. Есть.

Что я еще хотел взять? Да, креветки... четыре упаковки. Есть.

Салат из крабов. Есть.

Пожалуй, несколько коробочек с суши тоже не помешают... Иногда так хочется свежей рыбки с рисом. Есть.

Шесть еще теплых булочек с маком... Есть.

И... Ах, да, греческий творог и оранжевый изюм без косточек. Есть!

Двести грамм Камамбера. Есть.

И полкило кураги. Обожаю. Съедобный янтарь. Есть.

Знакомая кассирша, толстая немка с лицом ньюфаундленда, заметила, принимая у меня наличные: Вы сегодня много покупаете, что, гостей ждете?

— Нет, не жду. Просто проголодался. Кстати, не нашел почему-то язык.

— Свежие бычьи языки привозят по пятницам, но их быстро раскупают. Оставьте заказ у продавщицы.

ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ УЮТНЫЙ МИР

За витой чугунной оградой — яблоневый сад, в саду — знакомый до боли четырехэтажный дом с тремя подъездами и острой крышей, фронтоном которой украшен небольшим каменным рельефом — нагая ведьма скачет на козле, над ней звезды, Солнце и Луна.

Дверь в подъезд почему-то не заперта. Поднялся по освещенной приятным оранжевым светом лестнице, постучал.

Кармела открыла сразу, как будто стояла за дверью. Схватила меня за руки, втянула в квартиру и захлопнула входную дверь.

Ее лицо и шея окрашивались то густым красным, то зеленым — в коридоре висели несколько медленно вращающихся люстр с цветными абажурами.

— Ты? Родной мой! Я знала, что ты придешь! Ждала тебя все эти годы! Проходи, не бойся, тут никого нет, только ты и я. Обними меня!

Все та же женщина. В том же небрежно распахнутом китайском шелковом халате с багровыми драконами. Несколько новых морщинок на шее, седые пряди, усталые глаза больше не блестят. Маленькие породистые руки — как будто стали еще меньше. Фигура не изменилась. И пахнет теми же дурманящими духами. С примесью нардового масла.

...

Мы расстались двадцать лет назад и с тех пор виделись только один раз.

Я приезжал тогда в город К., чтобы закончить одно мучающее меня дело, отдать старый долг. Остановился в отеле напротив Оперного театра. Вечером, после хвойной ванны и двух рюмок лимонной водки позвонил ей... наугад... не знал, зачем звоню, что хочу от бывшей жены, боялся нарваться на

упреки или нытье, был уверен, что Кармела живет в нашей старой квартире с новым мужем, а меня или презирает, или ненавидит, или, в лучшем случае, знать не хочет, как все оставленные жены.

Но она ответила неожиданно нежно, позвала к себе... и я тут же забыл нашу ссору, обиду, развод... и побежал к ней, задыхаясь и горя внезапно вспыхнувшей страстью, как молодой любовник бежит, изнемогая от нетерпения, к пригласившей его после года тайных домогательств на интимное свидание светской львице, прелой, пышногрудой даме, пресытившейся богатыми пожилыми поклонниками и решившей для разнообразия пригласить в постель неоперившегося юнца. Бежит, забыв о слезах матери и о каменном лице отца, о возможной потере доброй репутации, забыв о той, еще невинной, которую любил с школьной поры и с которой собирался создать семью и прожить всю жизнь.

Кармела встретила меня тогда радостной улыбкой, поцеловала в нос...

Потом мы танцевали под ее любимую мелодию («Такая ночь» Доктора Джона) и, не спеша, как стриптизерши, раздевались.

После любви лежали обнявшись и Кармела монотонно и многословно рассказывала мне о том, кто разорился, кто разбогател, кто уехал, кто на ком женился и кто с кем развелся за то время, что меня не было в городе. После второго приступа страсти, длящегося значительно дольше первого, я заснул и мне приснилось, что я медленно плыву в море и вот... на горизонте появляется как бы из ничего огромная пенящаяся волна, цунами...

Я изо всех сил пытаюсь выйти на берег и убежать от волны, но не могу... и она настигает меня, ломает и плющит своей тяжестью мое тело.

Проснулся потный от страха и с болью в спине около половины третьего ночи.

Переборол страх, встал, собрал одежду, раскиданную второпях по спальне, оделся в коридоре и пошел к себе в отель.

По дороге вспоминал нашу ссору...

Было это поздней осенью, по стволам яблонь сочилась ледяная вода, голые ветки печально подрагивали, ветер гонял по тротуару мокрые опавшие листья... ночной город гудел пустотой, беззвучно стреляя в низкое темно-желтое небо влажными воздушными снарядами. Напоминал огромную декорацию к черно-белому фильму ужасов, декорацию, готовую материализоваться в настоящий город кошмаров и чудовищ. Из темных окон на меня пристально смотрели синие женщины с рубиновыми глазами.

...

И вот, я опять здесь, в этом доме в яблочном саду, в нашей бывшей квартире.

Моя постаревшая жена обнимает меня, прижимается ко мне мягкой грудью, благоговейно и томно заглядывает в глаза...

Мы лежим на той кровати, которую когда-то купили и собрали, и наши тела уже начали тот сладостный диалог, который в течение пятилетней совместной жизни ни разу не кончился разочарованием.

И вновь... как когда-то... пространство перестало быть пустотой, заполненной хламом, а время — назойливым буксиром, толкающим наши тела в сторону кладбища. И будущее перестало представляться грязным тупиком, а стало похоже на прогулку в ясный безветренный летний день по секвойному лесу на севере Калифорнии.

Перед самым концом Кармела еле слышно прошептала: Хочешь кончить мне в рот?

Я отлепился от нее, она двинулась мне навстречу и... нам удалось не проронить ни капли любовного сока на простыню.

Синие женщины на улице истоиво распевали знаменитый хорал «Аллилуйя».

...

Моя первая выставка в городе К. состоялась в культурном центре Лемхауз.

Официальным организатором этой выставки была Кармела Ц., референт городского управления культуры. Женщину эту я не знал, видел ее только несколько раз мельком. Заме-

тил, что у нее печальные глаза, что она как-то особенно ходит и говорит. Не ходит, а ускользает. Не говорит, а роняет слова как капли.

Бедняжка! За тридцать минут до открытия — она все еще не имела официального разрешения на проведение выставки от директора Лемхауза, противного и пошлого толстяка. Директор подписал бумагу только после того, как Кармела сделала ему, против воли, в двадцатый раз — глазки, превозмогая отвращение, потрясла бюстом и обещала своим капельным голосом «близкое сотрудничество в будущем». Еще через несколько минут (публика уже волновалась у входа) выяснилось, что электричество в той части здания, где были развешаны мои картины, отключено. Пришлось искать электрика, который успел укатить на своем двухместном рено в недавно купленное им в кредит бунгало в Рудных горах, в тридцати километрах от города.

Кто-то подал идею — провести вернисаж при свечах.

Свечи нашлись... но вдруг появился пожарник и заявил, что такой альбтраум, как сотни зажженных свечей в залах с деревянными стенами, полами и потолком, он разрешить не может. Кармела умоляла его, уверяла, что все будет хорошо, даже заплакала, но он был непреклонен. Тогда какая-то светлая голова вспомнила, что в юности пожарник был влюблен в прелестную Изабеллу М.. Ей позвонили, объяснили ситуацию, попросили сейчас же приехать. Изабелла согласилась, тут же прикатила на своем белом ауди и побеседовала с пожарником. В результате первые сорок минут вернисажа горели свечи, а потом загорелся и электрический свет.

...

Вернисаж удался на славу.

Я был горд, возбужден и очарован вниманием публики, состоящей из дам разного возраста и общественного положения, любительниц современного искусства, и их скучающих мужей и детей.

Музыканты обворожили публику виртуозной игрой на ударных инструментах, во вступительной речи приглашенный искусствовед назвал меня «прибывшим к нам с Востока

инженером таинственных метафизических конструкций», пива и сосисок хватило на всех, я дал два интервью для местной прессы, три моих работы купили, кроме того я получил предложение устроить выставки в Дрездене, Берлине и Вене, а также несколько приглашений в гости к коллекционерам. Всем этим я остался очень доволен и даже начал немножко важничать. Вдобавок Кармела упросила меня дойти с ней после окончания вернисажа от Лемхауза до универмага Титц пешком. Чтобы по дороге насладиться ароматом сирени... послушать соловьев... и поближе познакомиться. И еще она хотела, чтобы я объяснил ей скрытый смысл некоторых моих работ. Смысл, которого не было.

И вот... мы шли по бульвару. Теплым майским вечером.

Прошли почти три километра. Обсудили и скрытый смысл моих картин и еще тысячу других вещей, не менее важных, вошли в городской парк, в ту его часть, где похоронены погибшие во время наполеоновских войн французские солдаты. Нашли там уютную лавочку, с трех сторон окруженную кустами сирени. Уселись.

Город гудел как оркестр тибетских труб.

Где-то рядом с нами солировал соловей.

Кармела сама расстегнула мне штаны.

Села на меня верхом и обнажила грудь.

Соловей пел так громко... тибетские трубы ревели как канадские медведи... мне казалось, что земная кора под нами вот-вот треснет и из трещины вылезут французские солдаты и запоют Марсельезу... или оттуда польется раскаленная лава и поглотит нас вместе с лавочкой и сиренью. Размышляя о том, сумеет ли в этом случае соловей спастись.

Неожиданно все замолкло.

А через мгновение — как раз тогда, когда мы оба в исступлении кончали, небо взорвалось фейерверком. Фирма Кока-Кола праздновала открытие в городе своего нового филиала.

...

Дома меня дожидались жена и две маленькие дочери, а Кармелу — любящий муж и трое их мальчиков. Но ни ее, ни меня это почему-то не смущало. Наоборот, придавало нашей близости особую сладость.

Через несколько месяцев муж Кармелы ушел из семьи и сразу после развода женился на директрисе фирмы, в которой работал, а моя жена с дочками уехала жить к родителям в другой город, нашла там работу, а потом, еще до нашего с ней развода, и сожителя.

Мы с Кармелой поженились. А через пять лет поссорились. И разошлись.

Какая кошка пробежала между нами? Нелепая история. Нет ничего прекраснее начала любви и нет ничего пошлее ее конца.

Произошло это в день моего рождения, точнее — ночью и утром после него.

Я к тому времени уже давно не праздновал свои дни рождения. Зачем? Эту забаву надо оставить детям и маразматикам. Пусть себе тешатся.

Как всегда на всех парах... подкатил очередной январь. Бесснежный, теплый, гнилой. Мне исполнилось сорок два года. Я надеялся на то, что мы с женой проведем этот день вдвоем, выпьем шампанского, закусим пастилой и пораньше ляжем спать. Но Кармела заныла — «вечно мы торчим дома одни, давай пригласим хотя бы Нильса и Гудрун», ее старых знакомых, у которых мы однажды прожили четыре дня в дачном домике на озере восточнее Берлина. Катались на яхте, ели пойманных Нильсом рыбешек, слушали рассказы Гудрун о Южной Африке. Гудрун прожила три года на биологической станции в Лесото, в Драконовых горах, изучала какой-то исчезающий вид птиц, мохнатых чижиков или лысых попугаев. Насмотрелась там всякого...

С успешным адвокатом по делам недвижимости, высоким импозантным блондином Нильсом Кармела была знакома с детства, они были одноклассниками и души друг в друге не чаяли. А приехавшую в город К. после объединения Германии долговязую и худую Гудрун почти не знала, но кажется недолюбливала. Скрытно, по-женски. Может быть ревновала к Нильсу. Так я по крайней мере думал до нашей ссоры.

Я немного завидовал успеху и богатству Нильса, а к Гудрун относился скептически благожелательно. Пригла-

шать их домой не хотел... хвастать мне было нечем, художественная карьера буксовала, несмотря на хорошее начало и выставки, заказов было мало, жили мы с Кармелой бедно, чтобы заработать на квартплату, еду и шмотки приходилось братья за разные временные работы, о которых неприятно рассказывать друзьям за пиршественным столом... Мы действительно давно никого не приглашали в гости, и привыкшая в своей прошлой жизни быть на людях и мотаться по барам и ресторанам Кармела от этого страдала. Я захотел сделать ей приятное и согласился принять Нильса и Гудрун.

...

Накупили спиртного — на взвод солдат хватило бы.

Кармела испекла ореховый пирог с цукатами и затушила три килограмма парного мяса ягненка с овощами в розовом вине.

Гости явились в девять вечера. Элегантные, милые, хорошо одетые. Беззаботные.

Подарили мне носорога из черного дерева, привезенного Гудрун из Африки.

Сели за стол в гостиной. Пили «Лонг Айленд». Запивали шампанским. Закусывали ломтиками манго и хурмой.

Кармела принесла мясо ягненка.

В десять я был уже так пьян, что перестал понимать Гудрун, рассказывающую о проделках браконьеров в национальном парке Пиланесберг, «в котором обитают десятки тысяч диких животных». Перед глазами у меня бегали голубые слоны, лиловые ягуары и браконьеры на ходулях. В руках они держали старомодные мушкетеры. Зачем-то бешено свистели в свистки. Я зажимал уши...

Нильс и Кармела танцевали под музыку Доктора Джона. Я из вежливости пригласил Гудрун, но танцевать не смог. У меня так кружилась голова, что я не мог отличить пола от потолка.

Около полвторого ночи я обнаружил, что сижу в коридоре по-турецки на полу, что-то напеваю и глажу подаренного мне носорога...

Дома было тихо, и я решил, что гости ушли. Поставил носорога на полку, разделся, умылся, почистил зубы и лег в постель. Обнял свернувшуюся калачиком Кармелу и заснул. Ближе к утру совокупился с ней. Представлял себе, что мы ягуары, рычал и царапался. Заметил, что у Кармелы странно посинело и изменилось лицо, и ноги стали заметно худее и длиннее. Решил еще пьяным умом, что так на нее подействовал «Лонг Айленд».

...

Утром проснулся и глазам своим не поверил. У меня в объятьях нежилась не моя жена, а чужая женщина. Эта самая долговязая специалистка по зябликам и ибисам, Гудрун.

Рядом с нами чертов Нильс энергично трахал Кармелу. Сзади.

Пошел на кухню, нашел там самый большой нож и вернулся в спальню.

Хотел зарезать гостей и жену, а потом покончить с собой.

Но никого зарезать не смог, потому что раскис и расплакался, Нильс без труда отобрал у меня нож. А Кармела и Гудрун вначале успокаивали меня, а потом попытались свести все к шутке. Показывали мне языки и хихикали. Спелись, стервы. Обнялись и демонстративно сочно поцеловались.

Я смотрел на их проделки и не понимал, как я мог прожить пять лет с этой вульгарной бесстыжей бабой.

...

Через полчаса, за завтраком, Нильс божился, что я вчера вечером допился до невменяемого состояния, рыгал, рычал, прыгал, свистел, а потом ни с того, ни с сего полез к Гудрун целоваться, а затем поднял ее и унес в спальню.

Через несколько минут Нильс и Кармела зашли в спальню посмотреть, что мы там делаем. Я спал на одной стороне кровати, Гудрун — на другой. Нильс и Кармела решили, что мы дурачимся. После этого они еще долго сидели в гостиной, допивали выпивку, доедали ягненка и торт и вспоминали школьные годы. Под утро присоединились к нам. Потому что не хотели спать на полу. Мы с Гудрун в это время занимались любовью. Нильс и Кармела решили от нас не отставать...

Нильс сказал примирительно: Послушай, мы все много выпили и немного погрешили. Ты переспал с моей женой, я с твоей. Мы квиты. Не надо из этого делать трагедию.

Кармела добавила примирительным тоном: Я ничего не соображала из-за проклятого коктейля. Что случилось, то случилось. Забудь, если это тебе неприятно.

Гудрун звонко поцеловала меня в щеку и пролепетала: А ты темпераментный, просто тигр!

И все опять начали смеяться.

А мне было не смешно. Я не знал, чему верить. Подозревал, что все трое сговорились и специально напоили меня для того, чтобы устроить небольшой открытый свинг среди своих. Вспомнил, что какое-то время назад Кармела предложила мне посетить одно закрытое общество, члены которого занимались различными видами группового секса и скорчила недовольную мину, когда я ответил ей отказом и шутливо пообещал выпороть ее ремнем.

Кармела прошипела тогда: Дура, не надо было выходить замуж за зашоренного идиота...

Я конечно взорвался, но Кармела меня успокоила. Даже позволила символически выпороть ее по попке ремнем. Я не бил ее, скорее гладил, а она вдруг закричала: Сильнее, сильнее хлещи!

Я раз пять хлестнул ее посильнее, а потом не выдержал, лег на нее и проник. И забыл обо всем.

Так наверное случилось бы и после ночи вчетвером. Но перед тем, как Нильс и Гудрун покинули квартиру, Кармела так скабречно посмотрела на Гудрун и так проникновенно на Нильса, что мне все стало ясно. Я ничего ей не сказал, потому что понял, что моя семейная жизнь с Кармелой кончилась.

В тот же день сходил к адвокату и начал процедуру развода. А на следующий день зашел к знакомому маклеру и снял с его помощью меблированную квартиру недалеко от главного вокзала. Получил ключи еще до подписания контракта, осмотрел квартиру и остался в ней.

Прислал за своими вещами бригаду грузчиков. Приготовил для них список того, что они должны были забрать. Мебель, обстановку и дорогую электронику оставил жене.

Через полгода я уехал из города, решив никогда в него больше не возвращаться.

И вот, я опять лежу на нашей старой кровати...

...

В темноте спальни мне неожиданно померещился Нильс. Он кивал своей большой головой и шептал: Это была шутка! Шутка и чудесное развлечение для взрослых. А ты схватился за нож, поссорился с женой, испортил ей и себе жизнь! Носорог!

Рядом с ним маячила долговязая Гудрун с синим лицом и рубиновыми глазами и приговаривала: Даже львы и леопарды не такие ревнивые. Если бы ты знал, милый, что вытворяют тигры по ночам...

Закрыв глаза и зажал уши. Тьма превратилась в темно-красное полотно с синими полосами, звуки скукожились. Нильс и Гудрун пропали.

Поцеловал Кармелу в губы, погладил ее поседевшие кудри. Почему-то мне показалось, что ее тело сделано из воска.

Восковая Кармела проснулась, сладко улыбнулась и тут же уснула. Как задутая свеча.

По старой привычке начал говорить с самим собой.

— Какой же я кретин! Объясни, что со мной.

— Ничего особенного. Пришел к женщине, с которой долго жил и испытал много радостей.

— Почему же я бросил ту, которую так любил?

— Обыкновенная история. Потому что она была вовсе не такой, какой ты ее себе представлял. У нее была своя жизнь, о которой ты и понятия не имел. Возможно, все пять лет, которые ты с ней прожил, она тебе изменяла с этим адвокатом.

— Да, да я убежал от нее, от этой сальной сучки. Но счастья без нее не нашел. Только с ней, только с ней я был счастлив. Какой же я идиот.

— Ты даже не представляешь себе, насколько ты прав. Задать тебе наводящий вопрос?

— Давай.

— Скажи, сколько лет твоей Кармеле? Посмотри на нее внимательно.

— Не надо меня учить, как смотреть. Около сорока пяти. Самое большое — сорок восемь.

— А сколько лет тебе?

— Мне? погоди... шестьдесят два или шестьдесят четыре, или тысячу, не помню, а что?

— А то, что твоя бывшая жена на шесть лет тебя старше. Вспомни, как она из-за этого страдала! Не водила к родителям, не ходила с тобой в театр. Даже не купалась вместе с тобой в Адриатическом море.

— Ты это к чему?

— Думай, думай. Она на шесть лет тебя старше. Значит... ей сейчас шестьдесят восемь лет. Или семьдесят. А та восковая женщина, которую ты видишь, это только проекция твоего воспоминания. Фантом.

— Не может быть.

— Может. Да, и еще одна мелочь... уверяю тебя, ты был в этом доме еще раз, после того вашего осеннего свидания.

— Я был тут еще раз? Нет.

— Был и точка.

— Когда?

— Около восьми лет назад.

— Не был.

— Нет, был. И повод был особенный. Похороны.

— Какие похороны? Не помню никаких похорон!

— Похороны твоей Кармелы, как было написано в некрологе, — «скоропостижно скончавшейся», а на самом деле — покончившей с собой из-за хронической депрессии. Удавившейся. Прямо тут, в спальне. На поминках ты напился и приставал ко всем, подрался с Нильсом, тебя связали и положили на ту самую кровать, на которой ты сейчас лежишь. Чтобы ты никого не поранил. Кровать эту кстати выбросили на свалку через месяц после похорон.

— Повесилась?

— Да, привязала бельевую веревку к крючку для люстры. Надела петлю на шею. Встала на табуретку. И... и часть вины за это несчастье лежит на тебе.

— Как же я мог это забыть?

— Тебе так легче.

— Подрался на поминках, приставал...

— Я бы мог о тебе такое порассказать...

— А кровать выбросили?

— Выбросили.

— А на чем же я сейчас лежу?

— Спроси об этом самого себя. Свою память.

— Но ты же и есть я.

— Уверен?

— Не томи.

— Зачем мне тебя томить? Только... если кто не спрятался, я не виноват. Понимаешь, как бы это помягче сформулировать... Ты тоже умер. Тебя похоронили два года назад. И было это далеко-далеко отсюда. Тебя сожгли и похоронили в лесу, а ты все бродишь и бродишь по Земле, пугаешь живых и заражаешь трупным ядом своих фантазий этот маленький уютный мир.

ЧАТТАНУГА

После долгих, бедных и унижительных лет безработицы я получил работу. В небольшом рекламном агентстве.

Интервью со мной его шеф провел по телефону. Чудак. Чем-то я ему понравился. Может, его рассмешил анекдот про сторожа и шампиньоны, который я ему рассказал? Сразу предложил начать работать у него. В следующий понедельник, в восемь утра. В новом здании неподалеку от Восточного вокзала. В комнате, из окон которой, по его словам, было видно бывшую Берлинскую Стену, расписанную художниками-энтузиастами. Целующиеся в засос Брежнев и Хоннекер, убогий гэдээровский автомобиль Трабант, пробивающий Стену, фабричные здания, трубы, ошалевшие толпы людей и всевозможные пестрые чудовища, символизирующие не помню что...

Шеф сказал, что эти картинки хоть и наводят на скорбные мысли о судьбе человечества, но помогают понять психологию клиента, покупающего, например, противозачаточные пилюли или порошок для борьбы с вредными насекомыми.

...

Новая работа! После восемнадцати лет безработицы. Какая неожиданная, но желанная перемена!

Хотя... придется пять раз в неделю рано вставать и кататься туда-сюда на ужасном берлинском общественном транспорте. Каждый день торчать в душной комнате с чужими людьми по восемь часов. Терпеть их запах, фальшивые улыбки, банальные мотивации их поступков и их тошнотворные шутки.

Зато карман не будет больше вечно пустым. Не нужно будет покупать булочки по 14 центов и рыбные палочки по полтора евро за пачку в магазине Нетто.

После первой же зарплаты на новом месте я пойду в магазин Реве, куплю булочки с изюмом по 39 центов и мясо крабов. Поджарю его в оливковом масле и съем с сладкими желтыми перцами, фаршированными тушеной печенью теленка и рисом дядюшки Бена.

Буду пить настоящий дорогой горячий шоколад. Горьких швейцарских сортов... с миндальными и мускатными орешками. Густой как пудинг.

Надеюсь, это прибавит мне самоуважения, уверенности в завтрашнем дне и улучшит пищеварение. И продлит мое эфемерное существование на этой чудесной планете, которую мы так упорно превращаем в свалку. Если меня конечно не доведут до безвременной кончины стресс, неизбежные коллективные трапезы в ресторанах, с стриптизершами и фокусниками, невыносимо долго длящиеся дни рождения, регулярные нотации и проработки начальников, бессмысленные курсы повышения квалификации...

И еще — ревность, интриги, зависть, злоба, тупость, наущничество и прочие негативные проявления человеческой природы, особенно ярко проявляющиеся у двуногих бескрылых в процессе хорошо оплачиваемой совместной трудовой деятельности.

...

Как же приятно стать богатым!

Куплю себе раскладной электросамокат.

Давно мечтал об этой полезной вещице, ведь с самокатом — другая жизнь. Ты больше не пешеход, как все эти неопрятные люди с мрачными лицами, бесцельно слоняющиеся по улицам Марцана с собаками и без. У тебя есть цель.

Вышел на улицу, влез на самокат и покатил на работу... или в магазин, за покупками. Ты не какое-нибудь восточногерманское или ближневосточное, задыхающееся в своей незначительности, чмо! Ты хоть и постаревший, и подурневший, но человек. Человек с деньгами!

Пусть и с бритой головой, неизбывной тоской в сердце и маленьким ножиком в кармане.

А в эс-бане самокат можно сложить и спрятать в сумку, чтобы не мешал.

Сумку буду ставить на колени, включать смартфон и играть всю дорогу в шарики-стрелялки. Главное — не смотреть по сторонам!

Сниму новую квартиру. В Шарлоттенбурге. Буду заходить во дворец и гулять по парку королевы Софии. Посещать собрание графики Бергрюна. И музей сюрреализма.

И новая мебель не помешает. Старая похожа на облезлую черепаху, из которой пружины торчат.

Плазменный телевизор, компьютер, колонки...

И вещичек надо подкупить. А то все брюки и носки с дырками. Курточку присмотреть пофасонистее. Костюм строгий. С полоской.

Дюжину белых рубашек куплю. Туфли. Перстенок с зеленым камешком. Или с синим. И золотые запонки.

Загляну вечером на улицу Ораниенбургерштрассе.

...

Только вот... смогу ли я что-нибудь полезное делать на работе? Смогу ли выполнять заказы? Придумаю ли новую рекламу для противозачаточных пилюль? Не уверен. И Хоннекер с Брежневым мне вряд ли помогут. И фабрики. И чудовища.

Башка что-то плохо варит последнее время. Исчезла острота восприятия. Вместо ясной, четкой картины — туман. Сумерки. Раздражаюсь часто по мелочам.

Тело как будто стало чужим. Неповоротливым, вялым. Как личинка в коконе.

Сны вижу мучительные. Город странный снится. Люди — вроде как плоские. А все дома — белые и похожи на чайники. А я среди них как таракан бегаю, ищу свою самку.

С полезным — понятно. А бесполезное делать сможешь? Высосешь из пальца рекламу к стиральному порошку?

Не знаю, но заниматься чем-то бесполезным мне все же милее... не так позорно срезаться, показать некомпетентность.

Вот... идут два розовощеких близнеца-бутуза в новых матросских костюмчиках по набережной. Неожиданно с неба

спускается роскошная летающая тарелка. Мальчики пугаются и подают на асфальт. А там — лужа. Поднимаются, оттряхиваются. Их костюмчики — в ужасных грязных пятнах. Близнецы в отчаянии. Что скажет строгая мама? Из летающей тарелки выходят улыбающиеся двухголовые инопланетяне, в руках они держат — посверкивающие как бриллианты коробки стирального порошка Доппелькопф... Через полчаса близнецы возвращаются домой. В безукоризненно чистых костюмах. Их встречает радостная мамаша. У нее — две головы и четыре руки.

...

Нашел вход в здание. Поднялся на седьмой этаж. Подошел к кабинету шефа. Там должен был собраться «наш сплоченный коллектив единомышленников для краткого представления нового креативного сотрудника и раздачи заказов».

Было ровно восемь часов утра и жарко как в Африке...

Как они меня примут?

Руки у меня подрагивали, как хвост у бездомной собаки.

Во рту набегала слюна, хотелось плюнуть...

В коридоре висело огромное зеркало. Бегло осмотрел себя.

Так... забыл погладить брюки. Подмышками рубашка промокла от пота. И еще немного — на спине. Галстук мятый. Сандалии нечистые. На носке правой ноги белеет дырка размером с центовую монетку.

Вытер лоб платком, прокашлялся, постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет.

...

Вау! Не кабинет, а овальный зал...

С дорогим паркетом, хором и росписью на потолке. Херувимы, серафимы и целый сонм каких-то героев-силачей.

Гомоэротическая лепнина с копьями, знаменами и пушками...

В зале звучала музыка. Старая запись. «Чаттануга Чу-чу» в исполнении оркестра Гленна Миллера. Все присутствующие танцевали.

Сотрудники агентства и сам шеф оказались очень старыми людьми. Сильно за 80. Лысые или седовласые старцы в смокингах и жуткие напудренные старухи в бальных платьях. Шеф — во фраке и в черном цилиндре, обернутом атласной красной лентой. На ленте — золотая бляшка в форме мертвой головы. Многозначительно мне подмигнул и кивнул.

И последнее, самое удивительное — в кабинете находился средних размеров паровоз с пассажирским вагоном. Стоял на рельсах.

Паровоз то и дело гудел и сипло выпускал пар из своих механических легких. Казалось, что он кого-то ждет. Из его кабины выглядывал веселый негр-машинист. Сверкал белыми зубами и жевал жвачку.

И это — рекламное агентство? Тут я должен работать над рекламой стирального порошка? Подходящее место.

Поначалу остальные будущие мои коллеги меня не замечали, потом, очевидно, заметили. Но музыку не выключили, танцевать не перестали... знаками пригласили меня присоединиться.

Я вышел на середину зала, закрыл глаза и начал ритмично сдвигать колени влево и вправо... а потом попытался отбить чечетку. Не получилось. Чуть не упал из-за острой боли в лодыжке.

Танцевал и терзал себя мыслями.

Что я буду делать в этой компании, среди этих танцующих мумий, карточных королей и пиковых дам? Я, человек, которому опротивела жизнь. У меня нет никаких идей. Все давно прогорело. У меня болят суставы. На душе муторно. Мне омерзительна реклама. Противен весь этот меркантильный мир, катящийся в пропасть.

Может быть, лучше покончить с фарсом, достать потихоньку нож из кармана и перерезать себе горло? Красное пятно в середине зала и скрюченная лежащая фигура придадут ему драматическую завершенность.

Затем... о наваждение, о печаль...

Ко мне подошла высокая пожилая дама в железной зубчатой короне, с закрытым сиреневой вуалью лицом, взяла меня за руку и повела за собой.

Она увела меня в вагон.

За нами в вагон зашли и все остальные. Чинно расселись на деревянных сидениях. Отрешенно смотрели перед собой. Молчали. Перебирали пальцами четки.

Шеф в цилиндре снял со стены старомодный микрофон и проговорил в него несколько слов. Из динамиков прохрипело: Следующая остановка — Чаттануга. Чаттануга, Теннеси. Время прибытия — между июнем и августом. Счастливой поездки, друзья! Как я вам завидую!

После этого шеф вышел из вагона. Стоял под неизвестно откуда взявшимся газовым фонарем и махал нам на прощанье рукой в белой перчатке.

Паровоз загудел особенно громко и протяжно, мы тронулись.

Я спросил даму в короне, сидящую рядом со мной — как же мы переедем на поезде через Атлантический океан, неужели янки построили мост... а она, вместо того, чтобы засмеяться, резко отдернула сиреневую вуаль...

О, страх и трепет! То, что я увидел, не было лицом женщины.

Вокруг жилистой, землистого цвета шеи этого существа обвились две шипящие змеи, вместо носа зияла дыра. Впалые щеки и острый подбородок заросли кустистой бородой цвета старинного нефрита. Из безгубого ее рта торчали темно-синие зубы. Глубоко посаженные бесцветные глаза смотрели на меня без печали и сожаления.

Больше вопросов я не ей задавал.

Потому что неожиданно понял, что ее лицо, лицо дюре-ровской Смерти с известной гравюры, и было ответом не только на мой шуточный вопрос, но и на все самые важные для меня вопросы, которые я всю жизнь задавал себе и миру.

Понял, что началось мое последнее путешествие, которое кончится заведомо не в мифической, веселой, состоящей из радостных аккордов Чаттануге, а в другом, куда более мрачном месте, понял и то, что единственное, что я могу еще сделать — это постараться достойно встретить конец.

Как-то само собой стало ясно, что войдя в овальный зал, а потом и в вагон, я покинул нашу обычную реальность и теперь нахожусь... где угодно, только не в рациональном и приземленном до рвоты, раздраженном Берлине 2019 года.

Меня не покидало неприятное чувство, что я влез в чужую историю. Что меня поймали в капкан, который ставили не для меня.

* * *

Итак, поезд тронулся...

Я приник к окошку и стал жадно смотреть. Предполагал, что наш тяжелый паровоз пробьет стену здания и мы рухнем на землю как сошедший с рельсов вагончик на Американских горках. Надеялся на то, что мы поплывем в воздухе, как Санта Клаус в своих санях. Но ни того, ни другого не произошло.

Мы проехали сквозь невидимое отверстие в стене овального зала и попали в темный туннель. Я так его назвал. Что это было на самом деле, через какие кротовые норы вел этот туннель, куда, я не знаю.

Спустя какое-то время мы выехали из туннеля.

Вокруг нас была земля. Серая, сухая, похожая на бетон. Пыльная.

Ни деревца, ни кустика, ни цветка. Ни холмика, ни домика...

Небо было крысиного цвета. Ни облака. На горизонте — ничего, кроме горизонта.

Перевел взгляд на пассажиров... и поразился произошедшей с ними перемене. Никаких смокингов и бальных платьев на них больше не было. Все были одеты в рабочие штаны цвета льна и такие же майки с длинными рукавами. На головах у всех были одинаковые круглые шапочки. На ногах — грубые черные ботинки.

На лицах женщин не было грима.

Но самое странное — все пассажиры превратились в людей без возраста, без фигуры, без ярко выраженной индивидуальности...

Все от двадцати пяти до пятидесяти пяти. Все среднего роста. Ни толстые, ни тонкие, так себе... Выражение лиц — как у манекенов.

Моя соседка потеряла корону и вуаль. У нее появились курносый нос и губы, а борода исчезла. Уборщица. Дежурная. Рабочая на складе. Ничего необычного.

И я тоже стал таким как все. В рабочих штанах, майке и шапочке.

Желания, страхи и боли пропали, мысли замедлились, но не исчезли.

Кто-то к чему-то нас тщательно подготовил, внешне и внутренне. И произошло это в том самом темном туннеле.

Неужели к заключению и лагерным работам?

Похоже. Не хватало только татуировки на руках. На всякий случай внимательно осмотрел руки — нет, не было татуировки.

Как же они, те, кто всем этим управляет, будут нас различать? Кто они?

Тут одна из впереди меня сидящих дам слегка приподнялась, и я увидел на ее спине, на майке что-то вроде штрих-кода. Как я узнал позже, каждый из нас имел свой код или номер, состоящий из 34 цифр. Чтобы узнать его достаточно было коснуться тела специальным прибором. Код этот нельзя было изменить. На майке код печатался для того, чтобы его можно было прочитать с большого расстояния. И не только на спине, но и на груди. И на штанах, и на шапочке.

...

Унылый пейзаж за окном изменился.

Слева по ходу поезда на горизонте показалось что-то похожее на человеческую фигуру... и это что-то росло и росло. Это была колоссальная бронзовая статуя нагого мужчины. Он напоминал мощные фигуры любимого скульптора фюрера Йозефа Торака. Также атлетичен, массивен и суров. Коротконог. Уверенный в себе мускулистый дядя. Безнадежный кретин. Надежная опора общества. Он стоял, приподняв обе руки, как будто приветствуя кого-то. Высотой статуя была метров в двести.

Не сразу заметил, что и по правую сторону от нас, впереди, показалась соразмерная ему — бронзовая нагая женщина, тоже мускулистая и коротконогая, тоже суровая, тоже напоминающая работы Торака, и тоже приветствующая кого-то.

Неужели эти истуканы приветствуют нас?

...

Фигуры эти вместе составляли нечто вроде ворот.

Проехав их, мы очутились в городе.

В жутком городе. В городе-монументе.

В не родившейся, не создававшейся веками, а искусственной как декорация, построенной с помощью линейки и циркуля урбанистической среде.

В противоестественной утопии.

Город этот не имел прошлого, только настоящее. И грозил будущему.

Он весь был построен одновременно, по одному проекту, по приказу одного человека, фанатика порядка и помпезной мощи.

На века, на тысячелетия.

Широкие улицы, большие прямоугольные площади, высокие, квадратные в плане дома, облицованные гранитом, мраморные и бронзовые статуи героев на всех перекрестках, бело-красно флаги со свастикой. Все строения города, даже фонари на улицах, казалось, стояли как солдаты на параде — на вытяжку перед невидимым генералом.

Людей в этом городе я не заметил, возможно их еще не заселили. Легковых автомобилей тоже не было видно. Зато по параллельной нашему пути улице ползла колонна больших старомодных танков и грузовиков. Впереди и позади колонны ехали сотни вооруженных мотоциклистов. Небо патрулировали трехмоторные самолеты с характерными крестами на крыльях, выше их висели пузатые дирижабли. На крышах многих домов я заметил крупные, закамуфлированные тканью зенитные орудия.

Впереди виднелись — нелепая триумфальная арка по образцу парижской, только больше ее раз в пять, и грандиозный

купол какого-то чудовищно огромного сооружения с узкими арками, колоннами и башнями. Купол увенчивал величественный, стальной, широко раскрывший крылья имперский орел размером с вагон берлинского эс-бана. В когтистых лапах он держал земной шар.

Этот город не мог существовать в реальном мире...

Не должен был существовать. Но существовал.

Мы медленно въехали в здание, чем-то напоминающее железнодорожный вокзал в Лейпциге. Вышли на перрон. Обнаружили, что наш паровоз притащил сюда не один вагон, а двадцать или тридцать вагонов, полных таких же как мы людей неопределенного возраста.

Не знали, что делать, куда идти. Беспомощно толпились, галдели. Некоторые сели на перрон.

Тут я понял, что во мне появилось то, чего раньше никогда не было — желание повторять действия других людей. Быть как все. Я тоже сел на холодный бетон и тупо ждал чего-то. Команды.

Через час или два из громкоговорителей на фонарных столбах раздался каркающий, режущий ухо голос.

Нам сообщили, что автобусы для транспортировки нас в будущие места проживания и работы готовы.

После этого среди нас неожиданно появились высокие молодые люди в черных униформах, в лакированных сапогах и как бы взлетающих вверх фуражках. В руках у них были ногайки. Они построили нас в ряды по пять человек и провели через длинные подземные переходы к Площади Павших Героев, украшенной памятниками и Вечным огнем, на которой действительно стояли несколько десятков носатых автобусов, как мне показалось, изготовленных еще до Второй Мировой Войны. Отстающих, охающих и выбившихся из строя люди в черных униформах били ногайками по головам.

Пора было прекратить этот кошмар. Я проверил карманы — ножа в них не было.

...

Автобусы вывезли нас из города и привезли в грязное фабричные предместье.

Пахло гнилью и ацетоном. Мы построились и пошли в барак, заполненный трехэтажными нарами.

Нас ожидали годы мучительного труда на химической фабрике, побои, издевательства, пытки и казни...

Не способных работать посылали в газовые камеры. Тела сжигали в крематориях. Из их труб по окрестностям разносилась серая жирная пыль.

* * *

Да-да, выгляжу ужасно. Завтра надену новую рубашку, новые носки и новые красные с зелеными пупырышками спортивные туфли. Брюки поглажу. И побреюсь поаккуратнее. А-то неудобно.

Постучал.

Мне сейчас же открыли. Кабинет у шефа был небольшой, но уютный. Из окон его действительно было видно украшенную пестрыми картинками бывшую Берлинскую Стену, вдоль которой уже гуляли туристы. За ней голубела река Шпрее, по которой несмотря на раннее время плавали речные трамвайчики, заполненные праздной публикой.

Все двенадцать моих коллег уже сидели за большим прямоугольным столом. Улыбались приветливо. Шеф сел на свое место, постучал тупым концом шариковой ручки по маленькому тибетскому колокольчику и сказал: К делу, господа, время не ждет.

И вывалил из сумки на стол шесть пачек стирального порошка.

НАЖАЛ НА КУРОК

1

Мне повезло, высоченная ель упала и своей хлипкой верхушкой врезалась в стену.

Я прошел по ее стволу к стене, расставив руки как канатоходец.

А в конце подтянулся и вскарабкался на стену, оказавшуюся довольно широкой. По ней можно было ходить.

Раньше я предполагал, что стена поддерживает что-то вроде стеклянного или энергетического купола. Оказалось — там была установлена колючая проволока под током. Установлена так, чтобы никто извне не смог через нее перелезть. Кто-то охранял меня... от кого? От чего?

И проволока и крепления, на которых она была подвешена, поржавели от времени. Кое-где крепления сломались, а проволока висела на другой стороне стены как гирлянда.

Что дальше?

Протрусил по стене чуть ли ни милю... искал подходящее для спуска место.

Жадно смотрел на ту сторону. Там рос обычный смешанный лес. От него веяло свежестью, он хорошо пах. Кажется, я даже видел маленькое стадо пятиногих антилоп... не похожего на себя зайца... и треххвостых ласточек с белыми колечками на спинках.

Заяц нагло мне подмигнул. Не поверил своим глазам.

Наконец... дотянулся до ветки растущего недалеко от стены бука, повис на ней, рискуя сорваться, перебирая руками, добрался до ствола, обхватил его и потихоньку спустился.

Ура, я на свободе!

Ушел поскорее от стены.

О том, что я пережил там, в западне — старался не думать. Не пытался даже объяснить себе то, что со мной случилось. Кому это надо?

Хотел выйти на дорогу, поймать попутку, доехать до какого-нибудь города... а дальше? А дальше... постараться как-то добраться до моей конуры в предместье Далласа. Там в надежном тайнике есть деньги. Много денег. Если нашу трехэтажную коробку на 120 квартир конечно еще не снесли...

Сколько времени я торчал за этой стеной? Неделю? Пять лет? Или всю жизнь? Кто знает...

Шел, шел...

Но никаких дорог не встретил... даже проезжих.

Еще хуже — не видел линий электропередач... будок охотников... специальных мест для пикников... ничего... даже тропинок тут не было.

В небе не заметил конденсационных следов от самолетов.

Ничего не встретил, что свидетельствовало бы о существовании человека.

Зато видел незнакомых мне странных животных — рогатую собаку, преследующую кота с головой петуха, и двухголового зубра. Одна из его голов сосредоточенно щипала траву, другая мрачно смотрела на меня.

Долго не хотел признаваться себе, что на небе два солнца, одно знакомое, земное, а другое — маленькое и синее.

Куда меня опять занесло? На какую планету? В какой галактике? Сколько времени тут длится день?

Натолкнулся на ручей. Попробовал воду — чистая, свежая, вкусная... Только вот, вода ли это?

Напился и присел отдохнуть. Тут же заметил крупных рыжих муравьев, размером с жужелиц, бегущих по своим делам, кто с листиком, кто с личинкой в мандибулах, вежливо поприветствовал их и пошел искать другое место для отдыха.

Один из муравьев кивнул.

Заснул на теплой земле. На одуванчиковом поле.

Когда проснулся, наручные часы с фосфорными стрелками, как-то пережившие мои inferнальные приключения, показывали три часа четырнадцать минут.

То, что произошло со мной потом — трудно описать. Я ведь не писатель. Тут нужны какие-то особые слова или метафоры, а я их не знаю.

Непонятная сила подняла меня на воздух. Затем меня высосал в себя большой никелированный пылесос. Или металлический ящик сложной конструкции.

Я оказался в нигде, в недопространстве.

На меня прыгнул невидимый медведь. Обнял и стал, рыча и пуская ветры, ломать могучими лапами. Давить бедрами, брюхом, плечами и огромной косматой головой.

Кости мои захрустели, из под ногтей брызнула кровь. Кровь пошла из носа, из ушей и изо рта. Я закричал, давясь и корчась, услышал, как трещит мой хребет.

Понял — конец.

И тут медведь исчез. Но боль осталась... и прошла только через час.

Весь этот час я стонал и выл.

А когда очнулся, то не сразу, но осознал, что сижу на деревянной скамье на втором этаже в бывшей церкви Святой Софии в Стамбуле и разглядываю старинные люстры, состоящие из небольших стеклянных светильников, нанизанных как бусы на кривые металлические ребра. А передо мной — простирается величественное внутреннее пространство — сплошная глубина — этого необыкновенного здания, сохранившего свою магическую силу несмотря на почтенный возраст.

Вспомнил, что привело меня в Стамбул однако не желание посетить этот храм-музей, что мне предстоит разобраться тут с одним аборигеном, владельцем игорного салона, по национальности греком, долго жившим в Калифорнии и облапошившим там нескольких светских дам.

Грек промышлял в Америке брачным аферизмом. А у его жертв были влиятельные покровители и родственники. Обычное дело.

Рядом со мной сидел мужчина незаметной внешности. Без возраста, без национальности и без лица. Посредник. По-

казывал пальцем на одного разгуливающего по музею посетителя, плотного, с лысиной и огромным носом, ведущего за руку кроткую девочку в платочке. Лет двенадцати.

— Вот, возьмите бинокль. Посмотрите внимательно, запомните его лицо, не перепутайте с кем-нибудь. Рядом с ним — его единственная дочка. Кажется, она умственно отсталая. Раз в неделю они ходят вместе гулять и он показывает ей какую-нибудь достопримечательность. Добренький папочка. Покупает дочке леденцы. Потом он отвозит ее на своем стареньком белом Ленгли домой в Ускюдар, где она живет в двухкомнатной квартире с матерью в деревянном доме, а сам возвращается к себе в Каракёй. Его роскошные апартаменты — на третьем этаже недавно отремонтированного дома недалеко от Башни. Советую прямо сейчас подняться на Башню и рассмотреть все сверху с картой в руках. Но не мне вас учить... Вот, возьмите, другую модель мы не нашли.

Мужчина подал мне конверт и пистолет с глушителем.

— В конверте карта, деньги и авиабилет на завтра. До Франкфурта. Пистолет местного производства, но тоже стреляет. После применения можете его выбросить. Фабричный номер сбит.

— Что еще мне надо знать?

— Имя и адрес цели у вас есть. Лучше вам больше ничего не знать. Завтра утром он будет дома один. Он всегда по понедельникам часов до двух торчит дома. Мы проверили. Дверь в подъезд будет открыта, наш человек сломает утром замок и проследит, чтобы его не починили. Позвоните около десяти, а когда он спросит кто там, ответьте по-английски, что вы продаете специальные страховки для животных. Он вам откроет. Страховки для животных — его конек. Вы войдете и сразу же выстрелите в него. Если что-то пойдет не так, не ездите в аэропорт и не возвращайтесь в отель, а спуститесь с холма, перейдите через мост и пройдите несколько сот ярдов направо по набережной. Там вас будет ждать синяя лодка «Синбад». Поднимитесь на борт, наш человек отвезет вас в убежище. Поживете там неделю, а потом мы отправим вас морем в Грецию.

— Вы уверены, что он будет дома один?

— Да. В понедельник утром в Стамбуле все или на работе или в постели. Поступайте по обстоятельствам. Если там будут люди, можете сразу же раскланяться. В этом случае — половину гонорара вам придется вернуть... Главное, ваше лицо тут не известно. И ваше имя тоже. Ваш имидж — турист. Идеальное прикрытие. Продавцом страховок вы будете только несколько секунд. Да, кстати. Прямо за вашим отелем, за глухой кирпичной стеной — пустырь. Там живут бездомные коты. Можете сегодня вечером там поохотиться. Чтобы познакомиться с оружием. В магазине 18 патронов, на всех хватит. Еще вопросы есть?

— Есть не вопрос, а предложение. Пошлите кого-нибудь понаблюдать завтра за его домом и его окнами. Скажем, часов с восьми утра. Если у него вдруг соберутся спонсоры его салона или он наймет трех проституток и будет заниматься с ними утренним сексом, ваш человек должен меня предупредить, я не пойду к нему утром, а навещу его днем или вечером.

— Предложение принято. Я попрошу того, кто займется замком, захватить бинокль и понаблюдать. Он встретит вас и предупредит. Если он не объявится, значит вы можете спокойно делать вашу работу. Да, последнее, наденьте темные джинсы и пуловер с капюшоном, тут некоторые молодые люди так ходят, дурацкая мода... и еще черные очки и соответствующие ботинки... вы будете одним из многих... и несколько случайных видеокамер недалеко от его дома вас не засекут.

— Так и сделаю.

— Прощайте, надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

Человек без лица встал, похлопал меня по плечу и исчез.

А я посидел еще несколько минут, а затем вышел из музея и пошел в сторону моста через Золотой Рог.

Все шло по плану.

Пуловер с капюшоном — неопределенного цвета — я купил в торговых рядах у Большого Базара. И черные очки. И небольшую набрюшную сумку для оружия.

На Галата-Башне побывал и нашел по карте и дом цели и окна его квартиры. Начертил мысленно несколько вариантов бегства. Постарался их запомнить.

Посетил пустырь позади отеля. В кошек не стрелял, зато продырявил несколько баночек пепси-колы. Пистолет как пистолет.

Вечером смотрел телевизор. Показывали американский сериал «Твин Пикс». На турецком языке. Хорошо выпался.

Без пяти десять стоял у входа в дом.

Никто ко мне не подошел. Тяжелая, с цветным стеклом, дверь в подъезд была открыта.

Прислушался. Тишина. Быстро, мягко и бесшумно, как пантера, взбежал на третий этаж. Проверил имя на табличке.

Позвонил.

Мой грек даже не спросил, кто там. Открыл дверь. Босой. Носатый. В голубом шелковом домашнем халате на голое тело. Выглядел он благостно, так, как будто хотел пригласить меня позавтракать вместе с ним. Или попробовать новый деликатес. Я скинул капюшон и снял черные очки.

Он посмотрел на меня, и все понял.

На его лице отразились испуг и недоумение.

Я хотел его успокоить, улыбнуться, принять приглашение позавтракать... но в следующее мгновение уже бешено стрелял ему в голову и грудь из своего турецкого оружия. Всадил в него пять или шесть пуль.

В очередной раз прикончил не только цель, но и человека в самом себе.

Грек лежал в неестественной позе в луже собственной крови в прихожей своей квартиры, а я, вместо того, чтобы сейчас же уйти, закрыл входную дверь и сел на элегантную, обитую красным бархатом кушетку рядом с огромным венецианским зеркалом в золотой раме. Невольно пробормотал: Это подделка... вас обманули.

И непонятно зачем начал щупать этот красный бархат, как будто хотел оценить товар.

В этот момент в прихожей появилась девочка, дочка бывшего брачного афериста. Я сразу ее узнал. Она напоминала маленького жирафчика, заблудившегося на бойне. Кроме не закрывающего соски ее опухших грудок детского бюстгальтера — на ней ничего не было. Длинная ее шея была покрыта бордовыми пятнами от засосов.

Девочка не сразу поняла, кто лежит перед ней на полу, скрючив пальцы.

У кого голова — как растерзанный арбуз... и дырки в груди и на шее.

Когда поняла, села на пол и заплакала.

Тихо.

По всем законам моего ремесла я должен был сейчас же убить ее. Потому что она меня видела. Как всегда: Или умрешь ты, голенький беззащитный жирафчик, или придется умирать мне, заматоревшему мерзавцу и убийце.

Не знаю, если ли у турок смертная казнь. Но тюрьма у них страшная. Об этом меня предупредили.

И чем дольше я медлил, тем сильнее она мучилась.

Услышал эхо звука...

Звуча не от мира сего.

Почувствовал, что настал момент, когда я смогу проявить милосердие, отбросить прошлое и вновь стать человеком. Напрягся.

Нет, не осилил.

Чудовище во мне зашевелило темными колючими щупальцами, вцепилось в сердце красными зубами и выпустило из кожаных складок огромных яиц синеватый член, похожий на длинный коготь.

Я поднял девочку и потащил ее в спальню.

Руки мои тряслись от вожделения.

В аэропорту я чувствовал себя комфортно и спокойно. О том, что произошло в квартире грека, видимо еще никто не

узнал. Я не заметил ни полицейских патрулей, ни агентов в штатском, внимательно рассматривающих ожидающих регистрации туристов.

Вкусно поужинал в ресторане. Заказал жареные хвосты омара с орехами в масле. Выпил несколько рюмок дорогого коньяка. Пококотничал с официанткой. В зоне дьюти-фри купил трость с серебряной рукояткой.

В самолете сладко заснул...

А проснувшись сразу почувствовал — страшная машина опять пропустила меня сквозь свои футуристические кишки. Все повторилось, медведь вновь мял и ломал меня. Потом, как и в первый раз, исчез.

И это мучение продолжалось чуть больше часа.

Затем оно прекратилось... и что же... я опять очутился в западне. В искусственном лесу, окруженном бетонной стеной.

Деревья из папье-маше не шелестели листьями и пахли гипсом.

Я долго шел вдоль стены и искал упавшую ель, но так и не нашел.

Ночью мне пришлось убежать от атакующих меня со всех сторон комодских варанов.

Какие гнусные твари!

2

Когда я проснулся, костер уже догорел.

Проснулся я не из-за холода, не из-за чирикания птиц, воя волков или жужжания пчел. А из-за грозной тишины, которая гремела громче грома небесного.

Мое тело в исступлении посылало мозгу тревожные сигналы, вроде sireны полицейской машины, мчащейся к месту преступления по вымершему городу.

В мою спину так глубоко впечатался рельеф коры дерева, послужившего мне спинкой кресла, что я не мог пошевелить плечами. Казалось, что кожа на спине разорвется. Ноги затекли, поначалу не мог встать. Затем, несмотря на боль, вскочил... заскакал козлом, чтобы разогнать кровь. Покукарекал, покрякал, что-то проорал в звенящее пространство. Сирена затихла.

Поискал в карманах мобильный телефон. Не нашел.
Зажигалка, складной нож, носовой платок. Больше ничего не было. Ни документов, ни денег, ни приглашения на званый обед в Вестминстере или на концерт Пинк Флойд.

Сияй, сияй безумный бриллиант.

Пошел, сам не знаю куда. И вскоре наткнулся на стену. Или на забор, назовите как хотите. Бетонный, высотой в три или четыре моих роста.

Потрогал его, постучал тяжелой палкой, никто с той стороны не отозвался...

Делать нечего, пошел вдоль стены. Надеялся дойти до ворот. Перед тем, как идти, нарисовал землей на заборе большой крест и череп. Нет, без всякого намека, оставьте Фрейда в покое. Его и так знобит уже сто лет.

Шел, не торопясь, насвистывал что-то, несколько раз принимался петь арии из «Суперзвезды».

Через два часа вернулся к кресту и черепу.

Не было у забора ни выхода, ни входа. Получается, я в западне.

Что же, мне не привыкать, живу так всю вторую половину жизни.

Тем не менее, решил во что бы то ни стало перелезть через стену.

Но как? Выбрал самый глупый способ. Начал собирать сухие ветки и складывать их в кучу у стены. Работал долго и упорно.

Когда куча подросла, забрался на нее и попытался вскарабкаться на стену. Ничего не вышло. Сорвался, куча под мной развалилась, и я упал на землю. Строить вторую кучу, выше первой, даже не пытался. Я не египтянин. Признал поражение.

Раза три прошел лес насквозь, от стены до стены, но ничего интересного не обнаружил. Ожидаемое разочарование.

Осознал наконец, что какое-то время или остаток жизни придется провести здесь, в лесном массиве, окруженном высоким забором.

Заночевал на ложе из сухих еловых веток.

Проснулся рано утром. Ужасно хотелось пить. Прислушался. Ни звука. Даже шелеста листьев не было слышно. Как будто кто-то построил над лесом громадный стеклянный купол.

Что делать?

Встал, побрел...

И... случайно натолкнулся на дерево с дуплом, полным воды. Черпал воду рукой, другой рукой очищал ее от лесного мусора и потихоньку пил. Вода в дупле оказалась сладкой. Ни паучков, ни муравьев, ни сколопендр в ней не было.

Жажда прошла, а голод остался.

Достал нож, вынул лезвие, потыкал им в воздух и начал мечтать... вот, мол, поймаю и прикончу зайца или кролика, обдеру его и зажарю на костре...

Ноздри почувствовали чудесный запах свежего жареного мяса. Слюна набежала во рту. Фантомные радости скоротечны.

Никаких зайцев или кроликов я в этом лесу не встретил. Вообще никаких животных не видел, птицы тоже отсутствовали. Не было и насекомых. Ни бабочек, ни муравьев, ни даже грибов. Флора была вроде в порядке. Смешанный лес. А фауна пропала. Начисто. Но ведь так не бывает! Все взаимосвязано.

И еще... в этом лесу не было погибших деревьев. Сухие ветки, да, кое где валялись, а старых, покрытых мхом стволов, пней нигде не было видно.

Что это за странный лес?

Я такой только в театре видел.

Может быть, это закрытая зона?

Полигон для испытаний биологического, химического или психотропного оружия?

Или чего-нибудь похуже? Кто знает, до чего додумались наши нобелевские лауреаты?

Или тут нейтронная бомба взорвалась?

Или я на самом деле провалившийся шпион. И меня погрузили с помощью гипноза и специальных наркотиков в состояние долго длящегося бреда с целью выведать явки и адреса вражеских агентов?

Напрасно погрузили. Не знаю я никаких явок.

...

Догадался...

Этот лес не настоящий. Виртуальный или сделанный из гипса и других материалов. Созданный для того, чтобы свести меня с ума. Мой индивидуальный круг ада.

Разбежался и в ярости толкнул плечом дерево. Кажется клен. Клен затрещал и повалился. Оказалось, у него не было корней.

Попытался повалить березу. Не сразу, но удалось. И у березы не было корней, а ствол был сделан из папье-маше. Нарвал листьев, растер их ладонями — труха.

Я действительно находился внутри огромной декорации.

Страшная мысль укусила в сердце. А вдруг и я... тоже... робот, кукла, персонаж компьютерной игры. В ужасе ощупал свое тело. Ущипнул себя за...

Вроде нет...

Кем, за что я так наказан?

В бешенстве принялся валить деревья. Топтал ветки и сучья ногами. Рычал и плевался, кашляя от поднявшейся пыли.

Кидал палки вверх, хотел разбить стеклянный купол. Безуспешно.

3

Я шел по большому незнакомому городу.

Асфальт, дома, фонари, двухэтажные автобусы, автомобили, прохожие и само небо казались мне темно-темно-синими.

В руке я держал нож. Я шел к дому, в котором жил этот отвратительный старик, моя цель.

Для окружающих я был невидим, но мой нож мог проткнуть тело человека. Я был идеальным убийцей-призраком, не оставляющим после себя никаких материальных следов. Кроме трупа, конечно.

Я не искал его виллу на карте, не спрашивал прохожих. Властная сила толкала меня в нужном направлении, вела к его дому кратчайшим путем.

Вот, я уже стою перед этим мрачным строением, возведенным после пожара Лондона во времена короля Карла Второго. Прохожу в дом прямо сквозь толстую сырую стену. Иду по темным коридорам, через анфиладу роскошно обставленных, но запущенных комнат. Останавливаюсь перед дверью в душевую.

Открываю дверь.

Под душем моются двое мужчин. Моя цель и младший его лет на сорок молодой человек. Старик и юноша. Вот, старик, плотоядно улыбаясь, повернулся к юноше откляченным морщинистым задом и похотливо потерся им о его промежность. А юноша...

Я подхожу к старику и всаживаю нож ему в грудь. Затем вытаскиваю нож, с которого капает густая темно-синяя кровь, и втыкаю его ему в грудь еще раз. И еще...

Старик, скрежеща зубами и дьявольски гримасничая, падает и умирает.

Молодой человек садится на корточки и плачет, закрыв руками лицо. Его я не трогаю. Ведь этот юноша, это я сам.

Что это? Ложное воспоминание? Или мечта? Внушенный мне кем-то кошмар? Или указание на то, почему я тут оказался, в этом искусственном лесу.

Мне не надо указывать... я и так знаю.

Решил на окружающий мир не реагировать, а мой внутренний мир подвергнуть строгому допросу. Провентилировать память и подсознание. Не удалось.

Прямо у меня над головой соткалось из ничего черное грозное облако. Хлынул ливень. Засверкали молнии. Одна из них ударила в дерево, под которым я сидел, и расщепила его ствол надвое, обнажив неприглядную пустоту внутри оболочки-коры из папье-маше. Дерево вспыхнуло, мне пришлось искать другое убежище. Нашел. Молния ударила и в это дерево.

Внезапно гроза прекратилась. И я услышал звук прибывающей воды.

Потоп! Если бы это произошло в нормальном лесу, я бы подумал, что где-то прорвало плотину. Через несколько минут вода была мне по горло. Пришлось плыть. Вода отхлынула и исчезла подозрительно быстро.

Стало жарко. Градусов сто двадцать по Фаренгейту.

Откуда ни возьмись, налетели осы с желто-черными брюшками и длинными бордовыми жалами и облепили незащищенные одеждой части моего тела. Начали меня жалить. Я завыл от невыносимой боли, побежал, споткнулся, упал...

Осы пропали так же неожиданно, как и появились. Места укусов не болели.

После жары и ос наступил ледниковый период, я дрожал, умирал, затем появились москиты, слепни, потом из земли вылезли огромные черви, непонятно откуда прилетели летучие мыши-кровососы, притащились шакалы и гиены, тяжело затопал тираннозавр...

Не буду перечислять все прелести моей темницы. Калейдоскоп.

Длились эти ужасы вечность или мгновения — не знаю. Время тут не подчинялось законам природы, а текло или прыгало по чьей-то прихоти.

Но я жил, если конечно мое вымороченное существование в этом лесу можно назвать жизнью. Царапины, раны, укусы, обморожения и переломы заживали удивительно быстро. Существо, у которого я находился в плену, явно хотело продлить мои страдания.

У садистского шоу, главным героем которого я стал, были и зрители. Иногда я слышал рукоплескания, сменявшиеся хохотом и свистом.

Мне казалось, что я вижу этих людей, разгуливающих на костюмированном балу в огромном зале, в центре которого вместо люстры висел на потолке мельничный жернов.

5

Мне недавно исполнилось двенадцать... родители отправили меня на каникулы к Эбигейл, младшей сестре моей бабушки. Ей тогда еще не было и пятидесяти. Жила она в Аллентауне, в небольшом двухэтажном доме в ряду сотен ему подобных домов напротив старого кладбища. На котором был похоронен и ее муж, зверски убитый лет восемь назад при нападении полицейских на протестующих шахтеров. В те прекрасные времена подобные убийства не были редкостью.

Мне нравилось в Аллентауне. В соседних домах жило много моих сверстников, с которыми я быстро подружился, и главное, взрослые не запирали нас на площадках, огороженных высокими решетчатыми стенами, как это было в нижнем Манхэттене, где я жил тогда с родителями. Мы бегали, где хотели, шалили, играли на безлюдных улицах, по которым редко ездили автомобили.

Эбигейл, как мне казалось, мало интересовалась моей жизнью. Кормила меня, следила за тем, чтобы я мыл руки перед едой и полдесятого лежал в постели, стирала и штопала мои вещи... Убиралась, читала, слушала радио, регулярно ходила в гости к своей сводной сестре, жившей на другой стороне реки.

Спал я в маленькой детской спальне под крышей, на узкой жесткой кровати, а Эбигейл почивала на огромном супружеском ложе в спальне на втором этаже.

И вот... в Аллентауне зарядил дождь.

Крыша нашего дома протекла. И как раз над моей постелью. Эбигейл поставила на мою кровать большое цинковое ведро, а меня погладила по русой голове и сказала: Завтра крышу починят, а сегодня ты будешь спать у меня, не беспокойся, это нормально. Я никому об этом не скажу.

Вечером послала меня как обычно в душ. Потом заставила надеть пижаму ее покойного мужа, а сама облачилась в непрозрачный пеньяр. Перед сном прочитала мне главку из «Квакерской книжки для мальчиков» — «О чистоте, благодатности и благодати».

Кровать в ее спальне была настолько широкой, что между нами простиралась полоса шириной в два ярда.

Я «ни о чем таком не думал» и заснул как только положил голову на подушку.

А бедная Эбигейл видимо долго боролась с соблазном... через несколько часов сдалась, подползла ко мне, обняла, просунула руку мне в пижамные штаны, нашла мой детский член и яички стала их ласкать. И целовать меня в губы.

Ребенок реагирует на эротику в несколько раз интенсивнее, чем взрослый. Она приносит ему больше радости, и именно поэтому может испугать или вызвать припадок брезгливости, или стать причиной ненависти.

Через какое-то время я проснулся.

В облаке дорогих духов, ласки и любви...

Окруженный колышущимися женскими прелестями (Эбигейл к этому моменту уже разделась донага и меня раздела). Член мой не просто стоял, но грозил разорваться. По всему телу прокатывались волны наслаждения.

Я не испугался и не возненавидел сестру моей бабушки. Я был ей благодарен. И полюбил ее.

Никто никогда не делал со мной ничего подобного. Сверстницы, к которым меня влекло, меня сознательно не замечали... девушки постарше презирали, родственники, родители... от них я получал только сюсюканье, наставления, упреки... в лучшем случае — саркастические замечания, которые я тогда еще не понимал.

Десять следующих ночей мы провели вместе.

А затем случилось то, что я никак не мог предвидеть.

...

В спальне Эбигейл стояли две тумбочки. Амбир или рококо — не знаю. Но под старину. В одной из них, в верхнем выдвигающемся ящике лежал дамский четырехствольный

пистолет-бульдог. Эбигейл боялась грабителей. Пистолет этот ей купил ее покойный муж, не для того, чтобы она его использовала, а для ее душевного спокойствия.

Я ничего о пистолете в тумбочке не знал. Если бы знал, попытался бы стянуть, чтобы пострелять с приятелями на развалинах кирпичного завода, куда мы часто бегали.

И еще я не знал, что у Эбигейл был любовник.

Эбигейл несколько раз упоминала какого-то Джонни. Говорила: Вот придет Джонни и починит кран...

Джонни был мулатом, поэтому его не любили и белые и черные, что негативно отразилось на его характере. Отношения с Эбигейл у него были сложные. И заходил он к ней редко.

Вы, господа, наверное уже догадались, что произошло. Да, почти так, как вы себе это представили, все и случилось.

Мулат Джонни объявился без обычного телефонного звонка... после полугодового перерыва... в три часа ночи... сюрпризом... пьяный, нанюхавшийся дури и обозленный на весь мир... открыл входную дверь своим ключом, по дороге в спальню скинул с себя одежду и обувь и нырнул в постель своей любовницы, где обнаружил незнакомого ему подростка. Я в это время крепко спал в объятиях неутомимой Эбигейл.

Джонни зарычал и скинул меня с кровати. Как слон белку (такова была пропорция).

Ударил кулаком по лицу несчастную Эбигейл. Та даже не пыталась успокоить Джонни... знала, что это бесполезно... дотянулась до заветного ящика в тумбочке, схватила пистолет, но не успела выстрелить... она хотела выстрелить в потолок. Джонни выбил оружие у нее из рук и начал в ярости душить изменницу.

Тут я и проснулся. На полу в спальне Эбигейл. Рядом со мной валялся заряженный пистолет. На семейной кровати обезумевший от ревности Отелло душил мою любовь, у которой уже посинело лицо...

Я схватил пистолет и выстрелил в Джонни. Целил в голову. Но в самый важный момент закрыл глаза от страха. Стрелял вслепую.

Четыре раза.

Зажёг торшер. И только теперь разглядел результаты моей пальбы.

И Эбигейл и Джонни были мертвы.

Три пули попали в голову и шею Джонни, а четвертая, шальная — убила Эбигейл. Потом мне сказали, что она влетела в ее раскрытый рот. Как муха.

У меня начались спазмы в горле, я потерял дыхание... повалился на пол... это был нервный припадок, похожий на эпилептический, но без пены изо рта.

Так нас троих и застала полиция.

Ее вызвали соседи, разбуженные криками и выстрелами. Когда меня уводили, я успел разглядеть могучие волосатые пальцы Джонни на пухлой шее Эбигейл и ее вылезшие от ужаса из орбит глаза.

...

Полицейская дама, которая меня расспрашивала в присутствии моей матери, приехавшей из Нью-Йорка, особенно интересовалась характером моих отношений с Эбигейл. У меня хватило ума не раскрывать нашу тайну.

А на часто повторяемый вопрос, что же случилось в спальне, я всегда отвечал так: Услышал крики двоюродной бабушки и прибежал на помощь. Увидел, что бабушку душит мужчина. Запаниковал. Схватил валяющийся на полу пистолет и выстрелил.

Учитывая обстоятельства, мне поверили и не судили за непредумышленное убийство двух человек. Тем более, что Джонни не раз сидел в тюрьме за нанесение тяжких телесных повреждений... обвинялся он и в убийстве. Но был отпущен за недостаточностью улик.

6

Отрастил усы. Они идут к моей смуглой ухоженной коже. Напялил на себя старые джинсы, ковбойку, кожаный жилет и бежевую шляпу.

На шею повесил галстук Боло с кельтским серебряным «вечным» узором.

Надел коричневые ботинки на мягкой подошве.

Вылитый гринго.

Мне рекомендовали так одеться мои работодатели. Там, в этом «самом американском городе Мексики», мол, шатается много неудачников из Штатов. Сбежавших от жен, алиментов, долгов, мести обманутых мужей, от судебного преследования...

Да, да. Не выделяться. Это в нашей профессии — главное. Делать свое дело и ничего не демонстрировать, кроме готовности к отпору. А то — заклюют. В кармане у меня лежит складной нож — наваха. С удобной рукояткой и толстым пятидюймовым лезвием из хорошей стали. В случае чего могу прибить обидчику усики. Или палец отрезать.

Никакой охоты делать это, поверьте, у меня нет. Предпочитаю решать бытовые конфликты с местным населением мирно. Но далеко не все зависит от меня.

...

Убивать людей — тоже не доставляет мне никакого удовольствия, но за это хорошо платят. Я не работаю с женщинами и детьми. Не лезу в политику. Не связываюсь с мафией. Никогда не убиваю известных личностей. Не мое дело, ведь я занимаю нижнюю позицию в иерархии наёмных убийц. И это неплохо. На рутину никогда не падает спрос.

Если возможно, использую снайперскую винтовку. Это не так отягчает совесть. Стреляю три раза в голову и грудь.

Тщательно планирую свою работу. Не торопясь, пристреливаю свое оружие, в лесу или в пустыне.

Винтовка обычно ждет меня в разобранном виде на почте. До востребования. Нанимаю какого-нибудь бродягу за пять долларов получить посылку по фальшивой паспортной карте. Наблюдаю за ним издалека.

После исполнения заказа оружие и гильзы зарываю в землю.

Деньги мне всегда переводят вперед.

Заказчиков своих я не знаю. Но они знают меня. Присылают мне закодированные электронные письма. Отправляют их из интернетных кафе.

Если я в условленное время не звоню по специальному номеру — значит я заказ принял и приступил к исполнению. Обратной дороги нет.

...

Границу я пересек пешком. Так надежнее. Доехал до города на автобусе. То еще удовольствие. Кататься в пахнущем выхлопными газами и навозом стеклянном ящике вместе с крестьянами и их курами. Чуть не задохнулся.

Номер взял в гостинице недалеко от дома цели.

На следующий день утром пробежался по той улице. Изображал джоггера. Посмотрел на тот дом.

Синий. Не богатый. Двухэтажный. Ничем не примечательный.

Осмотрел соседние дома на другой стороне улицы. Один из них был недостроен и заброшен. Что может быть лучше? Значит, оттуда и буду стрелять. Из окна, с крыши или из темного угла лоджии на втором этаже.

Ружье мне прислали сносное — чешского производства. С глушителем.

Лучше всего стрелять ночью. Но ночью моя цель спит в спальне, поэтому скорее всего придется стрелять вечером, когда цель подойдет к открытому окну гостиной подышать свежим воздухом.

Надо было и о траектории пули подумать. Тут столько проводов навешено. На всех окнах — металлические решетки. Мешает целиться. Может и пулю от цели отвести.

...

Рядом с входной дверью на стене дома — табличка. На испанском и английском.

Педро Родригес

Маг. Специалист по оккультным проблемам.

Приемные часы: По рабочим дням — с одиннадцати до пяти.

Минимальная плата за час консультаций — сто американских долларов.

Только наличные.

Оккультным... Меня об этом не предупредили. Моя цель — колдун... Дожил.

Несколько дней наблюдал за домом из комнаты в пустующем доме. Забираться в нее с биноклем на шее, не привлекая к себе внимания соседей и прохожих, — было нелегко.

Раз или два в день к дому подъезжали солидные автомобили, из них выходили хорошо одетые люди и входили в дом. На консультацию к магу...

Записал несколько номеров. Звонил своему знакомому полицейскому в Сан Диего, просил узнать, что это за машины, кто их хозяин. Результат этих исследований мне не понравился. Номера были фальшивыми. Кто-то не хотел, чтобы его узнали. Не люблю тайны.

Все окна на втором этаже были круглые сутки закрыты и вдобавок защищены опущенными металлическими жалюзи. За ними почти ничего не было видно.

Окна на первом этаже — маленькие, это окна кухни, прихожей, кладовки, ванной и туалета. И тут — жалюзи. На другой стороне дома видимо установлены кондиционеры.

По улицам Родригес не ходил. Два раза — утром — выходил из зарешеченной входной двери и садился в свой подержанный форд, паркующийся тут же. Делал это весьма проворно. Я даже разглядеть его не успевал.

Уезжал. Приезжал через час-полтора. Всегда до одиннадцати. Где он был, я не знаю. Возможно консультировал кого-то на дому. Или боролся с привидениями. Мексиканцы страшно суеверны. Брать напрокат машину и выслеживать цель, тут в Мексике, в одиночку, я не хотел. Боялся засветиться.

Квалифицированно заминировать его машину — не мог, это должны делать профессионалы.

Что и где он ел? Каждый день хромая служанка приносила с базара полную корзину продуктов. Фрукты, овощи, творог, рыба, устрицы, креветки. Здоровое питание! Она же, видимо, выполняла роль поварихи и экономки. И жила в доме.

Живет ли в доме Родригеса старая мама... или маленькие дети от умершей родами жены? Не знаю. Вопрос не праздный.

Мне вовсе не хотелось услышать пронзительный крик шестилетней девочки, которая только что стала свидетелем того, как голова ее папы раскололась на куски.

Есть ли у него оружие? Вероятно да, как и у всех мексиканцев.

Чем дольше я наблюдал, тем более трудной представлялась мне моя задача.

По-хорошему тут нужна команда из пяти или больше человек. Как минимум двух головорезов с мачете и трех специалистов, бывших военных. Работать они должны совместно. Выслеживать, минировать, атаковать. И если головорезам не удастся прикончить цель простыми средствами (взломать входную дверь, ворваться в дом и зарубить Родригеса), то это должны сделать профессионалы с армейскими винтовками, взрывчаткой, дистанционными взрывателями, ручными гранатами... Такое убийство должно стоить раз в двадцать больше того, что заказчики перевели мне — пять тысяч долларов.

Придется пойти ва-банк.

Сходить к Родригесу на прием. С навахой в кармане. Устроить кровавую баню.

Хоть это и против моих правил.

Дома подточил лезвие навахи точильным камнем. Чтобы резало бумагу как масло.

...

Позвонил. Входную дверь мне открыла та самая хромая служанка-повариха.

— Что надо?

— Хотел бы проконсультироваться с мистером Родригесом.

— Приходите сегодня в пять. Деньги захватите.

— Спасибо. Приду.

...

Пришел в пять. Мне долго не открывали.

Затем... Родригес открыл дверь сам.

С виду — это был симпатичный человек европейского вида лет сорока пяти. Не без стали во взгляде. Но общее впечатление — приятный, надежный, умный человек.

— Вы тот американец, который приходил сегодня?

— Да, это я.

— Проходите.

Тут головорез выхватил бы мачете и разрубил хозяину дома голову... а мне полагалось обнять его и нежно перерезать ему горло. Легко сказать...

Вынул из кармана и бесшумно раскрыл наваху.

Обнял Родригеса сзади.

Но пустить ему кровь так и не смог. Струсил.

Даже задрожал от страха. Сам не знаю, почему.

Родригес не сопротивлялся... как будто ждал, когда я закончу... потом обернулся и попросил: Положите нож тут, в прихожей, на тумбочку. Он вам больше не понадобится.

Я ничего не ответил, но сделал то, что он сказал.

Родригес потрогал лезвие подушечкой большого пальца.

— Ого! Как бритва. Опасная игрушка.

Затем он провел меня по витой железной лестнице на второй этаж, в гостиную.

Гостиная напоминала музей или мастерскую алхимика, столько в ней находилось — стояло на полу, на столах, на полках, висело на стенах — необыкновенных изящных вещей. Статуи Будды и индийских богинь, китайские божки, старинные изделия из серебра, меди и отлитые из цинка фигурки, кувшины, вазы, африканские маски и копья, кинжалы, сабли, мумифицированные рептилии и птицы, огромные засушенные насекомые, нефритовые и стеклянные черепа, минералы, старинные пожелтевшие фотографии и карты...

Пахло пряностями и благовониями. Я смутился.

— Садитесь сюда, в кресло. Так вы предпочитаете снайперские винтовки? Похвально, похвально, хотя нож конечно надежнее. Если хватит мужества перерезать живому человеку горло.

Родригес укоризненно посмотрел мне в глаза. Покачал головой. Я почувствовал, что все летит к черту. Сейчас он вызовет полицию. Меня уведут и осудят. Сгнию в тюрьме.

И что самое ужасное — даже убежать не могу. Ноги как свинцовые. Холодный пот. Апатия.

Собрал все оставшиеся силы и промямлил: О чем это вы?

— Так, ни о чем. Просто пришло в голову. Сколько вам заплатили? Тысяч пять?

— Как вы узнали?

— Вы не злой человек, мистер... (он назвал мое настоящее имя). Ваши глаза вас выдают. Что, винтовка уже в гостинице?

— Да.

— Ремингтон?

— Что вы. Чешская.

— И на этом сэкономили!

Я сказал правду, потому что окончательно понял — врать бесполезно. Он все знает. Просвечивает меня какими-то лучами. Маг.

— Почему вы дрожите? Для наёмного убийцы это как-то нетипично.

— Потому что я понял, что убить вас не смогу. Это значит — автоматически — следующей целью моих заказчиков буду я. Теперь мне придется скрываться, убегать. Возможно во время бегства я потеряю все деньги, которые отложил на старость. А для вас кстати это тоже не сулит ничего хорошего. Они пришлют команду из самых отвратительных людей, которых вы только можете себе представить. Они не только убьют вас, но и ваших соседей и вашу служанку и продавцов на рынке, у которых она покупает для вас свежую рыбу. Если будет надо, они сровняют с землей всю вашу улицу.

— Какие злодеи!

— Именно.

— Ну что же, мистер гринго, пойдете в мой кабинет. Там я вам кое-что покажу.

...

Кабинет мага, выходящий большим окном во двор, поражал спартанской простотой, скромностью. Стол, на нем огромный темно-красный монитор, несколько стульев и два колоссальных книжных шкафа на всю стену, в которых хранились не только книги, но и какие-то ящички, пробирки и колбы.

Торшеры заливали кабинет мягким розоватым светом.

Пахло ладаном.

Маг подвел меня к монитору. Эта штука явно не была монитором компьютера... что это такое? Машина времени? Телепорт? Или простая чертежная доска, на которую он силой мысли мог проектировать свои видения?

Попросил меня положить левую руку на стол, ладонью вниз.

Монитор тут же ожил и показал нам живую картинку.

Необыкновенно солидный мужчина в шикарном костюме с сигарой в руке сидел за дорогим письменным столом в собственном кабинете. Листал журнал мод. Судя по виду из окна, кабинет этот находился на энном этаже небоскреба в Лос-Анжелесе. Я узнал корону башни Банка США.

Вот, в кабинет вошел другой солидный господин и тоже в шикарном костюме.

Костюмы обменялись приветствиями и многозначительными взглядами.

Новый костюм сказал старому: Кого послали?

— Нашего ушлепка. Пусть попробует. Я отправил ему письмо неделю назад. Но он что-то тянет. Я послал приглашение и Джонсу.

— Очень хорошо! А если люди Джонса не справятся с заданием, попросим ВВС сбросить на этот паршивый город фосфорные бомбы. Ха-ха-ха...

— Именно так.

...

— Вот посмотрите, это ваши работодатели. Говорят они о вас и обо мне.

— Чем вы им не угодили?

— Это долгая история. Я помог одной из жертв этих пауков вырваться из их финансовой паутины. Они узнали об этом случайно. Кстати, киллеры Джонса и сам Джонс живут в Техасе, недалеко от вас. У него есть собственный самолет. И они собираются лететь на нем сюда. Предвижу, добром это для них не кончится...

— Что же теперь будет?

— А вы сейчас увидите сами. Вот, возьмите это.

Он подал мне мой собственный пистолет Глок. С привинченным к дулу глушителем. Пистолет, который должен был в это время лежать в моей конуре, под матрасом, в шестистах милях отсюда.

— Будьте добры, снимите с предохранителей...

Потом подошел ко мне и крепко обнял меня за плечи. И поцеловал меня в губы.

Не знаю, что произошло, как он все это устроил...

Но уже через мгновение мы стояли в том самом кабинете, где беседовали мои заказчики... рядом с ними. Оба костюма раскрыли рты и уставились на нас расширенными от ужаса зрачками.

...

Я тоже с изумлением посмотрел Родригесу в глаза. А он как-то коротко, властно и яростно кивнул. Как будто беззвучно приказал. И я... да, господа, я как послушный робот выполнил его приказ. Застрелил солидного мужчину с сигарой. Потому что заметил, что его рука тянется к правому ящику письменного стола, где наверняка хранилось оружие.

Пуля попала в серебряный висок и вышла на затылке. Вместе с половиной мозга. Второй костюм как бешеный бросился к выходу. Похоже, спортсмен!

Я два раза выстрелил ему в спину, он упал, захрипел... и я убил его выстрелом в затылок. Вытер оружие и руки носовым платком. Отвинтил глушитель. Положил пистолет и глушитель в разные карманы джинсов.

Родригес все это время смотрел в окно. Так, как будто эти убийства не имели к нему никакого отношения. Затем произнес: Благодарю вас! Безупречная работа.

Сказал и исчез. Как будто его тут и не было. А я остался.

Дьявол!

В дверь кабинета уже стучала секретарша и спросила кокетливо: Мистер Сименс! Мистер Сименс! Я приготовила для вас и мистера Кларка кофе. Как вы любите — черный с фисташковыми орешками.

Убивать женщину я не хотел.

Содрал когтями с моей первой жертвы пиджак и его белую рубашку, разодрал ее на полосы и обмотал себе ими голову. Так, чтобы получилась маска. Не хватает еще, чтобы меня опознали.

Открыл дверь и грубо обхватил секретаршу руками. Втащил ее в кабинет. Она не сопротивлялась, таращила на меня глаза и охала. Захлопнул дверь. Как мог быстро всунул секретарше в рот кляп из той же рубашки, замотал ей лицо тканью, связал руки и ноги. Освободил ее нос для дыхания. Перетащил ее подальше от двери.

Затем одолжил у своей второй жертвы немного крови и смазал белую тряпку у себя на лице. Я все еще был роботом, но только не тем, который выполняет приказ, а тем, который действует по одной из вложенных в него заранее программ.

Вышел в коридор.

Мне повезло. Коридор был пуст. Вызвал лифт. Второй раз повезло. В лифте никого не было.

На первом этаже промчался мимо обомлевшего охранника как вихрь.

Выбежал из здания и понесся по улице как раненая антилопа. Свернул направо. Затем налево. Сорвал с себя окровавленную тряпку и выбросил. Скрепя сердце выбросил и галстук. И носовой платок.

Издали слышал сирену полицейской машины, подъезжающей к зданию, из которого я выбежал. Полицию наверняка вызвал охранник.

Снизил темп, перевел дыхание.

Пошел по Пятой улице, миновал несколько кварталов, потом перешел на Шестую.

В Скид Роу забежал в знакомый магазинчик подержанного барахла и купил себе черные очки, часы, новую зеленую рубашку, джинсовую куртку хиппи и рваный кепи. Толстый чернокожий продавец сидел за кассой, уставившись в маленький телевизор, где показывали какую-то викторину, и принял деньги, даже не посмотрев на меня.

Мою старую рубашку, жилет и шляпу зарыл в куче тряпья.

Среди палаток бездомных нашел ржавый мусорный бак, полный всякой дряни. На дне его плескалась вонючая пестрая жижа. Бросил пистолет в эту жижу.

Когда его там найдут? И найдут ли вообще. А если найдут, вернут одному чайнику в Далласе, у которого его года два назад стащили заезжие пуэрториканцы.

А глушитель выбросил в другой мусорный бак, в полумиле от первого.

Отыскать в этом районе отель было нелегко. Но я помнил, что поближе к реке есть один. Без вывески. Нашел. Снял номер на третьем этаже. Без телевизора. Старый портье бросил на меня понимающий взгляд, вручил мне ключ и даже не попросил расписаться в книге.

...

Сел в ужасное, как будто человеческим салом смазанное кресло и попытался успокоить нервы. Не тут то было.

Перелетел из Мексики в Штаты. Как?

Прикончил своих работодателей. Зачем?

А цель упустил. Струсил. Позволил собой манипулировать.

Если так и дальше пойдет...

Сбрил усы и побрился одноразовой безопасной бритвой, которую нашел в ванной комнате под треснувшим зеркалом.

Раздавил ногами двух любопытных тараканов, выбежавших из-под плинтуса посмотреть на нового постояльца.

Принял холодный душ.

Выпил крохотную бутылочку виски.

Лег в постель и заснул как убитый.

...

На следующий день услышал по радио, что ранним утром по пути из Далласа в Монтеррей разбился частный самолет. Очевидцы говорили: Упал с неба. Как огненный шар.

Два члена экипажа и восемь пассажиров сгорели заживо. Спасатели нашли на месте крушения целый арсенал современного стрелкового оружия, взрывчатку и гранатомет. Ведется следствие.

Похоже, это и была группа Джонса. И Родригес знал заранее, что с ней случится. Как это возможно?

Начал размышлять. Загибал пальцы, ухмылялся и хмурился.

С одной стороны — заказчики мертвы. Это не так уж плохо. Потому что это единственные на свете люди, которые знали мое настоящее имя и мою профессию. Все остальные умерли. Еще лучше — то, что и люди Джонса — покойники. Скорее всего, они должны были разделаться с Родригесом, а затем и со мной.

С другой стороны — проклятый колдун жив, он знает, кто я, и он способен на все.

Один раз он уже заставил меня убить двух человек, может быть, ему захочется воспользоваться моими услугами еще раз. Такой человек, как он, имеет много врагов.

Перенесет меня, как вчера, — в Австралию или в Китай. Загипнотизирует. Я пристрелю его врагов, а он меня опять бросит. Тут, в Городе Ангелов, я хотя бы ориентируюсь. А что, если это будет Рио или Оттава?

И ведь не скроешься от него! Во время моего бегства из небоскреба мне казалось, что на меня смотрят его всевидящие глаза. Сквозь дома, сквозь асфальт, с неба.

...

В дверь постучали.

— Откройте, полиция!

В номер ввалились трое полицейских. Ощупали меня, скрутили и положили связанного на пол. Несколько раз ударили ногой в живот. Обыскали мою комнату, ничего естественно не нашли.

Через двадцать минут я уже сидел на откидывающейся койке в одиночной камере. Без окна, но с умывальником и маленьким металлическим унитазом в углу.

Позвонить адвокату мне не позволили. Да и нет у меня адвоката. И звонить некому.

— Вы официально не задержаны.

— Тогда отпустите.

— Потерпите. Мы должны провести с вами очную ставку и побеседовать. И еще с вами хочет познакомиться один очень важный человек со стороны. Советую вести себя с ним лично и говорить правду.

— Ладно, валяйте.

...

Ко мне в камеру вошел мужчина лет сорока, с залысинами, в свободных брюках цвета хаки, такого же цвета рубашке с галстуком и в дорогих зеленых кроссовках. Сел на тюремный стул и положил ногу на ногу.

Не представился. Молчал и долго смотрел на меня.

— Вы... тот?

— Что вы имеете в виду?

— Да, вы тот самый тип, который...

— Я ни в чем не виноват.

— Только не надо отпираться, мистер... Я уверен, это вы застрелили Сименса и Кларка. Он заставил вас совершить это преступление. Не так ли?

— Так.

— Он тоже был там, в кабинете?

— Да.

— И пока вы работали, он вел себя так, как будто это его не касается? Рассматривал какую-нибудь безделушку, листал журнал, напевал что-то про себя?

— Он молча смотрел в окно.

— Типично... А за минуту до этого и вы и он находились в его зеленом доме в Монтеррейе? По крайней мере, вы так думали.

— Да. В синем. В синем доме в Монтеррейе...

— Хм... А потом вы, непонятно как, перенеслись оттуда в здание инвестбанка в Даунтауне Лос-Анжелеса? На тридцать четвертый этаж.

— Да.

— Фантастика! Полиция вам конечно не поверит. Никто не поверит, кроме меня. Советую вам молчать. Они задержали человек сто или больше. Всех тут, в округе, кто не успел

смыться и хоть немного походил под описания преступника, данные секретаршей и охранником. На вас у них ничего нет... У вас даже усов нет.

Сказав это, он усмехнулся.

— Их якобы заметила секретарша. Скорее всего — вас отпустят сегодня вечером. Тут за углом, на Шестой улице вас будет ждать джип темновишневого цвета. Садитесь в него, вас отвезут ко мне. Если вы это не сделаете... у вас нет шансов.

...

Собеседник мой покинул камеру.

Допрашивали меня полицейские после его ухода вяло. После очной ставки с заметно осовевшими секретаршей и охранником, на которой они меня не опознали, полицейские вернули мне мою паспортную карту, гримасничая и чуть не плюясь. Знали, что она поддельная. Но почему-то не хотели меня за нее наказывать. Просто вытолкнули на улицу.

Ко мне тут же подскочила миловидная темнокожая бездомная. Схватила меня за руку и пробормотала: Пойдем, пойдем, милый братец, тебя ждут.

Черные ее глаза не были сонными, тупыми, ко всему миру безразличными, как у тутошних обитателей. Они горели и жили своей прекрасной жизнью.

Я знал, что она тащит меня к джипу.

Страшно хотелось вырвать мою руку из ее цепкой лапы и улизнуть.

Спрятался бы тут где-нибудь, а ночью — угнал бы машину в другом районе и уехал. Добрался бы потихоньку до одного тайного местечка в Техасе. Нашел бы спрятанное на берегу реки каноэ. И приплыл бы на нем на отдаленный островок. Там есть домик. Который построил Джек. В домике есть все: Припасы, керосин, оружие, радио... Пожил бы там годик. Ловил бы рыбу.

Затем вспомнил про глаза Родригеса. Представил себе его лицо. Лицо это почему-то насмешливо улыбалось. Мол, попробуй, убеги в свой домик на острове. Буду тебя там ждать, гринго.

Прошел вместе с моей провожатой к джипу. Прилег на заднее сидение. За руль села моя черноглазая дама. Деловито включила зажигание...

Ехали мы дольше, чем я ожидал. По дороге задремал и отключился.

А проснулся не на сидении автомобиля, а на широкой кровати, в небольшой уютной комнате с вентилятором на потолке... Лопасты его приятно шуршали. Рядом со мной лежала девушка-шофер. Она спала. Ее шоколадная кожа пахла розами.

За окном зеленел небольшой садик. Мне страстно захотелось съесть большое спелое яблоко.

7

В доме с садиком я живу уже больше двух недель.

Вместе с черноглазой, пахнущей розами девушкой, которую, как оказалось, зовут Николь. Настоящее ли это имя или нет, я не знаю, мне все равно.

Хозяин дома, тот самый господин в свободных брюках цвета хаки, вопреки собственному обещанию, так тут и не объявился. Я стараюсь об этом не думать, ни о чем не думать, только жить. Каждый день ем яблоки.

Николь делает для меня все, что может. Спит со мной, готовит, убирается. Я ей не мешаю, подстригаю траву на небольшом газоне, покрасил как Том Сойер невысокий забор. Заменял несколько черепиц на крыше, почистил колодец, починил насос...

Иногда я пытаюсь разговаривать мою новую сожительницу, но она не разговорчива. Чаще всего молчит. А если говорит, то скупое, осторожно. Смотрит на нашей домашней видеосистеме только комедии. Смеется и плачет. Телевизор мы не смотрим, радио не слушаем. Компьютер старый, интернет — очень медленный. Зато есть прекрасный проигрыватель и штук пятьсот пластинок к нему. От Баха до Бенни Гудмена.

Подолгу гуляю один.

Несколько раз предлагал Николь пройтись, но она всякий раз находила причину для отказа. Перед тем, как я отправился

на прогулку в первый раз, она взяла лист бумаги и нарисовала домик. Карандашом. Как рисуют дети. И забор вокруг него. Потом нарисовала, как умела, озеро, луг, лес... А затем, нарисовала огромную стену, окружающую все это. Я понял, что она рисует карту. Карту окрестностей. Ворот у стены не было. За стеной она изобразила несколько странных существ, не похожих ни на людей, ни на волков.

Николь пояснила: Это наше поместье. Тут достаточно земли, чтобы вволю нагуляться. Восемь или десять квадратных миль. Но через стену прошу тебя не перелезть. Там колючая проволока под током и что-то еще... Умоляю тебя, не лезь... с другой стороны плохо.

— Значит я тут заключенный?

— Нет, нет, что ты. Все тут — и дом, и я, и сад, и деревья, и тишина и одиночество — для твоего блага, для того, чтобы ты мог насладиться покоем, отвлечься от прошлой жизни. Воспринимай жизнь тут — как оздоровительный курс. Без медицинских гадостей. Лечение природой и любовью. Погоди, скоро приедет мистер Кинг и все тебе объяснит.

— Как же он заедет в поместье, если у стены даже ворот нет?

— Он прилетит на вертолете, мы тоже так сюда прилетели. Если бы у нас кончились мясо и мука, или ты или я заболели бы, я бы вызвала вертолет по спутниковому телефону. Он был бы тут через двадцать пять минут.

— Хорошо. Обещаю не лезть на стену. Но ты должна мне сказать, где мы.

— Мы в Америке, это главное. Подожди мистера Кинга, он все тебе расскажет. Я обещала ему не болтать. Прошу тебя, не спрашивай меня ни о чем. Так легче. И тебе и мне. Просто отдыхай. Поплавай в озере, там вода чистая. Поищи малину, собери грибы, вырежи что-нибудь из дерева. Только не терзай себя. И меня.

— Ладно. Последний вопрос. Что это ты нарисовала? Тут, за стеной? Это что, снежные человеки, бигфуты или инопланетяне?

В ответ Николь не проронила ни слова, а ушла куда-то и вернулась с толстым ластиком. Не спеша стерла эти непонятные фигурки со своей карты. И пошла готовить обед.

...

Я внял ее совету. Набрал после дождика целую корзину диких шампиньонов. Попросил Николь их поджарить, но она скорчила брезгливую мину и выбросила мою добычу в помойное ведро.

— Я не уверена, что эти грибы съедобны. Они как-то не так выглядят.

Я не обиделся. И что странно, посмотрел на мои шампиньоны еще раз — они действительно были похожи на мухоморы. Как же я это не заметил раньше?

Нашел малиновые кусты за березовой рощей. Крупные ягоды прыскали во рту соком. Но в некоторых из них сидели червяки. Жуткие, с синими крючками на коже.

Вода в озере была чистая и теплая. В ней росли лилии. Ненормальное озеро, точно геометрически круглое. Ярдов восемьдесят в диаметре. Как будто космический великан вырезал его в земле огромным ножом.

И еще — оно было необыкновенно глубоким.

Я с детства умел и любил нырять. Мог спокойно достичь глубины в двадцать ярдов.

Нырять, нырять в нашем круглом озере, но дна так и не увидел. Вместо дна подо мной темнел жутковатый провал, в глубине которого мелькали огромные темно-синие тени. Оптическая иллюзия?

Спросил об озере Николь.

— Ради бога, не ныряй глубоко. Жившие тут раньше индейцы верили в то, что озеро это — заполненный водой вертикальный туннель в ад, прорытый исполинским кротом, их предком. Что где-то там, в глубине живут бобры размером с гризли, которые воруют девушек на суше и тащит их в свои подводные жилища.

— Поэтому кроме тебя на этих десяти квадратных милях нет больше ни одной женщины? Всех забрали бобры?

— Мужчин тоже нет. Кроме тебя. И так — лучше, поверь.

— А как же мистер Кинг? Он что, никогда тут не живет?

— Ты так говоришь о нем... без уважения... Он спас меня. Я уже погибала. Продавала себя, чтобы достать деньги на героин. Перестала заботиться о своем теле. Жила жизнью бездомной собаки в Сан-Франциско. Он вытащил меня из клоаки, вылечил и сделал человеком, вернул мне радость жизни и достоинство.

Черные глаза Николь сверкнули.

— Так он, что, врач-филантроп? Психодоктор? Это многое бы объяснило. Но что ему в этом случае нужно от меня? Я вроде не болен. Только профессия у меня не легкая.

— Подожди, все прояснится.

...

Доходил я и до стены.

Стена? Нет, скорее бетонный забор высотой ярдов в шесть-семь.

На расстоянии до сорока ярдов от забора все деревья были аккуратно спилены. Так что забраться на дерево и перелезть через забор было невозможно.

Любопытство заставило меня залезть на высокий дуб, росший неподалеку, и посмотреть на то, что там, за стеной. Может и правда, бигфуты...

Ничего загадочного там не было. Такой же лес, насколько хватало глаз... никакой цивилизации. На горизонте посверкивали снежные вершины гор.

Только далеко-далеко от нас, в сизоватом небе круглилось и мерцало нечто похожее на дирижабль или воздушный шар. Может быть в эти дикие места занесло ветрами какую-то надувную рекламу — нового пива или кока-колы...

Довольно скоро я убедился в том, что внутри ограниченного забором пространства живут разные звери и птицы.

На полянке паслось стадо длинношеих оленей с огромными глазами и маленькими рожками. Один из них подошел ко мне и ткнул мордой в живот. Кто-то его приручил. Я погладил ему шею. И сразу заметил под шерстью черных клещей. Отдернул руку...

В лесу я не раз наталкивался на зайцев, невольно спугнул несколько белок в чаще, однажды заметил проشمыгнувшую мимо меня лису на высоких лапах с очаровательным хвостом.

Не раз наблюдал за небесными маневрами стаи скворцов или каких-то других черных птиц. Завораживающее зрелище!

Видел дятлов, диких лесных голубей и ласточек. Слышал кукушку. Один раз надо мной медленно пролетел белоголовый орел. Погрозил ему кулаком. Он даже не посмотрел на меня.

Видел фазана. Удивительная птица. Поначалу принял его за павлина.

Вечерами я брал хвойные ванны. Иногда ко мне в ванну залезала Николь, и мы шалили и брызгались, а затем целовались. В пене.

По ночам я слышал доносившийся откуда-то вой койотов или волков. И еще какие-то, непонятные мне звуки. Ветряная мельница гигантов? Паровой молот? Шаги командора?

...

Ничто не омрачало нашу курортную жизнь в этом лесном поместье. За высоким забором без ворот.

Время шло, вот уже на деревьях стали появляться желтые и красные листья, а по ночам лил холодный дождь. Ночью я замерз. Николь достала откуда-то теплое верблюжье одеяло шириной в кадиллак. Мы начали топить печь.

Два раза прилетал вертолет и три чернокожих гиганта в желтой униформе носили к нам в кладовую тяжелые тюки с продуктами, газовые баллоны, минеральную воду, молоко и консервы. Алкоголя у нас не было...

Я смотрел на вертолет и мне не хотелось улететь на нем. Может быть, первый раз в жизни я не хотел убежать, убежать от самого себя, от своей жизни.

Николь была со мной ласкова, но я чувствовал, что той, заветной, черты я в ней достигнуть не смогу. И что если завтра прилетит мистер Кинг, и заберет меня, а под опекой Николь оставит нового пациента, она даже не заплачет. А может быть и не заметит перемены. Это не печалило меня, наоборот. Мне страшно не хотелось того, чтобы моя добрая подруга страдала.

И вот... вертолет прилетел в третий раз.

Из него бодро выпрыгнул человек в свободных брюках цвета хаки. Приветливо помахал нам рукой и прошел в дом.

...

За обедом мы с Николь молчали, а мистер Кинг говорил без умолку. Смеялся своим собственным шуткам. Говорил о чем угодно, только не о наших делах. Рассказывал, например, о сексуальных скандалах в Пентагоне, об эпидемии, уничтожившей поголовье пекари на юге Бразилии, о том, как арестовали художника, вскрывшего себе в экстазе вены на живописном холсте, о том, как чуть не началась, из-за ошибки компьютера, атомная война с русскими, как известный канатоходец прошел по канату между башнями Всемирного Торгового Центра, как провалился в прокате последний фильм Копполы...

После обеда мистер Кинг устроил маленькое совещание с Николь. Я на нем не присутствовал. После совещания очередь наконец дошла и до меня. Кинг предложил мне пройти по «осеннему лесу». Мы вышли из дома и пошли по направлению к озеру.

Первые десять минут Кинг молчал, я предполагал, что он обдумывает, с какой стороны лучше подойти ко мне. Решил облегчить ему задачу и раскрыть карты.

— Дорогой Тони (так он попросил называть себя за обедом), я очень благодарен тебе за этот чудесный отпуск. За дом, за озеро, за лес, за Николь. За свежий воздух и свободу, разумно ограниченную стеной. Я чувствую себя тебе обязанным и готов помочь. Даже если это связано с смертельным риском.

— Спасибо. Твое пребывание здесь мне почти ничего не стоило. Кто-то должен был жить здесь... заботиться о доме и о саде... это не мелочь. Я очень люблю это скромное поместье... Оставить тут Николь одну... Ты немножко помог ей, она помогла тебе. Мы квиты. К тому же, для того, чтобы помочь мне, ты должен был физически окрепнуть. Да, я хочу прикончить Родригеса, и для этого мне нужен ты. Но дело обстоит не так просто, как ты это себе представляешь. Даже не знаю, как это тебе объяснить...

— Может быть тебе стоит просто сказать мне сейчас — без обиняков — что я должен сделать. Я ведь не мальчик, Тони, у меня руки по локоть в крови. Убивать людей — моя профессия.

— Ну что же, тогда пора открыть карты и мне. Для начала, попрошу тебя ответить на несколько вопросов.

— Если это нужно...

— Это нужно тебе. Скажи мне, кто твои отец и мать? Где прошло твое детство?

...

Вопросы эти застали меня врасплох. Сколько я ни напрягся, так и не смог вспомнить имен своих родителей и где прошло мое детство. Что со мной не так?

Тони, похоже, прочитал мои мысли.

— С тобой все не так, мой дорогой. Но, все по порядку. Давай продолжим. В какой ты учился школе? Посещал ли колледж? В каком городе жил до того, как стал профессиональным киллером?

— Ничего не помню. Помню мою жизнь начиная с первого убийства.

— Замечательно. Давай поговорим о нем, о твоём первом деле. Расскажи о нем. Кратко.

— Кратко не получится, но попробую. Я познакомился с одним отзвучившим человеком. В стриптиз-баре на выходе из Чайнатауна. Кажется, в «Гонконге». Мы выпили, разговорились. Он сказал, что у него есть работа для меня. А я тогда жил в гостинице недалеко от Аквариума в Сан-Франциско. Мне деньги были позарез нужны. Он дал мне три тысячи долларов, пистолет с глушителем и фотографию одного типа. Показал на карте, где он живет. Объяснил, что мне надо прийти к нему, постучать и, когда тот приоткроет дверь, выстрелить, а потом обязательно сделать контрольный выстрел в голову. Так я и поступил В тот же вечер. И — счастье новичка — все прошло именно так, как говорил этот человек в баре. Никто меня не заметил, я ушел пешком с места преступления, дал кругалю и вернулся в бар. Рассказал все заказчику убийства. Отдал ему

пистолет и фотографию. А через месяц получил от него новый заказ. Лет через семь его застрелили. Но у меня уже были новые работодатели.

— Как это мило... гладко... пожалуй, слишком гладко.

— Я же говорю — счастье новичка.

— Не совсем.

Мистер Кинг начал меня раздражать. Почему он мне не верит? Во мне поднялась волна гнева. За все время моего пребывания в поместье я ни разу ни на кого не разозлился. А тут... Правда мне и сердиться было не на кого. Николь вела себя со мной как ангел. Не на оленей же мне было злиться и не на фазана.

Неожиданно я увидел перед собой лицо колдуна Родригеса. На сей раз он не улыбался... а наклонился к моему уху и прошептал: Убей его. Он специально хочет запутать тебя. Он хочет погубить тебя. Убей! Убей!

Я испытал стыд. Как мог себя успокоил.

— Что еще?

— Не спеши. И не сердись.

— Я и не сержусь.

— Нет, сердисься. Так вот. Попытайся вспомнить, как звали твою первую жертву. Кем он был.

— Не помню.

— Его звали Эндрю Хилл, и он был твоим тестем. Добропорядочным гражданином. Играл на банжо.

— Как же он мог быть моим тестем, если я и женат не был?

Волна раздражения опять поднялась во мне.

— Нет, ты был женат, и жену твою звали Кэнди, а тещу — Рут. И убил ты тогда не одного человека, а трех. И жену и тещу и тестя. Даже четырех, потому что твоя жена была беременна. И случилось это не в США, а в Канаде, в предместье Монреалья. Тебе удалось скрыться. Ты убежал в Мексику и жил там почти восемь лет.

— Все это вранье! Я не был женат и не убивал свою семью. Зачем ты внушаешь мне эту ложь? Хочешь, чтобы я покончил с собой?

Руки у меня тряслись, изо рта выступила пена... Я был взбешен как медведь в клетке, которого дразнят прохожие. Тыкают длинными палками с гвоздями ему в бока. Еле-еле сдерживал себя.

Тони не был слепым. Он все видел и чувствовал. И знал, что делал.

— Вроде того. Рассказать тебе, что ты делал в Мексике?

— Расскажи, расскажи, всезнайка. Посмотрим, что ты придумаешь на этот раз.

— Хорошо. Слушай. В Мексике ты присоединился к банде отпетых мерзавцев. Четыре года ты убивал, пытал, грабил и насиловал вместе с остальными. За твою голову назначили вознаграждение, но тебе везло, тебя так и не поймали. Вас предали и заманили в ловушку. В неравном бою с полицией погибли все члены банды, кроме главаря и тебя. Тебя только легко ранили, но ты живуч как кошка. У главаря были отложены деньги. Он купил дом в районе, где жили люди, принадлежащие к богатому среднему классу. В городе Монтеррей. Обставил его по своему вкусу и через два года открыл в нем бюро специалиста по оккультным проблемам. Но ни магом, ни колдуном он не стал. И с привидениями не боролся. Он был посредником. Организовывал убийства граждан, имевших несчастье задолжать кому-то деньги или не понравиться, или просто мешать наркобарону. А ты был его правой рукой. Звали этого человека Педро Родригес. Сами вы не убивали, наемных киллеров в Мексике и без вас более чем достаточно. После того, как вы разбогатели, вы оба после небольших хирургических операций получили другие лица, опасаться вам стало нечего, кровавый бизнес приносил постоянный доход. Казалось бы, что тебе еще нужно? Ты избежал наказания за убийство семьи, ты безнаказанно убивал и грабил четыре года, а нынче заделался богачом. Нет, всего этого тебе было мало. Ты захотел занять мечь шефа. И ты убил Родригеса, хладнокровно зарубил его мачете. В его доме. После ужина. Изрубил тело на куски и скормил их свиньям. А затем... и это самое интересное и загадочное в этой истории... ты, сам того не осознавая, стал Педро Родригесом. Что только ни делает с на-

ми наше большое подсознание, в какие безумные игры ни втягивает. Ты был одним человеком — а стал двумя. «Честным и добрым» киллером, не убивающим женщин и детей... И зловещим магом и колдуном, гипнотизирующим и заставляющим убивать других. Возможно, ты всегда мечтал стать кем-то подобным, но жизнь мешала тебе. Тебе пришлось забыть свое прошлое... ты придумал для себя две новые судьбы. Одну из них твое подсознание разработало сравнительно хорошо, вот только детство и юность забыло придумать, другую — только наметило контурно.

...

Не хочу даже пытаться описать то, что происходило во мне во время этого монолога Тони. Это было похоже на Большой взрыв, породивший нашу вселенную, и на Коллапс, собравший в конце времен ее обратно в точку.

Тем временем мы подошли к озеру. Вода его казалась черной как чернила.

Черный бездонный туннель, не ведущий никуда.

Гнев мой исчез. Я как будто проглотил его. Лицо Родригеса больше не появлялось перед глазами. Я чувствовал себя усталым, выжатым, бессильным, разрезанным на куски. Куски эти вряд ли удастся склеить. Да и зачем? Я знал, что Тони прав.

— Скажи мне, чего же ты хочешь.

— Я думал, ты уже понял это. Я хочу убить в тебе Родригеса... и оставить в живых доброго киллера, который больше не будет убивать.

Сказав это, Тони вынул из кармана небольшой пистолет, приставил мне к левому виску и выстрелил.

Я упал в озеро, в его темные воды, и пошел на дно. Смерть оказалась не такой страшной, какой я ее себе представлял.

Ничего не понимаю. Зачем я поперся в лес и в озеро прыгнул?

Как был, в одежде и ботинках. Осенью.

Чуть не утонул. Вот же напасть...

Еле вылез, дрожал. Что это было? Припадок сумасшествия? Суицид?

Снял с себя мокрые тряпки, выжал их и опять напялил.

Холодно. Ветер дует. Лес трещит.

Куда идти — не знаю. Хорошо еще зажигалка в кармане жилета нашлась. Развел костер, прислонился спиной к стволу дерева, согрелся.

Потом, пока не стемнело, начал следы искать. Мои следы. Ботинки у меня тяжелые, рифленые. Узор на них ясный. Ромбический. Нашел следы на берегу озера. Потому что глина там на поверхность выходит.

Только мои следы. Значит был я тут один, не толкал меня никто.

Висок левый почему-то ныл. Потер кожу, понюхал, порохом пахнет. Если нажмешь, больно. Но дырки нет.

Соединил мысленно центр озера со своими следами и продолжил эту линию до горизонта и выше. Заметил характерное облако, пошел на него. Авось приду туда, откуда пришел. Брел, брел...

И на домик с садиком наткнулся. Яблони, огород, теплицы.

Нашел калитку... вот и входная дверь. Постучал, что еще делать-то?

Толкнул дверь. Открылась. Не заперто.

Прихожая скромная. Дверь на кухню. Кухня пустая.

— Халло! Есть тут кто-нибудь?

Никто мне не ответил.

Еще одна комната. Большая. Наверное, гостиная.

Тааак...

На полу лежали два трупа. Мужчина в брюках цвета хаки и миловидная темнокожая девушка.

Девушка голая и босая, мужчина тоже босой, но голый только до пояса. У обоих пулевые отверстия на груди и по дырке в голове. Похоже, они занимались любовью, когда в

гостиную стремительно вошел убийца... и сразу начал палить. Вначале он стрелял жертвам в грудь, потом, для контроля, выстрелил и в головы.

Похоже... это я их убил. Мой почерк. А вот и след ботинка. Ромбы.

А где оружие? На столе лежит. Глок 19 с глушителем. Любимая модель. Вынул магазин. Шесть патронов отсутствуют. Все правильно, два раза в грудь, один раз в голову. Так я обычно и стреляю. Но, почему я не помню это убийство? Кто эти люди? Где мы?

Голова не работала, шок после осеннего купания еще не прошел. А тут еще эти трупы...

Голова не работала, а кровь горела, так хороша была темнокожая красавица.

Расстегнул и приспустил штаны, лег на мертвую девушку.

Через две минуты кончил. Как локомотив летел, задохнулся даже. Вот же сладость!

...

Теперь вместо вожделения пришел страх.

Знакомое лицо повисло надо мной... голос бил молотком в висок: Ты что же это делаешь, идиот, извращенец? Мало того, что загубил молодую жизнь, еще и надругался? И генетический след оставил, кретин... беги, беги отсюда...

Но бежать-то я и не мог. Надо было дело до конца довести.

Пошел искать бензин. Нашел, в кладовой рядом с кухней. Две канистры.

Все, что можно — и на первом и на втором этаже — облил бензином, особенно много на большую уютную софу в гостиной вылил. Перетащил трупы на софу. Закрыл им глаза, перекрестился. Вышел из дома и все его стены по периметру тоже облил. Отходя от дома, делал бензиновую дорожку.

Зажег ее зажигалкой.

Пламя побежало как спринтер. Дом запылал, а затем еще и взлетел на воздух. Видимо баллоны с пропаном взорвались.

Стоял метрах в пятидесяти, смотрел как очарованный на огонь.

Не расслышал из-за шума и треска пожара рева садящегося вертолета.

Понял все, только когда люди Джонса окружили меня и начали, гнусно гогоча, избивать меня прикладами своих М16.

После того, как они выбили мне все зубы и сломали половину костей, ко мне подошел сам Джонс, вставил мне в окровавленный рот восьмидюймовое дуло своего Магнума, прошептал: До скорой встречи в аду, Гарри.

И нажал на курок.

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

АННА, ЛИДОЧКА И ДЖИМ

В эмиграции с человеком происходит много странного, загадочного, труднообъяснимого.

Одной из таких загадок является способность и склонность эмигранта время от времени «узнавать» в чужих людях... в прохожих, в коллегах по работе, соседях или в покупателях в супермаркете... даже в некоторых голливудских актерах... бывших своих знакомых или близких людей из доэмиграционного мира.

Происходит это «узнавание» не так уж часто, но иллюзия сходства, иллюзия присутствия того человека из того времени — здесь и сейчас — невероятно сильна. И деструктивна.

Сбивает с толку, переворачивает все вверх дном.

Потому что ты видишь в американской толпе своего старого приятеля, а здравый смысл вопит в твоих мозгах — это не Володя, ему сейчас должно быть уже за восемьдесят, а этому человеку, который так фатально на него похож — не только внешностью, но и походкой и ухмылкой — явно не больше сорока... Почему же он, прежде чем исчезнуть в пасти подземки дружески кивает тебе?

Ты натыкаешься в лифте на горничную в гостинице во Франкфурте и вдруг... узнаешь в ней одну из твоих стародавних пицундских подруг, Танечку... Но эта девушка в накрахмаленном белом фартуке никак не может быть Танечкой. Танечка старше тебя на два года, значит ей сейчас 67, а этой крошке не больше девятнадцати. Но она смотрит на тебя также ласково-иронично, как когда-то смотрела Танечка и голос ее веселый также звучит... и эти глаза, незабываемые, зеленые с коричневыми пятнышками, и эти веснушки, и этот запах яблока...

Если ты увидел на улице Берлина или Парижа такого фантомного «володю» или такую невозможную «танечку» — самое худшее, что ты можешь сделать, это побежать за ним... за ней... догнать, взять за руку, попытаться заговорить, задавать вопросы... или, не дай Бог, начать что-то рассказывать.

Тогда ты испытаешь онтологическое унижение, ангелы рассмеются, карточный домик рассыпется. Синие птицы разлетятся.

И твой долгим, мучительным трудом построенный воздушный замок существования, убежище для души, со всеми его призрачными обитателями, стенами с башенками, светлыми покоями, поэтическими закоулками, висячими садами и прочими золотыми рыбками — в один момент разрушится.

От него останется только труха. И ты окажешься там, где ты когда-то начал свой новый путь — на безлюдном пустыре, прорешем полынью, один, нагой и беззащитный.

А в голову против воли полезут воспоминания, от которых ничто не сможет тебя защитить.

* * *

Я встретил Джима в Нью-Йорке, в Гринвич-Виллидже, недалеко от дома, где жил Бродский на Мортонстрит. Он явно спешил. Шел в сторону Гудзона. Что ему там понадобилось? Купил пароход и задумал перепродать?

Элегантный, самоуверенный, деловой человек.

Я даже не попытался его догнать. Боялся, что он исчезнет, как только я дотронусь до него рукой.

Тот самый Джим... Уму непостижимо.

Как его на самом деле звали, я не знал даже в то время, когда раз в четыре дня, на пересменках, встречался с ним по долгу службы в нашем «Центральном складе типографских машин» в районе Белорусского вокзала, где я тогда работал сторожем «чтобы не прервался стаж».

Во время нашей первой встречи он представился: Джим. Так меня все зовут... Покойная мама так меня называла, потому что мне очень нравился в детстве темнокожий друг Гекль-

берри Финна. Я вылепил его фигурку из пластилина, выучил наизусть его монологи и декламировал их взрослым. Все смеялись.

Джим помолчал немного и добавил: Не хочу, чтобы ты узнал от других... я только неделю как освободился. Отсидел два года за «спекуляцию валютой». Засадили за двадцать долларов в кармане, суки. Устроился сюда, потому что нужна справка о работе. А-то опять посадят... как тунейдца. Да, кстати, ты не знаешь, где тут телефонная будка?

Ну что же, Джим, так Джим. Сидел, не сидел... Не все ли мне равно? Я с ним крестить детей не собирался.

— Будка за углом. Вон там. А откуда у тебя доллары?

— Откуда, откуда, от верблюда. Дядя провез несколько сотен. Он еще в семидесят четвертом уехал. Устроился неплохо. У одного из наших работает. В Бостоне. Шоферит для него. Бабу его возит туда-сюда. Капусту привез в подарок... но видать кто-то настучал. Может с самой таможни пасли. Посмотреть хотели, для кого валюта... Меня прямо на выходе из гостиницы «Украина» схватили. Руки завернули. И сразу начали шмонать. Двадцатку мою нашли, а сотню для матери, в потайном кармане, нет. На киче отобрали и сотню. Вот суки, ни себе, ни людям. Ладно, доживем до понедельника, брат...

— Надеюсь. Только вот, будет ли лучше... в понедельник.

— Слушай, а там, в подвалах, и впрямь типографские машины?

— Не знаю. Никто не знает. Нам туда заходить воспрещается, мы только двери, окна и замки проверяем. Может быть там бомбоубежище на случай атомной войны... или большевистское вундерваффе спрятано... или золото партии... не бери в голову.

Джим был высоким, худым, немного сутулым, слегка флегматичным, ярко выраженным евреем лет тридцати. Его заветная мечта не отличалась оригинальностью.

— Ты знаешь, больше всего на свете хочу уехать навсегда из проклятого Совка и поселиться в Нью-Йорке. Буду играть на бирже, заработаю кучу денег и стану жить по королевски. Так и будет, обязательно. И когда-нибудь, Антоша, мы встретимся с тобой на Бродвее, и я посажу тебя в мой шикарный кадиллак и повезу обедать в лучший ресторан Нью-Йорка.

— Дураки мы с тобой. Раньше надо было линять, а не ващежку разевать понапрасну. Проболтали наше время. А теперь...

— Раньше никак. Мать не мог одну оставить.

— Понимаю. А я не хотел бросать молодую красивую жену, мы только поженились. Она бы ни за что не уехала. Патриотка...

— Нашел бы себе в Штатах новую жену. Ты парень видный.

— Я эту любил. Все равно развелись. Цапались, цапались...

— Потому и не женюсь. Гиблое дело.

Разговор этот состоялся осенью 1983-о года в Москве, в разгар андроповщины, через несколько недель после того, как советские сбили южнокорейский пассажирский самолет недалеко от Сахалина. Холодная война бушевала вовсю. Эмиграция из СССР прекратилась, а о том, что через несколько лет наступит перестройка с ее послаблениями и надеждами, и каждый желающий, имеющий достаточно мужества и решимости, сможет покинуть осточертевшую всем нам «социалистическую родину», никто и мечтать не мог.

Наоборот, все думали, что после периода «гонок на лафетах», к власти в Кремле придет какой-нибудь новый, молодой, энергичный, и закрутит гайки так, что мы поганое брежневское время будем вспоминать как райские кущи. А об эмиграции можно будет забыть навсегда.

Сейчас, вспоминая это казавшееся бесконечным недосуществование последних советских лет, я прихожу к выво-

ду, что мы не так уж сильно и ошибались в наших прогнозах. Тоталитарный СССР развалился, туда и дорога. Зато появилась «новая Россия», которая, поколебавшись, обрела равновесие и уверенность в себе не как обычная демократическая страна, а как «гибридная» диктатура. Опять, двадцать пять.

И «новый, молодой» — пришел-таки к власти, только позже, и даже успел состариться на посту. И гайки закрутил...

Старожилом на складе почиталась Анна, женщина лет на двадцать пять старше Джима... пергидролевая блондинка с высокой грудью, похожей на сопки Манчжурии, с круглым грубым лицом и широкой задницей... почти всегда одетая в какой-то немыслимый неопределенного цвета костюм эпохи Ягоды. Она смотрела на всех двуногих, а в особенности на мужскую половину человечества недоверчиво, насупленно, зло... мол, я знаю, чего вы хотите, но со мной этот номер не пройдет.

Чтобы сразу разрядить обстановку, я сказал Анне в первую же нашу совместную смену: Прошу вас, не рассматривать меня как искателя ваших прелестей, а исключительно как коллегу по работе. У меня есть жена, я ее люблю.

Ответ Анны был суров: Не надо мне лапшу на уши вешать... Жена, люблю...

Никаких конфликтов у меня с Анной во время работы на складе не было. Несколько раз она меня даже выручала, пусть и не безвозмездно, то есть не доносила начальству на то, что я, вместо того, чтобы ночевать в вонючей будке сторожей, уезжал заполночь ночевать домой, а в шесть утра приезжал на место работы. Стоило мне это каждый раз пятерку. Учитывая, что наша месячная зарплата была — восемьдесят рублей, это было не так уж мало.

Совесьть меня не мучила, когда я уезжал домой. Склад типографских машин был окружен, как крепость, высоким

кирпичным забором, утыканным заостренными стальными штырями, а единственные тяжелые железные ворота надежно запирались.

Золоту партии ничего не угрожало.

Началось все с того, что Анна втюрилась в Джима.

Он в этом виноват не был. Пришло время и Анне влюбиться.

Влюбилась... и в кого? В фарцовщика.

Джим часто приносил с собой на работу чемодан с пестрыми шмотками и джинсами. Прятал чемодан в единственном запирающемся шкафу. К нам на проходную приходили его покупатели.

— Можно ли повидать Джима? Мы от Гоши.

— Проходите.

Однажды я присутствовал при встрече Джима с двумя типами «от Гоши». Вопреки моим ожиданиям, они с Джимом не торговались, а молча осмотрели и ощупали товар, узнали цену, кивнули, проверили с помощью карманного калькулятора окончательную сумму, заплатили рублями и ушли, упаковав вещи в принесенные с собой большие хозяйственные сумки. Похоже это были перекупщики... из Воронежа или Иркутска. В их города иностранцы не приезжали, а в Москве их было много. Джим говорил, что «чаще всего работает с поляками», которые привозят свой товар из ГДР, а гэдээровцы получают его «почти задаром от западников».

Однажды я спросил Джима, почему милиция его не беспокоит. Он посмотрел на меня скептически и ответил кратко: Потому что менты получают в лапу то, что им причитается. Регулярно. И не только менты.

Я замолчал. Все мы боялись и милицию и «не только ментов». Даже если не делали ничего такого. Просто так. Это у советского человека было в крови.

Да, Анна втюрилась.

Раньше всех это заметил Денис Абрамович, величественный старик с львиной гривой седых волос, уволенный за что-то из московской коллегии адвокатов, не только дающий ну-

ждающимся платные профессиональные консультации по уголовному праву, но и ведущий из нашего склада долгие судебные дела. Инкогнито, разумеется.

Однажды он прошептал мне на ухо: Антон, посмотрите на Анну, она вся светится и сегодня пришла на работу в розовой юбке, розовой же кофточке с цветочками и на каблуках. Маникюр сделала и волосы завилла. И духами от нее несет.

Меня Анна мало интересовала, я сам бы и не заметил перемены.

Поглядел. Да, сторожиху Анну было не узнать. И похорошела, и глядела на других не зло, а... почти с участием.

Мне Анна сказала неожиданно помягчевшим голосом: У вас всегда такое печальное лицо, Антон. Наверное, вы несчастливы в браке, но скрываете это от других и от себя самого. Вам надо найти новую любовь, иначе вы пропадете.

А Дениса Абрамовича Анна впервые за шесть лет совместной службы обняла и погладила по седым волосам. Он мне рассказал.

Когда в комнату, где она сидела, входил Джим, Анна краснела, опускала глаза и начинала что-то тихо бормотать. Моллилась вслух.

— Господи, Иисусе Христе, Богородице-дево, простите меня грешную и спасите мою душу, смилуйтесь, пожалейте, сделайте так, чтобы он полюбил меня, дуру старую, ничего больше у вас не прошу...

Джим естественно ничего не замечал. Был занят какими-то расчетами и комбинациями, часто бегал на улицу и звонил из телефона-автомата, устраивал свои гешефты... вел себя как бизнесмен, что, учитывая его положение сторожа на складе, было смешно и гротескно. Но из подобных гротесков состояла большая часть советской действительности.

У нас в бригаде все, кроме Анны, были слегка с приветом. Каждый по-своему.

Денис Абрамович занимался адвокатской практикой, я на работе рисовал эскизы к будущим картинам, которые так и не

написал никогда, еще один наш коллега, Игорек, изучал, следуя указаниям Кнорозова, древние книги майя, рано располневший декадент-диссидент Мишенька, по его словам, «писал ноэли», хотя французским, вроде бы, и не владел, а наша юная сексапильная звезда Лидочка ухитрялась на огромном замызганном складском дворе обслуживать клиентов. Предлагала и мне сделать минет за полцены, но я отказался. Из-за безгливости.

Предлагала она себя и другим членам бригады.

Денис Абрамович был уже староват для таких подвигов, Игорек ничего не хотел знать, кроме своих индейцев, Мишенька был голубым, а Джим...

Полагаю, минетом дело не обошлось... денег у него было много, кроме того, несмотря на свою флегму, Джим был очень охоч на клубничку.

Бедная Анна наблюдала его кувыркание с Лидочкой через маленькое зарешеченное окошко. И ревновала. Особенно жгуче ревновала после того, как он и с ней переспал в ночную смену.

Джим рассказывал так: Веришь ли, Антоша, она меня затщила к себе в койку. Я и пикнуть не успел. Сидели с ней вечером на проходной, играли в подкидного. Я принес бутылку. Раздавили. Поздно уже... Я собирался идти спать в маленькую комнату, а ей уступить большую.

На самом деле обе наши комнатки в будке сторожей были метра по четыре квадратных, не больше. В них помещались только койка, стул и замызганный шкафчик. «Большой» и «маленькой» эти комнатки мы называли в шутку.

— Вдруг Анна как вскочит. Как будто ее ужалила оса. Ведьма настоящая. Руки растопырила. И ко мне... Глазами сверкает, зубами скрежещет, рычит как медведица... Впилась мне губами в губы, укусила, а затем в большую комнату потащила. Бросила меня на койку как куклу. Одежду с меня стащила и сама разделась. Прыгнула на меня как рысь, хватать за член...

— Ну, а ты...

— Что я... поддался... а затем потихоньку завелся. Ох, горячая же кобылка. До сих пор яйца горят. Ты чего хмуришься?

— Не вышло бы чего.

— Что не вышло? О чем говоришь?

— Не знаю. По мне хоть всю Москву трахай. А Анну лучше в покое оставить...

— Это почему?

— Потому что она чокнутая.

— Ты не понимаешь! В этом весь смак. Она во время сношения и мяукала, и лаяла, и хрюкала, и рожи строила, и язык длиннющий высовывала. А в нутре у нее... как будто цыплята только что из яиц вылупившиеся.

— Цыплята? А Лидочка?

— А что Лидочка... она вся, как и полагается, резиновая.

А дальше случилось вот что.

Лидочка пропала. Не пришла на свою очередную смену и не позвонила.

Подумали, мало ли что... может, укатила куда, по вызову, или так, в гости. В Питер или в Кострому. У нее там жили родственники. Или запила... с кем ни бывает.

Через три дня опять не пришла. Позвонили в милицию. Те сразу заподозрили неладное и начали расследование.

Вел дело майор Коклюжий. Розовощекий бык с маленькими глазками, неприятными пухлыми губами и огромными руками, похожими из-за псориаза на лапы ящера.

После первых же бесед с нами он арестовал бедную Анну. А всем остальным прочитал что-то вроде нотации, смысл которой сводился к следующему: Все вы — ненужные советской стране ублюдки, если хоть в чем-нибудь малом вас замечу — посажу в тюрьму, к уголовникам.

А с Джимом он еще и отдельно побеседовал. Мишенька видел, как Джим вышел из кабинета майора, бледный как мертвец, качающийся и с дрожащими красными руками.

Джим рассказал мне позже, что Коклюжий «называл его воночим жидом, фарцовщиком, спекулянтом, два раза ударил по лицу своим кулачищем, размером с гирю, потребовал всю выручку за тяжелую работу последних месяцев. И пригрозил что посадит в пресс-хату без судебного разбирательства, если не отдам ему деньги».

— Ну и что? Отдашь?

— А что делать, отдам, что есть. Мне моя жопа дороже...

— А про Лидочку... что он говорил?

— Говорил, что Лидку Анна прижмурила. Из ревности. Но ни улик, ни тела нет.

— Ты ему что, про себя и Анну...

— Конечно рассказал. Я ведь для него урка... с такими не церемонятся. Может и трупача на меня повесить. Все может. А ты?

— Он меня о тебе и Анне не спрашивал. Он со мной по-чему-то о моей кооперативной квартире беседовал.

— Это он тебя так запугивал, а ты не понял.

— Ужас.

На складском дворе милиционеры днями напролет что-то искали. Мы слышали их скабрзные шутки про лобки и волосы.

Я спросил Дениса Абрамовича, знает ли он что-либо об Анне.

— Ничего пока неизвестно. По опыту... если тело или хотя бы палец Лидочки не найдут, рано или поздно ее отпустят. Если конечно она не сознается. Сейчас они ее кошмарят, чтобы сама себя оговорила.

Коклюжий вызвал меня к себе. Я сходил. Не хотел давать повод для подозрений.

— Если хоть что-то о деле знаешь, рассказывай. Пусть даже мелочь, пустяк...

— Ничего не знаю.

— Ну смотри, если узнаю, что знал и не сказал, посажу за недонесение.

— Рад бы помочь...

— Это ты врешь, что-нибудь и ты знаешь. Но молчишь. Потому что ты всех нас ненавидишь. Советскую власть. Партию. По глазам вижу. Ладно, свободен. Интеллигенция...

Похоже, худшего определения для человека у псориазного майора не было.

Коклюжий представлялся мне во время допроса огромной жабой с пузырчатой кожей. Жаба прыгала по комнате, разевала пасть, рычала и квакала, грозила проглотить меня как комара.

Неопределенность продолжалась две недели.

Затем... на складе вдруг появилась Лидочка. Запуганная, но живая и невредимая.

На вопросы она не отвечала. Все недоумевали.

Милиция исчезла. Коклюжий больше никого не вызывал.

Об Анне — ни слуху, ни духу. На ее место взяли другую сторожиху. Тоже пергидролевуую блондинку. И тоже с круглым грубым лицом.

Я уволился со склада, так и не узнав, что же произошло. Джим уволился за три месяца до меня.

Времена изменились. К власти в Кремле пришел Горбачев. Из магазинов исчезло спиртное. У винотделов выстраивались длиннющие очереди. Однажды в одной из таких очередей на улице Горького я случайно встретил Дениса Абрамовича. Узнал, что его опять приняли в коллегии адвокатов. Теперь он вел дела в судах легально. Выглядел прекрасно, помолодел и волосы покрасил.

Не удержался, спросил у него, что же тогда произошло с Лидочкой и Анной. И он рассказал мне шепотом, на ухо...

— Да, Антоша, Лидочку никто не убивал. Возможно, Анна и устроила бы ей сцену, очень уж ревновала, но убивать... Нет, Лидочку похитили у метро Сокол люди в темных пальто и отвезли на специальную дачу на Рублевке. Там ее

припугнули, раздели донага и бросили еще с пятью такими же как она красавицами в теплый бассейн с розовой водой. А в бассейне не жились начальники... из высшего легиона. Лидочка рассказывала неохотно, что они там делали. На обычное половое сношение никто из них уже способен не был. Лидочку и других девушек вешали за руки или за ноги, головой вниз, щекотали, щипали, обливали горячим воском и пороли розгами. Мочились им на лица. А потом звали молодых парней из охраны, чтобы те на глазах у начальников девушек насиловали... В конце концов Лидочка начальникам надоела, ей впрыснули лошадиную дозу наркотика в вену, отвезли домой, бросили на кровать и оставили умирать. Но случай иногда творит чудеса. К Лидочке пришла ее сестра, у которой был ключ от квартиры, вызвала скорую, ее откачали. А через неделю она вышла на работу. Я отсоветовал ей обращаться в суд. Посоветовал уехать на время. Она послушалась и уехала в Кострому.

— А что же приключилось с бедной Анной?

— Эта история еще мрачнее. Мне все рассказал старый знакомый в прокуратуре. По секрету. Оказывается, этот знойный дегенерат, как его, майор Коклюжий, вбил себе в башку, что Анна убила Лидочку из ревности. Он раскопал сведения об Анне... Оказывается, она работала в юности лаборантом в одной из секретных химических лабораторий МГБ. И имела доступ к ядам. Коклюжий решил, что Анна отравила Лидочку, а затем профессионально уничтожила ее тело, растворила его в кислоте. Где-то на складе. Его люди долго искали следы преступления... Поскольку Анна не сознавалась, он начал ее истязать. Загонял иголки под ногти, защемлял пальцы, надрезал и жёг кожу. В какой-то момент ее сердце не выдержало. Она умерла. Дело замяли. А тело кремировали и похоронили. Обычная практика, Антоша. Средневековье. Мой вам совет, как только сможете, уезжайте отсюда навсегда.

В конце восьмидесятых я уехал.

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Зря я тогда сказал Джиму, что в наших складских подвалах хранится золото партии.

Слово «золото» по-видимому оставило в его памяти свой манящий мерцающий след и навело на некоторые не совсем кошерные мысли. О которых Джим далеко не сразу мне поведал. Выдержал паузу, надо отдать ему должное.

Где-то через полгода после нашего разговора, ночью, на складе дежурили только он и я. После традиционной игры в карты — мы играли в гусарика — и чаепития с пражскими пирожными Джим начал зондировать почву.

— Послушай, Антоша, ты это про золото партии просто так ляпнул, или в этом что-то есть?

— Просто так, конечно. Я понятия не имею, что там, в этих подвалах. Может быть там летающие тарелки или кладбище жертв опричнины. Но кое-какими соображениями я могу с тобой поделиться. Исключительно для того, чтобы скрасить нашу полуночную беседу.

— Поделись, профессор, поделись.

— Ответь на вопрос... за все время твоей работы на складе мы хоть раз открывали ворота?

— Нет. Не помню. Я думал, это только в мою смену случайно никто не приезжал, не уезжал...

— Я говорил об этом с Анной, а она тут чуть ли ни четверть века варилась... никогда ворота не открывали. Никто и никогда. А что это значит?

— Что?

— Элементарно. Это значит, никто и никогда не привозил и не увозил отсюда эти самые типографские машины. А это, в свою очередь, означает...

— Что никаких типографских машин тут, на складе, нет и не было.

— Именно так. И волей-неволей встает вопрос, что же мы на самом деле охраняем. Ведь мы, согласно документам, «стрелки вневедомственной охраны» и что-то охраняем, пусть и без оружия, не так ли? Или...

— Логично.

— Итак... мы охраняем нечто, то, что кто-то когда-то привез и спрятал в подвалах. Что спрятал? Когда? При Усатом? Или при Петре Первом? И с тех пор это нечто никто из подвалов не забирал, не посещал, не проверял... На территории склада никто кроме нас, твоих покупателей и клиентов Лидочки не появляется. Начальство приезжает раз в месяц, обходит двор, делает нам внушение и исчезает. И это все. И все эти люди, подчеркиваю — все, входят-выходят через проходную, на которой всегда кто-нибудь из нас сидит. То есть, все под контролем.

— Вроде так.

— Продолжим плести наши силлогизмы, как говорил кот Бегемот. Что такое собственно, наш склад? Проходная, будка сторожей и двор, заставленный большими деревянными ящиками, в которых... может быть в них и хранятся эти самые типографские машины? Работающие тут до нас сторожа не раз взламывали эти ящики. С целью личного обогащения. И что же они там нашли? Листовое железо, уголки, стальные прутья. Поржавевшие, скверного качества. Никаких типографских машин в них нет. Ящики эти — камуфляж, обманка. Чтобы никто вопросов не задавал. Вот мол склад, а вот и ящики... Под нашим двором — огромный подвал, подземелье. Откуда мы это знаем? Вот откуда. По всему двору установлены металлические трубы-отдушины. Заваренные сверху, но имеющие отверстия по бокам. Это вентиляция. Как она работает, не знаю. Видимо, естественно. Шума от вентиляторов не слышно. Но если поднести руку к отверстиям, чувствуется движение воздуха. Значит там, внизу, есть что-то или кто-то, нуждающийся в свежем воздухе. Может быть, там тюрьма?

— Типун тебе на язык.

— Ладно, поговорим теперь о том, как можно войти в подвал.

— Ты сам знаешь. В подвал ведут два люка. Крышки их заперты на могучие замки. Люки теряются между неподъемными ящиками...

— Да-да. Кто-то не только спрятал что-то в подвале, но и постарался это скрыть. Значит то, что спрятали, имеет большую ценность.

— Или оно опасно. Динамит, бомбы, яды, ракеты, оружие, радиоактивные материалы...

— В этом случае тут сидели бы солдаты и гэбисты. Кстати. Если бы там хранилось золото, то тут тоже не мы с тобой сидели бы. И не Денис Абрамович...

— Тоже верно. Но что там все-таки? Посмотреть охота ужасно.

— Это не так трудно устроить, как ты думаешь.

— Почему?

— Потому что голубенький наш Мишенька нашел недели три назад — в паузе между рукоблудием и ковырянием в носу — под койкой в маленькой комнате небольшой грязный мешок. А в нем — штук двадцать ключей. Хотел их кинуть в мусорный контейнер, но я не позволил ему это сделать, мало ли чего. Мешок этот тут, на проходной, в шкафу, я сам его спрятал. Так что, возможно, мы сможем открыть люк и спуститься в подвал. Но экспедицию эту мы устроим только при одном условии.

— Каком?

— Что ты ничего оттуда не стащишь. Ни-че-го.

— За кого ты меня принимаешь?

— За того, кто ты есть на самом деле.

— Ладно, принято.

Я конечно Джиму не поверил. Но и меня тянуло заглянуть в подвал и уже давно. И во мне еще не умер юнга из «Острова кроковиц». Да и Сильвер тоже.

Почему-то я решил, что и тому, непонятному нечто, что живет в подвале, не терпелось познакомиться со мной. Это вызывало во мне легкую дрожь... смесь возбуждения и ужаса. Поэтому мне не хотелось спускаться в подземелье одному. Джим был, разумеется, не лучшим попутчиком для такого путешествия. Я бы предпочел умника-Игорька или Дениса Аб-

рамовича. С ними я по крайней мере не опасался бы того, что они что-нибудь там незаконно присвоят, автоматически превратив меня в соучастника кражи...

Решили попробовать спуститься в подвал прямо сейчас. Зачем тянуть?

Заперли проходную. Погасили в ней свет и вышли на двор.

Ночная Москва встретила нас тяжелым мерным гулом и скрежетом мегаполиса, крепко обняла своими огромными воздушными руками. Ударила в нос запахом асфальта и выхлопных газов.

Захватили с собой мешок с ключами и плоские фонарики, единственный инвентарь сторожа-стрелка, который нам предоставили наши работодатели. Кроме казенных солдатских одеял конечно.

Подшли к одному из люков. Не торопясь, попробовали разные ключи. Ничего не вышло. Большинство ключей явно не подходило. Но один... мог быть и от этого замка. Но он не хотел поворачиваться, а применять силу мы не стали. Боялись сломать.

Замок второго люка тоже не открылся, но в нем один ключ по крайней мере повернулся градусов на сорок.

Знающий толк в таких делах Джим попросил его подождать и ушел в нашу избушку. Вернулся через десять минут. В руках у него была старинная масленка. Где он ее нашел?

Ключ мы осторожно повернули назад и вынули, и Джим впрыснул машинное масло в замочную скважину.

Сердце у меня билось как метроном, глаза Джима горели зеленым огнем золотоискателя. Мы чувствовали, что на этот раз...

И вот... Джим осторожно повернул ключ своими длинными пальцами карманника.

Замок щелкнул, а затем... нехотя открылся. Победа!

Мы с трудом подняли люк. Посветили вниз. И не увидели ничего, кроме пыли и пустого пространства.

Вниз вела узкая поржавевшая винтовая лестница, крепящаяся к стене подземелья.

Спускаться по ней было опасно.

Но любопытство пересилило страх. Первым в подвал полез Джим.

Мы договорились так: Джим должен был достичь дна, оглядеться, убедиться, что все тихо, и после этого дать мне сигнал.

Джим спускался медленно, проверяя каждую перекладину, держит ли, прежде чем наступить на нее ногой. Лестница скрипела и ходила ходуном. Я ждал...

Наконец услышал... слабый голос из глубины.

— Все в порядке, спускайся, брат. Тут нет ни двухметровых крыс, ни оживших мертвецов.

Я начал спуск. Считал перекладки. На шестидесятой сбился.

Достиг дна. Стоял как истукан. Боялся идти.

Рядом со мной стоял Джим. Пылинки роились вокруг его фигуры... как мушки.

— Ну и что теперь. Скажи, профессор!

Как будто я это знал.

Джим начал яростно светить фонариком во все стороны. По стенам подземелья забегали синусоиды... Это было эффективно, но не позволяло понять, где мы, черт возьми, находимся.

— Стоп! Перестань мельтешить. Возьми и мой фонарик, сложи его задними сторонами с твоим и подними оба. Как можешь высоко. Да, на вытянутой руке.

— А теперь... медленно поворачивайся. Как маяк.

Два луча высветили стены большого, прямоугольного в плане подземного зала.

Просторного и высокого. И вроде бы совершенно пустого. К вящему разочарованию Джима. Мы находились в одном из его углов.

На стене, прямо за лестницей мы обнаружили что-то напоминающее старинный выключатель. Джим осторожно крутил колесико...

Неожиданно в зале зажегся свет. Слабый, мерцающий, сиреневый...

Мы погасили фонарики и жадно глазели по сторонам.

Оказалось, стены и потолок зала были покрыты фресками, настолько выцветшими, что я поначалу ничего не смог разобрать. Какие-то непонятные фигуры, незнакомые мне предметы, дома, смутно напоминающие марсианскую архитектуру.

Предложил: Давай обойдем зал по периметру, может быть, найдем двери в другие помещения.

Джим не возражал.

Прошли по периметру. Дверей не нашли. Зато определили, что размеры зала составляли примерно тридцать один на девятнадцать метров (Джим считал шаги).

Интересно, как это строители укрепили тут потолок... Без колонн...

Прошли в середину зала.

Задрали головы. Прямо над нами на потолке был изображен огромный орел. В когтях он держал голубоватый шар. Глобус! И глобус этот непостижимым образом вращался.

Джим неожиданно схватил меня за руку и спросил: Ты чувствуешь это?

— Что?

— Не знаю, как описать. Дрожание земли... вибрация.

— Тут метро недалеко. Может быть, поезд проехал?

— Нет, это что-то другое. И музыка...

— Ничего не слышу, вибрации не ощущаю.

Пошли назад к лестнице. Выключили свет. Поднялись на поверхность. Поприветствовали верхний мир. Жадно дышали ночным мартовским воздухом.

Закрыли крышку люка. Заперли замок.

Поклялись как скауты, никому о нашем приключении не рассказывать.

Я положил ключ назад в мешок, а мешок спрятал в шкафу на проходной.

Разошлись по своим комнатам. Я не стал раздеваться, лег на койку, завернулся в одеяло и тут же заснул.

На следующий день, в восемь утра, нас должны были сменить.

Ночью мне снилась всякая чертовщина. Будто бы стою я в этом подземном зале и смотрю на фрески. И фрески начинают наливаться цветом и объемом.

Фигуры на них оживают и прыгивают со стен в зал. Это средневековые войны, вооруженные мечами и копьями. Они бегут ко мне... ужасный орел слетает с потолка...

Тут я открыл глаза.

И, вот же наваждение... я стоял голый и босой... с фонариком в правой руке и ключом в левой... в подземелье, освещенном слабым сиреневым светом.

Один.

И это не было продолжением сна. Это была самая настоящая явь.

Как я сюда попал?

Неужели разделся на своей койке, зашел на проходную за ключом и спустился в подземелье? Как лунатик?

Тут я ощутил то, что Джим назвал дрожанием, вибрацией. Только мне показалось, что не земля дрожит, а само пространство. Как будто готовится к чему-то. К метаморфозе, преобразению...

И музыку я тоже услышал. Она отдаленно напоминала органную музыку Оливье Мессиаана, которую я слушал недавно в Зале Чайковского.

Хорошо еще, что фигуры на фресках все еще были блеклыми и не собирались оживать.

Я чувствовал себя пугалом... идиотом... глупо вмешавшимся в чужую игру, не понимая ее правил, без шанса на победу. Ставкой в этой игре была моя жизнь.

Хотел подняться по винтовой лестнице.

Но что-то меня остановило.

Поначалу, не понял, что. Да, я услышал шаги... кто-то шагнул, шаркая и посвистывая.

Но я не видел шагающего. Он был еще далеко.

И вот... он вошел в зал. Прошел сквозь стену.

И направился к противоположной стене.

Выглядел он как бездомный. Старое пальто английского покроя, в кармане — бутылка кефира с зеленой крышечкой, вместо брюк — рванина... Грязная меховая шапка. Ботинки с колошами. Дырявые перчатки. Бородка.

В середине зала он вдруг остановился. Пробурчал что-то вроде: Ах-ха-ха...

Обернулся и пристально посмотрел на меня. Вздохнул... и неодобрительно покачал головой.

И пошел дальше. Вошел в стену легко, как корабль входит в туман. Видел такое в Крыму, у Карадага.

Его лицо показалось мне знакомым.

Вспомнил! Это был Михаил Одноралов. Я видел его на выставке московских неофициальных художников в Доме Культуры на ВДНХ. Лет десять назад. Видел и это пальто с бутылкой кефира. Посмеялся тогда и задал стоявшему рядом с ним маленькому человеку несколько вопросов. Он ответил... приглашал меня к себе в мастерскую, но я не воспользовался приглашением. И вот, он тут, в своем знаменитом пальто, ходит сквозь стены, вздыхает и головой покачивает...

Погодите, но он же уехал в Америку. И не умер. Что же он забыл в нашем подземелье? Подрабатывает привидением? У большевиков на службе?

Или это не он, мне показалось?

Тут я услышал звонкий детский смех и из стены зала, там же, где Одноралов, выпрыгнули три маленькие девочки. Голенькие. Они побежали по его следам. Возможно хотели догнать.

И они тоже остановились в середине зала, обернулись и посмотрели на меня. Состроили гримасы. Высунули языки. Что-то прокричали вместе.

Голоса их были похожи на то, что получается, если ленту на магнитофоне прослушивать задом наперед.

Лица у них были неживые, кукольные.

Девочки вошли в стену там же, где это сделал бродяга.

Из стены... выехала карета-ландо, запряженная двумя пегими лошадьми. Карета остановилась, из нее легко выпрыгнула дама в роскошном белом платье до пят. И направилась ко мне... положила руки мне на плечи, приблизила свое лицо к моему лицу и сказала: Я — Марта Целле. Ты вызвал меня и вот я тут, любимый...

Я был потрясен этими явлениями. Оставим Одноралова с его пальто и девочек-куколок на совести подсознания. Но откуда этот зал узнал, что я всю жизнь мечтал именно об этой женщине?

Подошел к тому месту, откуда появлялись эти существа, потрогал стену. Несколько раз ударил ее кулаком. Никакого подвоха, никакой потайной двери. Стена как стена. И пройти сквозь нее, и тем более проехать на карете — держу пари — вы, господа, не смогли бы. И я не смогу.

Что же это было?

Поднялся наверх, лег на свою койку и заснул.

А утром успел до прихода сменщиков поговорить с Джимом.

Оказалось, он тоже спускался ночью в подземелье! Но рассказывать о том, что он там видел и пережил, покрасневший как рак Джим решительно отказался.

* * *

Решил в подвал больше не спускаться. По крайней мере — в ближайшие дни. Испугался. Не был готов жить в той новой реальности, которую выстроил для меня зал.

Меня терзало недоброе предчувствие, я полагал, что то неистовство, с которым я овладел этой женщиной-миражом в белом платье, не пройдет мне даром и отравит мою обычную семейную жизнь с Нелей...

Да, зал не обладал собственной волей, а только материализовал, развивал, трансформируя, мои воспоминания, мои представления и мечты... Но я справедливо опасался, что он поступит также и с моими страхами, кошмарами, навязчивыми идеями. Боялся, что зал пробудит к жизни чудовищ, не видимых для окружающих меня людей, но составляющих неотъемлемую часть моего естества, чудовищ, которых я — каюсь — подкармливал, пытался заговорить, задобрить, подмаслить... чтобы они не так жестоко терзали меня и моих близких.

Я вечно всего боялся... кролик, а не человек...

А Джим... Джим кроликом не был.

Через две недели после нашего совместного посещения подземелья... ночью, на проходной... мне все-таки удалось его уговорить рассказать мне о том, что он тогда пережил. В таинственном зале с фресками на стенах и орлом на потолке.

Для этого пришлось открыть карты и, ничего не скрывая, поведать ему и о бродяге в пальто, и о трех голеньких девочках, и о явлении женщины в белом, и о той оргии, что мы с ней устроили. Джим слушал меня и улыбался. Наверное я казался ему ягненокм или кроликом...

— Кажется мы оба сошли с ума. Многое из того, что там со мной случилось — я не могу описать словами. Просто не понимаю, что это было. Этого я и касаться не буду... Так вот, для начала зал показал мне то, что я никак не ожидал увидеть. Как это называют... кинематографическую аллюзию. Как и у тебя, прямо из стены выехал большой темный автомобиль. Я узнал модель — обожаю старые американские машины — это был четырехцилиндровый Максвелл начала двадцатых годов. За рулем сидел человек в кожаной куртке, шапке и в таких же перчатках. И в больших автомобильных очках, которые делали его похожим на сову... или на акванлангиста. Автомобиль остановился в середине зала, шофер посмотрел на меня, грозно блеснув очками, достал пуле-

мет... Томпсон с круглым магазином... и давай палить. Отстрелялся и дальше поехал — прямо в стену. Исчез. Так зал меня поприветствовал.

Я, признаться, часто представлял себе, как гоняю по пыльным дорогам Техаса или Аризоны на старомодном автомобиле и постреливаю по кактусам или индейцам. Вот и допредставлялся. А потом... ты не поверишь... В зал вплыл огромный корабль. Пассажирский лайнер. И наш зал как бы соединился с салоном внутри этого корабля. И гости по залу заходили, и шикарная мебель появилась. Ну Титаник просто. Затем появились квадратные восьмиместные обеденные столы и кресла. За столами сидели веселые компании богатых людей, между ними бегали официанты во фраках. За одним из столов вкушала пищу семья нашего последнего царя. Сам Николай в военном мундире, его постаревшая, но все еще красивая жена, как мне показалось, надменная и холодная, четыре их милые дочери и наследник престола, печальный мальчик лет четырнадцати. И вот, откуда ни возьмись, в зал вбегают двенадцать отвратительных, вооруженных винтовками и маузерами уродов с звероподобными лицами. Это чекисты. Они подбегают к столу, за которым обедает царская фамилия и открывают бешеный огонь по несчастным. Царь, царица и их дети умирают, обливаясь кровью. А чекисты начинают сдирать с них своими медвежьими когтями одежду. Они ищут зашитые в платьях царицы и царских дочерей драгоценные камни. И находят то, что искали. Кладут обгаренные кровью дымящиеся камни на стол. Один из чекистов, с мордой гиены, берет своей ужасной лапой крупный алмаз и швыряет его мне. И... ты представляешь... я ухитрился поймать его в воздухе. И на сердце мне стало радостно... теперь я богат! И одновременно я с ужасом понял, что нахожусь на стороне этих убийц... Может быть, даже принадлежу к ним. И тут... декорации мгновенно изменились. Наш подземный зал — перестал быть обеденным салоном пассажирского лайнера, а превратился в спальню. В спальню императрицы в Александровском дворце. На стенах — портреты, иконы... Мебель изысканная.

Шелка... Широкая кровать. На ней — обнаженная женщина, манит меня. Я ложусь к ней, обнимаю ее. Сердце мое пламенеет — я в постели российской царицы. И вот, она поворачивает ко мне свое лицо. И... это не принцесса Виктория Гессен-Дармштадская, а Галина, дочь треклятого Брежнева. Жирная как свинья, бухая, развязная... Хрюкающая и рыгающая... Вцепилась в меня своими цепкими короткими пальцами. Целоваться полезла... Шептала: Я тебя озолочу, Джимми, будешь есть на золоте... подарю тебе изумруды Кортеса!

Сердце мое переполнилось черной жадностью. И я лег на нее.

До сих пор все внутри холодеет. Вот, посмотри.

Джимми достал из внутреннего кармана пиджака два драгоценных камня и осторожно положил передо мной на стол. Розоватый алмаз чистой воды, размером с пуговицу пальто, и необработанный шестигранный изумруд чуть ли не с сигарету длиной.

ПРОКОФЬЕВ

— Имя, отчество, фамилия.

— Иосиф Абрамович Кацнельсон.

— Год рождения.

— 1937.

— Почтовый адрес.

— Проспект Вернадского, дом 93, корпус 2, квартира 124.

— Семейное положение.

— Холост.

— Дети есть?

— Нет.

— Таак... А на складе вас знают как Дениса Абрамовича. Почему вы скрываете от коллег ваше настоящее имя?

— Я не скрываю... просто не хотел иметь ничего общего с бронзовым генералиссимусом.

— С Сталиным? Какие страсти! А нам показалось, что вы хотели замаскировать вашу активную нелегальную дея-

тельность в московских судах... хм... в роли адвоката инкогнито, так сказать... Поэтому везде, где можно ввали, юлили и мутили воду.

— Приходилось мутить и юлить, признаю. Прошу за это прощения. Люблю свою профессию, бросить ее — физически не могу. Но закон я не нарушал.

— На это мне плевать... А почему «Денис»?

Сказав это, следовательно, допрашивающий Кацнельсона, демонстративно зевнул. Так что чуть скулы наизнанку не вывернул. Это означало: Вот видишь, я обязан задавать тебе эти дурацкие вопросы, чтобы усыпить твою бдительность... Впрочем, ты это и сам превосходно знаешь, стреляный воробей. Но мы и не таких пернатых до костей ощипывали!

— Потому что моя семья была знакома с семьей Драгунского. Дядя Виктора был женат на двоюродной сестре матери.

— Вона, какие у вас знакомства... Чук и Гек просто... За что вас выгнали из московской Коллегии адвокатов?

— Вам это известно лучше, чем мне. Придрались к оплошности в отчете и выгнали.

— А поконкретнее нельзя?

— За то, что я защищал Добровольского и Троицкого. Неделю назад я подал ходатайство об отмене решения Коллегии. Времена меняются, может и восстановят.

— Ладно, это все мелочи... Когда вам пришла в голову идея спуститься в подвал?

Кацнельсон ответил не сразу. Сообразил, что надо отвечать осторожно. Следак выглядел как недалекий, туповатый служака, но кто его знает, каков он на самом деле. Морда опухшая, глазки как у китайца, курносый... лапы как у гориллы, кулаки чугунные, врежет еще... Допрашиваемый поморщил лоб, почмокал толстыми губами, подергал себя за седые волосы на висках, почесал правое ухо, заросшее волосами, затем почесал левое ухо, тоже волосатое и страшное. И только потом начал говорить.

— Мне всегда было интересно, что находится там, внизу. Потому что я уже в первый день работы на так называемом

складе догадался, что к типографским машинам наш склад отношения не имеет. Интересно мне было, но никаких конкретных действий я не предпринимал. Двенадцать лет. Чувствовал, что разгадка тайны не принесет мне ничего приятного. Так и случилось.

— Не драматизируйте и не давите на психику, Кацнельсон, вы не в суде. Мир наш существует не для того, чтобы таким как вы делать приятное. Зарубите это себе на носу. К тому же, мы вас — пока — ни в чем не обвиняем. Но мы во всем разберемся, обещаю вам... И если в ваших действиях заключался преступный умысел, то вы ответите и будете наказаны по всей строгости закона.

— Только что вы говорили, что вам плевать на то, нарушаю ли я законы...

— Ты меня не путай, адвокат... не зарывайся... можем и пальчики защемить.

— Не сомневаюсь.

— Молчи, гадина сионистская. Не раздражай. Отвечай только на вопросы.

Следователь Прокофьев покраснел и закашлялся от злости. Встал, немного походил по комнате, успокоился. Выпил стакан воды. Поморщился. Плюнул на пол.

Кацнельсон был ему отвратителен... но не потому, что он спускался в подземелье, а потому что он был евреем, а евреев Прокофьев терпеть не мог. Особенно евреев-адвокатов, хитроумных, скользких... Но разозлился Прокофьев не только из-за того, что Кацнельсон — еврей... не потому даже, что он поймал его на противоречии... Нет, Прокофьев был прежде всего зол на своего начальника, заставившего его заниматься этим вшивым делом несмотря на его сопротивление. Делом, из которого ничего не выжмешь, кроме неприятностей... Злился Прокофьев и на весь белый свет, на судьбу, подарившую ему тяжелое военное детство, отчима-алкоголика, жизнь в коммуналке и регулярно избивающих его хулиганов во дворе, на Комитет, в котором так и не задалась его карьера.

Ну да, спустился этот Кацнельсон в подвал. Чего-то там увидел... Мало ли чего в темноте не увидишь? А через полчаса оттуда вылез. И все. Вот и все дело. Кого это волнует? Выяснилось, волнует. И еще как. Оказалось, что этот подвал не просто подвал, а спецобъект номер 47500/374. О существовании которого знали только самые высшие начальники органов государственной безопасности СССР. Знали-то знали, но давным-давно забыли. Не давным-давно впрочем забыли, а во время погрома, устроенного в органах Хрущевым. Да так основательно забыли, что — в нарушение всех правил — повесили спецобъект на баланс Вневедомственной охраны, не объяснив толком, что за объект она должна охранять. Скинули с себя ответственность.

Самое скверное заключалось в том, что секретная «особая папка», в которой была изложена история объекта номер 47500/374 из архива исчезла. Уму непостижимо! Поэтому, когда со склада пришел анонимный донос... доносчик утверждал, что сторож-еврей, обязанный охранять склад — «самовольно проникает в подвал и присваивает хранящиеся там ценности, принадлежащие советскому народу»... стали искать сотрудников КГБ или милиции, знавших хоть что-то о спецобъекте. Чудом нашли одного старенького дяденьку, который когда-то, еще в структурах МГБ имел с ним дело. Посетили его чудовищно грязную и вонючую квартиру где-то на Божедомке. Дядька не вязал лыка. Не понимал, о чем его спрашивают. Ему пригрозили. Подняли голос. На это дядька отреагировал так — заплакал, и, жалко улыбаясь, пропел куплеты из известной песни. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... Преодолеть пространство и простор... Наш острый взгляд пронзает каждый атом...

Складской подвал естественно посетили. Точнее, это он, Прокофьев, один спускался в этот подвал. По приказу руководства. С фотокамерой и вспышкой. Пришел на проходную, показал свое удостоверение, потребовал список сторожей. Затем заговорил о подвале...

И список и ключ дал ему дежуривший тогда Кацнельсон, он же рассказал о выключателе, снабдил фонариком, показал

люк. Прокофьев спустился по винтовой лестнице вниз. Включил свет, обошел зал два раза. Убедился в том, что он пуст как брюхо голодающего, пофотографировал в свое удовольствие и покинул помещение. Уже на лестнице ему вдруг померещилась в темноте его бывшая теща. Она стояла в середине зала и манила его рукой. Голая и жуткая. Не обратил внимания. Свалил все на водку, которую употреблял каждый день «для того, чтобы окончательно не слететь с катушек».

Что за параша, — говорил сам себе следователь. Теща померещилась... Какие ценности? Ничего там нет.

Пришел в свой кабинет. Написал рапорт начальству. После чего не поленился, отнес пленку в лабораторию, а рапорт... лично передал наглой секретарше Хохловой, на которую давно положил глаз, но так ничего и не добился. Та бумажку приняла, а затем демонстративно небрежно сунула ее между каких-то посторонних бумаг. Хмыкнула и закурила длинную американскую сигарету. Начальник Прокофьева, полковник Котов, вызвал его на следующий день на короткую беседу.

— Слушай, Прокофьев, вот твой список сторожей на складе. Один жид и пять старых русских теток. Одна из них и донесла, как пить дать. Золотой у нас народ. Заботливый. Вызови жида и проверни его через мясорубку, может, что и узнаем. Надо что-то наверх доложить. А потом подгоним туда машины и зальем этот зал бетоном. Чтобы закрыть дело. А затем и ящики со двора склада выкинем, а сторожих на пенсию отправим. Пусть носки вяжут внукам. Построим там многоквартирный ведомственный дом. Такое место шикарное пропадает... метро рядом, вокзал, центр.

— Слушаюсь. Все сделаю, как вы сказали.

— И еще... ты Прокофьев того, синяков не оставляй у жида на туше. У него связи.

— Есть. Никаких синяков.

— И последнее. Что это ты там снимал казенной камерой? В лабораторию отнес... Хорошо, к человечку знакомому попала пленочка, к Михееву. Он могила. Работник

старой школы. Начинал при Лаврентии. Михеев пленку проявил, фотографии напечатал и мне принес. Вот, посмотри...

Начальник подал Прокофьеву фотографии. Прокофьев посмотрел и обомлел, и похолодел. Вместо зала и его стен — на них были... он сам и его любовница Зиночка, бухгалтерша из ресторана Арагви. Голые. Во всех возможных позах. Камасутра прямо. Кто же их снимал? Хорошо еще, фотографии были нечеткие. Видимо, снимали с рук... в полутьме. Свои небось. И Котову подсунули теперь. Ржут наверное в курилке как дикобразы. Сволочи.

Прокофьев начал лихорадочно вспоминать, когда же он встречался последний раз с Зиночкой. Вспомнил и поперхнулся. Это было десять лет назад. Затем Зинка устроила ему сцену с мордобоем и с другим любовником в Питер укатила. С тех пор они не виделись. А у Прокофьева появилась другая женщина. И еще одна. Но с Зинкой ему было слаще.

И все-таки... Откуда взялись эти снимки? Коллеги что... ждали десять лет перед тем, как начальнику их подсунуть? Невероятно. Неужели это проклятый зал в подzemелье как-то устроил? Такого не бывает. Или бывает?

Прокофьев естественно Котову ничего не сказал, скорчил верноподданную мину, виновато вздохнул, забрал проявленную пленку, фотографии и ушел к себе в кабинет. Сигнал, посланный им начальнику, прозвучал бы так: Спасибо, что не дали делу ход, товарищ полковник. Постараюсь исправиться.

Пленку и фотографии сейчас же уничтожил. Сжег. Все, кроме одной. Потому что на ней он был не с Зиночкой, а... стыдно сказать... с женщиной. Хорошо Котов этого не заметил.

Но ведь такого никогда с тобой не было, — заклинал Прокофьев сам себя, вытирая холодный пот со лба и покусывая большой палец правой руки.

Да, в реальности не было... а в твоих мыслях было. Иногда. Спаси, господи!

Прокофьев еще раз, с лупой в руках рассмотрел фотографию. Тоже нерезкая. Да, это он. А мужчина, на котором он... кто это?

Вначале Прокофьев глазам своим не поверил. Потом пришлось поверить. Никакого сомнения, фотография запечатлела акт мужеложства его, Прокофьева с — трудно даже мысленно это имя произнести — Адольфом Гитлером. Это уже ни в какие ворота...

И еще... еще страшнее... Фотография эта была явно сделана в подземном зале на складе типографских машин. Прокофьев узнал стены, покрытые блеклыми фресками. Это как прикажете понимать?

Прокофьев сжег и это фото. На душе его полегчало. Он понял, как и о чем надо говорить с Кацнельсоном. Главное, не дать волю ярости. Не расสวิрепеть.

— Прошу меня извинить за грубость на первом допросе, товарищ Кацнельсон. Нервы шалют, работа адская. Не обижайтесь.

— А я не обиделся. Но впредь... постарайтесь пожалуйста держать себя в руках.

— Постараюсь... Скажите, а кто рассказал вам о том, что можно спуститься в подвал.

— Мой бывший коллега. Надеюсь, это ему никак не повредит.

— Не беспокойтесь, не повредит, если он конечно не украл что-либо из подвала или не разрушил...

— Рассказал о подвале мне Антон Сомна. Он не вор и не вандал. Честный и порядочный человек. Уволился недавно. Перед увольнением показал мне ключ от замка на люке. Говорил, что зал огромный, пустой... не утаил и то, что он видел там что-то вроде галлюцинаций. Рекомендовал соблюдать в подземелье осторожность. Но в подробности не вдавался.

— Тут кроме него работали еще два сторожа. Как вы думаете, спускались они в подвал?

— Об этом мне ничего не известно. Скорее всего нет. Иначе они мне бы об этом рассказали. Мы любили потрепаться, покидать понты. Работа скучная.

— Придется всех допросить.

— Ваше право.

— Но начнем с вас. Вы ведь спускались в подземелье, не правда ли?

— Да.

— Сколько раз?

— Один раз.

— Когда?

— Примерно неделю назад.

— Не могли бы вы подробно и ничего не скрывая рассказать мне о том, что там с вами произошло. Я уже кое-что знаю. Ведь я и сам там побывал. Знаю, что в подземелье с человеком могут произойти неправдоподобные... хм... события. Галлюцинации — это еще мягко сказано. Мне там покойная теща померещилась... Как видите, мы не ведем никакого протокола. Разговор наш не записывается на магнитофон. У органов нет никакого интереса как-то подловить вас и наказать... мне самому важно понять, с чем мы там на самом деле столкнулись. Может быть, там газы какие-то скапливаются ядовитые... или еще что-то, надо разобраться.

Кацнельсон понял, что Прокофьев не лжет. То есть, конечно лжет, они не могут не лгать. Но в данный момент действительно хочет понять, что это за подземелье такое. Газы... в это он сам не верит. Видимо, пережил там что-то... теща... и теперь жаждет как манны небесной объяснения. Хочет, чтобы кто-нибудь расколол для него орешек. Ведь ему рапорт писать надо, а начальству правду говорить нельзя. На этом бесконечном вранье держится вся система.

Кацнельсон был подготовлен к такому развитию событий. Решил выдать следователю одну из «домашних заготовок». Состряпанных им из правды и лжи. Не без помощи Франка и Лукаса. И выдал.

— Ну что же, если так, то расскажу конечно. Хотя не уверен, что мой скромный опыт вам чем-то поможет. Только прошу вас обещать не отправлять меня после этого в психушку.

— Обещаю, обещаю...

— Тогда начнем. Еще на лестнице, по пути вниз я услышал какие-то неприятные звуки. Похожие на смесь гортанного хохота и мяуканья. В зале явно кто-то был... звери? В темноте что-то мелькало. Я зажег свет. И увидел вот что. В центре зала возвышалось что-то вроде платформы или сцены. На сцене стояли два старинных деревянных стула. На стульях сидели, смешно поджав лапы, коты, покрытые до плеч белыми простынями. Два старых павиана в тирольских шапочках, сюртуках и фартуках стригли им ножницами усы. Коты мяукали, павианы гоготали... Один из котов напомнил мне японского императора Хирохито. Потому что он носил пенсне. А другой — одного из членов Политбюро. Забыл фамилию. Третий павиан сидел на корточках и готовил что-то вроде мази в большой деревянной тарелке. Я сначала оцепенел, до того абсурдно было это видение, но взял себя в руки и даже пошел по направлению к сцене. Не знал, что делать. И вот... и коты и павианы меня заметили... и устроили такой концерт, хоть святых выноси... А затем исчезли вместе с сценой. Я протер глаза... прошел зал из конца в конец по диагонали. Ничего. Пустота. Разглядел огромного орла на потолке. На одной из фресок узнал изображение Вавилонской башни. Видел в каком-то альбоме. На другой — рембрандтовскую Данаю из Эрмитажа. Пузатую. И Даная эта повернула ко мне голову и так... почти незаметно головой покачала... Вы наверное мне не верите.

— Продолжайте, продолжайте...

— На а потом... начались настоящие чудеса. В середине зала вдруг из ничего появился квадратный бассейн. Вели в него ступеньки из прозрачного мрамора. А в середине бассейна — фонтан в виде готической колонны. На колонне стоял бронзовый ушастый демон с крылышками и лил в фонтан воду из всех своих отверстий. В середине колонны было что-то вроде балкона. На балконе этом обнималась нагая влюбленная пара. К фонтану с левой от меня стороны подходили старые женщины. Некоторых везли на тачках их мужья или слуги. Других, совсем немощных, несли на руках. Старухи разде-

вались и входили в бассейн. Купались в нем и выходили справа от меня — юными красавицами. Тела их светились, золотистые волосы были завиты. Их встречали элегантные кавалеры в роскошных одеждах. Это был фонтан вечной молодости! Женщины с сопровождающими их мужчинами — выходили из левой от меня стены зала и уходили в правую. Я не мог оторвать глаза от этого потрясающего зрелища. Честно говоря, захотел искупаться... Начал было раздеваться, но ко мне тут же подошел старец в белой одежде до пят и жестами показал мне — нет, мне нельзя было даже близко подойти к фонтану.

Прокофьев неожиданно понял, что Кацнельсон его дурачит. Потому что вспомнил... вспомнил посещение картинной галереи в Восточном Берлине. Не сумел он тогда от этой экскурсии отбазариться. Проклятый еврей описал ему не то, что на самом деле видел в подземелье, а картину... как его... не помню. Там был и фонтан, и квадратный бассейн, и старухи, превращающиеся в юных красавиц.

Прокофьев почувствовал, что теряет над собой контроль. Кровь бросилась ему в лицо. Неожиданно сильная боль пронзила его голову от виска до виска и кинулась в затылок. Затем что-то в его голове взорвалось как петарда. Непонятно почему в багровом тумане показалось опять лицо покойной тещи. Она звала его по имени. Из-за далекой песчаной дюны высунул свою противную усатую голову фюрер и проорал что-то умирающему Прокофьеву. Следователь медленно повалился со стула на пол. Кацнельсон не смог удержать тело от падения.

В комнату для допросов вбежали коллеги Прокофьева. Посмотрели на мертвого и, не разобравшись в чем дело, начали избивать Кацнельсона ногами.

ИГОРЕК И МИШЕНЬКА

Кацнельсон сказал следователю Прокофьеву неправду. И Игорек и Мишенька спускались в подземелье. Поодиночке.

Для Игорька это кончилось трагически — его принесли в жертву индейцы майя, в город которых он попал сразу после того, как сделал несколько шагов в подземелье. Стены и потолок зала вдруг исчезли, пространство безмерно расширилось, на Игорька хлынул яркий солнечный свет, задул ветер, ноздри Игорька ощутили резкие пряные запахи, уши услышали непривычные звуки... как будто миллионы кузнечиков застрекотали, а ягуары запели хвалу своему богу.

Игорек испытал потрясение... какое мы все испытываем, когда наши фантазии и мечты внезапно материализуются.

Жадно смотрел на лучезарное голубое небо Юкатана, на ступенчатые пирамиды, на рельефы и колонны, на толпу пестро одетых краснокожих, на оживающие на его глазах огромные каменные головы создателя вселенной бога-змея Кукулькана.

Несколько полуголых жрецов в роскошных головных уборах подскочили к внезапно появившемуся из ничего чужаку, раздели его и связали. Растянули несчастного Игорька на пахнущем кровью и блевотиной покатом деревянном столе. Монотонно запели незнакомый Игорьку гимн. Вспороли ему живот обсидиановым ножом и неловко вырезали сердце. Положили дымящееся сердце на жертвенный алтарь — каменную человеческую фигуру, пристально смотрящую в сторону, с подносом для сердец на животе.

— Как все это странно и жутко, — подумал Игорек и умер.

Когда на следующий день в подвал спустился Мишенька, зал был как всегда пуст.

Приключения Мишеньки в подземелье к счастью не получили подобного трагического завершения. Наоборот, Мишенька в конце своего посещения зала испытал нечто вроде катарсиса.

Он бродил по освещенному магическим сиреневым светом залу минут пять, и ничего не происходило. Хотел было уже вернуться на проходную и заварить чай.

Неожиданно оказался на бескрайнем поле, заросшем неизвестными ему цветами. Белыми, розовыми, красными и фиолетовыми. Запах их был похож на запах левкоев.

— Bravo, bravo, — неизвестно кому сказал Мишенька и сел прямо на цветы.

Зал ответил на это появлением двух пожилых женщин, шагающих по цветочному полю на ходулях. Мишенька узнал умершую год назад бабушку и ее сестру, вспомнил вкус пирогов с яйцами и капустой, которые они пекли к семейным торжествам. Сердце его сжалось и заболело от тоски. Негромко, прерывистым голосом позвал их, но они не откликнулись на его зов. Встал и побежал к ним. Но угнаться за ними так и не смог, потерял дыхание и упал. Отдышался, проклиная так и не вылеченную советскими врачами бронхиальную астму, встал, вытер слезы... и только тогда заметил, что цветочное поле исчезло, и что стоит он на бетонном перроне. Ждет поезда. И смотрит на неизвестный ему урбанистический ландшафт европейского города.

Вместе с ним на перроне ожидали поезда другие люди. Все они почему-то были глубокими стариками. Лысыми, сгорбленными, уродливыми, с слуховыми аппаратами в огромных ушах. Некоторые опирались скрюченными подагрическими руками на трости, другие — на костыли. Все старики, и болезненно худые и толстые, обрюзгшие, пялились на стоящую тут же полуголую девицу, рыжую, в шикарной шляпе и с глубоким декольте, не скрывающем роскошную грудь.

— Что тут такое, смотрины? — спросил Мишенька стоящего рядом с ним старика в голубом костюме. Брюки его держали выглядывающие из-под пиджака розовые подтяжки. Старик потянул за подтяжки, хлопнул ими, а затем презрительно посмотрел на Мишеньку, закашлялся, харкнул на рельсы и показал толстым указательным пальцем на подъезжающий поезд.

— Вам туда, вам тут не место. Уезжайте, уезжайте скорее. Если он вас увидит, пощады не ждите.

— О ком вы говорите?

Тут старик скорчил ужасную гримасу и громко обратился к остальным старикам на перроне: Ха-ха, молодой человек из мира рептилий не знает, кто «он». Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное? Какая наивность, доходящая до наглости и пренебрежения законами нашего отечества! Чему их там учат, в их так называемых школах? Сбрасывать кожу? Позор, позор и бледная немощь.

Остальные старики на перроне перестали пялиться на полуобнаженную девицу и уставились на Мишеньку. Возмущенно трясли головами, кашляли и шумно харкали на рельсы.

Подошел поезд. Мишенька быстро вошел в вагон. Никто из стариков за ним не последовал. Девица тоже осталась на перроне. На прощание она помахала Мишеньке пластмассовой ручкой с зелеными ногтями на розовых пальцах. Только теперь Мишенька догадался, что она была не живым человеком, а манекеном-автоматом. Поезд тронулся.

Вагон, в котором ехал Мишенька, был почти пустым. На другом его конце компания примитивных роботов, сделанных каким-то умельцем из старинной кухонной утвари, резалась в дурака. Роботы на появление Мишеньки никак не реагировали.

Мишенька уселся на мягкое, удобное сиденье. Смотрел в окно. Всегда это любил.

— Нам тут не место. Почему? Что-то мы всегда делаем не так. Всегда... Из мира рептилий... Похоже.

Поезд остановился. Двери открылись автоматически.

В вагон ввалилась толпа, состоящая из женщин среднего возраста. Круглолицые, простоволосые, почти без бровей... полные, худые, грудастые, плоские... они мгновенно заполнили вагон своими телами. Мишеньку они прижали к стене вагона так, что он не мог двинуться... не мог и рта раскрыть. А вопящих роботов безжалостно выкинули в окошко. Мишенька видел, как они падали на гравий и разлетались на части.

От женщин несло дешевыми духами, луком, вареным картофелем и потом.

На следующей остановке — о чудо — все они из вагона вышли. Оставив после себя только запахи, духоту и отвращение к жизни в душе мизантропа.

А Мишенька мгновенно перенесся из своего вагона то ли в сарай, то ли в средневековый крестьянский дом где-то в Шотландии или Дании. Протер глаза, поморгал, пощипал себя за подбородок.

Видение не пропадало...

В средних размеров комнате под дырявой покатою крышей танцевали мужчины и женщины, одетые в короткие рубашки без рукавов. Музицировал сам дьявол. С рогами и копытами. В короне. Бешено дудел в свою волынку. Мордой он почему-то напоминал императора Нерона. Перед дьяволом стоял комод, очевидно выполняющий функцию алтаря. На нем лежали мертвые грудные дети, листья и плоды беладонны, сушеные мухоморы и какие-то подозрительные кости.

Освещали комнату черные свечи, находящиеся в руках у покойников, лежащих в поставленных вертикально гробах. На поперечных балках крыши висели повешенные. С горящими свечками в руках. На алтаре горела толстая синяя свеча в форме мужского полового органа.

Особенно рьяно отплясывали: Дед с огромной бородой, явно страдающий приапизмом, его блондинистая подруга лет сорока, смахивающая на Аниту Экберг, старая ведьма с открытой черной грудью, прыгающей как два мячика, и ее партнер — болезненно худой лекарь в кипе. Из-под его рубашки вылезал длинный темный хвост.

Все четверо перестали танцевать, когда увидели неожиданно появившегося перед ними Мишеньку. Обступили его, обмениваясь удивленными взглядами и восклицаниями. Остальные продолжили пляски.

Для начала они, хохоча, сорвали с Мишенки одежду. Потом закрутили его как юлу. Дождались, когда он придет в себя, расцеловали и помазали ему плечи, лоб и губы какой-то зловонной мазью. После чего подвели к дьяволу и жестами объяснили, что он должен поцеловать нечистого в анус.

Дьявол поднял и раздвинул свои ослиные ноги. Гениталии его были похожи на гениталии коня.

Мишенька не хотел целовать его густо заросшую черной шерстью красную дырку. Упирался как баран. Тогда все четверо завернули ему за спину руки. Особенно старался дед-приап. Ведьма впилась Мишеньке в мошонку своими длинными нечистыми ногтями. Лекарь истово читал заклинания и тряс хвостом. Блондинка-экберг щекотала Мишеньке своими длинными волосами низ живота и промежность.

Дед подвел голову Мишеньки к заду дьявола. Затем толкнул его коленом и Мишенька ткнулся-таки губами туда, куда хотели его мучители.

И тут же все вокруг Мишеньки изменилось.

Затихла дьявольская волынка. Исчезли ужасная комната и ее обитатели.

Голый Мишенька стоял один на вершине высокой дюны в пустыне и, запрокинув голову, смотрел на небо.

Звезды маняще мерцали в глубине бесконечной вселенной.

Спиральные галактики медленно вращались и разбрасывали вокруг себя светящийся пух.

В середине Млечного пути парила величественная Черная дыра, напомнившая Мишеньке анус дьявола.

ОРГИЯ

Перед тем как уволиться со склада типографских машин, я еще раз посетил подземелье. Не смог отказать себе в этом удовольствии. Что из этого вышло — судите сами.

Открыл люк и спустился по винтовой лестнице. Без приключений.

Включил свет.

В зале было тихо. Пусто. Одиноко. Тоска...

Вроде как ты пришел в театр, а там — никого, ни в коридорах, ни в зале, ни на сцене. И ты стоишь один, теребишь ненужную программку, гладишь подушечками пальцев велюровую обивку кресла, грустно смотришь на пустую сцену и мечта-

ешь о пышных декорациях, головокружительных коллизиях и оркестре, играющем веселую музыку. Но нет, тишина колет тебе барабанные перепонки, пустота сосет под ложечкой, мечты о театральных радостях постепенно испаряются, и ты понимаешь, что это конец. Конец твоего пути. Но это не приносит тебе облегчения, ведь скоро из-за шкафа выпорхнет огромная моль и проглотит тебя и вместе с тобой все, что ты еще любишь.

Не успел я как следует пожалеть самого себя, как ко мне подошли двое неизвестно откуда взявшихся диккенсовских мальчуганов с грязными лицами. Нищих или бродяг. Они приволокли с собой комичный старомодный велосипед, положили его рядом со мной на землю и убежали, давась от смеха и жестикулируя. Дошли до стены зала и прошли сквозь нее. Шаги их скоро затихли.

Взгромоздился на велосипед (шершавое седло тут же начало натирать мне промежность) и поехал за ними. Решил таранить стену... разогнался, закрыл глаза...

Стена пропустила меня сквозь себя, как ломтик сыра — иглу.

Я очутился на улице города, чем-то напоминающего Оксфорд, знакомый мне по открыткам из коллекции дальнего родственника жены, выездного оперного певца с известной фамилией, заядлого филокартиста, у которого мы один раз ужинали. Родственник, плотоядно посматривая на Нелю, после обильной трапезы хвастался нам своими богатствами. Среди прочего показал английские открытки, рассказал о концертах в Оксфорде и Кембридже и сногшибательных аплодисментах, которыми наградила его тамошняя интеллектуальная публика. Будто бы сама королева и герцог Эдинбургский приезжали из Лондона... королева во время концерта прослезилась и подарила ему медальон. Медальон этот королевский, впрочем, певец нам почему-то не показал. Намекал на какие-то тайны...

— Ага, похоже зал материализовал еще одну твою стародавнюю мечту... готика... барокко... Какая уютная романти-

ка — город-университет во второй половине девятнадцатого века. Чудесные фасады, стрельчатые окна, арки, колонны, эркеры, вимперги, башенки, аркбутаны, контрафорсы... Каштаны, дубы, речка, похожая на канал... Библиотека... Интересно, а чем же он заполнит внутренности этого города? Откуда возьмет жителей, их фигуры, одежду, какие мысли вложит им в головы? У меня в памяти всего этого нет. Как чертов зал залатает прорехи? Неужели с помощью моей фантазии? Неужели я так богат? Не верится...

Я медленно ехал по мощеной брусчаткой улице на своем велосипеде, тряся и глазел по сторонам. Пялился на затейливые скульптуры... на витрины многочисленных магазинчиков, полные непонятных мне предметов. Цилиндры и конусы с трубками и гребешками... Терракотовые статуи неизвестных мне животных, смахивающих на демонов... газовые маски сложной конструкции, явно приспособленные для защиты от неизвестных земной науке газов.

Не сразу, но понял, как зал решил проблему жителей... Их просто не было.

По улицам этого города не сновали прохожие. Бродячие собаки или кошки мимо меня не пробежали. Конные экипажи не проезжали. Не встретил я и других велосипедистов.

Солнца не было видно. Не было даже облаков. Мертвенная тишина заливала собой город как жидкий гипс — форму.

Попробовал было зайти в книжную лавочку... привлекли лежащие на витрине старинные фолианты и странные виньетки на переплетах. Треугольники, с вписанными в них квадратами.

Постучал в дверь, украшенную прекрасной резьбой. Розы, птицы, легавые собаки, охотники в рогатых шлемах...

Никто мне не открыл. Толкнул дверь, затем потянул ее на себя... Дверь не открылась. Она и не могла открыться. Дверь, дверная рама и наружная стена дома — составляли единое и неразрывное целое. То, что я принимал за дерево и камень, не было ни камнем, ни деревом. Весь дом состоял из одного,

неизвестного мне, твердого серого материала. Даже оконные стекла и стекла витрины были из него сделаны. Почему я это сразу не заметил?

Подошел к другой витрине... присмотрелся, пощупал фасад, дверь... и тут тоже самое. Серый материал. Нечто среднее между металлом, деревом и пластиком. Осторожно лизнул и понюхал стену дома. Не почувствовал ни вкуса, ни запаха. Вот тебе и материализованная мечта! Стерильный слепок...

Я был разочарован, чувствовал себя обманутым. Идиот! Вообразил, что сейчас из-за угла выскочит и поманит меня за собой белый кролик или сам Льюис Кэрролл... Хм, коллега, вы, я смотрю, заблудились... не хотите ли принять в подарок первое издание «Алисы в Зазеркалье»?

— Зал в подземелье не твой друг. Как ты мог забыть об этом? Вообще не что-то, доброжелательно настроенное к человеку. Хорошо, если он не смертельная опасность, не мышеловка для таких как ты простифиль. Что же он такое? Кто его построил? Зачем? Как? А не все ли равно? Главное — он есть. И ты сейчас находишься в нем. И тебе давно пора подумать, как ты будешь выбираться из этого искусственного Оксфорда. В Москву. В твоё советское Зазеркалье.

И тут я услышал музыку.

Какая-то неизвестная мне певица с низким голосом завораживающе хорошо пела песню в стиле рокабилли пятидесятых. Оркестр ласково ей аккомпанировал. На сердце у меня потеплело. Гитарные переборы заставляли тело ритмично вздрагивать.

А через несколько мгновений обрадовались и глаза. Музыка доносилась из хорошо — внешне и внутренне — освещенного дома на перекрестке. Дома явно сделанного не из серого материала, как все вокруг него. А из кирпича, камня, дерева и стекла. Крыша дома была покрыта красной черепицей. Тысячи разноцветных лампочек украшали фасад. Внутри дома мелькали тени. Дом пах... как тридцатипятилетняя модница из провинции, приехавшая теплым весенним днем навесить свою парижскую кухню, ушедшую в отпуск по беременности.

Этот дом явно не старался что-то имитировать, он просто был... и как будто улыбался мне... не скрывая дружеской иронии... и я улыбнулся ему в ответ.

Рано обрадовался, конечно. Дом этот был сыром в мышеловке.

У входа стояли две девицы в черных цилиндрах и черных сетчатых чулках, соединенных резинками с черным же пояском. Больше на девицах ничего не было, если конечно не считать темно-фиолетовой помады на губах и такого же цвета лака на ногтях.

Девицы подбежали ко мне, обняли, расцеловали, взяли под руки и втолкнули в дом, затем провели меня по коридору, украшенному великолепной, то и дело оживающей лепниной, и ввели в салон, роскошное помещение без окон... с плюшевыми диванами, на которых вальяжно раскинулись полураздетые красотики всех рас и возрастов, с обценными картинами на стенах и розовым фортепьяно в углу, за которым сидела макака в золотом фраке и вертела в лапах желтые очки. Потолок салона был обтянут посверкивающим голубоватым шелком. Пол — покрыт персидским ковром. Вместо люстры в середине зала висел небольшой мельничный жернов...

Никаких сомнений в предназначении всего этого у меня не возникло. Я попал в бордель! Никогда ничего подобного не видел. А в кино — видел только у Хусарика в его «Синдбаде».

Дамы недвусмысленно вызываяще смотрели на меня и посылали мне воздушные поцелуи... жестами приглашали подойти к ним и раздеться.

Я смутился... поскользнулся и упал прямо у ног хозяйки заведения, сидевшей в кресле эпохи рококо, — еврейки лет пятидесяти. Нос ее напоминал старинный духовой инструмент, а губы походили на переспелые фиги. Ее ступни смахивали на копытца... Из глаз ее вылетали зеленые искорки... а изо рта, когда она говорила, выпрыгивали маленькие лягушки.

— Вы не ушиблись, дорогой Антон? Вставайте, вставайте скорее! Садитесь рядом со мной, сюда, прошу вас. Выпейте

шампанского. Я так давно вас жду! Вы не поверите, несколько столетий. А вы все не появляетесь. В ожидании вас я потеряла все мои зубы.

Еврейка открыла свой большой рот и показала голые алые десны. Потом расхохоталась, вновь открыла рот — все зубы были на месте.

— Шутка, шутка, простите, не могла удержаться. Вы такой неловкий!

— Вы меня смутили...

— Вас? Не преувеличивайте, дорогой. Вы просто себя не знаете. Вас вовсе не так легко смутить... Монсеньор доволен вашей службой.

— Прекрасно. Ну что же, я здесь, можете начинать, любезный маркиз... что у нас в программе на сегодня? Избиение младенцев? Сожжение двадцати тысяч мучеников Никомидийских? Радение хлыстов в ските под Красноярском? Или полет на Брокен?

— А что бы вы предпочли, Гарри?

— Полагаю, это вам и без меня хорошо известно.

МУХА

У ДОРЫ КАРЛОВНЫ

Это случилось в самом начале века.

Я приехал в Москву по личным делам, о которых муторно рассказывать. Всего на пять дней. Остановился в академическом отеле недалеко от бывшей Октябрьской (ныне Калужской) площади. Все тогда казалось мне в этой послеельцинской Москве незнакомым. Хуже того — диким, абсурдным. Это был уже не мой город. Это был город оставшихся. Город не уехавших.

На третий день, утром, позвонил жене своего бывшего кумира, художника Марка Иосифовича М., Доре Карловне, и попросил ее о встрече. Хотел еще раз окунуться в мир его картин и поговорить о покойном мастере, которого не видел с начала перестройки.

Дора Карловна согласилась встретиться сегодня же. По ее тону, я почувствовал, что она удивлена и рада предстоящей встрече. Рада поговорить с кем-нибудь о том, кого боготворила и о его картинах, которые считала лучшими, лучшими, лучшими на всем белом свете.

Вышел из отеля в шесть вечера, а в полседьмого уже топтался у подъезда 28-этажного дома в Тропарево, в котором, на девятнадцатом этаже, находилась квартира Доры Карловны.

В этой квартире М. никогда не жил. Был вынужден ютиться с женой и дочкой в коммуналке. Дора Карловна купила ее на деньги, вырученные на аукционе СОТБИС за три работы мастера. В этой большой трехкомнатной квартире хранилось все творческое наследие М. Около трехсот картин и

несколько сотен графических работ. И его эпистолярный архив. Квартира охранялась милицией. Обо всем этом мне рассказала его вдова по телефону.

Позвонил снизу в квартиру.

— Это я, Антон.

— Добро пожаловать, Антоша, заходите...

Лифт не был скоростным. Но доставил, куда надо. На стене лифта разглядел неловкий рисунок нагой женщины, процарапанный острым металлическим предметом, с надписью: Ведьмаха. Недалеко от него кто-то написал: Маруська, ступай в манду по утренней росе.

На лестничной площадке валялись и стояли — старые велосипеды, детская коляска на боку, с одним оторванным колесом, несколько пыльных огнетушителей, дырявые хоккейные ворота, два сломанных протеза ноги от колена и ниже, мужской и женский, сувенирный пентакль на картоне с полинявшим изображением козла, ящики из-под яблок и три грубо сделанных буддистских статуи, похожие на те, что немцы ставят на своих земельных участках рядом с цветами и плодовыми деревьями...

Дора Карловна, седая, но еще бодрая, моложавая, не расплывшаяся как другие, горбоносая, в длинном бежевом платье, встретила меня радушно, потрепала за щеку, провела рукой по носу и лбу, погладила по голове. И за ухо дернула.

Взяла меня за руку и показала всю квартиру. Даже в спальню и в ванную комнату заводила.

После этого привела меня в столовую, из окна которой открывался шикарный вид на все еще Ленинский проспект. Предложила мне сесть на стул, стоящий рядом с старинным обеденным столом, а сама села напротив меня — в роскошное кресло с резьбой и инкрустациями (целое собрание грифонов и Тесей, убивающий Минотавра).

Позади нее — в несколько рядов от пола до потолка на специальной, сваренной из стальных уголков подставке —

стояли работы мастера. Его «иконостас». На иконы его работы, впрочем, совсем не походили. Это были разнообразные живописные конструкции как бы с дверью посередине. Или с воротами. Мастер называл их когда-то «жерлами» или «входами в иные миры». А я все время гадал, что же за ними находится. Воображал неизвестно что.

На столе — тарелки, чашки на блюдцах, явно вручную расписанный заварочный чайник с красными петухами, небольшой фарфоровый самовар с розовыми и малиновыми цветами на боках и блюдо с плюшками, изюмом, грецкими орехами и печеньем. И еще почему-то маленькая медная статуэтка менады.

Но меня тут не чайник влечет и не грецкие орехи. И не менада.

Меня как магнит железо притягивают к себе работы мастера. Ведь я столько лет был его неудачливым подражателем. Столько лет мечтал о том, что сам смогу нарисовать нечто подобное. И вот... я в его святилище, в его храме... приношу ему жертву на его алтаре.

Спросил хозяйку дома: Разрешите подойти и рассмотреть работы вблизи?

— Позже, Антоша, позже. Вначале попейте со мной чайку, съешьте плюшечку, соседка по погосту испекла, поболтаем, а потом и встанете, и рассмотрите, и потрогаете. Обещаю, что покажу что-нибудь, что вы еще не видели.

— Слушаюсь и повинуюсь. Вначале надо, как у Бабы Яги — в баньке попариться, потом попить-поесть, а только потом сказку слушать...

— Именно, именно. Бани у меня правда нет... Все по порядку. Мы ведь не виделись... Сколько? Четырнадцать лет. Много воды утекло. Марк Иосифович умер, бедняжка. Рано умер. Семьдесят с небольшим. Слава Богу, застал несколько своих выставок. Да каких... огромных, настоящих. В залах Новой Третьяковки. В Русском Музее. В Музее Людвига в Кёльне. Умер и СССР, развалился, чтобы ему пусто было. Так тяжело мы жили при Советах. В нищете.

Дора Карловна замолчала и задумалась. Видно было, что ей мучительно вспоминать прошлую, голодную и унижительную жизнь.

Чай был горьковат и отдавал неизвестными мне пряностями. Плюшки были превосходные. С маком и корицей. Соседка по погосту?

— Чтобы сразу закрыть тяжелую тему... расскажите, пожалуйста, как Марк Иосифович умер.

— Плохо умер, Антоша. От воспаления легких. В больницу наотрез отказался ехать. Я и так и сяк, пыталась уговорить. Его бы там спасли. Капельницы, кислород. А дома... кислород у нас был, но он не хотел... Дышал громко, плохо, хрипел... Всю ночь с ним просидела, руку его в руке держала, к утру забылась, а очнулась... слышу, замолчал. Я ухо ко рту поднесла, а он уже не дышит. И пульса нет. Пыталась его реанимировать, как могла, вы же знаете, я много лет работала медицинской сестрой. Да все напрасно. Умер мой милый человек. Сегодня ночью он ко мне приходил. До самого утра со мной был. Любил меня.

В усталых глазах Доры Карловны, когда она это говорила, неожиданно загорелись серые звездочки.

Я сделал вид, что не расслышал ее последние слова.

— Понимаю, скорблю. Вас и Машеньку очень жалею.

Машенькой звали дочь Марка Иосифовича и Доры Карловны, я видел ее только в стародавние времена — еще девочкой.

— Да, Машеньке, бедной, досталось. Самоотверженно ухаживала за мной. А я плакала и билась чуть не год. Успокоилась только когда ко мне муж в первый раз после смерти пришел. И усладил мою душу и тело.

Усладил? Подумал, уж не чокнулась ли старуха. Решил так: Даже если чокнулась, не мое это дело, пусть думает и воображает себе, что хочет. Лишь бы не плакала и не страдала.

Дора Карловна в прежние годы всегда была добра ко мне, даже защищала от язвительных нападок Марка Иосифовича, на которые он был щедр, особенно если подозревал, что молодой художник ему подражает.

— Давайте... помянем мастера хоть чаем.

Взял свою чашку и тихонько чокнулся с чашкой Доры Карловны.

— У меня и водка в холодильнике есть, если вы хотите. Есть и вино. Принести?

— Нет, спасибо, я в Германии пить отучился. И желания нет. По-моему, это ужасно глупо, становиться эмигрантом и пить за границей, как в Совке. На кой черт тогда уезжать? Пить лучше дома.

— Слышал, что в годы 87–88 Марк Иосифович в Израиль уезжать собирался, а вы кажется не хотели. Расскажите, почему вы в Израиль все-таки не уехали.

— Да, собирался. Это длинная история. Я расскажу кратко. И не все. Вы ведь слышали, наверное, что мы оба еще в семидесятые годы крестились. В русской православной церкви. Отец Александр нас крестил. Марк Иосифович регулярно посещал храм, исповедался и причащался. А в Израиль уехать его уговаривали наши родные и знакомые евреи. Он разрывался. Потому что ощущал себя православным и жить хотел в православном мире, но любил и уважал евреев. И вот он мне сказал: Все, Маруся, так он меня звал, когда мы были одни, завтра пойду документы в ОВИР подавать. А я боялась в Израиль ехать. Сон видела. Вещий. Стоит Машенька наша будто на горе. А гора эта — до неба... и вся покрыта могильными плитами. Стоит и плачет. И могильную плиту гладит. И понимаю я во сне, что под этой плитой мы похоронены — и Марк, и я. И жалко мне стало Машеньку, стоит бедная на кладбище... одна... Проснулась и кричу мужу: Никуда не поеду. Хочешь, поезжай один. И он передумал. А теперь и не знаю, может и надо было уехать. Там говорят врачи лучшие в мире. Может, подлечили бы его...

— А как Марк Иосифович в конце жизни к православной церкви относился?

— Перестал посещать. В нашей церкви батюшка сменился. А нового такого занозистого прислали. Не знаю почему, он Марку Иосифовичу сказал на исповеди: Ты перед Богом — земляной червяк. Тот не выдержал, нагрубил попу и в церковь больше ни ногой. Я пыталась его уговорить в другую церковь ходить. Но он на меня цыкнул и больше церковь не посещал, хотя дома и молился. А я подумала, ну и ладно, как может, так и живет. Я всегда его поддерживала. Даже когда он мне изменял чуть ни два года — с одной люберецкой сукой — делала вид, что не замечаю. А когда он мне все честно рассказал — простила. Потому что его дар — дороже моих чувств, дороже моей жизни. Ну вот, теперь можете встать, Антоша, и работами Марка Иосифовича насладиться, а я помолчу с полчаса. Чтобы не отвлекать вас болтовней от созерцания.

Я встал, подошел поближе к «иконостасу». И рассмотрел его хорошенько. Картину за картиной.

Странно. Прежнего восторга я не испытал. Наоборот, мне стало жутко.

Тут же начал пытаться себя — почему?

Что изменилось? Картины или ты сам?

Пришел к выводу, что и то и другое.

Картины мастера явно потемнели. Некоторые стали просто черными.

А ведь тогда, в середине семидесятых, когда я впервые увидел работы Марка Иосифовича, они поразили меня своими небесно-голубыми оттенками, как у Джотто на фресках. Полным, здоровым розовым цветом, как у Фра Анжелико. Чудесным, светлым sfumato как у Леонардо. Его белила, казалось сделаны из творога, а желто-оранжевый — из мякоти персиков.

А я? Тоже потемнел?

Да, потемнел. Разуверился во всем, в чем можно разувериться. Развратил собственную душу всем возможным человеческим развратом. Но при этом не стал ни злобным хмырем, как многие другие, ни циничным мерзавцем, ни садистом...

Наоборот, начал терпимее относиться к людям и их проделкам, потерял амбиции, гонор, живу как в чистилище. Но не в аду, не в аду...

Не выдержал, спросил у Доры Карловны: Вам тоже кажется, что работы Марка Иосифовича потемнели, или это у меня перед глазами темно?

— Мне трудно судить, дорогой Антоша. Вы кажется не заметили этого, но я почти потеряла зрение. Вас вижу как пятно, большое синее пятно.

— Это потому что я в голубых джинсах и джинсовой же рубашке.

— Видимо. А работы Марка я больше и не рассматриваю. Делала это каждый день... пятьдесят лет. Только, как он велел, чуть-чуть влажной тряпочкой их раз в месяц протираю. От пыли.

— Это же темпера. Ее нельзя влажной тряпкой.

— Он мне так велел, и я буду, пока жива, это делать.

— Ладно, ладно. Не хочу соваться не в свое дело. Извините, а вы что, и лица моего не видите?

— Вижу, вроде как очищенную картофелину с носом.

— Спасибо за сравнение.

Понял только теперь, почему она меня ощупывала. Хотела, как слепая, удостовериться, что я это я.

Мы беседовали еще часа два. Я спрашивал о прошлом, Дора Карловна рассказывала. Я поражался краткости, точности и простоте ее ответов...

Например, когда я ее спросил о современной политической ситуации в России, она ответила: Что тут скажешь... Мы не можем без войны, Антоша. Без врагов и без их трупов. Сейчас убиваем чеченцев, потом еще за кого-нибудь примемся.

Как и обещала, показала мне дюжину работ мастера, которых я не видел.

Я их похвалил. Но до небес не расхваливал. Она это заметила и дала мне это понять.

Пора было мне уходить.

И я уже десять минут думал, как об этом объявить моей хозяйке. Надо было это сделать мягко. Но настойчиво. Дело в том, что Дора Карловна явно не хотела меня отпустить.

Может быть, к ней долго никто не заглядывал? Из тех, с кем можно было поговорить о гении ее покойного мужа?

Мне очень не хотелось как-то поранить заслуженную пожилую женщину.

И вот, наконец, я решился.

— Ну что же, пора мне и домой идти. Баиньки. Завтра по Москве придется помотаться. Завершить, что начал. Надо отдохнуть. А послезавтра я улетаю во Франкфурт.

Ее реакция на эти мои слова поразила меня. Как будто меня молния в голову ударила.

— Полно врать, мальчик, я ведь не кисейная барышня, ничего ты на завтра не запланировал, все дела еще вчера закончил, будешь весь день в носу ковырять, да дурака валять. Да и сегодня — не хочешь ты рано спать ложиться, а хочешь проститутку найти в казино рядом с отелем и трахать ее, пока трахалка позволяет.

Она говорила правду.

Но какой стиль! Какая лексика!

Я растерялся. Не знал, что сказать. Пошел было к выходу, но Дора Карловна неожиданно подошла ко мне, взяла за плечи, приблизила свое лицо к моему лицу и прошептала хриплым, неузнаваемым голосом: Не хочешь ли, мальчик, со мной потренироваться?

После этого, она резким движением расстегнула платье и вынула из него свои груди. И прижалась ими ко мне.

Тут я окончательно смутился. Потупился.

Мне было стыдно и неудобно.

А Дора Карловна взяла меня за запястье и потащила в спальню.

Я позволил ей увести себя. Почему-то не нашел в себе сил ей противостоять. Как будто она меня загипнотизировала.

Описывать то, что мы делали на ее широкой кровати, я не буду. Обычное дело. Необычным было лишь то, что в полутьме спальни мне казалось, что я занимаюсь любовью не с одной женщиной, а минимум с семью. Тело мое так напрягалось в любовном экстазе, что я боялся — что мои яички, член и низ живота разорвутся на части и из меня вывалятся внутренности.

Не помню, когда я заснул.

Да... проснулся я почему-то не в спальне, а все в той же гостиной. Я сидел голый на том самом стуле за обеденным столом. На столе ничего не было. Кроме серебряного столового ножа. Не было нигде видно и Дору Карловну. Который был час, тоже было не ясно. Вроде бы еще не рассветало.

В сиреновом, сумеречном свете работы Марка Иосифовича казались особенно жуткими. Что-то внутри них клокотало, царапалось, рвалось наружу.

А дальше... Дальше начали сами собой открываться двери и ворота на картинах «иконостаса».

И из этих дверей и ворот в комнату начали вылетать чудовищных размеров бабочки, мухи, осы, слепни, стрекозы...

Они облепили меня... я пытался дотянуться рукой до серебряного ножа, чтобы отбиться, да так и не дотянулся.

Одна, особенно мерзкая синяя муха влезла, жужжа и вращая огромными фасеточными глазами, мне через рот в дыхательное горло и прекратила доступ воздуха в легкие.

* * *

Да-да, я не умер. Мой рассказ имеет продолжение.

Я сидел на кровати в моем отеле. И набирал номер Доры Карловны на моем мобильнике.

Подошла незнакомая мне женщина. Догадался, что это Машенька. Говорила она со мной неохотно и грубовато. Это так типично для не уехавших...

Сообщила мне, что теперь живет в этой квартире с мужем и детьми.

— А где же ваша мама?

— Мама умерла семь лет назад, через год после смерти Марка Иосифовича. Так и не перенесла утрату. А вы что собственно хотели?

— Ничего, спасибо. Хотел только передать привет. Но теперь никому.

— Прощайте, и больше по этому телефону не звоните.

ПОЕЗД

Ужасно хотелось ей нахамить. Но я сдержал себя, зачем попусту тратить энергию? Грубость Машеньки меня особо не тронула, что с нее взять, ведь она живет в России... а вот то, что я только что пережил то ли во сне, то ли в мечтах, то ли в галлюцинации, то ли под гипнозом — не давало мне покоя.

Мое приключение в Тропарево — разговор с Дорой Карловной, ее квартира, картины Марка Иосифовича, дикая оргия на широкой кровати, и то, что случилось потом — бабочки, слепни, мухи и стрекозы величиной с толстую книгу — все это было так живо, так естественно, объемно, жутко. Запомнилось даже в деталях. И не думало исчезать из памяти, стираться, как это бывает с ложными воспоминаниями. Или заволакиваться белесым туманом, как это полагается делать в фильмах категории «Б» всякой мистической чепухе.

Жгло и царапало душу и тело.

Получается, Дора Карловна не бредила, когда рассказывала мне о том, что ее умерший муж «приходит к ней» по ночам, а это я сошел с ума и грежу... и грёзы эти реальнее самой реальности.

Выпил чашку крепкого черного чая, в которую положил две ложки сахара, съел чёрствый бублик с маком, единственное хлебобулочное изделие из продовольственного ларька на Шаболовке, которое не вызвало у меня никаких подозрений,

и попытался сделать мысленный эксперимент. Сравнить все то, что видел в «видении», с тем, что видел раньше, наяву, в коммунальной квартире на улице Чаплыгина, где Марк Иосифович жил с женой и кошкой Мусей.

Размышлял, не торопясь. И так... Дора Карловна.

В моем видении... это была она? Внешность — такая же, как у меня в памяти. Манера и стиль речи — тоже. Осанка, жестикуляция — барская, почти мужская, взгляд — уверенный, властный. Марк Иосифович часто называл ее «моя княгиня». Все правильно, это она.

Единственное, что я никогда от нее не слышал — это грубости. То, что говорила моя хозяйка перед тем, как утащить меня в кровать — было... не то, чтобы не ее. Я всегда был уверен в том, что эта сильная женщина за словом в карман не полезет, даже в опасной для жизни ситуации. Просто я ничего подобного от нее не слышал. Но это ничего не значит. В постели... Дора Карловна преобразилась. Стала — как ей это удалось? — похожа на испанку лет тридцати семи. Ненасытную, ревнивую, черноволосую смуглянку с огненными глазами. Перед тем как совокупиться со мной, она вонзила в иступлении серебряную булавку себе в сосок на левой груди, и заставила меня слизнуть с него капельку крови.

Испанкой она пробыла, впрочем, только несколько минут, а потом стала сама собой, чтобы затем вновь преобразиться, на этот раз в молоденькую неопытную креолку, которую мне пришлось совращать... в зрелую полногрудую красавицу из Пуэрто-Рико, которая научила меня многому, о чем я понятия не имел... в нежную, почти игрушечную японку, мастерицу восточного сладострастия... в белокурую немочку из Рудных гор, похожую почему-то на композитора Вагнера... в породистую узколистую турчанку в синем шелковом платке, пряную мечту жителя средней Европы.

Но... почти все выглядят и ведут себя в постели не так, как ты от них ожидаешь. Это прописная истина. В постели и на войне...

Дора Карловна была бесспорно той самой женщиной, которую я знал в семидесятых-восьмидесятых годах. Но та Дора Карловна не потащила бы меня к себе в постель. Она любила своего мужа и была ему верна. А ко мне относилась как к однокласснику ее дочери.

Так что же — вся эта чувственная эскапада — была... всего лишь моей инцестуозной грёзой? Похоже, что да.

Мебель... старинный обеденный стол невозможно было не узнать, так же, как и кресло с инкрустациями, резные узоры которого были специально так сделаны, чтобы со спинки смотрел яростный демон.

Картины Марка Иосифовича?

Тут что-то не так. В видении они были гораздо темнее тех, старых. И не просто темнее, они были другими. Смаживали на покрытые красками для создания живописного эффекта фотографии. Что за фотографии? Думал, думал...

Осенило. Мои фотографии. Которые я сделал во время моих путешествий. Истово молящиеся евреи у Стена Плача и паломницы в Храме Гроба Господня в Иерусалиме, стайка монахинь в Святой Софии и фрески в монастыре Хора в Стамбуле, мраморные стены Римских церквей и подвалы Колизея, бездомные на горбатых улицах Сан-Франциско, своды Кёльнского собора, башни церкви Саграда Фамилия в Барселоне... И на всех них были двери, ворота или окна... эти самые «входы в иные миры», даже на скалистом склоне горы на Аляске зияло небольшое отверстие, вход в карстовую пещеру. Некоторые картины явно напоминали снимки, сделанные мной в различных музеях мира. От Метрополитена в Нью-Йорке до Дрезденской галереи.

Или мне это только кажется? И я все еще брежу?

Надо это как-то проверить. Только вот как?

Опять пришлось глубоко задуматься. Выпить еще одну чашку чая с сахаром.

Понял, как. Надо пойти в Новую Третьяковку на Крымском Валу, найти там работы Марка Иосифовича и посмотреть на них. Проверить, есть ли в них хоть какое-то сходство с моими фотографиями.

Сделать это было не так уж трудно. От моего отеля рядом с Калужской площадью до набережной Москвы-реки, где расположена Новая Третьяковка, идти было всего четверть часа.

Отправился незамедлительно. По свежему московскому морозцу.

По дорогое невольно косился на громадного бронзового Ленина на скверике. Даже плюнул несколько раз в его сторону. Подумал, пока стоит этот истукан — дела в России будут идти хуже и хуже. Groш цена народу, у которого на центральных площадях стоят памятники массовым убийцам. Народу, по рабской привычке поддакивающему любой власти.

Недалеко от цели случайно встретился глазами с другим бронзовым колоссом — Дзержинским, несущим службу в парке искусств Музеон вместе с сотнями других советских монстров. Терпеливо ждущим своего возвращения на Лубянской площади. Где-то недалеко от него должен был стоять безносый Сталин. Хорошая компания.

Подошел к грандиозному сараю — зданию Новой Третьяковки.

Вместо билета кассирша, крашенная блондинка с пятью золотыми кольцами на пухлых пальчиках, вручила мне старинного вида ключ из позеленевшей пятнистой бронзы. И сказала: Не удивляйтесь, мы теперь всем раздаем вместо билетов такие ключи.

Слово «ключи» она многозначительно протянула. И зачем-то мне подмигнула.

— А где же замок, который я смогу им открыть? — спросил я шутливо.

Кассирша насупилась, посмотрела на меня неодобрительно и отрезала: А это, молодой человек, зависит только от вас самого. Фома неверующий.

Я не стал уточнять, что она имеет в виду.

Молодой человек! Я был старше ее лет на двадцать.

Через минуту я уже гулял по залам с картинами советских и российских академиков. Как правило написанными без вдохновения, без помощи ангелов, по заказу. Мастеровитым художественным мусором.

Странно, некоторые их работы мне нравились. Например — «Новая Москва» Пименова, 1937 года.

Улица. Дождь и солнце. Женщина-шофер ведет открытую машину, прохожие снуют, впереди Дом Союзов и только что построенное здание Дома Совета Министров СССР. Советский импрессионизм.

Почему тебе нравится эта картина?

Потому что она идеально воплощает коммунистическую утопию. Утопию, которую всем нам каждый день вбивали в голову, утопию, в которую верили миллионы советских людей. В которую и я верил в детстве. Мне так хотелось, чтобы мир, в котором мы жили... был таким, каким его изобразил художник на этом полотне. Солнечным, пестрым, живым, дружелюбным... Похожим на бульвар Монмартр Камиля Писсарро.

Не без труда нашел залы, посвященные первому русскому авангарду.

Малевич, Лисицкий, Филонов, Татлин...

Так... а вот и залы советского неофициального искусства.

Рабин, Плавинский, Кабаков, Неизвестный...

Где-то тут должен быть и М.

Есть. Целых три работы.

И... сразу заметил... ничего общего эти голубые и сиреневые, словно видимые сквозь прозрачное покрывало, дымящиеся геометрические абстракции с моими фотографиями не имеют.

Значит мое томительное, сладкое и страшное видение было именно видением. Значит я действительно спятил.

А наш бранный мир был и остается таким, каким он был всегда. Равнодушным к нашему копошению.

И тут я вспомнил о ключе. Вспомнил и слова спесивой кассирши. Вытащил ключ из кармана, поиграл им и вдруг...

Вдруг увидел на одной из работ Марка Иосифовича... замочную скважину. Прямо в середине полотна. И мне страстно захотелось вставить в нее ключ, повернуть и посмотреть, что будет.

Вы когда-нибудь вставляли ключ в замочную скважину на картине? Висящей на стене в хорошо охраняемом столичном музее. Нет?

Я тоже нет. Метрах в десяти от меня стоял музейный служитель, Цербер, зорко наблюдающий за посетителями галереи.

Над входом в зал я заметил камеру, на противоположной входу стене зала — еще одну. Это значит, на нас смотрят еще несколько церберов. И как только я поднесу ключ к картине, — заревет сирена, а на меня спустят цепных псов.

А если я в оправдание своих действий сошлусь на слова кассирши, то эта женщина отречется от меня как апостол Петр от Спасителя и заблеет: Какие ключи? Ничего я ему не давала. Разве я похожа на сумасшедшую? Зачем вы слушаете этого жирного немца? Арестуйте его и посадите в тюрьму, он хотел испортить наше национальное достояние. Посмотрите, на картине нет никакой замочной скважины! Фриц врет и не краснеет. Знаю я их породу...

И тем не менее я спокойно подошел к картине (как будто сам Люцифер вел меня за руку), ничтоже сумняшеся вложил ключ в замочную скважину и повернул его два раза против часовой стрелки. Невидимый замок тихонько щелкнул и открылся. Я вынул из него ключ и положил в карман.

Сирена не заревела. Цербер не подбежал ко мне и не схватил за руку зубами. Другие посетители музея не орали и не показывали на меня пальцами.

В зале погас свет. Судя по тому, что никто не закричал: Свет! Свет! Включите свет! — в темноте оказался я один.

Прямо передо мной медленно открылась дверь. Дверь, которой тут заведомо не было и не могло быть. Дверь в картине. Там, за дверью, было светло.

Ни секунды не колеблясь, пошел на свет. И, еще не оглядевшись, осторожно закрыл дверь за собой.

Куда я попал?

Вы не поверите, конечно. Я бы тоже не поверил.

Я попал в просторное, комфортабельное и уютное (без верхних полок) купе поезда, мчащегося на всех парах. За окном мелькали редкие сухие деревца. Мы ехали по выжженной засухой степи. Ни цветочка, ни травинки. Локомотив то и дело гудел...

В купе находился человек. Женщина?

Нет, мужчина. Он вальяжно раскинулся на мягком бордовом вельветовом сиденье и курил сигару. Его черный смокинг показался мне старомодным. На руках у него были белые перчатки, на ногах — остроносые лаковые туфли. Цветная бабочка сидела на его шее несколько криво.

— Добро пожаловать! Проходите, сударь, располагайтесь. Этот низкий голос явно был мне знаком.

Это был голос Марка Иосифовича. Господин в смокинге и лаковых туфлях — был именно им. Почему я сразу его не узнал? Готов поклясться, что на его месте вначале... только одно мгновение... сидела женщина. В длинном бежевом платье. Или она была нагой? И чем-то смахивала на...

Сел напротив него. Вытаращил глаза.

— Ах, не надо так пристально на меня смотреть. Просверлите во мне дырку. Я не призрак и не галлюцинация. Не хотите ли сигару? Гаванскую? Или — чего-нибудь выпить? Рюмочку водки? Или Виски Мартини?

Марк Иосифович, явно наслаждаясь моментом, открыл бар в стене купе, и я увидел там, перед зеркальными стенками множество разноцветных бутылок с цветными этикетками. Вспомнил известную песню «Высокая женщина в черной одежде».

— Спасибо, я пока воздержусь. Не могу в себя прийти.

— Вы обескуражены, я понимаю.

— Слегка. Еще минуту назад я имел честь созерцать ваши картины в Новой Третьяковке на набережной в Москве. Кстати, а куда это мы едем? И откуда?

— А не все ли вам равно, откуда и куда мчится этот поезд. Главное — мы оба тут. У нас есть что выпить и что обсудить, ведь вы хотите от меня узнать нечто гораздо более важное, чем станцию назначения этого поезда. Не так ли?

Мой собеседник хитро прищурился. Стал неожиданно похож на Питера Устинова. И посмотрел мне в глаза, не скрывая иронии.

— Так, конечно так. Хотя, куда едет этот поезд, тоже интересно.

— Ну что же, если это вас успокоит, скажу. Я этого не знаю. И мне это все равно. За окном — только степь. Вечная выжженная степь. Никаких домов, деревень, городов. Остановок этот поезд не делает.

— А с другими пассажирами вы общаетесь?

— Нет. В моем купе нет двери. То есть для вас дверь есть, а для меня нет. Поэтому я даже не знаю, есть ли у меня попутчики, или поезд везет на станцию Вечность меня одного.

— А что же вы тут едите?

— Как вы практичны! Примериваетесь? Еды тут нет, зато есть и безалкогольные напитки, и выпивка. Есть и туалет, и душ. Когда я утром достаю из бельевого шкафа мою одежду, она чисто выстирана и аккуратно отглажена. Все бутылки полны. Я привык к такой жизни и не ропщу. Ведь все это я пожелал себе сам...

Подумал... знает ли он о том, что я спал с его вдовой. Он прочитал мои мысли.

— Разумеется, знаю, дорогой мой. Ведь я умер.

— И что же, это вас не тревожит?

— Да ведь и моя жена тоже умерла. Что же с мертвой взять? При жизни она меня любила, а после смерти — каждый за себя.

— Простите, хочу спросить, а я тоже умер?

— Нет-нет. Успокойтесь, вы все еще там. Хорошо это или плохо, вам самому решать.

— И как же... это возможно... я еще не умер, но... еду с вами в поезде мертвых?

— Как же подозрительны эти посетители... Для того, чтобы вам это объяснить, дорогой Антон, потребовалось бы много-много времени. У меня времени достаточно. Но у вас его не так много. Меня предупредили, что наша встреча будет не долгой и прервется так же неожиданно, как и началась, а ваш ключ, увы, одноразовый. Так что не будем говорить о мелочах. Спрашивайте о том, что вы всю жизнь хотели спросить. У Него. Не стесняйтесь. А я попробую удовлетворить ваше любопытство. Смелее, берите быка за рога.

— Вы Бог?

— Нет, нет, что вы.

— Есть ли жизнь за гробом?

— Да, как видите... На поезде еду... сигару курю... пью Мартини... с вами разговариваю. Но это не та жизнь, которой человек живет до момента кончины. Это перпендикулярное вектору земной жизни существование. Экзистенция, да, но в другом формате. Объяснять долго и нудно. Как вы наверное уже поняли, каждый сам определяет свое по-смертье.

— Все так, как учат попы? Грешники отправляются в ад, праведники — в рай, а остальные — в чистилище? В поезд, мчащийся по выжженной степи?

— Слава богу, нет. Тут работает совсем другой принцип.

— Какой же?

— Не сложный. Каждый получает тут то, что он больше всего в жизни хотел. По крайней мере какое-то время. Но если ему осточертевает мир, который он жаждал, он имеет

право отправить письмо в небесную канцелярию. И изложить свою просьбу о переносе его в другой мир, по своему выбору. Письма такие рассматривает специальная комиссия и удовлетворяет или не удовлетворяет просьбу.

— Вы шутите? Какая небесная канцелярия?

— Мертвые не шутят. Канцелярия состоит из астральных существей, которые все это организуют и обслуживают. И делают это не только для нас, но для всех закончивших свой путь разумных существ, обитающих в нашей вселенной. К сожалению, больше мне о них ничего не известно.

— А кто командует этими... существами?

— Единственное, что могу добавить — так все было устроено с незапамятных времен. Зачем? Не знаю. Возможно, это какой-то долго длящийся эксперимент, который проводится в нашей вселенной существами, так далеко от нас ушедшими, что нам никогда не будет дано увидеть их или понять. Я для себя формулирую это так: Элохимы пытаются так исправить ошибку Иеговы. Мне не надо вам объяснять, надеюсь, что миры, которые мы жаждем, чаще всего становятся нашим персональным адом. Так что не все так розово, как вы вероятно подумали. Но и не безнадежно. Мы, мертвые люди, можем послать в канцелярию и другое, синее письмо.

— Что это такое?

— Просьба позволить заново родиться на Земле. Такую просьбу обычно удовлетворяют без долгих разбирательств. Но эпоху, социальный статус ребенка, цвет кожи и прочее... в этом случае выбирать не разрешено. Все это решает случай.

— Погодите, погодите... но вы же художник. Я думал, что вы выберете себе... что-то вроде удобной просторной и светлой мастерской. С мольбертами, холстами, красками, натурщицами... А тут у вас в купе даже намек на живопись нет. Что же с вами произошло?

— Зачем, дорогой Антоша? Зачем возвращаться к тому, что давно прошло. У меня была возможность при жизни

всласть порисовать. И я малевал и рисовал... почти пятьдесят лет. И думал, что рисую и воссоздаю Дом Высшей Жизни. А оказалось, что все, что я нарисовал — было только моей фантазией, мечтой, больной мечтой заключенного в Совке человека... не более. Мечтой, в которой даже я сам не хочу жить. Слишком там все сухо, геометрично, бесчеловечно. Красками пахнет. И рыбьим клеем. Мне представлялось то, что я воспроизвожу на полотне, вся эта живописная структура — чем-то возвышенным, сакральным, храмовым. Я почитал себя чуть ли не жрецом новой религии... а не был даже ересиархом. Я был слеп и самовлюблен. Не хотел признавать очевидного... что на любом полотне Боттичелли, Кривелли, Анджелико, не говоря уже о Леонардо — в сотни раз больше возвышенного или сакрального, чем на моих композициях. Я ставил себя наравне с ними, а был всего лишь земляным червем...

— Не стоит так себя принижать. У вас удивительный дар, вы всю жизнь рисовали, и ваши кристальные графические работы, да и многие живописные наверняка войдут в историю мирового искусства.

— Как все это на самом деле мало... ничтожно... я понял только после смерти. Мировое искусство... помойка. Что мне до нее.

— А что вы думаете о гигантских бабочках, мухах, слепнях, стрекозах, вылетевших в моем видении из ваших картин?

— Это только подтверждает мои слова. Да, я часто кокетничал с мистериями, таинствами и прочими загадочными вещами... рисовал что-то вроде входов или ворот в неземные башни или в Небесный Алтарь Вечного Храма... и прочую подобную чепуху... это должно было и у меня, и у возможного наблюдателя моих картин вызвать чувство благоговения перед тайной... Тайной, познание которой сделает нас всех бессмертными участниками торжества Духа... Но, увы, за моими «входами в иные миры» ничего не было. Это был высокомерный блеф и только.

И мне пришлось осознать этой своей кожей после первого свидания с обитателями загробного мира. Я думал, мои картины будут мне служить щитом против злых духов. Щитом и убежищем. А оказалось... Мне самому пришлось защищать мои беспомощные создания от гномов. И я в этом не преуспел.

Мы беседовали — по нашим земным меркам — еще часа три. А затем... произошло нечто, что удивило меня гораздо больше того, что рассказал мне Марк Иосифович, едущий в поезде мертвых по вымершей степи.

* * *

Время, отпущенное мне, видимо подошло к концу.

Мой собеседник вдруг замолчал.

Встал. Несколько раз подпрыгнул. Задержался.

Как сердечник схватился за грудь. Потом охнул, похлопал себя по бедрам и погладил по щекам.

Лицо его изменилось, стало неузнаваемым. И лицо, и фигура.

Начал раздеваться. Снял и кинул на пол бабочку, которая тут же взлетела и упорхнула... затем снял смокинг, ботинки, рубашку... брезгливо скинул исподнее...

Зарычал, захрипел, заквакал, заржал...

Захлопал в ладоши...

Распростёр руки как гоголевская старуха в нагольном тулупе и попытался поймать и обнять меня.

Только тогда я заметил, что это уже не Марк Иосифович, а женщина, смахивающая на Дору Карловну. Ведьма. Та, что мне показалась вначале.

А купе между тем превратилось в хорошо мне известную спальню в Тропарево, в квартире на девятнадцатом этаже.

Ведьма гонялась за мной, как мертвая панночка за несчастным философом.

Десятки огромных мух, слепней, бабочек и стрекоз летали вокруг нас.

Я слышал гулкие удары колокола и еще что-то, что холодило ужасом мое сердце.

Это были тяжелые как раскаты грома шаги огромного железного командора, поднимающегося по лестнице.

Из последних сил оттолкнул от себя впившуюся мне в горло ведьму и...

Услышал стук в дверь.

В номер вошла горничная-нацменка и спросила, можно ли сменить белье и убраться. Я так посмотрел на нее, что она тут же вышла.

Да, я все еще находился в академическом отеле. Ошеломленный, испуганный и мокрый от пота.

Нашел силы себя успокоить. И ощутил что-то вроде миротворения.

Я жив и никому ничего не должен. Я никогда не буду больше прикасаться к туши, карандашу и краскам. Постараюсь не ездить на поездах.

Я догадался о том, что мертвый художник забыл или постеснялся рассказать мне о себе. И расхохотался. Но прыгать и квакать не стал.

Звонить Доре Карловне было не нужно, охоты услышать еще раз хамский голосок повзрослевшей Машеньки у меня не было. Ехать в Новую Третьяковку тоже не было нужды — потому что я уже знал, что там увижу.

Я заказал по телефону в номер обильный мясной обед в соседнем ресторане и включил телевизор. И весь день провалял дурака.

На следующий день я случайно наступил в своем номере на мертвую синюю муху величиной с ботинок.

КЛЮЧ

Наваждение и не думало кончаться. Я это чувствовал. Не прекращался гул в ушах, само пространство, казалось,

расширялось и сжималось по чьей-то прихоти, а время... наступало и отступало, вместо того, чтобы плавно — как вода в широкой реке — течь себе и течь вперед.

Смалодушничал, выкинул мертвую муху в окошко. Бросил так, чтобы она не упала на пешеходов. Муха, пролетев вниз метров пятнадцать, вдруг ожила, зажужжала, поднялась, глумливо на меня поглядывая, влетела в номер, облетела несколько раз вокруг моей головы и только потом скрылась в московском мареве.

Бррр... мурашки по коже.

После завтрака решил прогуляться. Но не тут, в центре, а вокруг моих бывших школ — английской и математической, находящихся за универмагом «Москва».

Хотя и не знал, стоят ли универмаг, обе школы и бассейн между ними, в котором я столько лет против воли тренировался, на своих привычных местах, или их уже снесли новые хозяева России. И построили на их месте грандиозный торговый центр или контору по прокату легковых машин и автомастерскую.

Сел в троллейбус и поехал по Ленинскому в сторону от центра. Троллейбус ужасно походил на большого жука. Ехал удивительно медленно. Как будто полз. Пассажиры почему-то напоминали мне рыб. Из их безгубых ртов доносилось невнятное бормотание.

Ленинский проспект! Половина жизни.

Генератор ностальгических снов. С чудовищными повторяющимися сюжетами.

Закрыв глаза и прогнал в мыслях мультипликационный фильм...

Первая градская... тут я лежал — мне вырезали аппендицит. А тут лежала моя бабушка, ей удалили катаракту. А тут, в Академической, лежала другая бабушка, со сломанной рукой. И дедушка тоже, ему сделали операцию, избавившую его от опухоли. В этом доме я показывал мои рисунки художнику Саше Туманову, владельцу большой и

страшной собаки. И они ему понравились. Интересно, жив ли он? Тут, в букинисте, я не раз покупал книги по искусству, а здесь, в «Научной книге» — по астрономии. Здесь, в магазине «Кинолюбитель» я приобрел — мою первую подозрительную трубу, в которую так любил зимними вечерами смотреть на Венеру и позже — фотоаппарат «Зенит», которым сделал мои первые фотографии. Тут — в обувном — несколько раз безуспешно пытался купить ботинки. А тут — лечил зубы у известного своими шутками стоматолога. Здесь встречался с любимой и шел с ней целоваться в Парк Культуры. А здесь покупал халву и нугу и встречался с другой любимой, которая безумно любила сладости. Тут купил первый в моей жизни холодильник, а тут — транзисторный приемник «Океан». Тут ко мне, десятилетнему, пристали хулиганы и я позорно бежал от них, скуля, несколько километров, пока не понял, что они меня не преследуют. Здесь поворот и проход к Донскому монастырю, где я учился рисовать, нашел масонский перстень и разговаривал с мертвыми. Здесь, в «Синтетике», я купил зеленый свитер и пошел в нем на премьеру «Бега» в Театр Киноактера. С одноклассником, будущим театральным критиком. А здесь жил учитель истории, который пытался совратить меня, приглашал пойти вместе с ним в баню, обещал показать бесценные картинки. Здесь в советское время было кафе-мороженое, а тут кафе «Шоколадница». А здесь стояла бочка с квасом, в которой жили черви размером с указательный палец взрослого мужчины. Тут я покупал акриловые краски и кисти, а здесь засматривался на старинные картины, бронзовую пластику и напольные часы. Тут, в магазине «Спартак» я купил себе китайскую ракетку для настольного тенниса и кеды. А тут, недалеко от него — охотничий нож. Которым меня через несколько лет пырнули. Выжил я потому, что схватил нож за лезвие. Шрам на левой ладони сохранился до сих пор. В этом доме был музей Ферсмана, а в этом — институт, в котором работала еще одна моя любимая женщина. Теперь она живет в Канаде и борется за права

коренных народов. Тут, в длинном доме, размещался магазин «Лейпциг», мама купила мне там губную гармошку, а я так хотел игрушечную железную дорогу. Здесь «Чайка» из правительственного кортежа сбила насмерть моего приятеля. А тут, на лавочке перед рестораном «Кристалл», мы с другим моим приятелем ели эклеры и мечтали о Нью-Йорке и Чикаго. Тут, рядом с универмагом «Москва»... я впервые поцеловался с моей первой любовью и выкурил свою первую сигарету. Здесь же меня чуть не убили бандиты. Ударили кастетом по голове. Тут же мы с моим другом часто ели пирожки с мясом, про которые болтали, что они сделаны из человечины.

Первая часть фильма кончилась. Катушка бешено вращалась. Хлестала пленкой по рукам. Вторую катушку я в кинопроектор вставлять не стал.

Открыл глаза и жадно посмотрел в окно. Увы, сколько я ни смотрел, но так и не увидел даже следов того, о чем только что грезил.

Город моего детства и юности исчез. Исчез навсегда. Утонул в грязных водах нового времени.

Друзья и знакомые почерствели и озлобились.

Почти все мои родные умерли.

Любимые забыли нашу любовь.

Машин на проспекте было раз в пять больше, чем раньше. Вонь от выхлопных газов ощущалась даже в герметически закупоренном троллейбусе. Деревья были срублены, чтобы расширить дороги. Прогуливающихся по проспекту пешеходов не было видно — кому придет в голову прогуливаться рядом с ревущими автомобилями и дышать их ядовитыми выхлопами?

Все знакомые магазины были закрыты. Переделаны. Переименованы. Повсюду бросалась в глаза назойливая реклама. Раньше на московских улицах встречались только плакаты с бессмысленными лозунгами и портреты вождей,

нынче — везде, где можно — висели изображения улыбающихся женщин с белоснежными зубами и идеальными волосами, таких же парфюмерных мужчин, лакированных овощей, фруктов, счастливых детей и домашних животных... автомобилей, которые, казалось, тоже улыбались... Скалились на плакатах и безопасные бритвы, шампуни и стиральные порошки, мобильные телефоны, фюзеляжи самолетов, лошади и собаки, наручные часы, брюки, кофточки и элегантные туфли... Свои услуги предлагали самые успешные банки и страховые общества, строительные компании, охранные агентства, туристические бюро и астрологические центры...

Появилось много новых высоких домов, архитектурных уродов, кичащихся своей высотой и мощностью. Многие старые здания были снесены, другие — перестроены. Улицу было не узнать.

У площади Гагарина с построенным еще в мое время, отлитым из титана, похожим на конструкцию из утюгов, памятником первому космонавту, я признал поражение, прекратил бессмысленное самоистязание, спрятал катушки с киноплёнкой и проектор в шкаф, запечатал его двери сургучом и вышел из троллейбуса.

Решил оставить свое прошлое в покое, а настоящее в меру сил игнорировать. Чтобы не дать ему меня уничтожить.

Поймал такси и поехал в Пушкинский музей.

Не без оснований полагал, что в музее все осталось на своих местах.

Думал, похожу перед отъездом из Москвы по знакомым залам, погляжу на любимые картины. Они не подведут.

Как часто в юные мои годы я гулял по Пушкинскому, прогуливая лекции или семинары... а позже зачастую и в рабочее время... этот дом с колоннадой был моим убежищем, местом, где мне нравилось быть. Думать. Мечтать. Тут я мог совершать безумные скачки в другие эпохи, вспоми-

нать о том, что случилось с другими людьми, в другое время. Бояться их страхами, восхищаться тем, чем они восхищались, любить их любовью, грезить их грезами, жить самому, давая им — и художникам и их произведениям — жить во мне. И видеть будущее, представлявшееся мне тогда картиной в стиле Яна Мандейна.

И еще одна соблазнительная мыслишка металась в голове — в правом кармане моих брюк все еще лежал ключ. Тот ключ. От того замка. С бородкой, похожей на перевернутую букву «S». Может быть... он подойдет и к другому замку? На другой картине.

Ведь волшебство еще не кончилось. Как ни пыталась свинцовая Москва наложить на него свою тяжелую лапу.

Неприятно поразила кассирша. Из рта ее вылезали клыки вепря. А ее голос напоминал хрюканье.

Потребовала от меня паспорт. Я отказался показывать — какое ее дело? Вызвала милицию. Пришлось показать. Оказалось, она учуяла во мне иностранца. Несмотря на мой родной русский. А иностранцы платят теперь в Пушкинском за входной билет — раз в пять больше, чем москвичи. Заплатил, пусть подавятся.

Сдал куртку и шапку в гардероб. У гардеробщика была конская голова.

Он подал мне номерок и проржал: Вам тут не место, господин хороший. Ваше время истекло.

Показал ему средний палец.

И начал свободный дрейф по музею.

По традиции — с Древнего Египта.

Помахал рукой плакальщицам, подмигнул длиннохвостому, остроухому Анубису, поздоровался с фараоном Аменхетом. Погладил по гриве таинственного Сфинкса.

Затем направился к старым друзьям, Фаюмским портретам. Они поделились со мной накопившимися за время моего отсутствия сплетнями. Откуда они все знают?

Постоял несколько минут у очаровательного «Святого Себастьяна» Джованни Больтраффио. Его пленительная улыбка чуть было не сбила меня когда-то с верного пути.

Вежливо поздоровался с серьезным господином, известным тосканским интриганом, Козимо Медичи, кисти Бронзино.

Похотливо облизнулся на «Аллегорию Веры» Корнелиса. Зрелую голландскую даму с обнаженной грудью, о которой мечтал еще в студенческие годы.

Заглянул к Рембрандту. Показал язык Артаксерксу. Восхитился еще раз «Портретом пожилой женщины» в шубе с капюшоном и «Портретом старушки» в красном, перед которыми подолгу простаивал в юности и размышлял о старении и смерти.

Уделил минутку «Лоту с дочерьми» Гелдера. Пакостная тема, но прекрасная, мягкая живопись.

Поклонился Лоррену. Бросился в море. Купался и из воды наблюдал за тем, как Европа катается на белом быке.

Кивнул работам Дега и единственному в собрании картону Лотрека, а работы Ренуара проигнорировал. Слишком сладкие.

Поприветствовал «Девушек на мосту» Мунка (в белом, красном и зеленоватом), пышную бронзовую красавицу «Помону» Майоля и грубоватых таитянок Гогена.

Пожалел «Девочку на шаре» Пикассо и его же босого и слепого «Старого еврея» с мальчиком.

Подивился мастерству Сезанна, умудрившегося нарисовать равнодушных ко всему — бело-голубого Пьеро и красно-темного Арлекина.

И направился в зал старого немецкого и нидерландского искусства. В гости к Кранаху, Кербеке и Зиттову.

Как обычно простоял чуть ли не полчаса перед «Зимним пейзажем» Брейгеля младшего. Меньше всего меня интересовала птичья западня, предмет глубокомысленных комментариев специалистов. Картина эта была для меня окном в мир, в который мне хотелось бы попасть после смерти. Хотя бы птицей. Деревом. Или кусочком льда.

Бродил и мечтал часа три. Устал.

Никаких замочных скважин в картинах не заметил.

Присел на лавочку недалеко от гипсовой копии статуи Аполлона с отбитыми руками и пенисом. Чувствовал себя примерно как он.

Закрыв глаза, попробовал заснуть. Знал по опыту, что иногда легкий двух-трехминутный сон освежает и позволяет обрести второе дыхание.

И тут, неожиданно для себя вспомнил... вспомнил, где я видел замочную скважину. Видел там, где ее не должно было быть. А именно — на плоской груди святой Кристины, замученной при Диоклетиане. Скульптуре-реликварии испанской работы.

Нашел в себе силы встать, попрощался с Аполлоном. И направился к святой Кристине.

Какое разочарование! Реликварий хранился под надежным стеклянным колпаком. А рядом с ним, на стене, висела, как бы в назидание, большая картина, изображающая архангела Михаила, взвешивающего добрые и злые дела умершего. Мол, попробуй, разбей колпак, потом тебя взвешают, и рогатый демон-меланхолик с мохнатыми ушами и раздвоенным мечом утащит тебя в адское пекло.

Странно. Всю жизнь я был не просто законопослушным членом общества — вначале советского, потом немецкого — но даже... робким, нерешительным, боязливым. А сейчас — ощутил в себе другую особь. Наглуую, решительную и ничего не боящуюся.

Изо всех сил треснул по стеклянному колпаку мечом. Колпак разбился вдребезги. Откуда у меня взялся меч?

Так и быть, скажу — я вынул его из ножен, висящих на поясе этого самого архангела с весами.

Когда я вставлял ключ в замочную скважину на груди святой Кристины, этой несчастной лолиты ранних веков, она мне улыбнулась и пролепетала что-то милое.

Как позже выяснилось, совершенно напрасно. Лучше бы огрызнулась.

После того, как я повернул ключ два раза против часовой стрелки... мир вокруг меня изменился.

Я стоял на арене большого открытого цирка.

На мне была сказочно богатая одежда из шитой голубой ниткой и золотом парчи. Золотая же высокая конусообразная шапка и — подстать ей — остроносые золоченые туфли.

Кто я? Жрец? Царь?

Трибуны были полны народа. Публика рычала, визжала и свистела от нетерпения, жаждала начала представления.

Прямо на арене была установлена четырехметровая золотая статуя с знакомым лицом. Перед ней был алтарь для жертвоприношений. На нем лежал нож и что-то вроде большой вилки. Правее и левее алтаря помещались клетки с голубями различных пород. Их видимо использовали как жертвенных животных.

Напротив золотой статуи находился бронзовый бык. А под ним — кострище.

Неожиданно для самого себя я театрально поднял руки и торжественно провозгласил: Приведите ее.

Публика заревела еще громче.

Двенадцать легионеров вывели на арену миловидную молоденькую девушку и заставили ее стать на колени передо мной...

— В последний раз спрашиваю тебя, Кристина, готова ли ты принести жертву нашему богу и повелителю, великому и милосердному кесарю, владыке мира и вечности? Отвечай, непокорное дитя.

— Я не могу принести жертву идолу. Даже золотому. Если бы кесарь был тут, я бы подарила ему голубку. И спросила бы его, зачем он превратил нашу страну в узилище и начал войну на юге.

— Дерзкая! И это твое последнее слово?

— Да, дорогой отец.

— Нет, ты больше не дочь мне... Ты государственная преступница. И я поступлю с тобой по закону.

— Как тебе будет угодно. Иисус сладчайший, мой вечный жених, и ангелы Его защитят меня.

Я приказал легионерам содрать с нее одежду железными крюками и стегать ее розгами и плетями. А затем запечь заживо в бронзовом быке.

Но ангелы небесные не позволили крюкам вонзиться в тело девушки и не давали легионерам размахнуться, а раскаленного до красна быка они охладили своими прикосновениями.

Тело Кристины почти не пострадало.

Тогда я повелел двум легионерам привязать узницу к позорному столбу и стрелять в нее из лука.

Все стрелы попали в цель. Бедняжка умерла. Не помог Иисус сладчайший.

Публика на трибунах вопила от возбуждения и радости.

Неожиданно на арене из ничего появилась высокая черная фигура.

Вопящие на трибунах зрители онемели и застыли от ужаса.

Они знали, кто появился на арене. Никто не хотел привлечь к себе его внимание.

В жуткой тишине я услышал голос Монсеньора: Ах, Гарри, Гарри, куда тебя опять занесло? К чему такой пафос? Одевание игемона. Золотая шапка колдуна. Неужели ты до сих пор не изжил в себе романтика? Как ты мог позволить... этим... испортить нам представление? Помнишь ли ты еще наш договор? Ни на что не годный, смешной провинциальный человечек, возомнивший о себе, прячущийся в музее, разговаривающий с нарисованными людьми, галлюцинирующий и ловящий мух... кидающийся на любую женщину, расставившую перед ним бедра, тоскующий по прошлому, не выносящий настоящее и боящийся будущего. Эгоист и мизантроп, бросивший всех, кто ему был дорог, слезливый карлик, а не мужчина. Лицемер. Пришла пора избавить мир от твоего присутствия. Маркиз советовал привязать тебе кшее жернов и бросить в море.

Проговорив это, монсеньор дунул на меня и раскрыл серебряную коробочку цилиндрической формы...

Гул в ушах затих. Моя душа вылетела из тела. Через кадык.

А тело упало на арену и распласталось на ней, как дохлая жаба на асфальте.

С трибун до меня донесся гром рукоплесканий.

Но я его уже не услышал.

Моя душа, как птица, только что выпущенная из клетки, носилась между ветками и стволами зимних деревьев...

Затем взлетела над замерзшей речкой, на которой играли и катались на коньках дети, посидела минутку на колокольне деревянной церкви, а потом унеслась в бескрайние голубые пространства.

ЛАРЕЦ

Подал ей номерок. Гардеробщица принесла мне куртку и шапку.

Потом сказала: Не обижайтесь на нашего Санчо Панса... с тех пор, как у него выросла лошадиная голова вместо че-

ловческой, он всех подкалывает. Что бы с ним было, если бы выросла медвежья? Он бы наверное всех нас загрыз. На него посетители уже сто раз начальству жаловались. Но с него все — как с гуся вода. Непотопляемый. Ветеран. И с медалью. Ржет себе и ржет как сивый мерин. Людей пугает.

— Спасибо за утешение. Да я уже забыл о нем. Тут со мной такое приключилось...

— У нас всякое случается.

— Как это так, всякое...

— Люди пропадают в музее. Не раз бывало... Пришел муж с женой, а возвратился из музея — один. Или, еще хуже, вошел в музей — один человек, а вышел — другой. Одежда, обувь, тело — все прежнее, а личность уже не та. Вошел добряк, а вышел — злодей. Или наоборот.

— Это как, добряк, злодей? Заинтриговали.

— Бабы говорят, тут, на Чертовом Поле, сам Малюта ведьмаков и крамольников пытал и жёг. А они в отместку это место проклинали. Малюта, чтобы проклятие снять, церковь построил. Святого Антипия. Там его и схоронили. Да-да.

— Что вы говорите, не знал...

— Ночные охранники всякие страсти рассказывают. Особенно знаменит у нас зал двадцать третий. Будто бы сам император Наполеон там, как есть, в мантии и с жезлом... с картины сходит. И княгиня Кочубей, даром что при жизни ангелом была, по ночам пошаливает. Вы когда-нибудь ей в глаза смотрели? Огонь, просто огонь.

— Что же еще рассказывают ночные охранники?

— Да вы все равно не поверите, посмеетесь только надо мной.

— Обещаю, не буду смеяться. Я ведь автор. Тоже своего рода ночной охранник. Пишу рассказы.

— Это вы так только говорите, что смеяться не будете... ладно, расскажу, только не тут и не сейчас.

— А где и когда? Я скоро улетаю.

Гардеробщица написала что-то на бумажке и протянула ее мне.

— Это адрес нашего клуба. Недалеко отсюда. На Фрунзенской набережной дом. Там мы помещение снимаем. Столы, стулья. Красное вино. Можно спокойно посидеть и поговорить. Приходите туда... через час. У меня смена через двадцать минут заканчивается. Сразу туда поеду. А вы — зайдите в кафе, помечтайте немного. Да, если спросят, к кому, отвечайте — к Инге. Я вам все расскажу, что за двадцать лет работы тут услышала. Записную книжку захватите.

— Договорились. А что у вас за клуб?

— Эскориал.

— Как... как дворец?

— Ну да. И дворец, и музей, и монастырь, и усыпальница испанских монархов. Для властей мы — «Общество любителей испанской культуры». Специально так назвали. Чтобы регистрацию пройти. А на самом деле... Уже пять раз в Испанию ездили. Барселона, Севилья, Мадрид... даже на корриде побывали.

— Фламенко танцуете и тапасы едите?

— Ну да, типа того...

Фрунзенская набережная... Две остановки на метро. Потом пешком... Я тут десятилетку кончал. Знаю каждый камень.

Быстро нашел дом и подъезд. Да, прямо в списке жильцов — Клуб Эскориал. Не напечатано, написано от руки, как будто только что написали и приклеили. И не под стеклом, а снаружи. Подозрительно. Позвонил.

— Вы к кому?

— К Инге.

— Проходите. На шестой этаж поднимайтесь на лифте.

Приехал. Три запертых двери. Никакого Эскориала. На одной двери прибита медная табличка. Тадж-Махал. Старомодный советский звонок.

Позвонил.

— Вы к кому?

— Я к Тадж-Махалу. Извините, к Инге.

Открыли.

В коридоре повесил куртку на вешалку.

И еще одна дверь. Тоже запертая. Постучал.

— Входите.

Вошел в какое-то странное круглое помещение.

Конический потолок... вершина терялась в темноте. В доме сталинской постройки? И пахло там то ли ладаном, то ли дурманом. У стен, между окнами, были установлены статуи неизвестных мне божков. В середине помещения стоял овальный столик и несколько стульев.

Подошел к одному из окон и раздвинул тяжелые занавески. Открывшийся вид поразил меня. Заснеженный высокогорный ландшафт. В небе — орлы или грифы парят. Тибет или Гималаи. В крайнем случае — Памир. Крыша мира. Но никак не Москва начала двадцать первого века. И не Испания. Решил не терзать себя этой загадкой. Что только люди ни изобрели. Фотография. Голограмма. Трехмерное кино. Спецэффекты...

И тем не менее, я, признаться, немного оробел. Чтобы не показать это невидимым наблюдателям (а они были рядом, я это чувствовал), сел на стул, положил на стол записную книжку, шариковую ручку и немецкий кассетный диктофон. Сделал вид, что настраиваю что-то в диктофоне. Хотел выиграть время.

В этот момент в помещение вошла моя гардеробщица.

Узнал ее не сразу. Она была в длинном желтом платье. Декольте. Янтарное ожерелье. На пальцах — кольца с желтыми камнями. Лицо — размалевано так, как будто она собиралась сыграть Клеопатру в любительском спектакле.

В руках она несла деревянный, инкрустированный перламутром ларец. Подобные изделия я видел на Большом Базаре в Стамбуле. Изготовлены они не лишенными талан-

та ремесленниками в Египте без претензии на старину или дороговизну.

Многозначительно поставила ларец передо мной, улыбнулась загадочно и села напротив меня.

В голове у меня прошелестело: Кажется, ты влип в историю. Три запертых двери у тебя за спиной. Янтарь. Горы. Орлы. И ларец в придачу.

— Вы похоже испугались, дорогой Антон. Уверяю вас, бояться нечего.

— Я вам кажется не представлялся.

— Я читала вашу, выпущенную в Петербурге, книжечку. Занимательно и интересно пишете... Там и фото ваше есть. Потому и заговорила с вами в гардеробной.

— А почему горы видно из окна? Снег блестит на ледниках. Грифы летают. Или орлы.

— Грифы? Орлы? В Москве? Что с вами, Антон. Вы сегодня ничего такого не курили? Не нюхали? Или — писательская фантазия разгулялась?

Сказав это, Инга решительно подошла к ближайшему окну, резко отдернула занавеску и показала рукой... покажи мол, где тут ледники и грифы.

И действительно, за окном открывался хорошо знакомый ландшафт — набережная, Москварека, слева — перенесенный сюда недавно Андреевский мост виднеется, на другой стороне — Нескучный сад... Когда-то я там на коньках катался. На Голицинских прудах. Тогда еще — Пионерских. А летом — на лодке.

Ничего не понимаю. Кто у них тут спецэффекты готовят? Малюта?

— Извините, померещилось наверное... Тут у вас запах какой-то приторный. Мухоморы?

— Что вы, дорогой автор! Это всего лишь ароматические палочки из сандалового дерева. Они очищают воздух и оздоравливают легкие. И еще у нас тут стоят несколько

маленьких баночек с фиалковым маслом. Можете взять капельку на палец и растереть на груди. Чудесный аромат.

— А откуда взялась круглая комната в доме на Фрунзенской набережной? Она ведь должна быть в башне. Никаких башен тут нет. Я тут в школе учился, за углом, все дома знаю.

— Значит плохо знаете. И мы не в башне, а в полукруглом эркере. Он тут всегда был. Для одного видного военного специально построили. Фамилию забыла. Его кажется потом сняли и посадили. И квартиру с эркером отобрали.

— А что это за статуи?

— А вы не узнали? Это индийские божества. Вишну, Брахма, Шива, Индра... Специально изготовленные копии из различных храмов. До нас тут «Общество любителей индийской культуры» было.

— Тадж-Махал? Понимаю. Приступим к делу. Расскажите о вашей княгине.

— Погодите. Мне вам надо кое-что показать. Видите ларчик?

— Конечно вижу, он что, прозрачный?

— Не раздражайтесь попусту. Я его сейчас открою... а вы спокойно и внимательно посмотрите на его содержимое. Потом я вам объясню, зачем. Договорились?

— Что еще за чертовщина? Там что, кто-нибудь прячется? Черт в табакерке? Морская свинка? Или Гудини?

— Нет, нет. Но вам будет интересно, обещаю.

— Ладно, ладно, открывайте ваш ящик Пандоры. Я весь внимание и спокойствие.

Инга открыла крышку ларца так медленно и важно, как будто там хранилось собрание крупных кагемских изумрудов или кашмирских сапфиров.

Заглянул в ларец. Он был пуст. Аккуратно обит изнутри синим шелком волнами. Как гроб.

И тут...

Я почувствовал, что уменьшаюсь, как Алиса, и что непонятная сила затягивает меня в ларец. Это было уже слишком...

Я сопротивлялся как мог, растопырил руки, несколько раз пытался закричать, но из моего горла вылетал только жалкий писк. Через несколько секунд я уже сидел в ларце как подопытный кролик в клетке, и хохочущая Инга захлопнула крышку у меня над головой. Стерва!

Как я мог позволить заманить себя в ловушку? Идиот! Все же с самого начала было шито белыми нитками. Эскориал... Тадж-Махал... Брахма. И орлы.

Меня корежило от злости. Но что я мог поделать?

Я справедливо полагал, что мои абсурдные макабрические приключения не кончатся тут, в ларце. Скорее только начнутся.

Когда я пришел в себя, понял, что сижу голый на земле рядом с крохотным прудиком. В прудике плавает кувшин. А из кувшина выглядывает гадкая одноглазая рожа. Гримасничает. И напевает что-то до боли знакомое.

Вот, пролетела стрела. И рожа превратилась в яблоко.

Тело мое — зеленого цвета. На голове почему-то металлический шлем, а вместо пальцев на руках и ногах — ветки. Кто я теперь? Кикимора болотная? Где-то я видел подобное существо.

Рядом со мной — любовная пара.

Одеты и он и она явно не как современные москвичи. Она, миловидная молодая женщина-демоница — в опушенным дорогим мехом красном платье до пят. Из-под платья выглядывал зеленоватый хвост в пупырышках.

На голове у нее — полукруглые рога, частично прикрытые белым платком. Рога эти светились, как будто внутри них были источники света. Светились и изумрудные глаза демоницы. Вот, она взглянула ими на меня... словно любовным зельем опоила... и я сразу понял, что влюблен

в нее, готов ради нее на все, готов убить ее возлюбленного или продать дьяволу свою бессмертную душу. Впрочем, возможно этот товар уже продан. И по дешёвке.

Он, немолодой бульбоносый крестьянин, был одет в серую плотную рубашку и в такие же серые брюки, привязанные к рубашке шнурками. На ногах — грубые башмаки. На голове — зеленая шапка. Он явно стеснялся. Стеснялся своей страсти. Боролся с собой. И проиграл. А она — навязывала ему себя. Лярва.

Чернолицая ведьма в монашеском головном уборе преподносила им на металлической тарелке свадебные дары — головы и гениталии невинных младенцев. Головы икали, а гениталии затеяли веселую игру...

Мышиный оркестр играл прелюдию к опере «Лоэнгрин». Скрипичные струны были натянуты прямо на лапах музыкантов. Трубачи трубили своими длинными носами и ужасными задницами. Певица Жозефина усердно готовилась исполнить партию Эльзы Брабантской. Терла лапками свои маленькие грудки и вздыхала.

Вокруг меня сидели, стояли, валялись разнообразные уродливые демоны, иные с крыльями, другие с колесами вместо ног, почти все — как и я с ветками-пальцами на руках и ногах, с холодным оружием и без, тихие, крикливые и орущие.

Внимание мое привлекло серебряное яйцо с руками и ногами, но без головы, танцующее джигу. Хвостатый и рогатый черт играл на скрипке. Отчаянно борясь с веющим со стороны мышиного оркестра «Лоэнгрином», он приглашал меня жестами сплясать, но я делал вид, что не замечаю его приглашения. От обиды он надулся как воздушный шар и лопнул.

Метрах в пятнадцати от меня гаденький демон, похожий на собаку, жарил на большом огне огромное человеческое ухо. Ухо охало и бранилось.

Слева от него лежала гигантская голова, у которой это ухо было отрезано. Голова была одновременно мертвой и живой. Открывала ужасный рот и высовывала толстый язык. Под языком копошились черные змеи и скорпионы.

Два звероподобных демона, крокодил и бегемот, безуспешно пытались отрезать второе ухо головы треснувшим поперек лезвия циклопическим ножом.

Внутри головы сидела металлическая сова и громко читала Псалтырь. То и дело она прекращала чтение и шептала птичьим дискантом: Никто меня слушает. Невежи! Вы еще поплачете! За все заплатите, за все.

Слева от головы открывался морской пейзаж. Недалеко от берега плыла небольшая парусная лодка с экипажем из диких свиней. Свиньи лезли на мачту, чтобы сорвать с нее развивающийся на свежем ветру узкий алый стяг с вышитым на нем золотым полумесяцем.

Чуть подальше из воды поднималась круглая башня-крепость. Из всех ее бойниц торчали жерла пушек. На вершине башни стоял демон-петух и отчаянно кукарекал.

Башне явно не сиделось на месте. Она долго ёрзала и тряслась. А потом уплыла в неизвестном направлении, захватив с собой сокровище герцога. А петух все кукарекал. Энтузиаст!

На берегу, недалеко от меня, демоница-монахиня и демон-монах стегали человекообразного инкуба по голому задку розгами. Инкуб пытался вырваться из их рук, грозил вернуться с подмогой и жестоко отомстить.

Рядом с заброшенной романской церковью несколько смазливых суккубов активно занимались мастурбацией и опорожнением своих кишок в священные сосуды.

Старый седой черт показывал им свое внушительное орудие и уговаривал заняться разведением пчел.

Назревала война между руконогими и ногорукими.

Посредниками в мирных переговорах выступили безголовые.

Война, по обыкновению, началась с подписания договора о прекращении огня. А кончилась объявлением всеобщей мобилизации.

Командующие враждующих армий вступили в долговременные нетрадиционные отношения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирилл Андреевич. Волшебная флейта Игоря Шесткова</i>	5
Портрет.....	10
Дóма.....	23
Спутник	35
Литовский коридор	40
Загадочный сосед.....	54
Триста тысяч юаней	61
Инес	68
Даржилинг	79
Массандра.....	88
Облако Оорта.....	97
Нло в Берлине	111
Граффити.....	126
На озере	136
Прозрение Карла	144
Гость из России.....	153
Поцелуй Клеопатры.....	173
Ночь в квартире мертвого человека.....	195
Белесая мгла	208
На шее у боцмана.....	214
Трещина	228
Крысолов	239
История с самолетом.....	253
Под юбкой у фрейлины	271
Полкило кураги.....	282
Этот маленький уютный мир.....	296
Чаттануга.....	308
Нажал на курок.....	319

В подземелье	
Анна, Лидочка и Джим	362
В подземелье.....	374
Прокофьев	385
Игорек и Мишенька.....	394
Оргия	399
Муха	
У Доры Карловны	405
Поезд	414
Ключ	426
Ларец.....	436

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Ігор Шестков
Крысолов

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2604

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 28

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 27.06.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ИГОРЬ ШЕСТКОВ (Igor Heinrich Schestkow)
Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ. Работал в НИИ. В восьмидесятых годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Крысолов» вошли двадцать восемь его рассказов.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

9 783982 162997